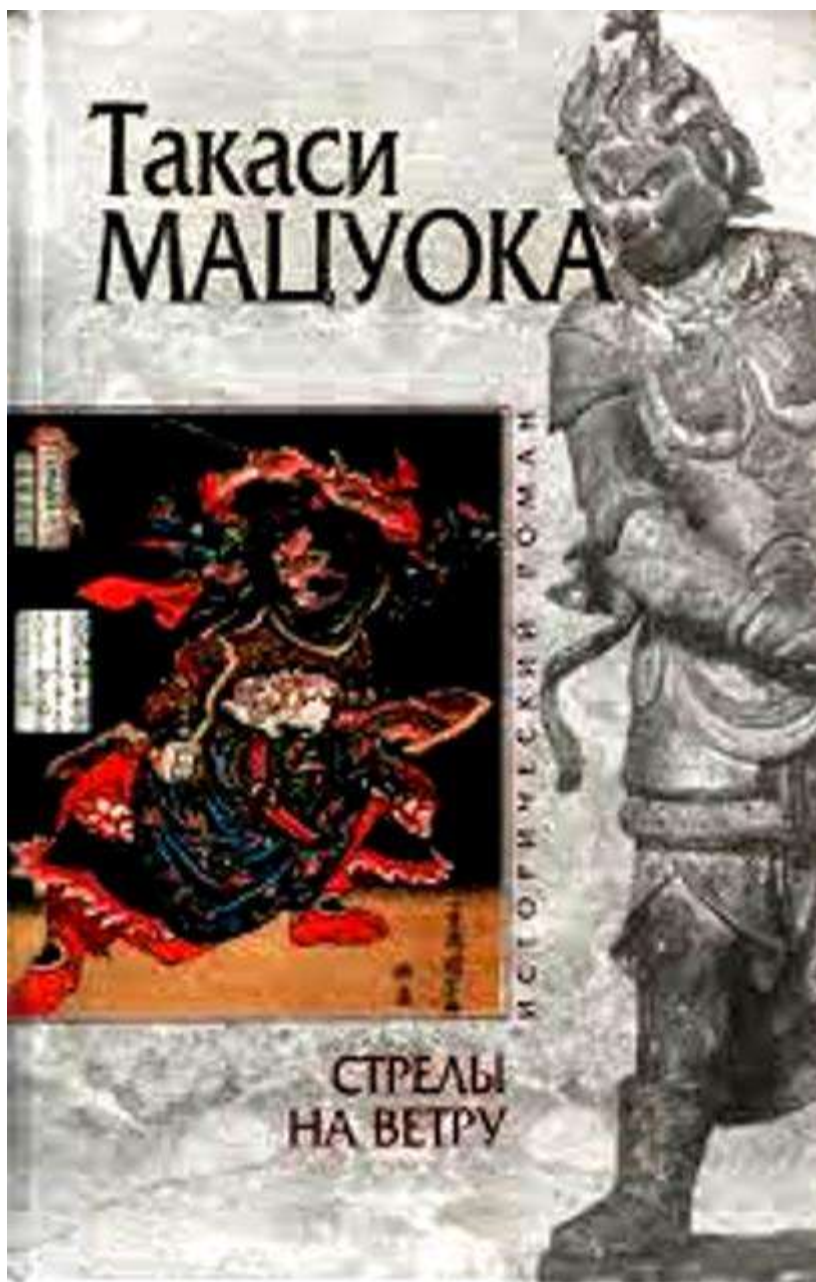

Такаси Мацуока

Стрелы на ветру

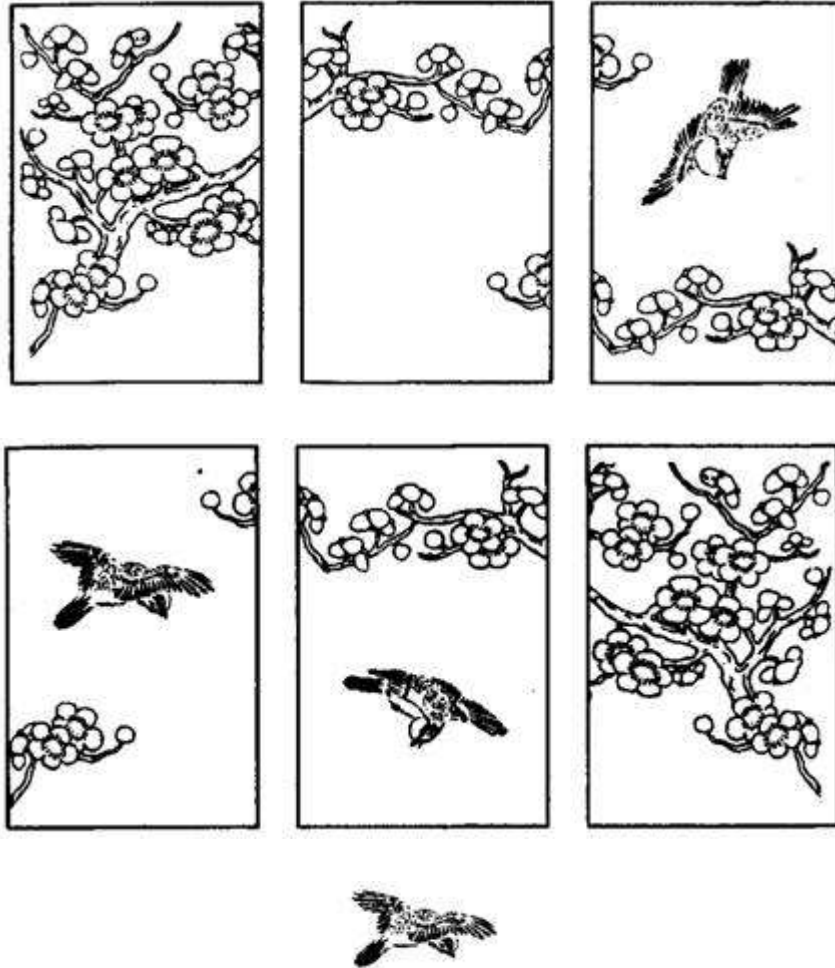

Аннотация

Середина XIX века. Япония, в течение двух с половиной столетий полностью закрытая от внешнего мира, живет по средневековым законам, где главный судья – меч самурая. Провидческий дар, которым обладает князь Гэндзи, позволяет ему предсказать, что в ближайшем будущем страну ждут великие потрясения. В это время в Японию приезжает загадочный чужеземец, великолепно владеющий огнестрельным оружием и обуреваемый жаждой мести.

Посвящается Харуко, Вэйксин и Дженне.

Их мужество, мудрость и милосердие всегда были моей путеводной звездой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Гэндзи – князь Акаоки; глава клана Окумити.

Стеру – дядя князя Гэндзи.

Кудо – начальник безопасности при князе Гэндзи.

Сэйки – управляющий двора князя Гэндзи.

Хидё, Симода, Таро – самурай клана Окумити.

Хэйко – гейша, возлюбленная Гэндзи.

Ханако – служанка в клане Окумити.

Князь Киёри – покойный дедушка Гэндзи.

Сохаку – настоятель монастыря Мусиндо (он же – командующий кавалерией клана Окумити).

Дзимбо – дзэнский монах (бывший христианский миссионер).

Цефания Кромвель, Эмилия Гибсон, Мэтью Старк – христианские миссионеры.

Каваками – глава тайной полиции сёгуна.

Мукай – помощник Каваками.

Часть I
НОВЫЙ ГОД
(1 января 1861 года)

Глава 1
«ВИФЛЕЕМСКАЯ ЗВЕЗДА»

Переправляясь через незнакомую реку вдали от своих владений, наблюдай за поверхностью потока, взгляни, прозрачна ли вода. Обрати внимание на поведение лошадей. Остерегайся многочисленной засады.

На знакомом броде неподалеку от дома внимательно всмотришься в тени на противоположном берегу и проследи за колыханием высокой травы. Прислушайся к дыханию своих спутников. Остерегайся убийцы-одиночки.

Судзумэ-нокумо (1491)

Хэйко притворялась спящей. Дыхание ее было глубоким и медленным, тело – расслабленным. Губы сомкнуты, но выглядят так, словно готовы вот-вот приоткрыться; веки неподвижны, а взгляд устремлен вглубь. Хэйко скорее ощутила, чем почувствовала, что лежащий рядом с нею мужчина проснулся.

Он повернулся, чтобы взглянуть на нее. Хэйко представила себе картину, которая должна предстать его глазам.

Ее волосы – непроглядная тьма беззвездной ночи, разметавшаяся по голубой шелковой простыне.

Ее лицо – белое, словно весенний снег, сияющее отблеском похищенного лунного света.

Ее тело – притягательные изгибы под шелковым покрывалом, украшенным прекрасной вышивкой: на золотом фоне пляшут два белых журавля с темно-красными горлышками, схватившиеся в пылу любовного безумия.

В беззвездной ночи Хэйко не сомневалась. Ее волосы – темные, блестящие, длинные – всегда были одним из главных ее достоинств.

Вот сравнение с весенним снегом немного хромало, даже если списать его на поэтическое преувеличение. Раннее детство Хэйко прошло в рыбацкой деревушке в провинции Тоса. И хоть с тех пор минуло немало лет, след тех счастливых часов, проведенных на солнце, так и не изгладился до конца. На щеках у нее даже проглядывали веснушки. А весенний снег веснушчатый не бывает. Однако же лунное сияние прятало их. По крайней мере, так он утверждал. А кто она такая, чтобы спорить с ним?

Хэйко надеялась, что господин смотрит на нее. Она умела спать красиво, даже когда спала на самом деле. Когда же она притворялась, как вот сейчас, это обычно производило на мужчин сокрушительное впечатление. Интересно, что он станет делать? Осторожно откинёт покрывало, чтобы полюбоваться ее наготой? Или улыбнется, прижмется к ней и разбудит ее нежными ласками? Или, с обычным своим терпением, дождется, пока ее ресницы не затрепещут под его взглядом?

У Хэйко было много мужчин, но никогда прежде ей и в голову не приходило строить подобные догадки. Однако этот мужчина не похож на остальных. И с ним Хэйко частенько погружалась в подобные размышления. Почему? Потому ли, что он и вправду был неповторим? Или потому, что она потеряла из-за него голову, как последняя дура?

Гэндзи обманул все ее ожидания. Он просто встал и приблизился к окну, выходящему на залив Эдо. Он стоял нагим на рассветном холоде и внимательно наблюдал за чем-то, привлечшим его внимание. Время от времени он вздрагивал, но даже не подумал одеться. Хэйко знала, что в юности он прошел суровое обучение у монахов секты тэндаи на горе Хиэй. Поговаривали, будто эти монахи-аскеты умеют по собственному желанию управлять температурой своего тела и способны часами напролет стоять под ледяным водопадом. Гэндзи гордился тем, что они были его наставниками. Хэйко вздохнула и пошевелилась, сделав вид, будто повернулась во сне, и тем самым заглушила едва не вырвавшийся у нее смешок. Очевидно, Гэндзи не настолько хорошо усвоил науку тэндаи, как ему хотелось бы.

Но Гэндзи не обратил ни малейшего внимания на вздох Хэйко. Даже не взглянув в сторону девушки, он подхватил старинную португальскую подзорную трубу, настроил и снова уставился на залив. Хэйко охватило разочарование. Она-то надеялась... На что? Всякая надежда, малая или большая, – лишь потворство своим желаниям, и не более того.

Хэйко представила себе Гэндзи, стоящего у окна. Она не позволила себе еще раз взглянуть на князя. Если она забудет об осторожности, Гэндзи непременно почувствует ее взгляд. А может, уже почувствовал. Возможно, именно поэтому он и не обращает на нее внимания. Он ее дразнит. А может, и нет. Хэйко вздохнула. Разве с ним скажешь наверняка? Но на всякий случай девушка предпочла нарисовать его мысленный образ, не открывая глаз.

Гэндзи чересчур красив для мужчины. Из-за этой красоты и не по-самурайски небрежных манер он выглядел Легкомысленным и хрупким – почти женственным. Но внешность была обманчива. Когда Гэндзи раздевался, красивые гладкие мышцы недвусмысленно свидетельствовали о том, что он и вправду получил серьезную воинскую подготовку. Воинское искусство ближе всего к энергии любви. Воспоминания согрели Хэйко, и она вздохнула, на этот раз невольно. Притворяться

спящей и дальше было бессмысленно. Хэйко открыла глаза. Она наконец устремила взор на Гэндзи; картина, представшая ей, полностью соответствовала той, которую она нарисовала в уме. Что бы Гэндзи ни углядел за окном, это зрелище полностью завладело его вниманием.

Через некоторое время Хэйко произнесла сонным голосом:

– Господин мой, вы дрожите.

Гэндзи не соизволил оторвать взгляд от залива, но улыбнулся и ответил:

– Гнусная ложь. Я не чувствую холода.

Хэйко выскользнула из-под одеяла и надела на себя нижнее кимоно Гэндзи. Она плотнее запахнула полы, чтоб лучше согреть одеяние теплом своего тела, а сама тем временем опустилась на колени и небрежно перевязала волосы шелковой лентой. Сатико, ее служанке, потребуется несколько часов, чтобы вновь уложить ее волосы в изысканную прическу. А пока что сойдет и так. Поднявшись, Хэйко мелкими шажками приблизилась к Гэндзи, но в нескольких шагах от него остановилась, распростерлась ниц и застыла. Гэндзи ничем не дал понять, что заметил ее, да Хэйко и не ждала от него никакого знака. Выждав несколько секунд, она встала, сняла нижнее кимоно, впитавшее ее запах, и набросила ему на плечи.

Гэндзи заворчал и натянул одежду.

– Взгляни-ка!

Хэйко взяла протянутую ей подзорную трубу. Вчера вечером в заливе стояли на якоре шесть кораблей. Военные корабли из России, Англии и Америки. Теперь к ним добавился седьмой – трехмачтовая шхуна. Новое судно было куда меньше военных; у него не было гребных колес и высоких черных дымовых труб. Ни орудийных портов, ни пушек на палубе. Но какой бы маленькой ни казалась эта шхуна рядом с боевыми кораблями, она все-таки вдвое превосходила размерами любое японское судно. Интересно, откуда она приплыла? С запада, из какого-нибудь китайского порта? С юга, из Индии? С востока, из Америки?

– Когда мы ложились в постель, торгового корабля не было, – сказала Хэйко.

– Он только что бросил якорь.

– Это тот самый, которого вы ждете?

– Возможно.

Хэйко с поклоном вернула подзорную трубу Гэндзи. Князь не сказал ей, какого именно корабля он ждет, а Хэйко, конечно же, не стала его спрашивать. По всей вероятности, Гэндзи и сам не знал ответа на этот вопрос. Должно быть, он ожидал исполнения пророчества, а пророчества всегда расплывчаты. Погрузившись в размышления, Хэйко вновь взглянула на корабли в заливе.

– А почему чужеземцы так шумели сегодня ночью?

– Они праздновали Новый год.

– Но ведь Новый год только через три недели!

– Наш – да. Первое новолуние после зимнего солнцестояния, в пятнадцатый год правления императора Комэй. А их Новый год – сегодня. Первое января тысяча восемьсот шестьдесят первого года, – произнес Гэндзи по-английски, потом вновь перешел на японский: – Для них время течет быстрее, чем для нас. Потому-то они нас и обогнали. Вот они и празднуют сегодня Новый год, до которого нам еще три недели. – Он взглянул на гейшу и улыбнулся. – Ты пристыдила меня, Хэйко. Разве тебе не холодно?

– Я – всего лишь женщина, мой господин. Там, где у вас мышцы, у меня жир.

Потому я замерзаю гораздо медленнее.

На самом деле Хэйко потребовалась вся ее выдержка. Согреть кимоно и подать мужчине – это скромно, но привлекательно. А если она задрожит, то слишком сильно подчеркнет свой поступок, и это убьет все очарование.

Гэндзи вновь перевел взгляд на корабли.

– Паровые машины несут их и в бурю, и в штиль. Пушки способны чинить разрушения за множество миль. Огнестрельное оружие – у каждого солдата. Три сотни лет мы сами себя дурачили культом меча, а они тем временем трудились над конкретными вещами. Даже их языки, и те более конкретны, ибо так они мыслят. А мы – сама неопределенность. Мы слишком полагаемся на недосказанность и намеки.

– А так ли важна определенность? – спросила Хэйко.

– На войне – да, а война близится.

– Это пророчество?

– Нет, всего лишь здравый смысл. Куда бы ни приходили чужеземцы, они повсюду старались захватить все, что только можно. Жизни. Сокровища. Территорию. В трех четвертях мира они отняли лучшие земли у законных правителей тех мест. Они грабят, убивают, обращают людей в рабов.

– Совсем не то, что наши князья! – заметила Хэйко. Гэндзи от души расхохотался.

– И это наш долг – позаботиться о том, чтобы никто не смел грабить, убивать и поработать японцев, – никто, кроме нас самих. Иначе какие же мы князья?

Хэйко поклонилась:

– Но мне ничего не грозит, пока я нахожусь под столь высоким покровительством! Разрешено ли мне будет приготовить господину воду для омовения?

– Да, приготовь.

– По нашему счету, у нас сейчас час дракона. А у них? Гэндзи взглянул на стоящие на столе швейцарские часы и произнес по-английски:

– Восемь минут четвертого.

– Когда моему господину угодно будет принять ванну: в восемь минут четвертого или в час дракона?

Гэндзи вновь рассмеялся – весело и непринужденно, как умел смеяться лишь он один, – и поклонился Хэйко. Шутка гейши пришлась ему по вкусу. Многочисленные недоброжелатели поговаривали, что князь чересчур часто смеется. А это, с их точки зрения, свидетельствовало о вопиюще несерьезном отношении к жизни – и это в нынешние опасные времена! Возможно, они правы. Этого Хэйко не знала. Зато точно знала, что ей очень нравится, как смеется князь.

Хэйко поклонилась в ответ, отступила на три шага и повернулась, чтобы уйти. Она по-прежнему оставалась нагой, но движения ее были изящны, словно она в полном церемониальном облачении шествовала по дворцу сёгуна. Хэйко чувствовала, что Гэндзи смотрит на нее.

– Хэйко! – окликнул ее князь. – Подожди минутку!

Хэйко улыбнулась. Он игнорировал ее, пока мог. Но теперь он двинулся к ней.

* * *

Преподобный Цефания Кромвель, смиренный служитель Света Истинного слова пророков Господа нашего Иисуса Христа, смотрел на Эдо, этот город, напоминающий

муравейник, это прибежище язычников, рассадник греха. Его прислали сюда, дабы принести слово Божье невежественным японцам. Истинное слово, пока несчастных язычников не совратили вконец паписты, или приверженцы епископальной церкви – те же паписты, прикидывающиеся невинными овечками, или кальвинисты с лютеранами, алчные торгаши, прикрывающиеся именем Бога. Проклятые еретики вытеснили Истинное слово из Китая. И преподобный Кромвель исполнен решимости не допустить, чтоб они восторжествовали в Японии. Грядет Армагеддон, и самураи могут оказаться в нем значительным подспорьем, если откроют свое сердце истинному Богу и превратятся в Христовых воинов. Рожденные для войны, не ведающие страха смерти, они могли бы стать идеальными мучениками. Но все это – в будущем, если, конечно, этому вообще суждено сбыться. А настоящее не слишком обнадеживало. Пока что Япония – адов край шлюх, содомитов и убийц. Но Истинное слово с ним, и он победит! Воля Господня свершится!

– Доброе утро, Цефания.

При звуке этого голоса весь гнев, владевший преподобным, мгновенно испарился, и Цефания почувствовал, как его разум и чресла охватывает нестерпимый жар, ставший в последнее время столь привычным. Нет-нет, он не поддастся бесовскому наваждению!

– Доброе утро, Эмилия, – отозвался преподобный и повернулся, изо всех сил стараясь выглядеть спокойным.

Эмилия Гибсон, верная овечка из числа его паствы, его ученица, его невеста. Цефания старался изгнать из своего разума мысли о юном теле, скрытом одеждой, о высокой груди, о влекущих изгибах бедер, о длинных, изящно очерченных ногах, о лодыжках, выглядывающих иногда из-под края юбки... Он старался не рисовать в своем воображении того, чего еще не видел наяву. Старался не представлять себе обнаженную грудь девушки, ее полноту и округлость, форму и цвет сосков. Ее живот, влекущий обещанием плодовитости, готовый принять в себя его обильное семя. Ее детородный холмик, столь священный в заповедях Господа нашего, столь оскверненный лукавым. О это искушение, этот обман, ненасытная жажда плоти, это всепожирающее пламя безумия, толкающее к удовлетворению похоти! «Ибо живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу – о духовном».

Лишь после того, как до него вновь донесся голос девушки, Цефания понял, что произнес последние слова вслух.

– Аминь, – отозвалась Эмилия.

Преподобный Кромвель почувствовал, что мир стремительно удаляется от него, а вместе с ним – милость и спасение, заповеданное Иисусом Христом, едиnorodным Сыном Господним. Нет, он должен отринуть все мысли о грешной плоти! Цефания вновь перевел взгляд на Эдо.

– Вот великий вызов, стоящий перед нами. Грехи духа и тела – во множестве великом. Неверующие – в неисчислимом количестве.

Эмилия мечтательно улыбнулась:

– Я уверена, что ты справишься с этим деянием, Цефания. Ты – воистину человек Божий.

Преподобного Кромвеля ожег стыд. Что бы подумало это невинное, доверчивое дитя, если б узнало, какая нечестивая страсть терзает его в ее присутствии?

– Помолимся же за этих язычников, – сказал Цефания и преклонил колени.

Эмилия послушно опустила на палубу рядом с ним. Слишком близко к нему.

Цефания ощутил тепло ее тела и, как ни старался гнать от себя все мирское, невольно вдыхал запах здорового девичьего тела.

– «Князя его посреди него – рыкающие львы, – произнес преподобный Кромвель, – судьи его – вечерние волки, не оставляющие до утра ни одной кости. Пророки его – люди легкомысленные, вероломные; священники его оскверняют святыню, попирают закон. Господь праведен посреди него, не делает неправды, каждое утро являет суд Свой неизменно; но беззаконник не знает стыда».

Знакомый ритм Истинного слова вернул ему уверенность. Постепенно голос Цефании делался все сильнее и глубже, пока ему не начало казаться, что сейчас голосом его вещает сам Господь.

– «Итак ждите Меня, говорит Господь, до того дня, когда Я восстану для опустошения, ибо Мною определено собрать народы, созвать царства, чтоб излить на них негодование Мое, всю ярость гнева Моего; ибо огнем ревности моей пожрана будет вся земля». – Он остановился на миг, чтобы набрать воздуха в грудь, и воскликнул: – Аминь!

– Аминь, – отозвалась Эмилия.

Голос ее был нежен, словно колыбельная.

* * *

В высокой башне замка Эдо, обращенной к морю, на хитроумной французской треноге, способной поддерживать самую точную настройку, был установлен голландский телескоп, не уступающий размером главному орудию английского военного корабля. Этот телескоп был преподнесен голландским правительством в дар первому сёгуну из рода Токугава, Иэясу. Треногу же подарил одиннадцатому сёгуну этой династии, Иэнари, Наполеон Бонапарт – по случаю своего восшествия на трон Франции. Его так называемая империя просуществовала каких-нибудь десять лет.

Час дракона сменился часом змеи, а Каваками Эйи все смотрел и смотрел в огромный телескоп. Прибор сей был устремлен не в космос, а на княжеские дворцы, расположенные менее чем в миле от замка, в районе Цукидзи. Но размышлял Каваками совсем не о том. Вспомнив историю телескопа, он подумал, что нынешний сёгун, Иэмоти, похоже, будет последним Токугава, удостоенным такой высокой чести. Но кто придет ему на смену? Вот в чем вопрос. Как глава тайной полиции сёгуна, Каваками обязан защищать существующий порядок вещей. Как верный подданный императора, ныне лишеного реальной власти, но наделенного незыблемым благоволением богов, Каваками обязан защищать интересы нации. В лучшие времена эти обязанности были неразделимы. Теперь же, увы, дело обстоит иначе. Верность – главная из добродетелей самурая. Каваками, рассматривавший верность со всех возможных сторон (в конце концов, это было его служебной обязанностью – проверять на лояльность других), все яснее понимал, что время личной преданности близится к концу. В будущем люди будут верны делу, принципу, идее, а не человеку или клану. То, что ему в голову пришла столь небывалая мысль, уже само по себе было чудом – и еще одним признаком коварного влияния чужеземцев.

Каваками перевел телескоп с дворцов на раскинувшийся за ними залив. Из семи стоящих там кораблей шесть были военными. Чужестранцы. Они извращают все. Сперва появление эскадры Черных Кораблей под командованием этого заносчивого американца, Перри. Это случилось семь лет назад. Затем последовали унижительные

договоры с чужеземцами, открывшие им доступ в Японию и выведшие их из-под власти японских законов. Подобное можно сравнить лишь с изощренным изнасилованием; а хуже всего представлялось то, что при этом приходилось кланяться, улыбаться и благодарить насильников. Рука Каваками сжалась, словно стискивая рукоять меча. Каким это будет очищением – снести голову всем проклятым иностранцам! И такой день настанет! Но, к сожалению, еще не сегодня. Замок Эдо был самой мощной цитаделью во всей Японии. Одно лишь его существование на протяжении почти трех столетий мешало соперничающим кланам испробовать власть рода Токугава на прочность. Теперь же любой из кораблей мог за несколько часов превратить великую крепость в груды битого камня. Да, все изменилось. И те, кто желает выжить и добиться процветания, должны измениться тоже. Мышление чужеземцев – холодное, логичное, научное – позволило им произвести их удивительное оружие. Нужно найти способ использовать европейский образ мыслей, не уподобляясь при этом европейцам и не превращаясь в таких же зловонных пожирателей падали.

Из-за двери раздался голос заместителя Каваками, Му-каи:

– Мой господин!

– Входи.

Коленопреклоненный Мукаи отодвинул дверную створку, поклонился, переступил порог, не поднимаясь с колен, и поклонился еще раз.

– Новоприбывший корабль зовется «Вифлеемской звездой». Он отплыл из Сан-Франциско, что на западном побережье Америки, пять недель назад, но по дороге еще останавливался на Гавайских островах, на Гонолулу, где и пробыл до прошлой среды. У него на борту не имеется ни взрывчатки, ни огнестрельного оружия, а среди его пассажиров нет ни агентов чужеземных правительств, ни военных, ни преступников.

– Все чужеземцы – преступники, – поправил его Каваками.

– Да, мой господин, – согласился Мукаи. – Я лишь хотел сказать, что мы не имеем пока что сведений об их преступной деятельности.

– Это ничего не значит. Американское правительство совершенно не умеет надзирать за своим народом. Хотя чего можно ждать от страны, в которой столько неграмотных? Как можно вести учет, если половина чиновников не умеет ни читать, ни писать?

– Истинная правда.

– Что еще?

– Три христианских миссионера, и при них пятьсот Библий на английском.

Миссионеры. Эта весть обеспокоила Каваками. Чужеземцы чрезвычайно ревниво относятся к тому, что они именовали «свободой вероисповедания». На редкость бессмысленное понятие. В Японии население каждой провинции исповедовало ту религию, которой придерживался их князь. Если князь принадлежал к какой-нибудь из буддийских сект, все местные жители входили в ту же секту. Если князь был синтоистом, они исповедовали синтоизм. Если князь, как это чаще всего и случалось, чтил и Будду, и синтоистских богов, все следовали его примеру. Кроме того, каждый имел право исповедовать любую другую религию по собственному выбору. Религия занималась делами мира иного, а сёгуна и князей интересовал лишь сей мир.

Но христианство – особый случай. Эта чужеземная вера несла в себе семена государственной измены. Один Бог, царящий над всем миром, а значит, и над богами

Японии, и над Сыном Неба, Его августейшим величеством, императором Комэй. Первый сёгун из рода Токугава, Иэясу, поступил мудро, запретив христианство. Он изгнал чужеземных священников, распял десятки тысяч новообращенных и на два с лишним столетия покончил с этой заразой. Официально христианство до сих пор находилось под запретом. Но у японцев больше нет возможности претворять этот закон в жизнь. Японским мечам не под силу тягаться с пушками чужеземцев. А «свобода вероисповедания» означает, что всякий может исповедовать любую религию по собственному выбору – но лишь одну. Помимо поощрения анархии, что уже само по себе достаточно скверно, этот принцип давал чужеземцам повод для вторжения. «Защита интересов единоверцев». Каваками был глубоко убежден, что чужеземцы лишь ради этого так рьяно поддерживали свою хваленую «свободу вероисповедания».

– Кто принимает этих миссионеров?

– Князь Акаоки.

Каваками закрыл глаза, глубоко вздохнул и сосредоточился. Князь Акаоки. В последнее время ему часто приходилось слышать это имя. Куда чаще, чем хотелось бы. Маленькое, отдаленное, незначительное княжество. Большинство князей куда богаче. Но сейчас, как всегда происходило в беспокойные времена, князь Акаоки приобретал несоразмерно важное значение. И неважно, кем был нынешний носитель имени – закаленным воином и коварным политиком, как покойный князь Киёри, или изнеженным бездельником, как его преемник, молодой Гэндзи. Слухи вековой давности возносили князей Акаоки на неподобающую их званию высоту. Слухи о даре пророчества, которым они якобы обладают.

– Надо было арестовать его после убийства регента, – произнес Каваками.

– Но это преступление – дело рук рьяных противников чужеземного влияния, а не покровителей христиан, – возразил Мукай. – Гэндзи не был к этому причастен.

Каваками нахмурился:

– Ты начинаешь изъясняться, как чужеземец.

Мукай, осознав свою ошибку, низко поклонился.

– Прошу прощения, господин. Я неверно выразился.

– Ты говоришь об уликах и доказательствах, как будто они важнее того, что у человека, в сердце.

– Нижайше прошу прощения, господин, – повторил Мукай, коснувшись лбом пола.

– Мысли так же важны, как и дела, Мукай.

– Да, мой господин.

– Если люди – и в особенности князя – не станут нести ответственность за свои мысли, как цивилизация сможет устоять под натиском варварства?

– Да, мой господин. – Мукай слегка приподнял голову, ровно настолько, чтобы взглянуть на Каваками. – Надлежит ли мне выписать ордер на арест князя?

Каваками вновь приник к телескопу. На этот раз он навел его на корабль, который Мукай назвал «Вифлеемской звездой». Мощные линзы хитроумного голландского устройства позволили Каваками разглядеть на палубе шхуны какого-то мужчину, на редкость уродливого даже для чужеземца. Глаза его были так выпучены, словно им не хватало места в голове. Лицо исчерчено морщинами гнева, губы искривлены в привычной гримасе, длинный нос смотрит набок, а приподнятые плечи окостенели от напряжения.

Рядом с ним стояла женщина. Кожа ее казалась необыкновенно гладкой и чистой;

несомненно, это всего лишь обман зрения, вызванный несовершенством оптики. В конце концов, эта женщина – животное, как и все иностранцы. Мужчина что-то произнес и встал на колени. Его спутница опустилась рядом с ним. Они начали какой-то христианский молитвенный ритуал.

Каваками знал, что это стыд за собственные мысли заставил его слишком резко отреагировать на отголосок чужеземных влияний, проскользнувший в словах Мукаи. Конечно же, аресты сейчас неуместны. Акаока – незначительное владение, но ярость ее отборных самурайских отрядов давно уже вошла в легенды. Любая попытка взять князя под стражу повлекла бы за собой волну убийств. В историю оказались бы втянуты другие владельцы, что привело бы ко всеобщей междоусобице, а она, в свою очередь, стала бы превосходным поводом для чужеземного вторжения. Нет, если князя Акаоки и придется уничтожить, сгодятся и более окольные пути. А уж в этом Каваками был истинным знатоком своего дела.

– Пока не нужно, – сказал Каваками. – Посмотрим, кто еще заплывет в наши сети.

* * *

Еще не успев как следует проснуться, Старк схватился за оружие: пистолет послушно лег в правую руку, нож – в левую. В ушах у него звенели яростные вопли. В окно сочился тусклый утренний свет. Старк оглядел каюту; дуло пистолета послушно следовало за направлением взгляда. Никого. Может, ему опять приснился кошмар?

– «Итак ждите Меня, говорит Господь, до того дня, когда я восстану для опустошения...» – долетел с палубы голос Кромвелля.

Старк расслабился и опустил оружие. Опять этот проповедник взялся за свое: орет во всю глотку, будто его черти поджаривают.

Старк поднялся с койки. Его сундучок уже стоял, раззявив пасть, и ждал, пока хозяин сложит вещи. Через несколько часов Старку предстояло высадиться на новую, неведомую землю. Привычная тяжесть пистолета в руке действовала на него успокаивающе. Это был армейский кольт сорок четвертого калибра, со стволом длиной в шесть дюймов. Старк способен за секунду выхватить эти два фунта стали и огня из кобуры и попасть человеку в корпус три раза из пяти, а уж вторым выстрелом попадал наверняка. С расстояния в двадцать футов он всаживал противнику пулю между глаз, хоть с правой руки, хоть с левой, два раза из трех. А на третий раз, если противник обращался в бегство, Старк обычно стрелял в основание шеи и аккуратно снимал врагу голову с плеч.

Старк, конечно же, предпочел бы держать верный кольт при себе и носить его у бедра. Но сейчас, увы, неподходящий момент для того, чтобы открыто носить оружие. А потому охотничий нож вернулся в ножны и прикорнул на дне сундучка, между двумя свитерами, которые связала для Старка Мэри Энн. Потом Старк завернул кольт в старое полотенце и уложил рядом с ножом. Укрыв оружие сложенными рубашками, Старк примостил сверху десяток Библий. Еще пять сотен таких же хранилось в трюме, в большом деревянном ящике. Как японцы будут читать Библию короля Якова, ведомо одному лишь Богу да еще Кромвеллю. Старка это не волновало. Его познания в Писании никогда не продвигались далее второго стиха Книги Бытия: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною». Впрочем, вряд ли его когда-нибудь привлекут к чтению проповедей. Слишком уж Кромвеллю нравится слушать себя самого.

У Старка имелся и второй револьвер, компактный «смит-и-вессон» тридцать

второго калибра. «Смит-и-вессон» был достаточно маленьким, чтобы спрятать его под курткой, и достаточно легким для прочного кармана, нашитого слева на жилет. Чтобы достать его, приходится запускать руку под куртку. Старк немного потренировался, пока тело не вспомнило нужное движение, и в конце концов ему удалось проделать это быстро и плавно, как и полагалось. Правда, Старк не знал, насколько этот револьвер хорош и годится ли он для того, чтобы остановить человека. Авось он все-таки лучше револьвера двадцать второго калибра, который был у него как-то раньше. Можно всадить в человека пяток пуль двадцать второго калибра, но если этот человек достаточно силен, зол и напуган, он все равно пойдет вперед, не обращая внимания на хлещущую кровь, и постарается вспороть тебе брюхо. А раскроить ему череп опустевшим револьвером все-таки нелегко.

Старк надел куртку, прихватил шляпу и перчатки и двинулся к трапу. Когда он вышел на палубу, Кромвель и его невеста, Эмилия Гибсон, как раз завершили молитву и поднялись на ноги.

– Доброе утро, брат Мэтью, – поприветствовала Старка Эмилия.

Волосы девушки были спрятаны под клетчатый чепчик; простенький хлопчатобумажный жакет, подбитый ватой, и обмотанный вокруг шеи старый шерстяной шарф защищали ее от холода. На правое ухо из-под чепчика спускался золотистый локон. Эмилия потянулась было к этому локону и остановилась, словно чего-то застеснявшись. Как это там говорится? «Не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас». Забавно. Почему-то при виде этой девушки ему приходят на ум библейские строки. Может, ей и вправду на роду написано сделаться женой проповедника. На миг чело Эмилии затуманилось, но потом бирюзовые глаза девушки вновь вспыхнули радостным светом:

– Наша молитва разбудила вас?

– Что может быть лучше, нежели проснуться под звуки Слова Божьего? – отозвался Старк.

– Аминь, брат Мэтью, – подал голос Кромвель. – Разве не сказано: «Не дам сна очам моим и веждам моим дремания, доколе не найду места Господу»?

– Аминь, – хором откликнулись Эмилия и Старк.

Кромвель величественным жестом указал на лежащую перед ними землю:

– Вот это, брат Мэтью, и есть Япония. Сорок миллионов душ, обреченных на вечное проклятие – если только не спасут их милость Божья и наши самоотверженные труды.

Насколько видел Старк, весь берег был покрыт различными строениями. Большинство из них были невысокими, не выше трех этажей, и весьма непрочными на вид. Город был огромен, но казалось, будто он способен рухнуть под сильным порывом ветра или сгореть от одной-единственной спички. Лишь дворцы, выстроившиеся вдоль берега, и могучая белая крепость с черными крышами, расположенная примерно в миле от берега, не производили такого впечатления.

– Готовы ли вы, брат Мэтью? – спросил Кромвель.

– Да, брат Цефания. Я готов, – отозвался Старк.

* * *

Сохаку, настоятель монастыря Мусиндо, сидел в ходзё, крохотной комнатке для

медитации, полагавшейся всякому дзэнскому мастеру, проживающему при храме. Он сидел неподвижно, застыв в позе лотоса и полуприкрыв глаза – ничего не видя, ничего не слыша, ничего не ощущая. За окном щебетали птицы. По комнате пронесся легкий ветерок, поднявшийся с восходом солнца. На кухне загромыхали горшки – монахи готовили очередную трапезу.

Им не следовало так шуметь! Поймав себя на этой мысли, Сохаку вздохнул. Ну что ж, на этот раз он просидел на пару минут дольше. Все-таки какой-то успех. Скрипнув зубами от боли, настоятель руками снял правую ногу с левого бедра и положил на пол. Потом, откинувшись назад, он снял левую ногу и блаженно выпрямился. Ах! Какое наслаждение можно получить, всего лишь вытянув ноги! Воистину, жизнь есть дар и тайна. С кухни снова донесся грохот посуды, и кто-то засмеялся. Кажется, Таро. Недисциплинированный ленивый дурень.

Сохаку встал и размашистым шагом покинул ходзэ; в глазах его застыла ледяная мрачность. Его походка не имела ничего общего с неспешными, осторожными движениями дзэнского монаха, которым он теперь являлся. Нет, он шел быстро и напористо, как ходят те, кто не допускает мысли об остановке или отступлении, – как он привык ходить в те времена, когда еще не принес двухсот пятидесяти обетов монаха. Тогда его звали Танака Хидетада, и он был вассалом Окумити-но-ками Киёри, покойного князя Акаоки, и командовал его кавалерией.

– Недоумки! – С этим возгласом Сохаку переступил порог кухни.

Завидев его, трое крепко сбитых мужчин в коричневых рясах дзэнских священнослужителей рухнули на колени и уткнулись лицами в пол.

– Вы где, по-вашему, находитесь? Чем, по-вашему, вы занимаетесь? Чтоб вам и вашим отцам во всех оставшихся воплощениях рождаться женщинами!

Трое коленопреклоненных монахов не издали ни звука и не шелохнулись. Сохаку знал, что они будут пребывать в этом положении до тех самых пор, пока он не позволит им подняться. Настоятель смягчился. Ведь на самом деле, если так посмотреть, они – хорошие люди. Верные, храбрые, дисциплинированные. Им тоже нелегко дается монашество.

– Таро!

Таро слегка приподнял голову и взглянул на Сохаку снизу вверх.

– Слушаю!

– Отнеси господину Сигеру его завтрак.

– Слушаюсь!

– И будь осторожен. Я не желаю больше терять ни одного человека, даже такого бесполезного, как ты.

Таро улыбнулся и поклонился. Он понял, что Сохаку больше не сердится.

– Слушаюсь! Сейчас же будет исполнено!

Сохаку вышел. Таро и другие два монаха, Мунё и Ёси, поднялись с колен.

– В последнее время господин Хидетада постоянно не в духе, – заметил Мунё.

– Ты хотел сказать – почтенный настоятель Сохаку? – уточнил Таро, наливая в миску молочный суп.

Ёси фыркнул.

– Конечно, он не в духе, как его ни назови! Десять часов медитации ежедневно! И никаких занятий с мечом, копьем или луком. Кто же не взбесится от такой жизни?

– Мы – самураи клана Окумити, – назидательно произнес Таро, аккуратно нарезая маринованную редиску. – И должны повиноваться нашему господину, что бы он ни

приказал.

– Верно, – согласился Мунё. – Но разве мы также не обязаны исполнять его приказы с радостью?

Ёси снова фыркнул, но ничего на этот раз не сказал. Вместо этого он подхватил метлу и принялся подметать кухню.

– «Когда лучник промахивается мимо цели, – сказал Таро, цитируя Конфуция, – он должен искать причину в себе». Не нам порицать вышестоящих.

Он поставил суп, нарезанные овощи и плошку с рисом на поднос. Когда Таро покинул кухню, Мунё принялся мыть посуду, внимательно следя за тем, чтоб она больше не грохотала.

Стояло чудесное зимнее утро. Холод, проникающий под тонкую рясу, взбудрил Таро. Как прекрасно было бы перейти речку, протекающую за храмом, и постоять под ледяным водопадом! Но, увы, подобные удовольствия теперь запретны для него.

Впрочем, Таро был уверен, что запретам этим длиться недолго. Возможно, нынешний князь Акаоки и не чета своему деду, но все же он – Окумити. Война близится. Это очевидно даже столь ничтожному человеку, как он, Таро. А когда бы ни вспыхивала война, мечи клана Окумити всегда в числе первых обагрятся вражеской кровью. Они и так уже слишком долго ждали. Когда начнется война, они недолго будут оставаться монахами.

Таро легко ступил на дорожку, ведущую от главного зала к жилому крылу. Дорожка была вымощена галькой. После дождя галька становилась предательски скользкой. А в сухую погоду она шуршала при каждом шаге. Настоятель Сохаку пообещал на год освободить от дежурства по конюшне того, кто первым сумеет бесшумно пройти по этой дорожке десять шагов. Пока что Таро добился наилучшего результата, но и его шаги еще нельзя назвать бесшумными. Придется тренироваться дальше.

Прочим двадцати монахам предстояло сидеть и медитировать еще полчаса, пока Мунё не позвонит в колокольчик, призывая их к первой утренней трапезе. Точнее, девятнадцати монахам. Дзёдзи вчера раскроили голову, когда он выполнял то самое задание, которое сейчас поручено ему, Таро.

Таро прошел через сад к стене, отмечающей границу храмовых земель. У стены стояла небольшая хижина. Таро опустился на колени перед дверью. Прежде чем объявить о себе, Таро внимательно прислушался. Он совершенно не желал присоединиться к Дзёдзи на его погребальном костре.

– Господин! – позвал он. – Это Таро. Я принес вам завтрак.

– Мы летим по воздуху в огромных железных кораблях, – слышалось из-за двери. – В час тигра мы здесь. К часу кабана мы уже в Хиросиме. Мы путешествуем по воздуху, подобно богам, но мы недовольны. Мы опоздали. Мы хотели прилететь быстрее.

– Я вхожу, господин!

Таро убрал палку, запиравшую хижину, и отодвинул дверь. В нос ему тут же ударил запах пота, фекалий и мочи. Таро замутило. Он поспешно поднялся и отступил в сторону. Ему едва-едва удалось подавить подступившую к горлу волну тошноты. Прежде чем подавать завтрак, надо убрать в комнате. Но это означает, что придется обиходить обитателя хижины. А с этим ему в одиночку не справиться.

– У нас в руках небольшие рожки. С их помощью мы шепотом переговариваемся друг с другом.

– Господин, я скоро вернусь. Пожалуйста, успокойтесь. Раздающийся в хижине голос был совершенно спокоен, хоть и произносил безумные речи.

– Мы ясно слышим друг друга, а ведь нас разделяет тысяча миль.

Таро поспешно вернулся на кухню.

– Воду и тряпки! – велел он Мунё и Ёси.

– Ради милосердного сострадательного Будды, – взмолился Ёси, – только не говори, что он снова загадил комнату!

– Раздевайтесь до набедренных повязок, – сказал Таро. – Нечего пачкать одежду.

Он снял рясу, аккуратно свернул и положил на полку.

Когда они прошли сквозь сад и приблизились к хижине, Таро вдруг с ужасом осознал, что оставил дверь открытой. Двое его спутников тоже увидели эту открытую дверь и застыли.

– Ты что, не запер дверь, прежде чем уйти? – спросил Мунё.

– Надо сходить за помощью, – обеспокоенно произнес Ёси.

– Подождите здесь, – велел им Таро.

С величайшей осторожностью он приблизился к хижине. По правде сказать, зловоние было столь сильно, что Таро даже не заглянул внутрь, прежде чем отправиться за помощниками. Хотя вряд ли их подопечный смог бы освободиться от веревок. После вчерашнего прискорбного происшествия с Дзёдзи они не только крепко стянули господину Сигеру руки и ноги, но и обвязали его четырьмя веревками, закрепив их у разных стен. Сигеру не мог сдвинуться ни в одну сторону больше чем на фут. Однако же Таро полагалось проверить, все ли в порядке.

За время его отсутствия зловоние нисколько не уменьшилось, но сейчас Таро было не до запаха.

– Господин!

Ответа не последовало. Таро быстро заглянул в хижину. Четыре веревки по-прежнему были привязаны к стенам, но Сигеру между ними уже не было. Прижавшись к стене, Таро оглядел правую половину комнаты, потом передвинулся и точно так же осмотрел левую. Хижина была пуста.

– Сообщи настоятелю, – приказал Таро Ёси. – Наш гость покинул свои покои.

Ёси помчался поднимать тревогу. Таро и Мунё тем временем еще раз нерешительно заглянули внутрь.

– Возможно, он покинул храм и отправился в Акаоку, – предположил Мунё. – А может быть, он прячется где-нибудь здесь. Хоть он и болен, но по-прежнему в совершенстве владеет искусством маскировки. Он мог бы спрятаться в этом саду вместе с десятком кавалеристов, а мы бы его и не увидели.

– У него нет десятка кавалеристов, – мрачно заметил Таро.

– Я и не говорю, что есть. Но если бы были, мы и тогда бы его не обнаружили. А в одиночку он и подавно с легкостью ускользнет от наших глаз.

Таро на это ничего не ответил: во-первых, потому, что встретил перепуганный взгляд Мунё, устремленный куда-то за спину ему, Таро; а во-вторых, потому, что секунду спустя в затылок ему ударил камень размером с кулак – только об этом он узнал позже.

Когда к Таро вернулось сознание, он увидел, как Сохаку чем-то смазывает подбитый глаз Мунё. Глаз так заплаыл, что совсем не открывался. Мунё бросил на Таро убийственный взгляд – вторым глазом.

– Ты ошибся! Господин Сигеру находился в хижине!

– Но как это может быть? Я осмотрел ее – там было пусто!

– Ты не посмотрел вверх. – Сохаку проверил повязку, обхватившую затылок Таро. – Ничего, жить будешь.

– Он уцепился за стену, прямо над входом, – пояснил Мунё. – И спрыгнул оттуда, когда ты повернулся к хижине спиной и заговорил со мной.

– Господин, мне нет прощения! – возопил Таро и попытался пасть ниц, но Сохаку остановил его.

– Успокойся, – мягко сказал настоятель. – Считаю это ценным уроком. Господин Сигеру двадцать лет был главным наставником воинских искусств нашего клана... Потерпеть поражение от него не стыдно. Но это, конечно же, не извиняет твоей небрежности. В следующий раз, прежде чем покидать его, убедись, надежно ли он привязан. И всегда запирай дверь.

– Да, господин.

– Подними голову. А то у тебя снова откроется кровотечение. И я – настоятель, а не господин.

– Да, преподобный настоятель, – послушно повторил Таро. – А господина Сигеру уже нашли?

– Да. – Сохаку улыбнулся, но улыбка вышла невеселой. – Он в оружейной.

– У него есть оружие?

– Ну а ты как думал? – поинтересовался Сохаку. – Он – самурай, и он в оружейной. Да, у него есть оружие. На самом деле у него сейчас все оружие, а у нас – никакого, кроме того, которое мы сумеем соорудить из подручных материалов.

Тут прибежал Ёси. Он по-прежнему оставался в одной набедренной повязке, но теперь в руках у него был десятифутовый шест, явно только что вырезанный в храмовой бамбуковой роще.

– Господин, он не пытается вырваться наружу. Мы завалили дверь поленьями и мешками с рисом. Но если он действительно пожелает выйти...

Сохаку кивнул. В оружейной хранилось три бочонка с порохом. Так что Сигеру сможет проложить себе путь через любую преграду. Равно как и взорвать оружейную вместе с собой, если пожелает. Сохаку встал.

– Оставайся здесь, – приказал он Ёси. – Позаботься о своих товарищах.

И настоятель отправился к оружейной. Там уже собрались все прочие монахи, вооружившиеся, подобно Ёси, бамбуковыми шестами. Не самое лучшее оружие против человека с мечом, остающегося, несмотря на нынешнее свое безумие, лучшим фехтовальщиком Японии. Настоятель порадовался, увидев, что его люди грамотно расположились. Четыре наблюдателя встали у тыльной стороны здания, а три пятерки заняли место у входа; если Сигеру надумает уходить, он, скорее всего, пойдет именно здесь.

Сохаку приблизился к главной двери. Она действительно была завалена поленьями и мешками. За дверью слышался свист воздуха, рассекаемого сталью. Сигеру упражнялся – скорее всего, с двумя мечами. Он был одним из немногих современных фехтовальщиков, которым хватало силы и ловкости работать с двумя мечами, в стиле, созданном двести лет назад легендарным Мусаси. Сохаку почтительно поклонился и сказал:

– Господин Сигеру! Это я, Танака Хидетада, командир кавалерии. Могу я поговорить с вами?

Ему подумалось, что прежнее его имя, быть может, вызовет меньше

замешательства. А то и пробудит какой-то отклик. Ведь они с Сигеру двадцать лет были товарищами по оружию.

– Вы видите воздух, – донеслось из-за двери. – Разноцветные слои на горизонте, гирлянды вокруг заходящего солнца. Так прекрасно, что захватывает дух.

Сохаку не понял смысла этих слов.

– Господин, могу ли я чем-нибудь помочь?

Ответом ему был лишь свист меча.

* * *

Баркас пробирался по лабиринту причалов, образующих порт Эдо. Над водой поднимался легкий туман и оседал на щеках Эмилии ледяной росой. Рядом с «Вифлеемской звездой» уже высился «Астерн», японский лихтер, готовый перевозить груз со шхуны на берег.

– Мы направляемся туда, – показал Цефания. – Вон в тот дворец у моря. Хозяин именует его «Тихий журавль».

– Что-то он больше похож на крепость, чем на дворец, – отозвался брат Мэтью.

– Исключительно верно подмечено, брат Мэтью. И постарайтесь не забывать, куда мы попали. В гнездо самых кровожадных язычников, какие только существуют на белом свете. «Иные – колесницами, иные – конями, а мы именем Господа, Бога нашего, хвалимся».

– Аминь, – откликнулись брат Мэтью и Эмилия.

Эмилию одолевали мысли о будущем. Совпадет ли грядущая судьба с ее упованиями? Эмилия сидела рядом со своим нареченным женихом, преподобным Цефанией Кромвелем, и являла собою воплощение покоя. «Он покоит меня на зланных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего». Но сердце ее стучало так громко, что Эмилия невольно удивилась: неужто никто, кроме нее самой, не слышит этого стука?

Девушка повернулась к Цефании и увидела, что он смотрит на нее. На лице его, как обычно, застыло выражение праведной сосредоточенности: глаза слегка навывкате, уголки губ опущены книзу, а морщины прорезали кожу еще глубже, чем обычно. Когда Цефания делался таким вот неистовым и всепонимающим, Эмилии всегда казалось, что взор его проникает в самые глубокие тайники ее души.

– «Имя Господа – крепкая башня, – сказал Цефания. – Убегает в нее праведник – и безопасен».

– Аминь, – подхватила Эмилия и услышала, как брат Мэтью эхом повторил то же самое.

– Господь не покинет тебя! – продолжал Цефания. Голос его делался все громче, а лицо начало краснеть.

– Аминь! – слаженным хором отозвались Эмилия и брат Мэтью.

Цефания поднял руку, словно бы намереваясь коснуться девушки, но потом моргнул, и взгляд выпученных глаз устремился куда-то в пространство. Протянутая рука бессильно упала. Проповедник взглянул на приближающуюся пристань и сдавленно прошептал слова из книги притч Соломоновых:

– «Не убоишься внезапного страха и пагубы от нечестивых, когда она придет; потому что Господь будет упованием твоим и сохранит ногу твою от уловления».

– Аминь, – сказала Эмилия.

По правде говоря, она куда больше страшилась того, что осталось у нее за спиной, чем того, что ждало впереди. Все ее страхи перед неведомым давно уже были отшлифованы ожиданием и превратились в надежду.

Япония. Страна, настолько непохожая на ее родину, что даже не верится, будто они существуют на одной земле. Религия, язык, история, искусство – у Америки с Японией не было ничего общего. Эмилия никогда не видела ни единого японца, если не считать дагерротипов в музее. А японцы, как говорил Цефания, около трехсот лет почти не встречали иностранцев. «Они повинны в кровосмешении, – так он говорил, – сердца их искажены из-за изоляции; слух затуманен бесовскими гонгами, а зрение – языческим обманом. Мы можем посмотреть на одно и то же и увидеть совершенно разные вещи. Будь к этому готова, – так он сказал. – Берегись неверных суждений. Забудь обо всем, что ты считала само собой разумеющимся. Ты должна очиститься от всего суетного». Так он сказал.

Да, Эмилия не испытывала ни малейшего страха – лишь предвкушение. Япония. Эта страна давно уже снилась ей. Если и существует на земле место, где она сможет избавиться от адского проклятия, так это Япония. «Пусть прошлое воистину останется в прошлом!» – такова была самая пылкая молитва Эмилии.

Причал близился. Там ожидали десятка два японцев, портовые рабочие и чиновники. Минута-другая, и Эмилия сможет разглядеть их лица, а они – ее. Интересно, что они увидят, когда посмотрят на нее?

Сердце девушки бешено колотилось.

Глава 2 ЧУЖЕЗЕМЦЫ

Некоторые говорят, что все варвары – не более чем омерзительные пожиратели падали и никакого различия меж ними нет. Это неверно. Португальцы меняют оружие на женицин. Голландцы требуют золота. Англичане желают заключать договоры.

Исходя из этого, запомните: португальцев и голландцев легко понять. Англичане же опаснее всех прочих. А потому забудьте про остальных и внимательно изучайте англичан.

Судзумэ-нокумо (1583)

Окумити-но-ками Гэндзи, князь Акаоки, взглянул на себя в зеркало. Взору его предстал сущий анахронизм: множество древних одеяний, надетых одно поверх другого, сложная прическа – часть волос выбрита, часть распущена, часть причудливо уложена. И во всем этом сокрыто больше символики, чем в известнейших танка или буддийских иконах, почитаемых простонародьем.

– Князь...

Оруженосец Гэндзи опустил на колени и с поклоном подал господину короткий меч – вакидзаси. Когда Гэндзи заткнул его за пояс, оруженосец так же церемонно передал ему второй, более длинный меч – катана, на протяжении тысячелетия остававшийся душой самурая. Гэндзи собирался лишь ненадолго выйти из дома и совершенно не нуждался в мече, а уж тем более в двух. Но этого требовало его положение в обществе.

Внешность Гэндзи была безукоризненной и в то же время чрезвычайно консервативной – так скорее подобало бы выглядеть человеку почтенному, а не юноше двадцати четырех лет от роду. Объяснялось это тем, что пышные одежды и вправду принадлежали человеку более почтенному – деду Гэндзи, покойному князю Киёри, скончавшемуся три недели назад в возрасте семидесяти девяти лет. От черно-серого верхнего кимоно исходило ощущение воинской суровой простоты. Надетая поверх кимоно черная куртка камисимо с жесткими плечами-крыльями была столь же вызывающе проста – ни единого украшения. На ней отсутствовал даже родовой герб, стилизованное изображение воробья, уворачивающегося от стрел, летящих в него с четырех сторон.

И это упущение чрезвычайно не нравилось Сэйки, главному управляющему княжеского двора, которого Гэндзи унаследовал от деда вместе с одеянием.

– Господин, вас что-то заставляет выезжать инкогнито?

– Инкогнито? – Это предположение позабавило Гэндзи. – Меня сопровождает целый отряд самураев, и у каждого на одежде герб с воробьем и стрелами. Ты действительно думаешь, что при таких условиях кто-то меня не узнает?

– Господин, вы даете вашим врагам возможность сделать вид, будто они вас не узнали, оскорбить и тем самым вызвать кризис.

– Я откажусь оскорбляться, – ответил Гэндзи, – а ты предотвратишь любую неожиданность.

– Может случиться так, что вам не позволят отказаться, – стоял на своем Сэйки, – а я не сумею предотвратить неожиданность.

Гэндзи улыбнулся.

– Ну что ж, я уверен, что в этом случае ты просто перебеешь всех врагов.

Тут в комнату с поклоном вошел Кудо, глава безопасности клана.

– Господин, ваша гостья собирается после вашего отбытия покинуть дворец. Не следует ли отправить за ней сопровождение?

– Зачем? – удивился Гэндзи. – Мы знаем, где она живет.

– Просто ради предосторожности, – пояснил Кудо. – Возможно, в ваше отсутствие она меньше станет следить за собой. Мы можем выведать что-нибудь ценное.

Гэндзи улыбнулся. Он знал Хэйко меньше месяца, но уже успел понять, что эта женщина никогда не позволяет себе расслабиться.

– Нам следует поступить, как предлагает Кудо, – поддержал Сэйки. – Мы до сих пор еще не изучили ее прошлое с должной тщательностью. – Он имел в виду, хоть и не сказал об этом вслух, что Гэндзи запретил подобное изучение. – Легкий надзор был бы вполне уместен.

– Не беспокойтесь, – отозвался Гэндзи. – Я лично исследовал Хэйко, самым основательным образом, и не обнаружил ничего подозрительного.

– Это не тот род исследования, который нам требуется, – хмуро отозвался Сэйки.

Подобные игривые замечания внушали ему глубокое отвращение. За двести пятьдесят лет мира многие утратили бдительность, и немало кланов оказались сокрушены в прах лишь потому, что их главы поддавались похоти.

– Мы толком ничего о ней не знаем. Это неблагоприятно.

– Мы знаем, что она – лучшая гейша во всем Эдо, – заявил Гэндзи. – Что еще нам нужно знать?

Он вскинул руку, предупреждая уже готовый сорваться с губ Сэйки ответ.

– Я физически изучил ее с четырех сторон времени и пространства. И могу заверить, что она вне всяких подозрений.

– Господин! – с упреком произнес Сэйки. – Не надо так шутить! Вам может грозить смертельная опасность!

– С чего ты взял, что я шучу? До тебя ведь доходили слухи о том, что мне достаточно прикоснуться к человеку, чтобы узнать его судьбу.

По тому, как Кудо и Сэйки переглянулись, Гэндзи понял, что такие слухи и вправду касались их ушей. Князь последний раз недовольно взглянул в зеркало, развернулся и вышел из комнаты.

Советники двинулись следом за Гэндзи, по коридору и во двор. Там молодого князя уже ожидали две дюжины самураев, паланкин и четверо носильщиков. Домочадцы и прислуга выстроились у ворот, чтобы поклониться князю, когда он будет отъезжать. И точно так же они будут встречать его при возвращении. Чудовищная и напрасная трата человеческой энергии. Место, куда желал попасть Гэндзи, находилось всего лишь в нескольких сотнях ярдов от дворца. Он вернется через считанные минуты. Однако же закостеневший древний этикет требовал, чтобы отъезд и приезд князя всегда сопровождался подобными ритуалами.

Князь повернулся к Сэйки.

– Неудивительно, что Япония настолько отстала от чужеземцев. У них наука и промышленность. Они производят пушки, пароходы и железные дороги. У нас же – лишь изобилие бессмысленных церемоний. Мы производим одни лишь поклоны – поясные, земные и множество иных.

Сэйки в замешательстве уставился на своего князя.

– Господин?

– Я мог бы оседлать коня, съездить куда нужно и вернуться обратно – и успел бы обернуться быстрее, чем соберется эта бестолковая толпа.

– Господин! – Сэйки и Кудо дружно рухнули на колени.

– Умоляю вас, не надо так делать! – воскликнул Сэйки.

– У вас есть враги и среди сторонников сёгуна, и среди его противников, – поддержал его Кудо. – Выезжать без свиты равносильно самоубийству.

Гэндзи жестом велел им встать.

– Я сказал – «мог бы».

Он вздохнул, сошел по ступеням и надел сандалии, заботливо поставленные у лестницы. Пройдя пять шагов, Гэндзи очутился у паланкина (носильщики подняли паланкин на три фута, чтобы князю легче было усесться), извлек из-за пояса мечи, положил их в паланкин, снял сандалии (слуга, ведающий сандалиями, с поклоном подобрал их и уложил в специальный отсек в паланкине) и наконец уселся. Взглянув на Сэйки, Гэндзи поинтересовался:

– Теперь ты понял, что я имел в виду, говоря о бессмысленных церемониях?

Сэйки поклонился.

– Нет, господин, не понял. Моя вина. Я постараюсь понять.

У Гэндзи вырвался раздраженный вздох.

– Отправимся же наконец, пока солнце не село!

– Господин снова изволит шутить, – сказал Сэйки. – Солнце лишь недавно встало.

Он шагнул вперед, поклонился и закрыл дверцу паланкина. Носильщики встали. Процессия двинулась.

Сквозь переднее окошко Гэндзи видны были восемь самураев, идущих в колонну

по два. Если бы князь дал себе труд обернуться, то увидел бы еще двенадцать. Двое шли слева от паланкина, и двое, включая самого Сэйки, справа. Двадцать четыре человека – двадцать восемь, если считать носильщиков, – готовы были в любой момент отдать за него жизнь. Всякое действие любого князя, сколь угодно светское и незначительное, всегда сопровождалось подобной самоотверженностью слуг. В этом чересчур много от драмы. Неудивительно, что прошлое Японии столь кроваво, а будущее несет с собой такие опасности.

Но тут Гэндзи заметил среди склоненных голов домочадцев искусную прическу. Те самые волосы, что так недавно украшали его подушку, – блестящие и темные, словно сама ночь, сошедшая на землю. Гэндзи никогда еще не видел на Хэйко этого кимоно. Он знал, что девушка надела его лишь затем, чтобы пожелать ему счастливого пути. Темно-синяя ткань была украшена завитками морской пены, а меж этими завитками были разбросаны розовые розы. На белоснежном нижнем кимоно был выткан точно такой же узор, белым по белому: белые розы среди белой пены белого моря. Это было очаровательно и чрезвычайно опасно, поскольку вызывало целый букет воспоминаний и чувств. Розы Хэйко относились к той разновидности, которую иногда именовали «Американской красавицей». А самые неистовые самураи консервативных кланов (они заносчиво именовали себя «людьми добродетели», как будто никто, кроме них, добродетелью не обладал) воспринимали все исходящее извне как личное оскорбление. И кому-нибудь из них вполне могло бы прийти в голову убить девушку за один лишь этот узор на ее кимоно. Единственной защитой Хэйко были ее мужество, ее слава и ее невероятная красота.

– Стойте, – велел Гэндзи.

– Стой! – тут же выкрикнул Сэйки.

Головная часть отряда уже прошла сквозь ворота и теперь остановилась на улице. Паланкин Гэндзи застрял посреди ворот. Прочие самураи по-прежнему находились позади, во дворе.

Сэйки недовольно нахмурился:

– Господин, подобное положение чрезвычайно опасно в случае засады. Мы лишены сейчас и защиты изнутри, и свободы передвижения наружу.

Гэндзи открыл дверцу паланкина.

– Я совершенно уверен, что ты способен защитить меня в любых обстоятельствах.

Хэйко, подобно всем прочим, продолжала стоять, согнувшись в глубоком поклоне.

– Госпожа Майонака-но Хэйко, – произнес Гэндзи, назвав девушку полным именем гейши: «Полуночный покой».

– Господин Гэндзи, – отозвалась Хэйко, склонившись еще ниже.

Интересно, как она умудряется говорить столь тихо и при этом столь отчетливо? Голос ее казался таким слабым! Однако будь он и вправду настолько слаб, Гэндзи не смог бы расслышать ни единого слова. Эта иллюзия была мучительна. Все, что связано с Хэйко, было мучительным.

– Какое вызывающее кимоно.

Хэйко выпрямилась, улыбнулась и слегка развела руками. Широкие рукава распахнулись, словно крылья взлетающей птицы.

– Увы, мне неизвестно, что имеет в виду господин Гэндзи, – сказала гейша. – Эти цвета столь распространены, что кажутся почти банальными. Несомненно, лишь самые безнадежные недоумки могут счесть их вызывающими.

Гэндзи рассмеялся. Даже суровый Сэйки, не удержавшись, хмыкнул.

– Именно самые безнадежные недоумки меня и беспокоят, – сказал Гэндзи. – Но, возможно, вы правы. Не исключено, что традиционное сочетание красок затуманит им взор и они не заметят иноземных роз.

– Иноземных? – Хэйко изумленно округлила глаза и склонила голову набок. – Но я слыхала, что в саду прославленного замка «Воробьиная туча» каждую весну распускаются розы: розовые, белые и красные. Так мне говорили; правда, сама я никогда этого не видела, – добавила она.

Гэндзи поклонился – не слишком низко. Этикет запрещал князю отдавать низкие поклоны кому бы то ни было, за исключением тех, кто выше его по рангу, то есть практически всем, кроме членов императорского семейства в Киото и членов семьи сёгуна в могучем замке, господствующем над Эдо.

Князь с улыбкой произнес:

– Я уверен, что в недалеком будущем вы увидите их своими глазами.

– А я в этом не уверена, – отозвалась Хэйко, – и тем не менее от всего сердца благодарю господина за подобное предположение. Но как бы там ни было, разве этот замок не один из древнейших в Японии?

– Да, – согласился Гэндзи*, поддержав игру девушки. – Это так.

– Тогда как же можно называть эти цветы иноземными? Ведь растения, цветущие в древнем японском замке, могут быть лишь японскими, и никак иначе. Не так ли, господин Гэндзи?

– Очевидно, госпожа Хэйко, я напрасно за вас беспокоился, – сказал Гэндзи. – Ваша логика способна защитить вас от любого порицания.

Домочадцы все это время стояли, согнувшись в поклоне. А прохожие, рухнувшие ничком при виде княжеской процессии, так и продолжали лежать, уткнувшись лицом в землю, скорее из страха, чем из почтения к князю. Ведь любой самурай мог зарубить любого простоянина, не проявляющего, на его взгляд, достаточного почтения к вышестоящим; а под почтением понималась в том числе и необходимость падать ниц, когда мимо проходит владетельный господин со свитой. И в результате на время беседы Гэндзи с гейшей все вокруг застыли. Завидев Хэйко, Гэндзи позабыл обо всем на свете. Теперь же ему стало неловко, и князь, поспешно распрощавшись с девушкой, дал знак продолжать путь.

– Вперед! – скомандовал Сэйки.

Когда отряд наконец-то миновал ворота дворца, Сэйки быстро взглянул на Кудо, оставшегося позади.

Гэндзи заметил этот обмен взглядами и догадался, что он означает. Эти двое не пожелали подчиниться его приказу и оставить Хэйко в покое. Несколько минут спустя девушка покинет дворец в сопровождении своей служанки, а следом за ней двинется Кудо, главный среди его советников специалист по наблюдению. Теперь Гэндзи уже никак не мог ему помешать. Впрочем, это не имело особого значения. События еще не приняли такой оборот, чтобы беспокоиться, не убьют ли его телохранители его любовницу. Но обстановка ухудшится, и произойдет это довольно скоро. Вот о чем следует беспокоиться.

– Сэйки!

– Да, господин.

– Какой транспорт ожидает наших гостей?

– Рикши, господин.

Гэндзи не стал более ничего говорить. Сэйки знал, что иноземцы чувствовали бы себя удобнее в повозке, и потому приготовил рикш. Это столь недвусмысленное выражение неодобрения со стороны собственного вассала не волновало Гэндзи.

Сэйки связан с ним узами чести, историей и традицией. Но сейчас Гэндзи каждым своим шагом выступал против кодекса, созданного историей и традицией и породившего, в свою очередь, само понятие чести. Иноземцы угрожали иерархическим отношениям господина и вассала, на которых основывалось японское общество. И вот в то самое время, когда наиболее решительные князья ищут способ изгнать чужеземцев, собственный князь Сэйки вознамерился с ними подружиться. И не просто с какими-то чужеземцами, а с христианскими миссионерами, то есть самыми одиозными с точки зрения политики и самыми бесполезными из всех.

Гэндзи знал, что Сэйки – не единственный его вассал, терзаемый подобными сомнениями. На самом деле ни об одном из трех военачальников, доставшихся ему после кончины деда, – Сэйки, Кудо и Сохаку – нельзя было сказать, что он безоговорочно предан ему, Гэндзи. Их верность ныне требовала одного, а традиции – другого. Настанет момент, когда эти требования более нельзя будет примирить. И как же поступят тогда его вассалы: последуют за своим князем или отвернутся от него?

Хоть Гэндзи и следовал за пророчеством, шел он по зыбкой тропе.

* * *

Десяток скромно одетых японских портовых рабочих ожидали на пристани прибытия баркаса. У начала пристани стоял стол, а за ним расположились три человека в причудливых одеяниях. Старк обратил внимание на то, что у каждого из них за поясом по два меча. Должно быть, это те самые самураи, о которых рассказывал Цефания, члены воинской касты, правящей Японией.

– Пусть Бог присматривает за вами с небес, – пожелал путникам капитан Маккейн, – потому что на этом берегу Его нет.

Шкипер «Вифлеемской звезды» отправился вместе с ними на берег, чтобы пополнить запасы провизии. Он единственный из всех уже успел побывать в Японии – и остался крайне невысокого мнения об этой стране и ее обитателях.

– Бог везде, – отозвался Кромвель, – и во всем. И Он видит все.

Маккейн пробурчал нечто невнятное. Он сошел на пристань, прихватив швартовный конец баркаса, и передал его одному из ожидающих портовых рабочих. Рабочий, прежде чем принять веревку, низко поклонился. Но они не обменялись ни единым словом, поскольку Маккейн не говорил по-японски, а эти японцы не знали ни слова по-английски.

– Через две недели «Звезда» пойдет в Гонконг, – сказал Маккейн. – Если к этому времени вас не будет на борту, учтите, что мы заглянем сюда только полтора месяца спустя, когда будем возвращаться на Гавайи.

– Значит, увидимся с вами через полтора месяца, – отозвался Кромвель, – чтобы пожелать вам счастливого пути. Мы останемся здесь до конца жизни и будем трудиться во славу Божью.

Маккейн снова что-то проворчал и зашагал к портовым складам.

– Предварительная договоренность уже заключена, – сказал Кромвель, обращаясь к Эмилии и Старку. – Дозволение получено. Остались лишь формальности. Брат Мэтью, если вы побудете с сестрой Эмилией и присмотрите за нашим багажом, я

улажу дела с чиновниками сёгуна.

– Хорошо, брат Цефания, – кивнул Старк.

Кромвель протолкался к столу, за которым сидели чиновники. Старк предложил руку Эмилии. Девушка оперлась на его руку и сошла с баркаса на пристань.

Все портовые рабочие, несомненно, были японцами, но, с точки зрения Старка, это еще не повод расслабляться. Человек в состоянии пойти на рискованное дело потому, что его до этого довели. Потому, что его вынудили угрозами. Потому, что ему заплатили. И любой из этих портовых рабочих мог оказаться таким человеком. А Старк совершенно не желал умереть, едва сойдя на берег и даже не успев приступить к делу.

– Брат Мэтью, вы глаз не сводите с японцев, – заметила Эмилия. – Вас так удивляет их необычный вид?

– Отнюдь, – откликнулся Старк. – Я просто восхищаюсь их умением работать. Они выгрузили наш багаж с баркаса вчетверо быстрее, чем матросы со шхуны загрузили его туда.

Они прошли следом за багажом к столу. Кромвель тем временем успел вступить в бурный спор с чиновниками.

– Нет, нет, нет! – твердил Кромвель. – Понимаете? Нет, нет, нет!

Чиновник, сидящий в середине, явно был главным. Лицо его оставалось невозмутимым, но он тоже повысил голос:

– Надо да. Да, да. Понимать?

– Они заявляют, что обязаны обыскать наш багаж на предмет контрабанды, – сообщил Кромвель своим спутникам. – А согласно договору, обыскивать нас запрещено.

– Нет да, – сказал чиновник. – Нет входить в Японию.

– А почему бы просто не позволить им обыскать наши вещи? – спросила Эмилия. – Какая разница? У нас же нет никакой контрабанды.

К столу подбежал какой-то самурай. Он поклонился старшему чиновнику и что-то сказал по-японски. Тон его был весьма настойчив. Все трое выскочили из-за стола. После краткого оживленного разговора двое младших убежали вместе с самураем-вестником.

Оставшийся уже не выглядел столь упрямым. Теперь он казался взволнованным и чрезвычайно обеспокоенным.

– Пожалуйста ждать, – с поклоном произнес он, неожиданно сделавшись вежливым.

Тем временем из портовой караульни принялись выскакивать самураи. У многих из них помимо мечей было еще и огнестрельное оружие. Старк узнал старинные мушкеты. Древность, конечно, но в умелых руках и такое способно убивать. А в данном случае расстояние не будет помехой. Как только самураи выстроились, появился другой отряд, численностью дюжины в две, в форме другого цвета и вида. В середине отряда шагали четверо носильщиков с паланкином на плечах. Новоприбывшие вышли на пристань и остановились в пяти шагах от людей сёгуна. И вид у них был не сказать чтоб дружелюбный.

* * *

– Дорогу! – потребовал Сэйки. – Как вы смеете преграждать путь князю Акаоки?

– Нам не сообщали, что кто-либо из князей почтит нас своим присутствием.

Сэйки узнал говорившего. Это был Иси, жирный и напыщенный командир сёгунекой портовой полиции. Теперь Сэйки знал, чью голову он первой снимет с плеч, если дело дойдет до схватки.

– А потому мы не уполномочены допускать подобное присутствие.

– Ах ты наглец! – Сэйки, схватившись за меч, шагнул вперед. – А ну, поклонись как следует!

Хоть он и не отдал никакого приказа, половина самураев Акаоки тут же выстроились у него за спиной в боевой порядок. Руки их тоже лежали на рукояти мечей. Людей сёгуна было вчетверо больше, но они сильно уступали самураям Акаоки в выучке. Их мушкетеры стояли позади и не смогли бы открыть огонь, не устроив настоящую бойню среди своих. Да, собственно, они и не готовы были стрелять. Точно так же, как мечники, занимавшие первые ряды, не приготовились к стычке. Когда Сэйки шагнул вперед, они отшатнулись, словно от удара.

– Наш господин не обязан ни о чем предупреждать портовых крыс! – Сэйки пришел в ярость. Еще одно наглое замечание со стороны Иси, и он зарубит этого болвана на месте! – Прочь с дороги, или мы поможем вам расступиться!

Гэндзи с мрачным весельем слушал эту перебранку из паланкина. Он отправился в порт, чтобы встретить гостей. Казалось бы, ну что тут сложного? Однако же еще чуть-чуть, и разгорится бой не на жизнь, а на смерть. И из-за чего? Из-за возможности пройти на пристань. Нет, с него довольно. Гэндзи резко распахнул дверцу паланкина. Дверца стукнулась о стену.

– В чем дело?

– Господин, прошу вас, не выглядывайте! – Один из телохранителей бросился на колени перед паланкином. – Здесь мушкетеры.

– Чепуха! – отрезал Гэндзи. – Кому нужно в меня стрелять?

И с этими словами он шагнул на землю, в проворно подставленные сандалии.

Стоявший среди людей сёгуна Кумэ (он был переодет мушкетером) увидел, как Гэндзи вышел из паланкина. И отметил, что на груди у князя нет герба. Вот та самая возможность, которой Кумэ дожидался. Поскольку Гэндзи без герба, можно будет сказать, что он заподозрил, будто какой-то самозванец замыслил заговор против прибывших миссионеров. Конечно, никто в это не поверит. И не надо. Все равно это послужит превосходной отговоркой. Кумэ попятился, так чтобы другие мушкетеры его не увидели, поднял мушкет и прицелился князю в правое плечо. Ему приказали искалечить князя, а не убивать его.

Сэйки поспешил к Гэндзи.

– Господин, прошу вас, вернитесь обратно. Здесь тридцать мушкетеров.

– Что за чепуха! – Гэндзи отодвинул Сэйки и вышел вперед. – Кто здесь старший?

Кумэ нажал на спусковой крючок.

Мушкет не выстрелил. Кумэ быстро осмотрел его. Ему следовало быть внимательнее. Когда он выбегал из караульни, то схватил вместо своего мушкета чужой, незаряженный.

– Эй, ты! Ты что делаешь?! – К Кумэ поспешно приближался командир стрелков. – Приказа поднимать мушкеты не было! – Он внимательно пригляделся к Кумэ. – Я тебя не знаю. Как твое имя и когда тебя приписали к этому отряду?

Но прежде, чем Кумэ успел ответить, Иси воскликнул: «Князь Гэндзи!» – и рухнул на колени. Все его люди, включая Кумэ и рассерженного командира стрелков,

вынуждены были последовать примеру своего начальника.

– Так вы меня узнаете? – поинтересовался Гэндзи.

– Да, князь Гэндзи! Если б я знал, что вы направляетесь сюда, мы бы должным образом приготовились к вашему прибытию.

– Благодарю вас, – отозвался Гэндзи. – Могу я поздороваться со своими друзьями или мне сперва нужно куда-то сходить и выправить разрешение?

– Дорогу князю Гэндзи! – велел Иси своим людям. Те, не поднимаясь, поспешно переползли в сторону и снова опустились на колени. – Прошу прощения, господин Гэндзи. Я не мог пропустить ваших людей, пока не был уверен, что вы и вправду с ними. В наше время вокруг так много заговоров – а сёгуна особенно беспокоят заговоры против чужеземцев.

– Идиот! – Сэйки по-прежнему готов был взорваться. – Ты что, считаешь, что я способен поставить под удар интересы своего господина?

– Уверен, что это не так, – сказал Гэндзи. – А вы как считаете?

– Конечно же, нет, господин Гэндзи, – поспешно отозвался Иси. – Я просто...

– Итак, – обратился к Сэйки князь, – все улажено. Можно нам теперь пройти?

И он двинулся к миссионерам.

Сэйки смотрел, как он идет, и сердце его переполняло восхищение. Со всех сторон ему могли грозить убийцы, и все-таки молодой князь шел столь небрежно, словно прогуливался по внутреннему садику своего замка. Гэндзи молод и неопытен, и, возможно, ему не хватает политического чутья. Но в жилах его течет чистейшая кровь клана Окумити, в том нет никаких сомнений. Сэйки снял руку с рукояти меча, еще раз смерил Иси яростным взглядом и поспешил следом за своим господином.

* * *

Судорожно вздохнув, Эмилия поняла, что на некоторое время перестала дышать.

Мгновение назад ей казалось, что кровавая схватка неминуема. Но вот какой-то человек вышел из паланкина, негромко произнес несколько слов, и напряжение тут же рассеялось. Эмилия, чрезвычайно заинтересованная, наблюдала за этим человеком, который теперь двинулся в их сторону.

Это был молодой мужчина, темноволосый и светлокожий. Глаза у него были удлинёнными и безукоризненно гармонировали с высокими дугами бровей, изящным носом, слегка приподнятыми скулами и намеком на улыбку, словно застывшую у него на губах. На нем, как и на прочих самураях, была куртка с жестким подобием крыльев на плечах; волосы молодого человека были уложены в причудливую прическу, а из-за пояса торчали рукояти двух мечей. Но несмотря на оружие, манеры его казались совершенно не воинственными.

Стоило ему приблизиться, и чиновник, доставивший Цефании столько хлопот, рухнул на колени и уткнулся лбом в землю. Молодой человек произнес несколько слов по-японски. Чиновник поспешно вскочил.

– Гэндзи князь, идти, он, – сказал чиновник. Он так разволновался, что его и без того неважный английский сделался еще хуже. – Вы, он, идти, пожалуйста.

– Князь Гэндзи? – переспросил Кромвель.

Юноша утвердительно поклонился. Тогда Кромвель представился сам и представил своих спутников:

– Цефания Кромвель. Эмилия Гибсон. Мэтью Старк.

«Господи, помоги нам! – подумал Кромвель. – Этот изнеженный мальчишка и есть князь Акаоки, наш покровитель в этой дикой стране».

Подошел второй самурай. Этот выглядел человеком зрелым – и куда более свирепым. Гэндзи негромко произнес несколько слов. Самурай тоже поклонился, повернулся и приглашающе взмахнул рукой.

Гэндзи что-то сказал чиновнику. Чиновник передал миссионерам:

– Гэндзи князь говорит, добро пожаловать Япония.

– Благодарю вас, князь Гэндзи, – ответил Кромвель. – Это большая честь для нас – находиться здесь.

С конца пристани послышался какой-то грохот. Его издавали три маленькие двухколесные повозки: в каждую вместо лошади был запряжен человек.

– У них здесь есть рабство! – воскликнул Старк.

– Я думал, что нет, – отозвался Кромвель. – Но похоже, я ошибался.

– Какой ужас! – возмутилась Эмилия. – Использовать людей вместо тягловой скотины!

– В наших рабовладельческих штатах можно увидеть то же самое, – заметил Старк, – если не хуже.

– Это ненадолго, брат Мэтью, – сказал Кромвель. – Стефен Дуглас уже дожидается инаугурации на пост президента Соединенных Штатов, а он клятвенно пообещал отменить рабство.

– Возможно, брат Цефания, следующим президентом станет не Дуглас. Это может быть Брекенридж, или Белл, или даже Линкольн. Прошлые выборы были совершенно непредсказуемыми.

– Следующий корабль уже привезет результат. Но это неважно. Кто бы ни стал президентом, рабству в нашей стране все равно конец.

Гэндзи прислушивался к разговору иностранцев, и ему казалось, что он узнает отдельные слова. «Люди». «Соединенные Штаты». «Обещать». Гэндзи с детства изучал английский. Но быстрый разговор людей, для которых этот язык родной, – совсем другое дело.

Рикши остановились перед миссионерами. Гэндзи жестом пригласил гостей садиться. К его удивлению, они наотрез отказались. Старший и самый уродливый из чужеземцев, Кромвель, принялся что-то пространно объяснять портовому чиновнику.

– Он говорит, что их религия не позволяет им ездить на рикшах.

Смотритель пристани нервно вытер пот со лба.

Гэндзи повернулся к Сэйки:

– Ты об этом знал?

– Конечно же, нет, господин. Кто бы мог подумать, что рикши могут иметь хоть какое-то отношение к религии?

– Чем именно их оскорбляют рикши? – осведомился Гэндзи у смотрителя.

– Они используют много слов, которых я не понимаю, – сознался чиновник. – Прошу прощения, господин Гэндзи, но обычно я имею дело с грузом. Мои познания в их языке по большей части касаются вопросов торговли, разрешений на высадку, пошлин, цен и тому подобного. Религиозные доктрины не входят в круг моих служебных обязанностей.

Гэндзи кивнул:

– Что ж, прекрасно. Им придется идти пешком. Погрузите на рикш багаж. Мы им заплатили. А значит, можем их использовать по своему усмотрению.

Он вежливо взмахнул рукой, предлагая миссионерам идти вперед.

– Отлично! – воскликнул Кромвель. – Мы одержали нашу первую победу! Мы заставили этого человека понять, как твердо мы придерживаемся христианской морали. Мы – народ на Его пастбище и овцы в Его руке.

– Аминь. – отозвались Эмилия и Старк.

Аминь. Это слово Гэндзи узнал. Но язык чужеземцев был настолько несозвучен его слуху, что князь полностью упустил предшествовавшую этому слову молитву.

Когда все тронулись вперед, Сэйки подошел поближе к князю. Он тихо, как будто миссионеры могли понять его слова, произнес:

– Господин, мы не можем допустить, чтобы эта женщина шла рядом с нами.

– Почему? Она кажется вполне здоровой.

– Меня волнует ее вид, а не ее здоровье. Вы успели рассмотреть ее как следует?

– Честно говоря, я старался вообще на нее не смотреть. У нее на редкость неприятная внешность.

– Это чрезвычайно мягко сказано, господин. Она одета, словно побирушка, рост у нее как у тягловой скотины, цвет волос кошмарен, а черты лица просто нелепы своей несоразмерностью.

– Нам предстоит просто пройти рядом с ней, а не жениться на ней.

– Насмешки могут ранить так же глубоко, как мечи, а нанесенные ими раны бывают не менее смертоносны. В наш вырождающийся век союзы хрупки, а решения непрочны. Вам не следует рисковать понапрасну.

Гэндзи взглянул на женщину. Эти двое мужчин, Кромвель и Старк, галантно шли рядом с ней, словно она была невесть какой красавицей. Притворялись они превосходно. Несомненно, Гэндзи еще ни разу в жизни не встречал женщины, на которую было бы столь же трудно смотреть. Да, Сэйки прав. Насмешки, которые она на них навлечет, могут оказаться чрезвычайно опасны.

– Подожди. – Они как раз подошли к паланкину. – Что, если она поедет на моем месте?

Сэйки задумался. Если Гэндзи пойдет пешком, он сделается более уязвимым. Но в противном случае весь Эдо увидит самураев клана Окумити в обществе подобной женщины. Нужно выбрать меньшее из двух зол. Нет, проще будет защитить Гэндзи, чем терпеть насмешки.

– Да, так будет лучше всего.

Пока Гэндзи разговаривал со своим помощником, Эмилия потихоньку оглядела свиту их покровителя. Все до единого самураи смотрели на нее, и на лицах их читалось явственное отвращение. Эмилия быстро отвела взгляд. Быть может, у них вызывает отвращение не она, а Цефания, или брат Мэтью, или хлопоты, связанные с их приездом? Нельзя так легко поддаваться надеждам – тем больнее, когда они рассыпаются в прах. Эмилия строго велела себе не спешить с выводами. Лучше подождать. Но вдруг это и вправду так? Ведь может же такое быть? Да, может.

– Эмилия, – сказал Кромвель, – я полагаю, князь Гэндзи предлагает тебе воспользоваться его паланкином.

– Но, Цефания, как же я могу воспользоваться этим предложением? Ведь перемещаться на плечах четырех рабов, несомненно, вчетверо более грешно, чем ехать в повозке, влекомой одним.

Кромвель посмотрел на носильщиков.

– Не думаю, чтобы это были рабы. Они все при мечях. А никто не позволил бы

вооруженному рабу подходить так близко к хозяину.

Эмилия поняла, что Цефания прав. Носильщики были вооружены и держались не менее горделиво, чем самураи. Возможно, здесь это считается великой честью – нести на плечах своего господина. Девушка заметила, что носильщики также глазают на нее с отвращением. И, несмотря на то, что она решила не спешить с выводами, Эмилию затопила волна радости.

– И все же мне это кажется неудобным, Цефания, – чтоб меня несли, когда ты идешь пешком. Это неприлично и не подобает женщине.

Гэндзи улыбнулся:

– Очевидно, паланкин тоже как-то связан с религией.

– Да, господин, – согласился Сэйки, но внимание его было приковано к подчиненным. – А ну, следите за собой! У вас на лицах написаны все ваши мысли.

Эмилия поняла, что свирепый самурай сказал что-то насчет нее, потому что все прочие тут же напустили на себя бесстрастный вид и старательно принялись смотреть куда угодно, только не на нее.

– Я полностью с тобою согласен, Эмилия. Но, возможно, в данных обстоятельствах лучше принять предложение, сделанное от чистого сердца. Нам следует приспособливаться к обычаям этой страны – конечно, в той степени, в какой это не противоречит нашей морали.

– Как тебе будет угодно, Цефания.

Присев перед князем Гэндзи в реверансе, Эмилия послушно двинулась к паланкину – и тут же столкнулась с непредвиденной трудностью. Вход в паланкин оказался до чрезвычайности узким. Чтобы пролезть в него, Эмилии пришлось бы извиваться совершенно неподобающим для леди образом. А кроме того, сам паланкин настолько мал, что ее жакет на толстой подкладке и широкие юбки займут почти все пространство. Чем же там дышать?

– Эмилия, давай я понесу твой жакет, – предложил Цефания. – Паланкин защитит тебя от холода.

Девушка испуганно запахнула ворот жакета поплотнее.

– Спасибо, но я лучше не буду его снимать.

Жакет был одной из преград между ее телом и миром. Чем больше таких преград, тем лучше.

– Она не знает, как садиться в паланкин, – заметил Сэйки. – Ее разум под стать ее внешности.

– Ну откуда же ей это знать? – отозвался Гэндзи. – Она ведь никогда прежде в него не садилась.

Он вежливо поклонился девушке и подошел к паланкину, извлек мечи из-за пояса и положил внутрь. Потом он согнулся и вошел внутрь, развернувшись при этом так, что, оказавшись внутри, уже мог нормально усесться. Чтобы выйти, он сперва высунул наружу ноги, а потом уже и выбрался целиком. Гэндзи проделал каждое движение с нарочитой неторопливостью, и Эмилия все прекрасно рассмотрела. Встав, Гэндзи плавным движением заткнул мечи за пояс. Завершив этот наглядный урок, князь поклонился и вновь жестом пригласил Эмилию садиться.

– Спасибо, князь Гэндзи, – отозвалась Эмилия.

Она была искренне признательна этому молодому японцу. Ведь он избавил ее от необходимости выставлять себя на всеобщее посмешище. А теперь, подражая движениям князя, Эмилия смогла без затруднений усесться в паланкин.

– Ну что, сможете дотащить такую тушу? – поинтересовался один из самураев, обращаясь к носильщикам.

– Хидё! – одернул его Сэйки. – Месяц дежуришь на конюшне! Есть еще шутники, желающие убирать навоз?

Больше шутников не нашлось. Носильщики подняли паланкин без особых усилий, и отряд, покинув порт, вступил на улицы Эдо.

* * *

Самым большим городом, в котором довелось побывать Старку, был Сан-Франциско. Там, в миссии, он наслушался всяких басен о Японии – от людей, которые, по их словам, плавали туда на военных, торговых или китобойных судах. Эти люди повествовали о странных обычаях, странных воззрениях и даже о странной еде. Но самыми фантастичными были байки о невероятном количестве народу: болтуны утверждали, будто в одном-единственном городе Эдо, столице сёгунов, живет больше миллиона человек. Старк не особенно верил подобным рассказам. В конце концов, это говорили пьянчуги, отщепенцы, беглецы. Другие в миссию Истинного слова просто не приходили. Но даже самые отъявленные их бредни не подготовили Старка к картине, представшей теперь его глазам. Улицы Эдо оказались для него настоящим потрясением.

На улицах, в лавках, в окнах многоэтажных домов – всюду люди. Невзирая на ранний час, народу было столько, что Старк не понимал, как вообще можно пробраться через такую толпу. Кипение чуждой жизни потрясло Старка.

– Брат Мэтью, с вами все в порядке?

– Да, брат Цефания. Я ошеломлен, но со мной все в порядке.

А может, и не все. Детство и юность Старка прошли на просторах Техаса и Аризоны. Там он чувствовал себя дома. Города же он никогда не любил. Даже в Сан-Франциско, и там уже нечем дышать. А Сан-Франциско по сравнению с Эдо – просто пылинка.

И тем не менее люди не просто расступались перед их отрядом, но и приникали к земле, словно травы прерии под северным ветром. Какой-то хорошо одетый человек, которого сопровождали трое слуг, поспешно соскочил с прекрасного белого коня и рухнул в своих богатых шелковых одеяниях напрямиком в грязь.

– А что такого сделал князь Гэндзи, чтобы заслужить подобное уважение? – поинтересовался Старк.

– Родился, – с мрачным неодобрением отозвался Цефания. – Члены воинской касты тут могут зарубить любого, кто не выкажет им должного почтения. А даймё – так называют князей – вправе за проступок одного человека казнить целую семью или даже целую деревню.

– Мне просто не верится, что подобное варварство может существовать на свете, – сказала Эмилия из паланкина, рядом с дверцей которого шли Старк и Кромвель.

– Потому-то мы здесь, – сказал Кромвель. – «Он спасает бедного от меча, от уст их и от руки сильного».

И снова миссионеры сказали «аминь». Гэндзи шел в нескольких шагах впереди и внимательно прислушивался к их разговору – и все-таки снова не смог распознать молитву. Очевидно, христианские молитвы могут быть столь же короткими, как

мантры буддистов, верящих в Чистую землю, или секты Лotosовой сутры.

Внезапно Сэйки с возгласом «Берегись!» сбил князя с ног.

И в тот же самый момент грянул выстрел.

* * *

– Если у вас имеются вопросы, – заявил Кумэ, – задайте их господину Каваками.

Заслышав имя главы тайной полиции, командир стрелков побледнел и отошел, не сказав более ни слова. Гэндзи и Сэйки прошли на пристань, чтобы поздороваться с миссионерами. Кумэ же тем временем вернулся в караульную. Он отыскал свой мушкет, спрятал его в черный полотняный чехол и забросил за спину. И, не теряя более времени, удалился.

Он знал, что от порта к дворцу клана Окумити, расположенному в районе Цукидзи, ведет всего одна дорога, достаточно широкая для того, чтобы по ней мог пройти кортеж Гэндзи. Прошлой ночью Кумэ изучил этот маршрут и выбрал здание, стоящее на углу; это была узкая двухэтажная постройка, стиснутая с обеих сторон такими же строениями. Подобная беспорядочная теснота вообще характерна для жилищ простонародья в Эдо. И вот теперь Кумэ направился прямо туда и, зайдя из переулка, взобрался на крышу облюбованного дома. Никто его не заметил. А если бы кто и заметил, то не поверил бы собственным глазам, потому что Кумэ просто вскарабкался по стене, словно паук.

Расположение было идеальным. Отсюда Кумэ будет прекрасно видно, как приближается его мишень. Более того, поворот заставит отряд пойти медленнее – тем легче ему будет прицелиться. Кумэ осмотрел мушкет, чтобы убедиться, что на этот раз он нажмет на спусковой крючок заряженного оружия.

Когда в дальнем конце улицы появился отряд Гэндзи, уже настал час лошади. Завидев приближение князя, горожане расступались и падали ниц. Это тоже было лишь на руку Кумэ. Он примостил дуло мушкета на край крыши – так, что наружу выглядывало не более дюйма. Вряд ли даже самый внимательный наблюдатель сможет заметить его снизу. Гэндзи беспечно шагал во главе отряда. Кумэ прицелился ему в голову. Как это было бы просто... Но подходящий момент для того, чтобы искалечить или обезобразить, упущен. Этот идиот в порту, Иси, признал, что узнает Гэндзи. И теперь всякое покушение на Гэндзи будет слишком явно указывать на замок Эдо.

Кумэ сместил прицел и выстрелил.

* * *

– Господин!

– Я цел, – отозвался Гэндзи.

Сэйки указал на крышу ближайшего дома.

– Вон он! Хидё! Симода! Взять его живым!

Прочие самураи, обнажив мечи, образовали кольцо вокруг князя. Горожане исчезли – при первом же признаке начинающихся неприятностей юркнули по щелям.

– Миссионеры! – воскликнул Гэндзи и бросился к паланкину.

Пуля проделала дыру в задернутом занавесе. Пассажир, как правило, располагался у другой стороны окна, точно на траектории полета пули. Гэндзи поспешно отворил дверь; он думал, что эта чужеземная женщина, Эмилия, истекает

кровью, а то и вовсе умирает.

Но она оказалась невредима. Пытаясь поудобнее устроиться в тесном, непривычном помещении, Эмилия съежилась. И в результате пуля лишь разорвала жакет – из прорехи теперь торчала вата, – но ее саму не задела.

Тут с другой стороны паланкина донесся возглас одного из телохранителей:

– Господин!

Кромвель лежал на земле, и из раны в нижней части живота текла кровь. Его поразила та самая пуля, что прошила паланкин насквозь.

– Нам нельзя здесь задерживаться, – сказал Сэйки. – Вперед!

Носильщики подняли паланкин. Четверо человек подхватили лежащего без сознания Кромвеля. И все припустили бегом ко дворцу Гэндзи в Цукидзи – лишь посверкивали на солнце обнаженные клинки.

* * *

Вскоре после того, как Гэндзи выступил в порт, Хэйко покинула дворец. Следом за нею отправился сам Кудо. Эта задача была слишком важна, чтобы передоверить ее какому-нибудь менее опытному самураю. Нет, Кудо не страдал излишним самомнением. Просто среди всех самураев клана Окумити он лучше всех умел скрытно идти по следу. Значит, это дело следовало исполнить ему. Вот и все.

Хэйко вместе со своей служанкой неспешно шествовала по улицам. Подобно всем прочим женщинам Плавучего мира, официально она имела право проживать лишь в Ёси-варе, огороженном квартале удовольствий. Но если б гейша сейчас направлялась туда, она, скорее всего, наняла бы лодку и поднялась вверх по реке Сумида. Она же вместо этого следовала к своему загородному домику, расположенному на восточной окраине Эдо, в лесу Гинза. Само наличие этого второго домика было не вполне законным. Но на подобные прегрешения со стороны Плавучего мира власти смотрели сквозь пальцы, особенно когда речь шла о самых известных и самых красивых куртизанках. Следует ли считать Майонаку-но Хэйко самой известной из нынешних гейш – спорный вопрос. Но в том, что она – самая красивая, сомнений быть не могло. В этом отношении она, несомненно, являлась превосходной парой для князя Гэндзи. Но Сэйки, равно как и самого Кудо, беспокоило то, что они ничего не знали о девушке – за исключением ее профессионального образа; а ведь всем известно, что у гейш это не более чем тщательно отрепетированная маска.

Первоначальное расследование – его сильно затруднял запрет князя Гэндзи – показало лишь, что контракт гейши составлял банкир Отани. Известно было, что он частенько выполнял щекотливые поручения высокопоставленных лиц. Как правило, умелого сочетания денег и угроз хватало, чтоб получить у Отани все необходимые сведения – возможно, даже имя тайного покровителя Хэйко. Но на этот раз вышло иначе. Отани наотрез отказался что-либо сообщать, сказав, что от его молчания зависит жизнь всей его семьи. Даже если банкир и преувеличивал, все равно похоже было, что Хэйко покровительствует какой-то князь, равный Гэндзи родовитостью и влиянием, а может, и превосходящий его. Из тех, кто двести шестьдесят лет назад уцелел в великой битве под Сэкигахарой, лишь тридцать-сорок семейств можно причислить к великим. Да, Хэйко была подругой какого-то могущественного человека. Либо его орудием. И значит, Гэндзи рисковал при каждой встрече с ней. Кудо был полон решимости разузнать правду. А если это ему так и не удастся, нужно будет

убить Хэйко – из предосторожности. Нет, не сегодня. В должный срок. Надвигается междоусобная война. Нужно избавиться от неопределенности – это повысит шансы клана на выживание.

Хэйко останавливалась поболтать едва ли не с каждым хозяином модной лавки. Ну как можно иметь цель и продвигаться к ней столь медленно? Кудо свернул с главной улицы в переулок. Лучше он пройдет вперед и будет смотреть, как Хэйко приближается. Если она подозревает, что за ней следят, то начнет озираться по сторонам, и это легче заметить, находясь впереди. И это уже само по себе подтвердит, что с ней дело нечисто; обычной гейше незачем бояться слежки.

Когда Кудо завернул за угол, из черного хода какой-то лавки вышли двое мужчин, выносившие отбросы. Завидев его, они в страхе отпрянули. Ноша их рухнула на землю, и сами они попадали ничком прямо в грязь. Не поднимаясь, они отползли с дороги Кудо, стараясь сделаться как можно незаметнее.

Эта. Кудо передернуло от отвращения, и он невольно потянулся за мечом. Эта. Гнусные изгои, стоящие ниже всех каст, выполняющие самые грязные работы. Уже за одно то, что попались на глаза самураю, их следовало убить на месте. Но если он сейчас убьет их, поднимется суматоха. Она привлечет ненужное внимание и помешает его намерениям. Кудо оставил меч в ножнах и поспешно прошел мимо. Эта. От одной лишь мысли о них Кудо почувствовал себя нечистым.

Он вновь выбрался на главную улицу в сотне шагов от того места, где в последний раз видел Хэйко. Да, девушка стояла все там же, растрачивая время на пустую болтовню все с тем же торговцем.

Стайка щебечущих женщин на миг оказалась между Кудо и объектом его наблюдения. А когда они прошли, ни Хэйко, ни ее служанки уже нигде не было видно. Кудо бросился к лавке, у которой стояла Хэйко. Никого.

Как такое могло случиться? Вот он смотрел на нее – а в следующее мгновение она уже исчезла. Гейши так не умеют. Так умеют ниндзя.

Кудо развернулся, собираясь вернуться во дворец, – на душе у него было еще беспокойнее, чем прежде, – и едва не налетел на Хэйко.

– Кудо-сама! – воскликнула гейша. – Какая встреча! Неужели вы тоже покупаете шелковые шарфы?

– Нет-нет, – отозвался Кудо, лихорадочно подыскивая подходящую отговорку. – Я направляюсь в храм в Хамато. Принести жертвы предкам, павшим в битве.

– Как похвально! – сказала Хэйко. – По сравнению с этим мой интерес к шарфам выглядит мелким и бессмысленным.

– Вовсе нет, госпожа Хэйко. Для вас шарфы так же важны, как меч для самурая. – Произнеся это, Кудо внутренне поежился. Чем дольше продолжался этот разговор, тем глупее он себя чувствовал. – А теперь я должен идти.

– Не улучите ли вы несколько минут, чтобы выпить со мною чаю, Кудо-сама?

– Это было бы для меня огромным удовольствием, госпожа Хэйко, но я должен как можно скорее вернуться к исполнению своих обязанностей. Мне следует побыстрее добраться до храма, чтобы затем побыстрее вернуться во дворец.

И, поспешно поклонившись, Кудо размашисто зашагал в сторону Хамато. Веди он себя повнимательнее, вместо того, чтобы думать о глупостях и воображать, будто Хэйко – ниндзя, не пришлось бы теперь делать такой крюк. Оглянувшись, он увидел, что девушка по-прежнему кланяется ему. Поскольку Хэйко продолжала глядеть ему вслед, придется отойти подальше, прежде чем можно будет свернуть ко дворцу.

Всю обратную дорогу Кудо скрипел зубами и ругал себя на все лады.

Глава 3 «ТИХИЙ ЖУРАВЛЬ»

Туман укрыл лес, что впереди, и море, что осталось за спиной. Но в то же время далекая вершина горы Тоса прекрасно видна на фоне весеннего неба. Впереди среди деревьев и теней таится меткий стрелок. Сзади приближается убийца, прячась за плывущим бревном.

Что толку в отдаленной ясности?

Судзумэ-нокумо (1701)

Кромвель блуждал от одного видения к другому. Вот сейчас над ним склонилось лицо Эмилии; ее золотые кудри струились навстречу Цефании. Девушка казалась невесомой, и сам он – тоже. Значит, ему снится кораблекрушение? Они очутились под водой. «Вифлеемская звезда» пошла на дно, и они утонули. Кромвель попытался отыскать взглядом обломки корабля, но не смог отвести глаз от Эмилии.

– «Звезда» цела и невредима, – сказала Эмилия. – Она стоит на якоре в заливе Эдо.

Так значит, в этом сне Эмилия понимает его мысли? Мир бодрствования стал бы куда лучше, если б разум каждого превратился в открытую книгу. Не было бы нужды ни в притворстве, ни в стыде. Грех, раскаяние и спасение приходили бы в душу сразу, в один и тот же миг.

– Успокойся, Цефания, – сказала Эмилия. – Успокойся и отдохни. Не думай ни о чем.

Да. Она права. Кромвель попытался коснуться волос девушки, но оказалось, что не может поднять руку – ее просто нет. Он почувствовал, что становится все легче и легче. Но как такое может быть? Он ведь и так невесом... Мысли ускользали от него. Кромвель закрыл глаза и перешел из этого сна в другой.

* * *

Эмилия была бледна как мел.

– Он умер?

– Он то бредит, то теряет сознание, – ответил Старк.

Кромвеля разместили в гостевом крыле дворца. Сейчас он лежал на мягкой постели, устроенной прямо на полу. Японец средних лет, вероятно врач, осмотрел Кромвеля, смазал рану какой-то сильно пахнущей мазью и наложил повязку. Прежде чем уйти, врач кликнул трех молодых женщин и усадил их рядом с постелью раненого. Показав им мазь и бинты, врач коротко отдал какие-то распоряжения, потом поклонился Эмилии и Старку и ушел. Японки отступили в дальний угол, опустили на колени и так и остались сидеть, безмолвные и недвижимые.

Эмилия устроилась справа от Кромвеля, на большой подушке; Старк на такой же подушке – слева. Им обоим было неудобно на полу, ведь сидеть по-японски они не умели. Буквально через полминуты Старк начинал ерзать и менять позу. Эмилии с ее длинными пышными юбками разместиться оказалось еще труднее. В конце концов

девушка прилегла на бедро и вытянула ноги вбок, тщательно накрыв их подолом. Так она сидела в детстве, во время прогулок на природе; здесь такая поза была не вполне уместна, но Эмилия просто не могла придумать ничего лучше.

– Мы же не несем с собой ничего, кроме слова Христова, – сказала Эмилия. Она взяла влажное полотенце и вытерла пот со лба Кромвеля. – Кто и почему захотел убить нас?

– Не знаю, сестра Эмилия.

Старк заметил сверкание металла на крыше за миг до того, как убийца выстрелил. Он бросился на землю прежде, чем услышал выстрел. Промешкай он хоть чуть-чуть, и вместо Кромвеля пуля поразила бы его. Настороженность Старка обернулась невезением для проповедника. Тому вообще на редкость не повезло. Миновав Старка, пуля вошла в один бок паланкина и вышла с другого. Она должна была бы попасть при этом в Эмилию, но и этого почему-то не произошло. Уже выйдя из паланкина, пуля угодила в Кромвеля – прямехонько в живот. Рана в живот. От такой люди умирают неделями.

– Он выглядит сейчас таким умиротворенным... – сказала Эмилия. – Он не хмурится и даже улыбается во сне.

– Да, сестра Эмилия. Он и вправду выглядит умиротворенным.

Чем больше Старк размышлял о происшествии, тем больше ему казалось, что настоящей мишенью был он сам. Кому-то заплатили, и наемник взобрался на крышу чужого дома, чтобы убить человека, которого он никогда в жизни не видел. И незнание языков не было тому помехой. Старк ни капли не сомневался, что в Японии купить смерть за деньги ничуть не труднее, чем в Америке.

Он ненадолго вытянул ноги, чтобы их не свело судорогой. Каждый раз, стоило лишь ему пошевелиться, четверо самураев-стражников мгновенно настораживались. Они сидели – точно так же, на коленях, – в коридоре, у входа в комнату. И непонятно было, то ли они охраняют миссионеров, то ли сторожат их. После того выстрела они очень внимательно следили за Старком. Старк не знал, чем это вызвано.

* * *

– Повязки следует менять почаще, – сказал доктор Од зава. – Я дал ему лекарство, уменьшающее кровотечение, но полностью его не остановить. Повреждены крупные артерии. Пуля застряла у самого позвоночника. Извлечь ее нельзя.

– Сколько? – спросил Гэндзи.

Врач покачал головой:

– Если ему повезет – несколько часов. Если нет – несколько дней.

И, поклонившись, он удалился.

– Какое несчастье, – заметил Гэндзи. – Нужно будет поставить в известность американского консула, Гарриса. Исключительно неприятный тип.

– Господин, эта пуля предназначалась вам, – заявил Сэйки.

– Сомневаюсь. Мои враги не стали бы посылать такого скверного стрелка. Как он мог целиться в меня, а угодить в паланкин? Он же был в десяти футах позади!

Вошла служанка с чайничком свежего чая. Сэйки нетерпеливым жестом велел ей уйти, но Гэндзи протянул чашку за новой порцией чая. Горячий напиток помогал отогнать зимний холод.

– Я осмотрел паланкин, – сказал Сэйки. – Находишься ты там – как должен бы был

предположить всякий, – пуля поразила бы вас насмерть. Чужеземку спасла лишь ее варварская поза.

– Знаю. Это я видел сам.

Гэндзи улыбнулся служанке. Девушка зарделась, смущенная таким вниманием со стороны молодого князя, и склонилась в глубоком поклоне. На взгляд Гэндзи, она была очаровательна. В ее возрасте давно уже пора быть замужем. Ей ведь уже двадцать два или двадцать три года.

Как там ее зовут? Ах да, Ханako. Гэндзи перебрал в уме своих телохранителей. Кто из них подходит по возрасту и еще не имеет жены?

– Однако же меня в паланкине не было. Я шел перед ним, и это мог видеть всякий.

– Вот именно! – возразил Сэйки. – Если убийца не знал вас в лицо, ему и в голову бы не пришло искать вас там, где вы находились. Где же это слышано, чтоб иноземная женщина ехала в паланкине, а князь шел пешком? Кроме того, у вас на одежде не было родового герба, а это тоже дело неслыханное. Потому убийца и решил, что вы в паланкине, и именно туда и выстрелил.

– Что за извращенное рассуждение, – пожал плечами Гэндзи.

В дверях показались Хидё и Симода; оба тяжело дышали. Именно их Сэйки послал в погоню за убийцей.

– Простите нас, господин, – первым заговорил Хидё. – Он исчез бесследно.

– Никто ничего не видел, – добавил Симода. – Он словно в воздухе растворился.

– Ниндзя! – выругался Сэйки. – Проклятые трусы! Давно пора их всех предать мечу, вместе с женщинами и детьми!

– Дом принадлежит некоему бакалейщику по имени Фудзита, – сообщил Хидё. – Обычный человек. Ни подозрительных делишек, ни связей с каким-нибудь кланом, ни долгов, ни дочерей в Плавучем мире – ничего. Похоже, он тут ни при чем. Конечно же, он страшится вашего возмездия. Он смиренно просит, чтобы ему позволили предоставить нам все угощение, нужное для новогодних празднеств.

Гэндзи расхохотался:

– Тогда он разорится, и ему точно придется продать всех дочерей в Плавучий мир.

– На этом он много не заработает, господин, – с усмешкой отозвался Хидё. – Я видел его дочерей.

Сэйки пристукнул кулаком по полу:

– Хидё! Ты забываешься!

– Простите, господин!

Пристыженный самурай прижался лбом к полу.

– Не нужно такой резкости, – подал голос Гэндзи. – Нам выпало утомительное утро. Хидё, сколько тебе лет?

– Простите? – Неожиданный вопрос застал Хидё врасплох. – Двадцать девять, господин.

– Почему ты до сих пор не женат? Ведь ты давно уже не мальчик.

– Господин, я...

– Говори прямо, – прикрикнул на него Сэйки. – Нечего отнимать время у князя!

Он действительно считал этот разговор пустой тратой времени со стороны Гэндзи. Его жизнь и существование клана под угрозой, а он затеял какую-то глупую игру!

– Мне не представлялось подходящей возможности, господин, – сказал Хидё.

– Правда в том, – вмешался Сэйки, – что Хидё слишком любит женщин, вино и азартные игры. Он так погряз в долгах, что ни одно порядочное семейство не захочет видеть его своим родственником.

Старому самураю хотелось побыстрее завершить эту бессмысленную беседу и вернуться к более важным делам. Например, к этому чрезвычайно подозрительному чужеземцу, Старку.

– Сколько ты задолжал? – спросил Гэндзи.

Хидё на миг заколебался, потом сознался:

– Шестьдесят рё, господин.

Для человека его положения это была огромная сумма. Годовое жалованье Хидё составляло десять рё.

– Глупец, не помнящий о дисциплине! – не удержался Сэйки.

– Да, господин!

Искренне удрученный Хидё снова прижался лбом к полу.

– Твои долги будут уплачены, – сказал Гэндзи. – Смотри, не наделай новых. Я бы посоветовал тебе прямо сейчас, пока ты платежеспособен, найти себе жену. Какую-нибудь девушку, умеющую вести хозяйство. Таковую, чтоб она научила тебя бережливости и показала привлекательность домашнего очага.

– Да, господин! – отозвался Хидё, застыв в почтительнейшем поклоне. Великодушие князя ошеломило его.

– Я бы сам подобрал тебе такую жену, – продолжал Гэндзи. – Ты согласен положиться на меня в этом деле?

– Да, господин. Большое вам спасибо.

– Ханako! – позвал Гэндзи. – Проведи этих людей в комнату, где они могли бы отдохнуть, и останься с ними, чтобы прислуживать им.

– Слушаюсь, господин, – отозвалась Ханako.

Изящно поклонившись, она увела Хидё и Симоду.

Когда они вышли, Сэйки отвесил князю глубокий церемонный поклон. Наконец-то он понял, что произошло! Даже посреди напряженных событий, грозящих ему смертью, князь Гэндзи нашел время подумать о тех, кто был вверен его попечению. Эта служанка, Ханako, – сирота, а потому, несмотря на всю ее красоту и хорошие манеры, девушке вряд ли удалось бы найти достойного мужа. Ведь у нее нет ни полезных родственных связей, ни приданого. А Хидё, которого во многих отношениях можно было бы считать образцовым самураем, для полной зрелости не хватало груза ответственности. Если предоставить его самому себе, он и дальше будет растрачивать время и деньги на бессмысленные забавы. И в конце концов превратится в бесполезного пьянчугу, как это уже произошло со многими самураями вырождающихся кланов. И все это князь Гэндзи предотвратил одним-единственным верным ходом. На глазах у сурового воина выступили слезы.

– В чем дело, Сэйки? Я что, умер и превратился в божество?

– Господин... – только и смог произнести растроганный до глубины души Сэйки. Он не в силах был даже поднять лицо от пола. Опять он недооценил глубину души своего господина!

Гэндзи протянул руку к своей чашке. Другая служанка, Митико, с поклоном налила еще чаю. У Митико муж уже имелся, потому Гэндзи улыбнулся ей, но тут же выбросил служанку из головы. Попивая чай, он терпеливо ожидал, пока Сэйки возьмет

себя в руки. Самурай – странные создания. Их кодекс чести требует без единого стога переносить самые жестокие пытки. И в то же время они способны прослезиться при виде столь прозаической вещи, как заключение брачного договора, и не видят в этом ничего зазорного.

Через некоторое время Сэйки поднял голову и движением рукава смахнул слезы с глаз.

– Господин, вам следует все-таки считаться с тем, что миссионеры могут быть каким-то образом причастны к заговору против вас.

– Если это был заговор.

– Чужеземец, именуемый Старком, предвидел этот выстрел. Он бросился на землю еще до моего возгласа – я сам это видел. А это означает лишь одно: он знал, где находится убийца.

– Или он очень наблюдателен. – Гэндзи покачал головой. – Быть настороже и остерегаться предательства – похвально. Но видеть предательство повсюду – это уже чересчур. Нельзя допускать, чтобы воображение отвлекало нас от подлинной опасности. Старк лишь сегодня приплыл из Америки. В Японии довольно своих убийц. Кому и зачем понадобилось бы так все осложнять и привозить из чужих земель еще одного?

– Например, тому, кто желает скрыть свое имя дополнительным покровом тайны, – сказал Сэйки. – Тому, кого вы никогда бы не заподозрили.

Гэндзи вздохнул.

– Ну что ж, можешь и дальше заниматься этим делом. Но прошу тебя, не нужно чрезмерно изводить Старка. Он – наш гость.

Сэйки поклонился.

– Слушаюсь, господин.

– Давай посмотрим, как там они, – предложил Гэндзи.

Когда они вышли в коридор, Сэйки вспомнил о том бакалейщике, с крыши которого стрелял убийца.

– Что мы будем делать с предложением Фудзиты?

– Передай ему нашу благодарность и скажи, что мы дозволяем ему привезти сакэ для празднования Нового года.

– Слушаюсь, господин, – отозвался Сэйки.

Это достаточно дорого, чтобы унять страхи бакалейщика, но не настолько дорого, чтобы уничтожить его. Мудрое решение. Доверие Сэйки к своему господину возросло еще больше.

* * *

Голландский телескоп позволял Каваками наблюдать за крышами домов тех улиц, по которым двигался отряд Гэндзи. Правда, дома заслоняли от него большую часть улиц, но Каваками все было ясно по поведению тех людей, которых он видел в проемах. Если они бросались на землю, это знаменовало приближение княжеской процессии. Когда та проходила, они вставали и возвращались к прерванным делам.

Каваками искренне позабавился, глядя, как Мондзаэмон, богатый торговец и банкир, соскочил со своего знаменитого белого коня и, невзирая на пышный наряд, повалился ничком, словно последний крестьянин. Среди должников Мондзаэмона числилось немало князей, и даже сам сёгун занимал у этого невыносимого человечка

крупные суммы. Однако же и он падал ниц при виде знатного человека. Деньги – это одно. А привилегия носить два меча и право беспрепятственно пускать их в ход – совсем другое. Каваками был уверен: как бы ни менялся мир, умение убивать всегда будет стоять выше умения торговать.

Каваками послышался звук отдаленного выстрела. В телескоп видно было, как Мондзаэмон вскинул голову и на жирном лице торговца отразился страх. Белый конь в панике попятился и затоптал бы хозяина, если б не вмешался один из слуг.

Что-то произошло. Придется подождать новостей. Каваками отошел от телескопа.

– Я буду в чайном домике, – сказал он своему помощнику Мукаи. – Если не будет ничего неотложного, меня не беспокоить.

И Каваками в одиночку отправился в чайный домик. Это была простая беседка, размещившаяся в одном из садилов огромного замка. И все же именно этому домику Каваками обязан был величайшим наслаждением своей жизни.

Одиночеством.

Для такого человека, как Каваками, – князя, постоянно окруженного толпой разнообразных прислужников и проживающего в двухмиллионном Эдо, – одиночество представлялось редкой роскошью. По правде говоря, он согласился возглавить тайную полицию сёгуна прежде всего потому, что это давало ему законный повод побыть одному. Когда Каваками хотелось отдохнуть от тягостного груза обязанностей, он всегда мог сослаться на государственную тайну и исчезнуть. Сперва он проделывал это в основном ради того, чтобы ускользнуть от жены и наложниц и навестить какую-нибудь из многочисленных любовниц. Впоследствии он стал избегать и любовниц. Постепенно Каваками стало нравиться беспрепятственно следить за чужими жизнями. Теперь у него и вправду почти не было времени на фривольные приключения, некогда доставлявшие ему такое удовольствие.

Теперь для него драгоценным стало ожидание – те редкие минуты, когда он оставался наедине с маленькой жаровней, кипящей водой, ароматом чая и горячей чашкой в ладонях. Но сегодня он едва лдшь успел заварить чай, как из-за двери донесся знакомый голос:

– Господин, это я.

– Входи, – отозвался Каваками.

Дверь скользнула в сторону.

* * *

Хэйко покинула дворец сразу же после отъезда Гэндзи. Гейшу сопровождала лишь ее собственная служанка, Сатико. Князя не могут никуда пойти без целого отряда телохранителей. Во всей стране никого так не страшатся, как их, – и во всей стране никто не живет в большем страхе. Они сеют смерть с той же легкостью, с какой счастливый ребенок смеется. А потому, по неизбежному закону кармы, смерть настигает их самих. Гейши же, в отличие от могущественных князей, не боятся никого. Они, с их изысканной хрупкостью, их красотой, изяществом, молодостью, были живым воплощением слабости. И потому могли без малейшего страха ходить, где им заблагорассудится. И в этом тоже проявляется закон Будды.

– Госпожа Хэйко, – прошептала Сатико, – за нами следят.

– Не обращай внимания, – велела Хэйко.

Улочка, по которой они шли, была обсажена вишнями.

Весной они покрывались цветами; поэты и художники веками восславляли цветущие вишни. Сейчас деревья были черны и наги. Однако же, разве они не прекрасны? Хэйко приостановилась, чтобы полюбоваться веткой, привлекавшей ее внимание. Легкий снежок, ночью припорошивший дерево, теперь уже почти растаял, оставив после себя капельки ледяной воды. Лишь в тени, там, где ветка изгибалась, сохранилось несколько снежинок. Несколько мгновений, и Хэйко нужно будет идти дальше. А солнце скоро коснется лучами этого изгиба. И прежде, чем она, Хэйко, доберется туда, куда ей нужно, эти снежинки уже исчезнут. При мысли об этом что-то сдавило грудь девушки, и на глаза навернулись непрошеные слезы. Наму Амида буцу, Наму Амида буцу, Наму Амида буцу. Благоговение перед сострадательным Буддой, что слышит плач всех страждущих. Хэйко сделала глубокий вдох и сдержала слезы. Воистину ужасно быть влюбленной.

– Нам не следует медлить, – подала голос Сатико. – Вас ждут в час змеи.

– Чего мне действительно не следовало делать, так это соглашаться на столь раннее свидание, – возразила Хэйко. – Очень вредно начинать день со спешки.

– Истинная правда, – согласилась Сатико. – Но что может поделать женщина? Ей велят, и она повинуется.

Сатико было девятнадцать, как и самой Хэйко, но она вела себя так, словно была намного старше. В некотором смысле в этом и заключалась ее работа. Взяв на себя обязанность размышлять о практических делах, Сатико избавила Хэйко от докучливой обузы повседневности.

И женщины продолжили путь. За ними следил Кудо. Он воображал, будто умеет незаметно шпионить за людьми. Откуда у него взялась такая странная фантазия, Хэйко понятия не имела. Кудо, подобно большинству самураев, нетерпелив. Вся его подготовка научила его лишь одному – правильно выбирать момент, определяющий, кому жить, а кому умирать. Молниеносный взмах меча. Вместе с кровью жизнь вытекает на землю. Почти безразлично, кто победит, кто проиграет. Решающий миг. Вот что важно. А потому Кудо требовалось сделать невероятное усилие над собой, чтобы следовать за двумя женщинами, идущими столь неспешно, да еще и постоянно останавливающимися, чтоб полюбоваться деревом, взглянуть на товары или просто отдохнуть. А потому Хэйко, конечно же, пошла еще медленнее обычного, то и дело застревая у лавок, чтобы перекинуться с кем-нибудь парой слов. К тому времени как они добрались до главного торгового района в Цукидзи, Кудо уже носился вокруг, словно загнанная крыса.

– Давай! – приказала Хэйко.

Несколько женщин прошли мимо, на пару мгновений заслонила ее от взгляда Кудо. Хэйко пристроилась вплотную к ним и перешла через улицу, а Сатико просто присела и сделала вид, будто с интересом перебирает товар торговли сушеными фруктами. Из переулка девушке было видно, как заметался Кудо. Он принялся лихорадочно оглядываться по сторонам, даже не замечая служанку, сидящую почти у самых его ног. Когда самурай повернулся к ней спиной, Хэйко вновь пересекла улицу и остановилась вплотную к Кудо. И мастерски разыграла изумление, когда он едва не налетел на нее:

– Кудо-сама! Какая встреча! Вы тоже покупаете шелковые шарфы?

Беседа их оказалась непродолжительной, но все это время Хэйко приходилось сдерживаться изо всех сил, чтобы не расхохотаться. Когда разозленный Кудо ушел в сторону Хамато, Хэйко подозвала рикшу. Час дракона почти перетек в час змеи.

Теперь ей уже некогда идти пешком.

* * *

Каваками Эйти, князь Хино, глава ведомства внутреннего порядка при правительстве сёгуна, подождал, пока посетитель войдет в домик. Он словно окутал себя веским достоинством, приличествующим его титулам и положению.

И все это испарилось без следа, стоило лишь двери отвориться. Каваками думал, что он подготовился, но нет. К такому невозможно подготовиться. И ему следовало бы это знать. Таково ее свойство. Когда она отсутствовала, черты ее лица и весь облик делался в памяти каким-то расплывчатым, словно ни разум, ни око не в силах вместить в себя столь сокрушительную красоту.

Вот и теперь, увидев ее, Каваками задохнулся.

Пытаясь сохранить хотя бы видимость спокойствия, он упрекнул гостью:

– Ты опоздала, Хэйко.

– Прошу прощения, господин Каваками. – Хэйко поклонилась, продемонстрировав при этом прекрасный изгиб шеи. И снова она услышала резкий вдох Каваками. Девушка напустила на себя бесстрастный вид. – За мной следили. Мне показалось разумным не давать преследователю понять, что я его заметила.

– Конечно же ты не допустила, чтобы он пришел за тобою сюда?

– Нет, господин. – Хэйко улыбнулась. Это воспоминание позабавило ее. – Я позволила ему налететь на меня. После этого он уже не мог за мною идти.

– Неплохо, – признал Каваками. – Кто это был? Опять Кудо?

– Да.

Хэйко сняла чайничек с огня. Каваками позволил воде кипеть слишком долго. Если залить ею чай прямо сейчас, все оттенки аромата погибнут. Надо сперва дать ей остыть до нужной температуры.

– Кудо – их лучший мастер этого дела, – сказал Каваками. – Возможно, ты все-таки дала повод для того, чтобы у князя Гэндзи возникли какие-то вопросы.

– Это маловероятно. Я совершенно уверена, что Кудо действовал по собственному почину. Князь Гэндзи по природе не склонен к подозрительности.

– Все князя к ней склонны, – возразил Каваками. – Подозрительность и выживание нерасторжимы.

– Мне вот подумалось... – произнесла Хэйко, слегка склонив голову, на взгляд Каваками исключительно привлекательно. – Если он способен провидеть будущее, он не нуждается в предосторожностях. Он знает, что и когда произойдет. В таком случае подозрительность теряет смысл.

Каваками презрительно фыркнул.

– Чепуха! Его семейство много поколений играло на этом вымысле. Но если б Окумити и вправду способны были прозревать будущее, они стали бы сильнейшим кланом империи – они, а не Токугава, и Гэндзи сейчас был бы сёгуном, а не владетелем такого захолустного княжества, как Акаока.

– Несомненно, вы правы, господин.

– Похоже, ты все еще сомневаешься. Быть может, ты обнаружила какие-либо доказательства существования этого предполагаемого дара?

– Нет, господин. По крайней мере, не напрямую.

– Не напрямую!

Каваками скривился, словно съел что-то кислое.

– Однажды, когда Кудо и Сэйки спорили с князем Гэндзи, я услышала упоминание о «Судзумэ-нокумо».

– Судзумэ-нокумо – это название главной крепости княжества Акаока.

– Да, господин. Но они говорили не о крепости. Они вели речь о какой-то тайной книге.

Каваками очень нелегко было внимательно выслушать доклад Хэйко. Чем дольше он смотрел на девушку, тем больше ему хотелось выпить не чаю, а сакэ. Но ранний час и сопутствующие обстоятельства делали этот шаг чрезвычайно неразумным. Тем лучше. Следует все-таки сохранять надлежащее расстояние меж господином и слугой. Каваками чувствовал, что его раздражение нарастает. Но отчего? Оттого, что он не может сделать с Хэйко того, что ему бы хотелось? Конечно же, нет. Он – самурай древнего рода. Желания не могут повелевать им. Отчего же тогда? Все дело в возможности знать больше других. Да, пожалуй, так. Каваками во все проникал, все ведал; его знание основывается на сообщениях великого множества шпионов. Однако же, по мнению толпы, Гэндзи наделен способностью видеть даже больше, чем Каваками. Люди верят, что он обладает даром пророчества.

– У многих кланов имеются так называемые тайные учения, – сказал Каваками. – Обычно это наставления о стратегии – зачастую просто заимствованные из «Искусства войны» Сунь Цзы.

– В этой книге якобы записаны видения предыдущих князей Акаоки, начиная с Хиرونоби, жившего шестьсот лет назад.

– Подобные слухи о семействе Окумити ходят уже не одно поколение. Считается, что раз в поколение в нем непременно рождается пророк.

– Да, господин. Так говорят. – Хэйко поклонилась. – Позвольте... – Она налила в заварочный чайничек горячей воды. В воздух поднялись струйки ароматного пара.

– И ты в это веришь? – Каваками от гнева слишком рано поднес чай к губам. Он все-таки глотнул, постаравшись скрыть боль. Горячая жидкость обожгла горло.

– Я верю, что, если об этом так много говорят, значит, за слухами что-то да кроется, господин. Не обязательно пророчества.

– Если кто-то что-то говорит, это еще не становится истиной. Если б я верил во все, что мне говорят, мне следовало бы казнить половину жителей Эдо, а прочих посадить в тюрьму.

Это было наибольшее приближение к шутке, какое мог себе позволить Каваками. Хэйко вежливо засмеялась, прикрыв рот рукавом кимоно, и низко поклонилась:

– Надеюсь, ко мне это не относится?

– Конечно же, нет, – несколько смягчившись, сказал Каваками. – В адрес Майонака-но Хэйко я слышу одни лишь хвалы.

Хэйко снова хихикнула:

– К несчастью, если кто-то что-то говорит, это еще не становится истиной.

– Я постараюсь это запомнить.

Каваками широко улыбнулся. Ему приятно было, что его цитируют, тем более с таким изяществом и столь красивая женщина.

Хэйко всегда удивлялась: до чего же легко сбивать мужчин с толку! Достаточно просто немного поиграть в глупышку. Они слышат хихиканье, они видят улыбки, они вдыхают нежный запах, исходящий от шелковых рукавов, – и никогда не замечают жесткого блеска глаз под скромно трепещущими веками. Это действовало даже на

Каваками, хотя уж кому-кому, а ему следовало бы быть посообразительнее. Ведь это он создал Майонака-но Хэйко. И все же он покупался на эти уловки, как и все прочие. Все, кроме Гэндзи.

– Про деда князя Гэндзи, покойного князя Киёри, тоже говорили, что он способен угадывать будущее.

Хэйко с поклоном поднесла Каваками еще чаю. Он принял чашку, но на этот раз стал пить более осторожно.

– И тем не менее он умер внезапно, три недели назад – возможно, его отравили. Почему же он не предвидел этого и не избег опасности?

– Возможно, господин, не все можно предвидеть.

– Удобная отговорка, – сказал Каваками, снова начиная горячиться. – Она помогает поддерживать легенду. Но все это – не более чем пропаганда клана Окумити. Мы, японцы, безнадежно доверчивы и чрезвычайно суеверны. А Окумити умело играют на этом. Из-за всех этих детских сказочек о пророчестве клану Окумити придают большое значение, которого он на самом деле не заслуживает.

– А действительно ли причиной смерти князя Киёри стал яд?

– Если тебя интересует, приказывал ли я его отравить, то нет.

Хэйко изящно опустилась на пол и распростерлась ниц.

– Я никогда не позволила бы себе столь дерзких предположений, господин Каваками. – Голос и манеры девушки были полны неподдельной серьезности. – Прошу прощения за то, что произвела на вас неправильное впечатление.

Человек, сидящий перед ней, был шутком, но умным и опасным шутком. А она, желая узнать, что он задумал в отношении Гэндзи, зашла слишком далеко. Следует быть осторожнее, иначе Каваками может заподозрить, что ее интерес превышает рамки долга.

– Ну, будет. Поднимись, – с чувством произнес Каваками. – Я не обиделся. Ты – мой доверенный вассал.

Разумеется, женщина не могла занимать подобное положение. Но ведь это всего лишь слова.

– Я не заслуживаю такой великой чести.

– Чепуха. Ты должна знать мои замыслы, чтоб действовать в соответствии с ними. Я не любил князя Киёри, это правда, – но у него и без меня хватало врагов. Многим не нравилось, что он так дружелюбен с чужеземцами, особенно с американцами. А его интерес к христианству вызывал еще больше недовольства. Даже собственный клан не слишком охотно его поддерживал. Ты сама докладывала, что Сэйки и Танака, два самых значительных его вассала, изо всех сил возражали против появления миссионеров во владениях клана. Танака оказался столь упрям, что даже покинул свой пост и шесть месяцев назад удалился в монастырь Мусиндо.

– Да, господин, так оно и было. Он принял буддийские обеты и монашеское имя Сохаку.

– Религиозный фанатизм бывает опаснее политической розни. Скорее всего, именно Танака – или Сохаку, если тебе так угодно, – убил старого князя. Во всяком случае, мне так кажется.

– Как это ужасно, – сказала Хэйко, – когда тебе наносит удар столь близкий человек.

– Именно близкие наиболее опасны, – отозвался Каваками, внимательно наблюдая за Хэйко, – поскольку именно к ним мы редко присматриваемся с должным

тщанием. Вот ты, например, делишь ложе с князем Гэндзи – и все же можешь в любой миг перерезать ему горло. Разве это не так?

Хэйко поклонилась, тщательно следя за тем, чтобы придать лицу правильное выражение: покорное, но не слишком.

– Чистая правда.

– И тебе не будет трудно преодолеть свою привязанность к князю?

Хэйко весело рассмеялась:

– Господин изволит шутить со мной? Я делю постель с Гэндзи потому, что таков ваш приказ, а не из-за какой-то там привязанности.

Каваками нахмурился:

– Осторожнее, Хэйко. Ты должна забывать об этом, когда находишься рядом с ним. Ты должна любить его, безраздельно и даже безнадежно, иначе Гэндзи поймет истинную твою цель и ты станешь для меня бесполезна.

Хэйко низко поклонилась:

– Слушаю и повинуюсь, господин.

– Хорошо. А что там с дядей князя Гэндзи? Удалось ли тебе выяснить, где он находится?

– Пока нет. С тех пор как господин Сигеру покинул замок, его не видели ни в одном из княжеских поместий Акаоки. Возможно, он вообще покинул клан.

Что бы ни послужило тому причиной, эту новость можно было счесть воистину хорошей. Дядя куда опаснее племянника. Сигеру всю жизнь был самозабвенно предан древним воинским искусствам самураев. Он умел убивать как при помощи оружия, так и голыми руками и нередко пользовался своим умением. Все знали, что он участвовал в пятидесяти девяти поединках и во всех победил; это было всего на один поединок меньше, чем у легендарного Миямото Мусаси, жившего двести лет назад. Шестидесятый и шестьдесят первый поединки были назначены на последний день старого года и первый день нового, но, похоже, теперь они уже не состоятся. Сигеру исчез.

– Расскажи все, что тебе удалось узнать.

Хэйко немедленно приступила к рассказу. Если она будет слишком много размышлять над тем, что говорит, то уже не сможет продолжать. Она черпала сведения по капле из разных источников. Девушка была уверена, что правильно восстановила всю историю, но от всей души надеялась, что ошибается.

* * *

Небольшой буддийский храм в окрестностях замка Судзумэ-нокумо был построен давным-давно, еще в тринадцатый год правления императора Гоханадзоно. В отличие от прочих храмов, этот не принадлежал какой-то определенной секте. Вышло так потому, что князь Вакамацу возвел его во искупление своих деяний: ранее он разрушил три десятка монастырей, принадлежавших сектам дзодо, риндзай, сото и обаку, и перебил пять тысяч монахов вместе с семьями и сторонниками. Хорошо вооруженные монахи не захотели подчиниться князю, повелевавшему им прекратить религиозные распри.

Сигеру знал об этом храме все до мельчайших подробностей. Он занимал важное место в ужаснейших из его пророческих снов, посещавших Сигеру с самого детства. Сигеру знал, что эти видения полны знамений, но не мог их истолковать и потому на

протяжении многих лет изучал историю храма в надежде, что люди и события прошлого дадут ему какую-то подсказку. Но он так ее и не обрел.

Теперь же он постиг все, но было поздно. Так всегда случалось со знаменьями, являвшимися ему. Он понимал их слишком поздно. Сигеру преклонил колени и зажег от единственного тусклого светильника сто пять курительных палочек. Затем с почтительным поклоном расставил благовония на погребальном алтаре своего отца, Киёри, покойного князя Акаоки.

– Я глубоко сожалею, отец. Пожалуйста, прости меня. Он повторил эти слова сто пять раз. Затем зажег сто шестую палочку.

Сто восемь – число бедствий, которые навлекает на себя человек ненасытной алчностью, ненавистью и невежеством. Сто восемь – число раскаяний, что возвращает заблудшие души к свету Будды. Сто восемь – число жизней, которые Сигеру предстоит провести в ста восьми преисподнях за свои немыслимые преступления. Когда все сто восемь палочек будут зажжены, следует начинать.

– Я глубоко сожалею, отец. Прости меня.

Но Сигеру знал, что для него не будет искупления. Дух князя Киёри мог бы простить сына за собственное убийство – но не за прочие.

– Я глубоко сожалею, отец. Прости меня.

Несмотря на чудовищные видения, не дающие ему уснуть и переполняющие его разум так, что казалось, будто голова вот-вот разлетится на куски, Сигеру все-таки не сбился со счета. Это удивило его. Курительных палочек было ровно сто восемь.

– Я глубоко сожалею, отец. Прости меня.

Он прижался лбом к полу. В ушах у него стояло непрекращающееся гудение бескрылых летающих машин. Сквозь закрытые глаза его ослепляли огромные светильники, горящие без огня. В горле саднило от едкого цветного воздуха.

Он знал, что окончательно сошел с ума.

В каждом поколении один из рода Окумити нес на себе проклятие предвидения. В прошлом поколении это был его отец. В следующем – Гэндзи. В нынешнем же несчастье обрушилось на самого Сигеру. Видящий всегда страдал, ибо видение не всегда сопряжено с пониманием. У Сигеру видения никогда не несли просветления – одно лишь страдание. Он не узнавал событий до того самого мига, пока они не проскальзывали из будущего в прошлое. И прежнее страдание сменялось еще большим.

Если бы боги покарали его только пророческими снами, жизнь Сигеру была бы терпимой. Но затем у него начались видения во время бодрствования. Самурай, должным образом изучивший воинские искусства, способен выдержать многое, однако бесконечный поток сознания, не перемежаемый даже сном, долго не выдержишь.

Небо превращалось в огонь и рушилось на землю, сжигая кричащих детей. Стаи железных насекомых напозлали на Эдо, набивая животы человеческой плотью, извергая ядовитый дым, смешанный со зловонием жертв. Миллионы мертвых рыб плавали в отравленных серебряных водах Внутреннего моря.

Картины, возникающие в сознании, смешивались с тем, что Сигеру видел наяву. Всегда. Облегчения не было.

У выхода из храма Сигеру на миг задержался, поклонился телам двух убитых монахов и вышел, стараясь не наступить в лужицы застывающей крови. Когда он направлялся сюда, высоко в небе стояла полная луна. Теперь же, когда Сигеру

возвращался в семейные покои, небо по-прежнему было озарено лунным светом, но сам серебряный диск уже скрылся за стенами замка. Постель жены оказалась пуста; поспешно сброшенное одеяло валялось рядом. Сигеру заглянул в комнаты детей. Они тоже исчезли. Этого он не предвидел. Лицо Сигеру исказила мрачная усмешка. Где они могут быть? Существовал лишь один ответ.

Сигеру отправился в личную оружейную и облачился.

Металлический шлем с деревянными рогами и красным султаном из конских волос.

Лакированная маска, защищающая щеки и нижнюю челюсть.

Латное ожерелье нодова для защиты горла и два наплечника содэ. Донака, кусадзури и хэйтатё из стальных пластин, достаточно толстых, чтобы отразить мушкетную пулю, закрыли его торс, чресла и бедра. Помимо мечей, Сигеру сунул за пояс еще и пару английских пятызарядных кремневых пистолетов.

Сигеру возглавлял нынешнюю ночную стражу. Ему не составило никакого труда забрать свою лошадь из конюшни. Никто не спросил, почему он в доспехах. Когда Сигеру приказал открыть ворота, их тут же отворили, и он поскакал прочь от замка.

Поместье его тестя Ёритады находилось в горах, неподалеку от замка. Добравшись туда, Сигеру обнаружил, что Ёритада с дюжиной своих вассалов уже поджидают его. Все они были облачены в полный доспех, как и сам Сигеру. Шестеро самураев держали наготове мушкеты.

– Не приближайся, – велел Ёритада, – или будешь застрелен.

– Я пришел за своей женой и детьми, – сказал Сигеру. – Отдайте их, и я мирно уйду.

– Умеко больше не жена тебе, – отрезал Ёритада. – Она вернулась в мой дом и попросила защиты для себя и своих детей.

Сигеру рассмеялся, словно услышав какое-то совершенно нелепое заявление.

– Защиты? От чего?

– Сигеру, – мягко и печально отозвался Ёритада, – твой рассудок и дух не в порядке. Я заметил это уже много недель назад. Сегодня ночью Умеко явилась ко мне в слезах. Она сказала, что ты непрестанно, днем и ночью, бормочешь об ужаснейших муках преисподней. Дети дрожат, завидев тебя. Молю тебя, попроси совета у князя Киёри. Твой отец – мудрый человек. Он поможет тебе.

– Он никому не поможет, – отозвался Сигеру. – Князь Киёри сегодня ночью был отравлен желчью рыбы-луны.

– Что?!

Ёритада, ошеломленный подобной откровенностью, забывшись, шагнул вперед. Остальные самураи были потрясены не меньше его. Вот он, подходящий момент.

Сигеру пришпорил коня, выстрелив на скаку из обоих пистолетов. Он был не очень искусен в стрельбе и ни в кого не попал. Но он и не ставил это целью; ему просто нужно было внести замешательство в ряды людей Ёритады.

Это ему вполне удалось. Лишь два мушкетера смогли выстрелить достаточно прицельно. Обе пули попали в лошадь, и животное рухнуло.

Сигеру прыгнул с седла, ринулся вперед и первым же ударом катана обезглавил тестя. Прежде чем улеглась пыль, поднятая падением лошади, Сигеру, орудовавший катана и танто, убил или смертельно ранил всех, кто пытался противостоять ему.

За воротами Сигеру встретила его теща, Садако, с четырьмя служанками. У каждой в руках была нагината – копье с длинным наконечником, способное и колоть,

и рубить, – излюбленное оружие женщин из самурайских семейств.

– Проклятый демон! – процедила Садако. – Я ведь советовала Умеко не выходить за тебя замуж!

– Ей следовало прислушаться к вашему совету, – ответил Сигеру.

Он отыскал Умеко и детей в саду, в чайном домике. Когда он наклонился, чтобы отворить дверь, маленький, сделанный под детскую руку катана пронзил рисовую бумагу, которой были затянуты деревянные рамы. Клинок оцарапал Сигеру левую бровь и лишь чудом не вонзился в глаз.

– Войди и умри! – провозгласил детский голос, в котором не слышалось ни капли страха.

Это был младший из детей, шестилетний сын Сигеру, Нобуёси. Сигеру знал, какая картина сейчас предстала бы его глазам, загляни он внутрь. Нобуёси охраняет дверь; острое клинка поднято на уровень глаз. За спиной у мальчика Умеко и девочки, Эми и Сати.

Сигеру отворил дверь легким ударом катана. Завидев отца, мальчик задохнулся и быстро отступил. С точки зрения стратегии лучше было бы защищать порог, поскольку маленький дверной проем ограничивал свободу передвижения Сигеру. Но Сигеру не мог винить сына за этот просчет. Он знал, что выглядит сейчас ужасно: с головы до ног покрытый кровью восемнадцати человек. Деятнадцати, если считать еще себя самого. Из раны на шее текла кровь. Если б теща ударила на дюйм ниже, она бы прикончила Сигеру.

При взгляде на сына сердце Сигеру исполнилось гордости. За свою недолгую жизнь мальчик отлично усвоил полученные уроки. Он держал меч под нужным углом; стойка позволяла сохранять равновесие и перемещаться при необходимости в любом направлении. И что самое главное, мальчик встал так, чтоб закрыть собою мать и сестер.

– Отлично проделано, Нобуёси.

Сигеру множество раз произносил эти слова – после изнурительных тренировок с мечом, копьем и луком. Нобуёси ничего не ответил. Его внимание было полностью сосредоточено на Сигеру. Мальчик выискивал подходящий момент, ждал, пока противник откроется. Он заслужил право умереть, как настоящий самурай. Он ведь и вправду настоящий самурай. Сигеру шагнул через порог и сделал вид, будто споткнулся.

– А-а-а-й-и-и!

С громким криком Нобуёси сделал выпад, метя в щель в доспехах. Его сын действовал как истинный воин. Он вложил в атаку самую свою суть, отринув все мысли о себе. И в этот миг избавления Сигеру нанес удар – столь стремительно, что тело Нобуёси еще продолжало двигаться вперед, когда голова уже скатилась на пол.

Эми и Сати вскрикнули и прижались друг к другу; лица их были залиты слезами.

– Зачем, отец, зачем?! – воскликнула Эми.

В левой руке Умеко был кинжал. А в правой женщина держала короткоствольный пистолет. И теперь она вскинула пистолет и выстрелила. Пуля ударилась о стальной шлем и отскочила. Умеко бросила пистолет и взяла кинжал в правую руку.

– Я спасу тебя от дальнейших грехов, – сказала она и двумя быстрыми движениями перерезала горло дочерям. Светлый шелк ночных кимоно мгновенно окрасился кровью. А затем Умеко взглянула Сигеру в глаза. – Быть может, сострадательный Будда приведет тебя в Чистую землю, – сказала она и вонзила

кинжал в собственную шею.

Не выпуская мечей из рук, Сигеру уселся на пол, посреди окровавленных обломков своей жизни. Он смотрел на дверной проем. Вскоре он услышит стук копыт – это прискачет отряд из замка. Сигеру расхохотался. Он по-прежнему обречен. Но он спас любимую жену и детей. Их не коснется грядущий ужас, приближение которого он увидел в пророческих снах и видениях.

Часть II ПРЕКРАСНЫЕ МЕЧТАТЕЛИ

Глава 4 ДЕСЯТЬ МЕРТВЕЦОВ

*Сомнения одолевают тебя. Замешательство царствует.
Ты не отличаешь вчерашнего дня от завтрашнего.
Прислушайся к своему сердцу, найди в нем указания. Удары,
подобные барабанным. Грохот, подобный реву речной
стремнины зимой. В конце концов, звук и тишина
неотличимы друг от друга.*

Слушай.

Слушай.

Слушай.

Кровь – не воду.

Свою кровь.

Судзумэ-нокумо (1860)

Мысли о брачной ночи всегда вызывали в душе Эмилии надежду и страх. Второе было связано с физическим отвращением, которое внушал ей Цефания, а первое – с неизменным безразличием, которое он демонстрировал по отношению к ней. Не будь этого, ей бы и в голову не пришло принять всерьез предложение преподобного

Кромвеля. Но к двум этим факторам добавилась возможность бежать из Америки, и Эмилия не устояла. Конечно, когда они станут мужем и женой, без интимных моментов не обойдется. Неразумно ожидать полного отсутствия грубого животного совокупления, сопутствующего браку. К счастью, есть все основания предполагать, что оно сведется к минимуму. А предложенная Цефанией возможность стоила того, чтобы изредка пострадать.

Теперь же и надежда, и страх испарились – их уничтожила пуля убийцы. Когда Цефания умрет, Эмилия останется одна. Женщина, не находящаяся под защитой отца, брата или мужа, не может оставаться в чужой стране, не нарушая приличий. Она вынуждена будет вернуться в Америку. А может, найдется иной выход? Может, она сможет продолжить миссию в обществе брата Мэтью?

Эмилия украдкой взглянула на него. Брат Мэтью смотрел в сад. Ни по выражению лица, ни по позе, ни по манерам нельзя было догадаться, о чем он думает. Мэтью, как и всегда, оставался для нее полнейшей загадкой.

Он вошел в их жизнь всего четыре месяца назад. Это произошло в сан-францисской миссии Истинного слова. Эмилия кормила супом бедняков и бездомных и вдруг заметила, что на пороге обеденного зала стоит какой-то мужчина.

На нем была заношенная дорожная одежда, а черная шляпа невольнo заставляла предположить, что когда-то она была белой. Из-под шляпы выбивались волосы, длинные, словно у какого-нибудь дикаря-индейца. Незнакомец казался изможденным; щеки у него ввалились, а запавшие глаза были обведены темными кругами. Щетина неровная, как будто он пытался соскоблить ее ножом. На первый взгляд он ничем особо не отличался от прочих несчастных, ежедневно оказывавшихся на попечении Эмилии. Только вот он не пристраивался в очередь, норовя протолкаться вперед, не глазел на еду и не сглатывал от нетерпения. Он просто застыл в дверном проеме. Медленно оглядел всех, кто сидел за столами и толпился в очереди. Руки его были опущены, но поза говорила скорее о готовности, нежели о вялости. А потом Эмилия заметила выпуклость под правой полой заляпанной грязью куртки.

Эмилия попросила сестру Сару подержать ее черпак и кастрюлю с супом и подошла к незнакомцу.

Завидев девушку, он вежливо снял шляпу и поклонился.

– Мэм...

– Присоединяйтесь к нашей трапезе, брат христианин. Так все последователи Истинного слова обращались к новоприбывшим. «Брат» – поскольку все люди братья. «Христианин» – поскольку, хоть они могут этого и не понимать, все люди, будь они грешниками, святыми или язычниками, христиане по неизреченной милости Господа нашего.

– Большое спасибо, мэм, – отозвался незнакомец и снова поклонился. – Премного обязан.

Говорил он нараспев и несколько в нос. Наверное, техасец.

– Это место осенено благодатью Господа, брат христианин. – Эмилия протянула к нему руку. – Здесь нет места насилию.

Незнакомец уставился на нее и несколько раз моргнул; лишь потом до него дошло.

– Да, мэм, – согласился он, расстегнул кожаный ремешок, которым кобура крепилась к поясу, и вручил кобуру вместе с пистолетом Эмилии.

Девушка едва не уронила ее.

– И ныне предаю вас Богу и слову благодати Его.

Пистолет оказался очень большим и очень тяжелым.

– Спасибо, – отозвался незнакомец.

– В ответ на слова Евангелия мы говорим «аминь», – поправила его Эмилия.

– Я не знаю Евангелие, мэм. И про аминь не знаю.

– «И ныне предаю вас Богу и слову благодати Его». Это подлинные слова. Деяния апостолов, глава двадцатая, стих тридцать второй.

– Аминь, – откликнулся незнакомец.

Эмилия улыбнулась. Его кротость была многообещающей. Несомненно, этот человек совершил что-то нехорошее – возможно даже, при помощи того самого оружия, которое Эмилия сейчас держала в руках. А возможно, при помощи того, рукоятка которого торчала на левом боку. И все же милость и защита Господня распростерты над каждым.

– И это тоже, – сказала она, кивком указав на второй пистолет.

Незнакомец почти удивленно уставился на рукоятку, как будто не ожидал ее там увидеть.

– Забыл. – Он улыбнулся, впервые за все время. – Давно не пользовался.

Это был охотничий нож – или небольшой меч. Незнакомец положил его поверх кобуры, которую Эмилия по-прежнему держала в руках.

– Лучше тратить деньги на орудия мирного труда, – сказала Эмилия.

– Аминь, – откликнулся незнакомец.

– Это не Евангелие, – поправила его Эмилия, – а всего лишь мои слова.

– Все равно я это не покупал.

На лице его снова промелькнула улыбка. Он улыбался как-то странно, кривя губы и щурясь.

– Откуда же оно взялось, брат христианин?

Выиграл в карты, подумала Эмилия, или, хуже того, украл. Но она заговорила об этом намеренно, чтобы дать незнакомцу хотя бы отчасти исповедаться и тем самым сделать первый шаг к новой жизни под сенью милосердия и благодати Господней.

– Нож боуи с десятидюймовым клинком, – сказал незнакомец. А потом, поняв, что так ничего и не объяснил, добавил: – Прощальный подарок.

Значит, сейчас он не склонен к исповеди. Ну что ж. Она исполнила свой долг, открыв перед ним путь.

– Как ваше имя? – спросила девушка.

– Мэтью.

– А меня зовут сестра Эмилия. Я рада видеть вас за нашим столом, брат Мэтью, под покровительством Господа.

– Спасибо, сестра Эмилия, – отозвался брат Мэтью.

При воспоминании об этих временах, исполненных таких надежд, на глаза Эмилии навернулись слезы – столь внезапно, что девушка не совладала с ними, и горячие капли потекли по ее щекам.

* * *

Перегнувшись через Кромвеля, Старк протянул Эмилии носовой платок. Девушка плакала, спрятав лицо в ладонях, – почти беззвучно, лишь плечи содрогались от сдерживаемых рыданий. Подобное проявление чувств с ее стороны немало удивило

Старка. Девушка всегда вела себя с проповедником почтительно, но отстраненно. Сторонний наблюдатель никогда бы не догадался, что они помолвлены. Это лишний раз показывало, насколько плохо Мэтью разбирается в женщинах. Впрочем, это не имело значения. Его это не волновало. Да, сердце Мэтью гнало кровь по его телу – но и только. Во всех прочих отношениях оно было сердцем мертвеца.

– Вам нужно отдохнуть, сестра Эмилия, – сказал Старк. – Я присмотрю за братом Цефанией.

Эмилия покачала головой. Она несколько раз глубоко вздохнула и взяла себя в руки – достаточно, чтобы заговорить:

– Спасибо, брат Мэтью, но я не могу уйти. Мое место – рядом с ним.

Старк услышал донесшийся из коридора шорох одежд. Кто-то шел в эту сторону. Четыре самурая, сидевшие под дверью, согнулись в глубоком поклоне. Мгновение спустя порог переступил князь Гэндзи в сопровождении главы своих телохранителей. Князь взглянул на Эмилию и Старка, потом сказал самураям несколько слов. Те снова поклонились, произнеся в ответ что-то вроде «хэй!», и поспешно удалились. Старк уже замечал, что люди, окружавшие Гэндзи, частенько произносили это короткое слово. Наверное, оно означало «да». Люди редко бывают многословны с тем, кто может уничтожить любого по одному лишь своему капризу.

Гэндзи улыбнулся и поприветствовал миссионеров коротким поклоном. Прежде чем они успели подняться на ноги, князь уже опустился на колени; он явно не испытывал ни малейшего неудобства от этой позы. Гэндзи произнес что-то и выжидающе умолк. Старку показалось, что он смотрит на них, словно бы ожидая ответа.

Старк покачал головой:

– Простите, князь Гэндзи. Мы не знаем японского.

Развеселившись, Гэндзи повернулся к Сэйки:

– Он думает, что я говорю с ним по-японски!

– Он что, дурень? – удивился Сэйки. – Не узнает собственный язык?

– Очевидно, в моем исполнении – нет. Должно быть, мое произношение еще ужаснее, чем я полагал. Однако же я его понимаю. Хоть что-то радует.

Гэндзи вновь перешел на английский и обратился к Старку и Эмилии:

– Мой английский не очень хорош. Извините.

Старк снова покачал головой. Он не знал, что тут еще можно сказать, кроме того, что он уже сказал.

– Извините, – начал было он, но тут его перебила Эмилия.

– Вы говорите по-английски! – воскликнула она, глядя на Гэндзи. Ее глаза, все еще влажные от слез, удивленно округлились.

– Да, спасибо, – отозвался Гэндзи и улыбнулся, словно ребенок, заслуживший похвалу от дорогого ему взрослого человека. – Я сожалею о том, что оскорбляю ваши уши. Моему языку и губам очень трудно произносить ваши слова.

Эмилия же воспринимала странные слоги, лишь в общих чертах подражающие ритму английской речи: «Да, па-си-ба. Я со-жа-ре-ю, чи-то ос-кор-бря-ю ва-си у-си. Мо-иму язи-ку и губам о-чин тру-дно про-из-носит ва-си сиро-ва».

Эмилии приходилось вслушиваться изо всех сил, чтобы отделить расплывчатые звуки друг от друга. Если ей удастся разобрать хотя бы несколько слов, она, быть может, поймет, как же он их выговаривает. Кажется ей, или он и вправду сказал «трудно»? Наверное, надо при ответе повторить эти же самые слова.

– Все, что трудно, можно преодолеть, если очень стараться, – ответила Эмилия, тщательно выговаривая каждое слово.

«Ага, вот как правильно произносится это слово», – подумал Гэндзи.

– Трудно, но не невозможно, – сказал молодой князь. – Искренность и настойчивость способны на многое.

У него был сильный и весьма странный акцент, но чем больше Эмилия общалась с Гэндзи, тем легче ей было разбирать произносимые им слова. А кроме того, он быстро учился. На этот раз слово «трудно» прозвучало куда понятнее.

– Князь Гэндзи, но как вы научились нашему языку?

– Этого потребовал мой дедушка. Он верил, что это будет полезно.

Точнее говоря, Киёри заявил тогда, что подобное знание совершенно необходимо. В пророческом сне он увидел, как Гэндзи разговаривает с чужеземцами по-английски.

«Настанет день, – сказал тогда Киёри, – когда эти разговоры спасут тебе жизнь».

Гэндзи было тогда семь лет. «Но если эти сны – правда, – сказал он, – то зачем же мне учить этот язык? Пророчество гласит, что я буду говорить по-английски, значит, когда придет время, я буду на нем говорить».

Киёри расхохотался: «Да, когда придет время, ты будешь на нем говорить, потому что начнешь постигать речь чужеземцев прямо сейчас, с сегодняшнего дня».

В те времена запрет сёгуна на общение с чужеземцами все еще оставался в силе. Достать в учителя настоящего англичанина не было никакой возможности. Потому Гэндзи обучался в основном по книгам. Однако слова, написанные на бумаге, – это одно. А слова, звучащие на языке, – совсем другое.

– Вы его понимаете? – удивился Старк.

– Да, с трудом. А вы – нет, брат Мэтью?

– Ни единого слова, сестра Эмилия.

С точки зрения Старка, Гэндзи издавал серию невразумительных звуков. Эмилия же слышала медленную английскую речь, слова, разбитые на отдельные слоги; Гэндзи не глотал звуков, но некоторые превращались в бормотание. Старк ничего не мог разобрать, как ни старался.

– Возможно, мне нужно говорить медленнее? – произнес Гэндзи.

Старк же услышал: «Возе-мозе-но мине-ну-зе-но го-во-рит ме-дире-ни-е?» Он беспомощно покачал головой:

– Извините, князь Гэндзи. Мои уши не так умны, как уши сестры Эмилии.

– А! – понимающе откликнулся Гэндзи и улыбнулся Эмилии. – Знаю, это смешно, но вам придется переводить мой английский на тот английский, который будет понятен мистеру Старку.

– Что будет моей привилегией, – отозвалась Эмилия, – и к тому же временной – я в этом уверена. Это лишь дело привычки.

Гэндзи моргнул:

– Вы говорите немного слишком быстро для меня, мисс Гибсон. Я не успел за вами на этот раз.

– Прошу прощения, князь Гэндзи. Меня подвело рвение.

Эмилия хотела было начать изъясняться как можно проще, но, взглянув в глаза князю, отказалась от этого намерения. Она почувствовала, что за этим взглядом кроется тонко чувствующая душа. Князь сразу заметит, что ему пытаются дать послабление, и это оскорбит его. Хуже того – это причинит ему боль. И Эмилия повторила прежнюю свою фразу, только неспешнее.

Сэйки сидел на коленях у двери. Он расположился достаточно далеко, чтобы не вмешиваться в разговор. И в то же время при необходимости Сэйки хватило бы одного прыжка, чтобы очутиться между князем и чужеземцами и обезглавить Старка. Пока что необходимости в том не было, но Сэйки был начеку. Он следил даже за женщиной, хоть она и казалась безвредной.

За спиной у Сэйки собралась небольшая толпа. Четверо стражников вернулись и принесли с собой кровать, сделанную по западному образцу. Хидё и Симода несли стулья. Служанка Ханako держала на подносе серебряный английский чайный прибор. И все они с изумлением воззрились на картину, представшую их глазам.

– Князь Гэндзи разговаривает на языке чужеземцев! – прошептал Хидё.

Сэйки продолжал следить за происходящим с неослабевающим вниманием. Не оборачиваясь, он негромко произнес:

– Если ты не вспомнишь о дисциплине, Хидё, то свадебные торжества проведешь в конюшне, а не под боком у молодой жены.

Свадебные торжества? Хидё едва не рассмеялся. Какие еще свадебные торжества? Господин изволил пошутить, только и всего. Лишь старый простак вроде Сэйки мог принять его слова всерьез. Хидё повернулся, чтобы поделиться весельем с Симодой, и обнаружил, что друг его улыбается, но как-то странно. А Ханako, потупившись, уставилась на поднос. Ее обычно бледные щеки покрылись румянцем. У Хидё отвисла челюсть. Ну почему он вечно не понимает, что творится, пока не становится слишком поздно?!

Сэйки, не поднимаясь с колен, подался вперед.

– Господин, вещи для чужеземцев доставлены.

– Пусть вносят, – приказал Гэндзи и обратился к Эмилиии со Старком: – Давайте отодвинемся ненадолго – сейчас эту комнату обставят более подходящим образом.

Он заметил, что обоим миссионерам нелегко было встать. Им пришлось неловко наклониться и опереться руками об пол, словно детям, едва-едва начинающим ходить. Старк поднялся первым и тут же протянул руку Эмилиии. Интересно, все чужеземцы относятся к своим женщинам со столь чрезмерным почтением? Или только миссионеры? Как бы то ни было, это весьма похвально – вести себя столь учтиво с женщиной, на которую настолько трудно смотреть. Легко быть любезным с красавицей. Для того же, чтобы почтительно обращаться с уродиной, требуется немалая сила воли.

Кровать, стулья и столики были занесены и расставлены быстрее, чем у Старка восстановилось нормальное кровообращение в ногах. Кромвеля переложили на кровать. Во время этой процедуры он так и не пришел в себя. Одежда, лежавшие на полу, пропитались черной кровью; кровотечение продолжалось, и на чистой постели тотчас появились пятна. По цвету крови и исходящему от раны запаху Старк понял, что пуля повредила не только желудок, но и кишечник. Кислота и яд, исходящие из этих органов, растекались сейчас по всему телу.

– Почему бы нам не перейти в соседнюю комнату? – предложил Гэндзи. – Служанки позаботятся о мистере Кромвеле. Если что-нибудь изменится, они нас позовут.

Эмилия покачала головой:

– Если он придет в себя, то для него будет утешением видеть меня рядом.

– Ну что ж, значит, посидим здесь.

Гэндзи присел на край кровати и привычно выпрямился. Эмилия и Старк сразу же

прислонились к спинкам стульев. Это казалось весьма нездоровым, но Гэндзи был человеком широких взглядов. Он попытался усесться так же. Через несколько секунд он почувствовал, как его внутренние органы сместились и потеряли правильное местоположение. Князь взглянул на Кромвеля. Этот человек вполне мог прожить еще час, если не два. Гэндзи не был уверен, что сможет так долго просидеть на этом чужеземном приспособлении.

Старк тоже смотрел на Кромвеля; но он не думал о кончине проповедника. Все его мысли были сосредоточены на миссии Истинного слова, основанной в провинции Яма-кава, к северу от Эдо. Год назад туда приехали одиннадцать миссионеров из Сан-Франциско. И среди них был один человек, которого Старк отчаянно желал увидеть.

Старк, Эмилия и Гэндзи сидели у кровати Кромвеля и ждали, когда он умрет.

* * *

– Застрелить Гэндзи в порту не было никакой возможности, – сказал Кумэ. Он вовсе не собирался сообщать клиенту, что по ошибке схватил незаряженный мушкет. Для наемника самое ценное сокровище – его репутация. К чему понапрасну вредить ей?

– Мне нелегко в это поверить, – заметил Каваками.

– И тем не менее именно так обстояло дело.

– Объясни еще раз, почему ты выстрелил именно в этого миссионера.

Еще одна ошибка, хотя и менее значительная. Тот, в которого целился Кумэ, – невозмутимый мужчина, шагавший с ближней стороны паланкина, – споткнулся в тот самый миг, когда Кумэ выстрелил. Кумэ даже показалось, будто мужчина посмотрел в его сторону, увидел его и ушел из-под выстрела. Но это вряд ли. Даже хорошо обученному ниндзя было бы непросто засечь Кумэ. Так что чужеземец наверняка просто споткнулся. Кумэ продолжал хранить невозмутимый вид. Все равно Каваками никак не сможет узнать, что то его попадание было всецело делом случая.

– Он был старшим, – пояснил Кумэ. – Я предположил, что этот человек у них главный. Его потеря будет более чувствительной для Гэндзи и прочих сторонников христиан. Я подумал, что вы останетесь довольны.

Каваками обдумал сложившуюся ситуацию. Стоило ли позволять Кумэ самостоятельно принимать столь важные решения? С другой стороны, наемник добивается наилучшего результата тогда, когда получает право действовать по обстоятельствам...

– Не предпринимай более ничего против самого Гэндзи. Если представится возможность напасть на миссионеров – воспользуйся ею, но лишь в том случае, если они будут уверены, что находятся в полной безопасности под защитой клана Окумити.

О подобном унижении даже подумать, и то было приятно.

– Вы имеете в виду, когда они будут находиться во дворце «Тихий журавль»?

– Да.

– Это нелегко.

Каваками выложил на столик десять золотых рё и подвинул их к Кумэ.

– Продолжай наблюдать за Хэйко. Я не уверен, что она помнит то, что ей надлежит помнить.

Кумэ поклонился, допил чай и выскользнул за дверь. Все прошло куда легче, чем

он надеялся. Обычно Каваками задавал куда больше вопросов. Сегодня же он казался каким-то рассеянным. Ну, неважно. Кумэ стал на десять рё богаче. И что еще более важно, ему по-прежнему велено следить за Хэйко. Он все равно делал бы это. А если за это еще и платят – так и вовсе хорошо. Наму Амида буцу.

Кумэ по прозвищу Медведь проворно, но не слишком торопливо, зашагал в сторону торгового района Цукидзи. Если бы кто-то вдруг вздумал обратить на него внимание, то увидел бы лишь крестьянина средних лет, полного, начинающего лысеть, с глуповатой веселой физиономией. И никто не узнал бы в нем опаснейшего из всех ниндзя Внутренних провинций.

Никто никогда и не узнавал. Во всяком случае, до тех пор, пока не становилось слишком поздно.

* * *

Каваками с трудом заставил себя выслушать Кумэ. У него никак не шел из головы доклад Хэйко. Какая ужасающая бойня! Убить в одночасье отца и сына! Корни и ветви уничтожены, и не рукою смертельного врага, а рукою безумца-родича. Неужто подобный кошмар случился на самом деле? Каваками решил, что может лишь надеяться на это – до тех пор, пока не получит подтверждения из других источников. Если же слухи правдивы, то ему воистину повезло, что Кумэ не удалось искалечить Гэндзи. Будет куда лучше, если клан Окумити сгниет изнутри, а не рассыплется от удара снаружи.

Каваками закрыл глаза и погрузился в размышления. В четырнадцатый год правления императора Гоёдзэя, двести пятьдесят лет назад, Рэйги, князь Минато, последовал за Нагамаса, князем Акаоки, и вместе с ним вышел на бой с армией Токугава. Рэйги верил, что Нагамаса вправду обладает даром предвидения. «Клан Токугава обречен, – так сказал Нагамаса. – Я узрел это в видении». Нагамаса умер. Заслуженный конец для лжепророка. Рэйги, сражавшийся рядом с ним, тоже умер. Так же, как и его жена, его наложницы и все его дети – кроме одной-единственной дочери, которая была замужем за членом младшей ветви рода Токугава. Она была отдаленным предком Каваками. Эта история передавалась в семье от матери к дочери на протяжении многих поколений, а женщины пересказывали ее своим сыновьям.

Если бы не Нагамаса, предки Каваками и он сам были бы князьями Минато, воистину великого княжества, а не правителями Хино, великого более по имени, чем по сути.

Теперь продолжение рода Нагамаса зависело от одного-единственного человека.

От Гэндзи.

Погрузившись в молчание, Каваками всесторонне обдумывал самые унижительные и мучительные способы пресечь этот род.

* * *

Старк оказался гостем во дворце японского князя из-за десяти мертвецов.

Вторым мертвецом был Джимми Верняк. Настоящее его имя было Вера, Джимми Вера. Его прозвали Верняком по трем причинам. Во-первых, Джимми не любил, когда его называли Вера. Во-вторых, он так ловко управлялся с картами, что никто не мог поймать его на жульничестве. А в-третьих, он оказался верной смертью для семи

человек, встретившихся ему на пути. Джимми застрелил этих семерых – но они не входили в число тех десяти покойников, из-за которых Старк попал в Японию.

Старк узнал обо всем этом лишь тогда, когда Джимми Верняк уже был мертв. А умер он, в частности, потому, что Старк, в отличие от всех прочих людей, которых Джимми доводилось обыгрывать в карты, заметил, что тот жульничает.

– А ну, стой! – рявкнул Старк. – Ты зачем, сукин сын, спрятал нижнюю карту в рукав?

Старку тогда было семнадцать, и он гнал свое первое стадо из Огайо в Западный Техас. У него болели голова, спина, руки, ноги, задница – одним словом, все, что могло болеть. Он страдал от сильных солнечных ожогов и еще более сильного похмелья. Но взгляд у него оставался таким же цепким, как и всегда, и потому Старк заметил, как этот сукин сын сунул карту в рукав. Туза пик.

Джимми Верняк смерил его холодным взглядом.

– Мальчик, ты ва-аще знаешь, с кем говоришь?

– А то! – отозвался Старк. – С жуликоватым сукиным сыном! Положь на место туза пик, засранец, или я тебе щас башку проломлю.

Именно это Старк проделал с Элиасом Эганом, ночным надсмотрщиком, В ту ночь, когда покинул сиротский приют. Эган много лет издевался над приютскими мальчишками и избивал их – в том числе и Старка. С проломленной головой он уже никого не сможет обидеть. Элиас Эган стал первым мертвецом.

Джимми Верняк был достоин своего имени. Прежде чем Старк успел извлечь пистолет из кобуры, револьвер Джимми уже смотрел ему в грудь. И Джимми преспокойно превратил бы Старка в своего восьмого покойника, вместо того чтобы становиться вторым на его счету, если б не его пристрастие ко всяким новомодным изобретениям.

Не желая пользоваться, как всякий приличный человек, пистолетом, стреляющим дымным порохом и заряжающимся с дула, Джимми Верняк носил шестизарядный револьвер «вулкан» с барабаном, проворачивающимся вручную. И это была вторая причина, приведшая его к смерти. «Вулкан» дал осечку. Когда один из зарядов не выстрелил, Джимми попытался повернуть барабан, но его заело. Пока Джимми возился с ним, Старк вытащил свой старый пистолет, приставил его к скуле Джимми и нажал на курок. Джимми Верняк был куда проворнее Старка, но старый пистолет Старка выстрелил, а новомодный револьвер Джимми – нет.

Третий, четвертый и пятый покойники были бандитами, считавшими, что их цена на рынке убийц возрастет, если они прикончат парня, застрелившего знаменитого Джимми Верняка. Первый из них с легкостью убил бы прежнего Старка. Но новый Старк был уже другим человеком. Разобравшись, кого именно он застрелил, Мэтью понял, что он не просто вышиб мозги из второго своего покойника, но совершил нечто большее. И что он, помимо всего прочего, превратил себя в мишень для всякого, кто желает заработать репутацию проворного стрелка.

Наилучшим в подобной ситуации было бы обратить время вспять и не убивать Джимми Верняка. Этого Старк сделать не мог, а потому предпринял следующий по степени удачности шаг. Он принялся учиться стремительно выхватывать свой пистолет, быстро прицеливаться и нажимать на спусковой крючок. Он тренировался подмечать бегающие глаза, напряженные плечи, неестественное дыхание, слишком громкое или слишком тихое. Он приучил себя не задерживаться на одном месте надолго. Он привык носить два пистолета – на случай, если первый даст осечку.

Когда третий покойник разыскал его в Пекосе, Старк уже был куда проворнее, чем Джимми Верняк в свои лучшие дни. Пятеро ковбоев и две шлюхи видели, как этот третий умер, едва успев прикоснуться к оружию. Пятеро ковбоев и две шлюхи в кратчайшие сроки разнесли эту историю по всей округе. Возможно, они также несколько приукрасили ее. К тому моменту как Старк приехал в Дэдвуд, его репутация сделалась столь устрашающей, что мертвецы номер четыре и пять объединились, решив выступить против него вдвоем. Но в их затее оказалось два слабых места. Во-первых, они начали палить с двадцати шагов – ас этого расстояния они не попали бы даже в стадо коров. А во-вторых, так уж случилось, что Старк тренировался стрелять в цель как раз с двадцати шагов, причем ежедневно – с того самого дня, как прикончил Джимми Верняка.

После Дэдвуда долго никто не решался бросить вызов Старку. Какой смысл связываться с человеком, достающим пистолет так быстро, что даже не успеваешь уследить? С человеком, мгновенно нажимающим на курок, так что второй его противник падает замертво прежде, чем из раны первого начинает хлестать кровь? Который со ста шагов может всадить пулю в глаз? После Дэдвуда ковбои и шлюхи принялись распускать о Старке еще более красочные истории.

После этого Старк долго не стрелял ни во что, кроме мишеней. Его репутация сделалась такой здоровенной, что он сумел спрятаться за ней. Судя по рассказам, в Старке Стрелке было шесть футов восемь дюймов. Через правую глазницу у него был шрам от удара ножом. Старк был психованным, словно взбесившийся кабан, хлестал виски, никогда не ел, больше любил избивать женщин, чем трахать их, а трахал лишь после того, как избивал до полусмерти. Приезжая куда-нибудь, Старк говорил, что его зовут Мэтью, и его никто не узнавал. Люди предполагали, что знаменитый Старк должен быть куда более здоровенным и злобным.

Прежде чем Старк встретил своего шестого мертвеца, прошло два года. Это был сутенер из Эль-Пасо, не умеющий вовремя останавливаться. После этого Старку еще год не приходилось думать о покойниках. Он даже перестал стрелять по мишени. Он был счастлив и считал, что счастье будет вечным. Он ошибся. Он попрощался с Мэри Энн и девочками и отправился разыскивать покойников номер семь, восемь, девять и десять.

Седьмого мертвеца он разыскал в четырех днях пути к северу от мексиканской границы, в грязной дыре, напыщенно именованной «ла сиудад де лос Анджелес» – «город ангелов». До города этой дыре было далеко, и если какой-нибудь ангел и вправду называл ее домом, сие божественное создание чрезвычайно хорошо маскировалось. Перед смертью седьмой покойник рассказал Старку, что остальные умчались на север, намереваясь добраться до тихоокеанского побережья и усесться на какой-нибудь корабль. Он рассказал это не потому, что возненавидел своих прежних компаньонов, и не потому, что умирал из-за дыры в животе, и не потому, что хотел искупить страдания, которые причинил невинным жертвам. Он рассказал все это потому, что Старк, продырявив ему живот, прострелил ему еще и оба колена и пообещал следующей пулей угостить в пах.

Восьмой покойник попытался убежать от него из бара в Сакраменто, и Старк всадил ему пулю сорок четвертого калибра в основание шеи – так, что голова слетела с плеч.

Девятый застал Старка врасплох. Он подждал его в сан-францисской гостинице, спрятавшись за дверью. Как мужик в пятьсот фунтов весом мог укрыться за этой

дверью, осталось полнейшей загадкой. Старку некогда было размышлять над нею. Его противник взмахнул здоровенным ножом боуи и чуть не вогнал десятидюймовое лезвие Старку в спину. Еще он умудрился выбить у Старка из рук его пистолет сорок четвертого калибра, так что Старку осталось лишь выхватить спрятанный револьвер двадцать второго калибра и отправить в девятого мертвеца пять пуль. Но тот продолжал идти вперед, размахивая ножом. Тогда Старк перехватил револьвер за ствол и огрел им противника, словно молотком, да так удачно, что проломил ему висок.

Кто станет десятым покойником, еще не определилось. Возможно, тот человек, который год назад приплыл в Японию в качестве миссионера Истинного слова, – а если не он, так значит, сам Старк.

Одному из них придется умереть.

* * *

Монах, которого они называли Дзимбо, вернулся в монастырь Мусиндо, когда день уже клонился к вечеру. Еще до того, как Сохаку увидел его, до настоятеля донеслись детские голоса. Куда бы Дзимбо ни шел, его всегда сопровождала стайка детишек из соседней деревни.

– Не уходи, Дзимбо!

– Побудь с нами!

– Еще рано!

– Зачем тебе эти травы? Ты же не собираешься их есть?

– Дзимбо, бабушка сказала, что ты можешь поужинать с нами! Тебе разве не надоела монастырская каша?

– Расскажи нам еще какую-нибудь историю! Ну хоть одну!

– Дзимбо, расскажи еще раз, как ангелы Будды спустились из Чистой земли и указали тебе Путь!

– Дзимбо! Дзимбо! Дзимбо! Дзимбо!

Сохаку улыбнулся. Последний голос принадлежал Горо, сыну местной дурочки. Он и сам был изрядно туповат. Здоровяк Горо превосходил размерами даже Дзимбо, который был на голову выше и фунтов на пятьдесят тяжелее любого человека в провинции Ямакава. До того как Дзимбо появился в здешних краях, Горо стонал, кричал и вопил, но не разговаривал. Теперь же он обзавелся словарем из одного-единственного слова и пользовался им непрерывно.

– Дзимбо! Дзимбо!

– Хватит.

Дзимбо подошел к воротам и увидел монахов с бамбуковыми шестами, окруживших оружейную. Настоятель Сохаку сидел в позе медитации перед забаррикадированной дверью.

– Идите домой! – велел Дзимбо детям.

– А что случилось?

– Дайте посмотреть! Ну дайте же!

– Спорим, это тот сумасшедший! Должно быть, он опять удрал!

– Дзимбо! Дзимбо! Дзимбо!

– Заткнись, дурачок! Мы и так знаем, как его зовут!

– Сейчас же идите домой, – сказал Дзимбо, – или я завтра не приду в деревню.

- Ну да! Если мы сейчас уйдем, то пропустим все самое интересное!
- В прошлый раз сумасшедший перекинул трех человек через стену!

Дзимбо строго посмотрел на детей:

- Я и послезавтра не приду в деревню.
- Ну ладно, ладно. Пошли отсюда.
- Но ты же завтра придешь, правда?
- Обещаешь?
- Обещаю, – отозвался Дзимбо.

Две самые маленькие девочки взяли Горо за руки. Если бы здоровяк вздумал сопротивляться, они бы нипочем не сдвинули его с места. Но Горо всегда слушался женщин. Возможно, так в его непритязательном рассудке запечатлелись какие-то уроки, преподанные матерью. Когда девочки потащили его за собой, Горо беспрекословно подчинился.

– Дзимбо!

Дзимбо смотрел детям вслед, пока они не скрылись за поворотом тропки, ведущей вниз, в долину. Он следил за ними, пока последний ребенок не исчез из виду. Настал час обезьяны, и сгустились сумерки. Пора было готовить кашу на ужин. Дзимбо направился напрямиком на кухню. Его не интересовало, что за суматоха царит в монастыре. Если ему нужно будет что-то знать, настоятель сообщит об этом.

Дзимбо тщательно вымыл травы, собранные в горах. Вскоре в кашу станут регулярно добавлять мелко нарезанные зеленые побеги, чтобы придать ей более приятный вид и запах. За полгода, проведенные в монастыре, Дзимбо утратил счет времени. Он не знал, какой сейчас месяц и какое число. Правда, распознавать времена года нетрудно. Сейчас зима. Рождество бывает зимой. Возможно, оно даже сегодня. Дзимбо больше не был христианином, но не видел ничего дурного в том, чтобы вспомнить о Рождестве. Будда и Христос говорили очень по-разному, но какой смысл они вкладывали в свои слова? На взгляд Дзимбо, смысл отличался мало.

– Дзимбо, тебя хочет видеть настоятель, – сказал заглянувший на кухню Таро. Вместо монашеской рясы на нем была дорожная одежда, узкие брюки и кафтан. За пояс были заткнуты два меча. Неподалеку тихо заржала лошадь.

Дзимбо прошел вместе с Таро к оружейной. Настоятель кивком подозвал Дзимбо, а Таро сказал:

– Отправляйся.

Таро поклонился, вскочил на коня и поскакал к воротам. Уже почти стемнело. Таро придется ехать ночью через враждебную территорию, соседнюю провинцию Ёсино. Дзимбо мысленно вознес молитву за друга. Пусть его путь завершится благополучно.

– Огромные металлические птицы плюются сгустками пламени, – донесся из запертого здания голос Сигеру. – Повсюду пахнет горелой человеческой плотью.

– Тебе эти слова не напоминают пророчество, а, Дзимбо? – поинтересовался Сохаку.

- Я не знаю, как должно звучать пророчество, преподобный настоятель.
- Я думал, что христианство – религия пророков.
- Не знаю. Я не христианин.
- Но ты был им, – сказал Сохаку. – Послушай, что он говорит. Это пророчество?
- Пророки иногда бывают безумцами, – ответил Дзимбо, – но не каждый безумец – пророк.

Сохаку фыркнул:

– Я не безумец и не пророк. В этом-то и заключается моя проблема.

Князь Гэндзи оставил совершенно четкие, недвусмысленные указания. Он велел незамедлительно вызвать его, как только его дядя начнет пророчествовать. Откуда он узнал, что дядя начнет прорицать? Очевидно, это тоже было делом пророчества. Или безумия. Насколько же проще быть вассалом господина, воспринимающего вчерашний день как прошлое, сегодняшний – как настоящее, а завтрашний – как будущее! Покойный князь Киёри, по крайней мере, был знающим, дисциплинированным воином. А его внук и наследник, с точки зрения Сохаку, слишком мало времени и сил уделял изучению пути самурая.

– сёгуна нет, – продолжал Сигеру. – Мечей нет. Сложных причесок нет. Кимоно нет.

– Я решил, что это пророчество, – сказал Сохаку, – и отправил сообщение князю Гэндзи. Таро доберется в Эдо за сутки. В течение недели он должен будет вернуться вместе с нашим князем. Ты встретишь его.

– Заслужил ли я подобную честь? Ведь тем чужеземцем, о котором говорил князь Киёри, может оказаться кто-то другой, а вовсе не я.

Дзимбо имел в виду предсказание князя Киёри о том, что в канун Нового года появится чужак, от которого будет зависеть судьба клана Окумити. Сохаку слабо верилось в это. Он вообще не испытывал особого доверия к пророчествам. Если князь Киёри и вправду мог так замечательно предвидеть будущее, что ж он не воспрепятствовал собственному убийству? Впрочем, никто и не требовал от Сохаку веры. Он него требовалось лишь исполнять приказы своего сюзерена. Но даже это было скользким вопросом. А вот насколько скользким – этого Сохаку еще не решил.

– Ты – единственный чужеземец, известный клану, – сказал Сохаку. – Новый год приближается. Так кто же еще это может быть?

В настоящий момент настоятеля куда больше интересовал Сигеру. Возможно, Сохаку удастся застать его врасплох и связать. В противном случае, когда прибудет князь Гэндзи, они окажутся в чрезвычайно неловком положении. Ведь они – лучшие кавалеристы клана. И вот они сидят под запертой дверью, а безумец, лепечущий всякую чушь, человек, которого они обязаны охранять, не подпускает их к собственному оружию.

– Я пойду приготовлю еду для господина Сигеру, – сказал Дзимбо и, поклонившись, отправился обратно на кухню.

Просто поразительно, как хорошо он за столь краткий срок изучил японские обычаи. Сильнее всего Сохаку поразило то, как быстро чужеземец усвоил их язык. Тоунсенд Гаррис, американский консул, прожил в Японии уже четыре года и до сих пор не знал японского, не считая нескольких слов, да и те выговаривал с большим трудом. Сохаку слышал это собственными ушами, когда сопровождал князя Киёри в резиденцию дипломата в Эдо. Дзимбо же всего за год заговорил так, что и не отличишь от японца.

– Изуродовано все. От рождения. По случайности. По замыслу.

Сохаку продолжал слушать бормотание, доносящееся из-за двери. Если он и не схватит Сигеру сейчас, то сделает это завтра или послезавтра. Даже сумасшедшим нужно когда-то спать.

Чудеса следовали сплошной чередой, чудеса видения, понимания и силы.

Он ходил вместе с Иисусом по водам.

Он стоял вместе с Моисеем перед горящим и не сгорающим кустом.

Он летел вместе с Гавриилом над полем Армагеддона.

Святой пыл вернул ему силы. Цефания проснулся в другом месте и обнаружил, что ему дана способность понимать японский язык. Изнеженный японский князь заговорил, и Кромвель благословлен был пониманием.

– Почему бы нам не перейти в соседнюю комнату? – предложил Гэндзи. – Служанки позаботятся о мистере Кромвеле. Если что-нибудь изменится, они нас позовут.

Эмилия покачала головой:

– Если он придет в себя, то для него будет утешением видеть меня рядом.

– Ну что ж, – сказал Гэндзи. – Значит, посидим здесь. Хоть Кромвель и успел уже привыкнуть к чудесам, все же услышанное изумило его. Он даже не знал, что удивило его сильнее: то, что Эмилия, подобно ему самому, поняла чуждую речь, или то, что князь разобрал английские слова, слетевшие с ее губ. Среди всех великих знамений и пророчеств это преодоление вавилонского проклятия было величайшим. Кромвель открыл глаза.

Эмилия улыбнулась ему. Почему по ее щекам текут слезы? Она позвала:

– Цефания!

Кромвель попытался было сказать «Эмилия!». Но вместо слов рот его заполнила горячая жидкость.

– О Господи! – воскликнула Эмилия и прижала кулаки к губам. Она упала бы со стула, не подхвати ее Старк.

Гэндзи взял Кромвеля под мышки, приподнял и усадил. Рукав его кимоно почернел от темных брызг, летевших изо рта раненого.

– Господин! – метнулся вперед Сэйки. – Пожалуйста, не прикасайтесь к нему! Вы испачкаетесь в нечистотах чужеземца!

– Это всего лишь кровь, – возразил Гэндзи. – Точно такая же, как твоя или моя.

Старк почувствовал, как Эмилия, и без того напряженная от страха, сжалась. Девушка близка была к обмороку.

– Эмилия! – окликнул ее Старк.

Он положил голову девушки себе на плечо и заставил ее отвернуться от Кромвеля. Эмилия обняла Старка, уткнулась лицом ему в грудь и заплакала. Старк вывел ее из комнаты. Где-то здесь неподалеку был небольшой садик.

– Пойдем. Здесь мы уже ничего не сможем сделать.

В коридоре Старк и Эмилия столкнулись с двумя мужчинами. Те поспешно направились к комнате, из которой только что вышли миссионеры. Оба – при двух мечях, как самураи, но у одного была бритая голова и очень скромная и к тому же грязная одежда. Должно быть, прибыл откуда-то издалека и при этом очень спешил. Пыль, смешавшаяся с потом, превратилась в грязную маску на лице.

– Нет, брат Мэтью, – сказала Эмилия. – Я не могу оставить Цефанию одного.

– Брат Цефания больше не один, – ответил Старк. – Он сейчас в доме Спасителя, среди сонма праведников.

Сэйки был в ужасе. Этот захлебывающийся кровью чужеземец испачкал одеяния князя Гэндзи! Хуже того, он умер на руках у князя! Нужно немедленно позвать синтоистских жрецов, чтоб очистить князя! А потом нужно будет очистить еще и комнату – сразу же после того, как уберут тело. Постельное белье, мебель, циновки – все придется сжечь. Самого Сэйки это мало волновало. Для него любая религия была детскими сказками. Но кое-кто из его людей очень чувствителен к старым суевериям.

Господин, – произнес Сэйки, – вы уже ничем не поможете чужеземцу. Прошу вас, отдайте тело на попечение слуг.

– Он не умер, – отозвался Гэндзи. – Он просто спит.

– Спит?

Это невозможно! Сэйки присмотрелся поближе. Ужасающее зловоние, исходящее от чужеземца, вызвало у него тошноту. Но он увидел, что грудь раненого медленно поднимается и опускается, и уловил тихое посапывание.

Гэндзи передал Кромвеля Ханako и второй служанке.

– Присмотрите за ним до возвращения доктора Одзавы. Если он начнет задыхаться, прочистите ему горло. Если придется – даже рукой.

– Да, господин, – в один голос отозвались служанки.

Они с трудом боролись с рвотными позывами. Но выказать хоть малейшее неудовольствие в присутствии князя было бы вопиющим нарушением этикета.

– Взгляни-ка, как спокойно его лицо, – сказал Гэндзи, обращаясь к Сэйки. – Он видит целительные сны. Думаю, он выживет.

– Это было бы чудом.

– Он – христианин. Его религия – религия чудес.

– Он пока не умер, господин, однако из этого еще не следует, что он выживет. От него исходит зловоние смерти.

– Возможно, нет. Думаю, он вряд ли мылся во время плавания. Может, отсюда и запах.

В дверях показался самурай из внешней стражи. Поймав на себе взгляд Гэндзи, он поклонился:

– Господин, всадник привез срочное сообщение.

– Приведите его.

Гэндзи сейчас с удовольствием снял бы окровавленную одежду и принял ванну. Ну что ж, придется с этим подождать.

Несмотря на скромную одежду и бритую голову, посланец был знаком князю. Его звали Таро. Полгода назад он вместе с еще двумя дюжинами лучших кавалеристов княжества Акаока и их командиром принял монашеский сан. Таро мог явиться лишь из нынешней своей обители, монастыря Мусиндо, и лишь с одной-единственной вестью. Гэндзи не нужно было выслушивать гонца, чтобы узнать, что он скажет.

– Господин, – произнес Таро и умолк на миг, переводя дыхание. – Господин Танака... – Он снова умолк и виновато поклонился. – То есть настоятель Сохаку просит указаний.

Гэндзи кивнул:

– Что сейчас творится в окрестностях?

– В провинции Ёсино перемещаются крупные военные отряды, господин. Мне несколько раз приходилось уходить с дороги и прятаться.

– Говори точнее, Таро, – строго заметил Сэйки. – Разве тебя не обучали на

разведчика?

– Слушаюсь, господин. – Таро быстро произвел в уме какие-то подсчеты. – Пятьсот конных мушкетеров при четырех осадных орудиях движутся по главному тракту на юг, в сторону Внутреннего моря. Три тысячи пехотинцев, разбитых на три отряда, прошли ночью в том же направлении.

– Прекрасно, Таро. Приведи себя в порядок и приготовься через час выехать обратно.

– Слушаюсь, господин.

– Ёсино принадлежит союзникам Курокавы! – прошипел Сэйки. – Эту провинцию отделяет от ваших владений лишь узкая полоска моря! Возможно, они решили воспользоваться недавней кончиной вашего дедушки.

– Сомневаюсь. Сёгун не даст дозволения напасть на Акаоку. Он слишком боится чужеземцев, чтобы без крайней необходимости пойти на риск и вызвать какие-либо беспорядки внутри страны.

– Нынешний сёгун – пустое место, – отрезал Сэйки. – Его титул весит куда больше, чем он сам, четырнадцатилетний мальчишка. А советники его – трусы и глупцы!

– Возможно, сёгуну не хватает мощи его предков, – согласился Гэндзи. – Но ни один властитель не позволит, чтобы его властью пренебрегали, да еще и так неприкрыто и нагло. Армия сёгуна до сих пор остается сильнейшей в Японии. И ни у кого, кроме него, нет военного флота, достойного этого имени.

На некоторое время он умолк, погружившись в задумчивость.

– На самом деле это хорошие новости. Чем больше все будут заняты событиями на юге, тем менее опасным окажется путь на север.

– Господин, но не собираетесь же вы отправиться в монастырь лично?!

– Я должен. «Настоятель Сохаку просит указаний». Это означает, что произошли события, требующие моего присутствия. Не волнуйся, Сэйки. Я не стану путешествовать при полном параде. Это привлекает слишком много внимания. Я поеду инкогнито, вместе с Таро. – Гэндзи оглядел комнату. – И еще я беру Хидё и Симоду.

Услышав свои имена, самураи поклонились:

– Да, господин. Благодарим вас. Мы подготовимся к поездке.

– Возьмите луки, – велел Гэндзи. – Но никакого огнестрельного оружия и никаких доспехов. Мы едем на охоту. И чтоб одежда была без гербов.

– Да, господин. Слушаем и повинуемся.

И с этими словами Хидё и Симода поспешно вышли.

Сэйки, не вставая с колен, подался вперед и низко поклонился.

– Господин, молю вас, подумайте еще раз! Всего лишь час назад на вашу жизнь покушались. Вашего чужеземного гостя тяжело ранили. Об этом уже знает весь Эдо. Кто же в такой момент отправляется на охоту? Это совершенно неправдоподобно. Никто в это не поверит.

– А я не согласен. Моя репутация легкомысленного бездельника буквально требует такого шага.

– Господин, хотя бы позвольте мне сопровождать вас! – взмолился Сэйки.

– Не могу. Само твое присутствие придаст нашей поездке величайшую серьезность. То есть мы получим прямо противоположный результат.

Один из самураев рассмеялся было, но тут же поперхнулся под гневным взглядом

Сэйки и умолк.

– А кроме того, – продолжил Гэндзи, который и сам с трудом сдерживал смех, – ты нужен мне здесь, чтобы защищать наших гостей от любых нападений.

Он взглянул на Кромвеля. Даже под закрытыми веками видно было, как вращаются глазные яблоки раненого.

– А где еще два чужеземца?

– Во внутреннем садике, господин, – сообщил один из стражников.

– Бумагу! – велел Гэндзи.

Получив все письменные принадлежности, князь черкнул по-английски короткую записку:

«Дорогие мисс Гибсон и мистер Старк! Сожалею, но я вынужден ненадолго уехать. Я пришлю друга, который побудет с вами. Как ни печально, ее английский еще хуже моего. Зато она позаботится обо всех ваших нуждах». Он вздохнул, удивляясь странным обычаям чужеземцев, но все-таки написал личное имя впереди родового: «Искренне ваш, Гэндзи Окумити».

* * *

После встречи с главой тайной службы Хэйко отправилась в свой домик, расположенный в роцце Гинза, на восточной окраине Эдо, неподалеку от Нового моста и тракта Токкайдо.

– Ваша ванна готова, – сообщила вместо приветствия Сатико.

– Спасибо.

Хэйко быстро разделась, набросила на себя скромный халат и направилась в купальню. Она всегда мылась после встреч с Каваками, невзирая на время суток. Сегодня она ощущала еще большую потребность очиститься, чем обычно.

Собственный доклад породил в ее сознании картины, которые Хэйко предпочла бы позабыть. Ей несколько раз доводилось видеть дядю Гэндзи, Сигеру. На вид это был совершенно нормальный человек. Что за безумие заставило его перебить всю семью, включая единственного сына, прекрасного мальчика шести лет от роду? Поразил ли этот недуг его одного или он передается в роду из поколения в поколение? Неужто и ее возлюбленный Гэндзи когда-нибудь сойдет с ума?

– Можешь ли ты подтвердить свой рассказ? – спросил ее Каваками.

– Нет, господин.

– Тогда все это не более чем догадки.

– Все эти смерти случились на самом деле, господин. Слухи касаются лишь сопутствовавших обстоятельств. Уже было сообщено, что тесть Сигеру, Ёритада, погиб под лавиной, сошедшей с горы Тоса, и вместе с ним погибли все домашние, включая гостившую у отца дочь Умеко и троих ее детей. Как утверждает, когда они уехали, случайно вспыхнул пожар и уничтожил все поместье. На первый взгляд все это кажется чрезвычайно маловероятным, а на второй – чрезвычайно удобным, если там и вправду произошла бойня.

– Иногда в жизни случаются и совпадения, – сказал Каваками.

– Да, господин.

– Это все?

– Нет, господин. Есть кое-что еще. Прибывший сегодня утром чужеземный корабль чем-то заинтересовал князя Гэндзи. Корабль называется «Вифлеемская

звезда». Князь не упоминал, что за груз доставил этот корабль. – Хэйко не боялась сказать что-нибудь лишнее. К настоящему моменту шпионы Каваками наверняка уже доложили ему об этом корабле куда больше, чем она. – В час дракона он отправился в порт.

– Человеческий груз, – ответил Каваками. – Еще несколько христиан из секты Истинного слова. Возможно, это свидетельствует о том, что князь Гэндзи вовлечен в какой-то христианский заговор.

Хэйко весело рассмеялась:

– Чтобы такой человек, как он, участвовал хоть в каком-то заговоре? Гэндзи интересуют лишь женщины, вино и музыка! Если заговор и существовал, его, несомненно, устроил покойный князь Киёри. Все закончилось вместе с его смертью.

– Но ведь Гэндзи увлекается еще и охотой, не так ли? Это – часть наших воинских традиций.

И снова Хэйко хихикнула:

– Ваших традиций, господин Каваками, – возможно. Вы ведь истинный самурай. А князь Гэндзи всегда возвращается с охоты с пустыми руками.

– Не следует чересчур полагаться на внешние признаки, – назидательно заметил Каваками. – Это может быть представлением, специально устроенным для нас.

Хэйко поклонилась с сокрушенным видом.

– Да, господин.

Она сомневалась, что Каваками сам верит в то, что говорит. Скорее уж он считает, что клан Окумити, как и клан сёгунов Токугава, находится в последней стадии упадка. Дед князя Гэндзи, Киёри, был последним, кто походил на великих князей древности. Его сын, Ёримаса, пристрастился к опиуму и умер молодым. Гэндзи, в общем и целом, выглядел именно так, как описывала Хэйко. А Сигеру, единственный из ныне живущих Окумити, кого действительно стоило считать опасным, сошел с ума. Возможно, этого хватит, чтобы уберечь Гэндзи. Если он ни для кого не представляет опасности, то и убивать его незачем.

Девушка остановилась, не дойдя до купальни нескольких шагов. По коже у нее побежали мурашки – но не от холода. Над высокой прямоугольной бадьей с горячей водой поднимался пар. В кустах зачирикала какая-то птица. Все как всегда. Что же заставило ее насторожиться? Случайно или инстинктивно, но на ум ей пришло одно вполне определенное имя.

– Кумэ, если ты выйдешь сам, я не стану тебя убивать, – сказала Хэйко. – Во всяком случае, сегодня.

Купальню заполнил громогласный хохот. Кумэ ступил на порог и поклонился.

– Не гляди на меня так сердито, Хэй-тян, – сказал он, назвав девушку дружеским уменьшительным именем. – Я просто проверял твою бдительность.

– И собирался затянуть проверку, пока я не разденусь?

– Ну как ты можешь так говорить! – возмутился Кумэ, напустив на себя обиженный вид. – Я ниндзя, а не какой-нибудь придурковатый любитель подглядывать!

Впрочем, он тут же расплылся в улыбке:

– Я бы, конечно, остался в укрытии и продолжил наблюдение. Но лишь в целях проверки.

Хэйко рассмеялась и, миновав Кумэ, вошла в купальню.

– Отвернись, пожалуйста.

Когда Кумэ подчинился, она сбросила халат и принялась мыться. Хэйко стояла рядом с бадьей, ковшиком зачерпывала воду и поливала себя. От горячей воды по телу девушки пробежала дрожь удовольствия.

– Две недели назад Каваками велел мне застрелить Гэндзи при первой же возможности, – сказал Кумэ, честно повернувшись к купающейся девушке спиной. – Сегодня утром это чуть не произошло.

Он различал по плеску, когда вода льется на Хэйко, а когда стекает на землю. Он даже мог сказать, на какую именно часть тела сейчас льется вода. Теперь же, по внезапной паузе, Кумэ понял, что его слова вызвали у Хэйко беспокойство.

– Как странно, – заметила Хэйко. Голос ее звучал непринужденно, как и всегда. Да и перерыв в мытье длился какое-нибудь мгновение. – Он дал мне понять, что это задание будет моим, от начала и до конца.

– Каваками так хитер, что открывает каждому лишь малую часть правды, – отозвался Кумэ. – Возможно, он так хитер, что и сам заранее не знает, что будет делать дальше. При сегодняшней нашей встрече он велел мне больше не предпринимать подобных попыток. Думаю, он сам еще не решил, желает ли он смерти Гэндзи.

– И все это лишь еще сильнее запутывает положение, – сказала Хэйко.

Кумэ услышал в голосе девушки облегчение. И окончательно убедился в подозрениях, которые уже давно снедали его. Играя роль любовницы Гэндзи, Хэйко несколько перестаралась.

– Надеюсь, ты не станешь дурачить себя так же как твоя мишень.

– О чем ты?

– Он не безразличен тебе, – сказал Кумэ.

– Конечно! – согласилась Хэйко. – Иначе он сразу бы догадался, что дело нечисто. С человеком, столь тонко чувствующим, притворство невозможно, особенно при интимных отношениях.

– Но ты готова убить его, если понадобится?

– Лишь дураки действуют, руководствуясь любовью, – ответила Хэйко. – Ты вырастил не дурочку.

– Надеюсь, – сказал Кумэ, прислушиваясь к негромким звукам, доносящимся из купальни. Хэйко намыливалась. – В любом случае, я полагаю, что у Каваками изначально имелся еще какой-то совершенно иной план и теперь он перешел к нему, вместо того, который требовал немедленной смерти Гэндзи.

– Вправду? И что же это за план?

– Пока не знаю, – признался Кумэ. – Он должен быть как-то связан с тобой. Тебе ничего не известно?

– Нет. – Хэйко смыла с себя мыло и забралась в бадью. Вода была очень горячей. Девушка медленно опустилась в воду и уселась. Теперь из бадьи выглядывала лишь ее голова. – Можешь повернуться.

Кумэ повернулся. Сейчас, когда на лице Хэйко не осталось косметики, а влажные длинные волосы свободно падали на плечи, она вновь сделалась похожа на ту маленькую девочку, которую он знал когда-то. Как непредсказуема судьба! Как она любит трагедии!

– Возможно, – заметила Хэйко, – Каваками изменил свой план из-за известия о смерти дедушки Гэндзи и исчезновении его дяди.

– Возможно, – согласился Кумэ. – Если доклады соответствуют истине, клан Окумити стоит на грани бедствия. Превосходный момент для жестоких планов нашего

нынешнего нанимателя. Кстати, о нашем нанимателе. Не относись к нему легкомысленно. Он тебе не доверяет.

– Он никому не доверяет. Таков смысл его жизни. Недоверие.

– Он велел мне следить за тобой. Думаю, это означает, что он не доверяет тебе больше обычного. Будь осторожна, Хэй-тян.

– И что, кто-то следит за тобой, чтобы удостовериться в том, что ты следишь за мной?

Кумэ рассмеялся:

– Недоверие ему внушаешь ты, а не я.

– Почему ты так уверен? Каваками не имеет обыкновения сообщать о своих подозрениях тому, кого он подозревает. – Хэйко вылила ковш воды на голову. – Ты проверял по дороге, не идет ли кто-нибудь за тобой?

Кумэ вскочил на ноги.

– Проклятье! Ты права. Мне следовало бы вести себя поосторожнее. Пожалуй, я лучше пойду. Береги себя, Хэй-тян.

– И ты тоже, дядя Кумэ.

Всю дорогу до Эдо Кумэ глодала тоска о прошлом. Как быстро летит время! Маленькая девочка, пятнадцать лет тому назад отданная на его попечение, превратилась ныне в женщину почти нестерпимой красоты. Она называет его «дядя Кумэ». Ей следует узнать правду. Она уже достаточно взрослая. Да, этим он нарушит все приказы. Ну и пусть они провалятся в преисподнюю, эти приказы! «Лишь дураки действуют, руководствуясь любовью», – сказала она. «Значит, она назвала меня дураком», – подумал Кумэ. За пятнадцать лет обучения он полюбил Хэйко, как родную дочь, которой у него никогда не было. И не сомневался, что победит, если любовь и долг вступят в противоречие.

Да, она должна знать правду. В следующий раз, когда они останутся наедине, он все ей расскажет. Ей будет нелегко, очень нелегко. В лучшем мире она никогда бы ничего не узнала. В наилучшем из миров все это просто не имело бы значения. Но сей мир таков, каков он есть, и уж конечно его никак нельзя назвать наилучшим из существующих. Наилучший – Сухавати, Чистая земля будды Амида. Настанет день, и все они будут жить там.

Но пока что этот день очень далек.

* * *

После ухода Кумэ Хэйко еще несколько минут нежилась в бадье. До чего же непрочно человеческая жизнь, думала девушка, и до чего же непредсказуема! Мы льстим себе, воображаем себя актерами на сцене, гениями, пишущими собственную пьесу, изменяющими по своему капризу главные сюжетные линии и мельчайшие оттенки смысла... Наверное, точно так же думают и деревянные куклы бунраку. Они не замечают кукловодов, направляющих каждое их движение.

Над водой поднимался пар, но Хэйко терзал пронизывающий холод. Гэндзи мог умереть сегодня, а она ничего бы не знала до тех пор, пока не стало бы слишком поздно.

После купания Хэйко завязала волосы в хвост. Она облачилась в крестьянскую одежду и тщательно закуталась, чтобы не рисковать: вдруг даже нежаркое зимнее солнце нанесет ущерб ее красоте? Потом вышла в садик и принялась рыхлить землю

на грядке с зимними дынями. Когда Хэйко возилась в своем саду, то не думала ни о чем, кроме этой нехитрой работы. Ни об убийствах, ни о предательстве, ни о любви.

Солнце уже миновало зенит и начало клониться к горизонту, когда Хэйко увидела, что с юга приближаются четверо всадников.

* * *

Гэндзи, не сходя с коня, обратился к девушке:

– Почтенная крестьянка, мне сказали, что где-то здесь проживает прославленная в Эдо красавица. Не укажешь ли ты мне путь к ее обители?

– Эдо отсюда далеко, – откликнулась Хэйко, – красота мимолетна, а всякое жилище непрочно. Не угодно ли вам будет лучше испробовать моего горячего супа, чтобы спастись от зимнего холода? – Взмахом руки она указала на сад. – Я приготовила его из этих вот зимних дынь.

Хэйко никогда бы не оделась столь неизящно, если б ей хоть на миг пришло в голову, что Гэндзи может появиться здесь. Но ведь сегодня утром его внимание было всецело приковано к чужеземцам. Гэндзи даже специально отправился в порт, чтобы встретить их. Все указывало на то, что нынешний день он проведет в городе. Однако же не прошло и полдня, как он, судя по нынешнему его виду, отправился на охоту, напроць позабыв о чужеземцах. Хэйко была охвачена смятением – и вместе с тем радостью. Гэндзи жив, и она тоже, и они снова вместе. После того, что рассказал ей Кумэ, Хэйко с особенной остротой ощущала, насколько же драгоценны подобные мгновения.

– Твое умение обращаться с землей воистину удивительно, – сказал Гэндзи. – Несомненно, в более гармоничном мире, чем наш, женщина, владеющая таким искусством, будет цениться куда выше, чем женщина, сведущая лишь в постельных утехах.

– Вы слишком добры ко мне, господин. – Хэйко низко поклонилась, чтоб скрыть выступивший на щеках румянец. – Но я не стану более вас задерживать. Ведь вам, конечно же, не терпится поскорее встретиться с вашей прославленной госпожой.

– Суп из зимних дынь или легендарная красавица, – промолвил Гэндзи. – Воистину, нелегкий выбор.

Смущение Хэйко забавляло его. Гейша всегда так уверена в себе! Теперь же на ней не было роскошных нарядов – лишь скромная одежда да тяпка в руках. Ни дать ни взять простая крестьянка! Это ведь в первый раз он застал ее врасплох? Да, действительно, в первый. И потому Гэндзи намеревался по возможности продлить развлечение.

– Мудрый человек всегда выбирает суп, – сказала Хэйко, – особенно в такой холодный день.

Самодовольный вид Гэндзи раздражал ее. Но если показать это, он будет веселиться еще больше. Нет уж, не дождется!

– Почему же? Истинная мудрость должна вести к красоте, разве не так? Что лучше согреет душу и тело?

Да, правда, он застал ее в простонародной одежде и с ненакрашенным лицом. Но восторжествовал ли он? Блестящие волосы струились по спине девушки, словно у какой-нибудь принцессы эпохи Хэйан. А отсутствие пудры, румян и прочих ухищрений нисколько не умаляло ее красоты. Напротив, природный цвет и очертания

лица, обычно скрытые косметикой, оказались столь прекрасны, что Гэндзи был потрясен.

– Осмелюсь предположить, что кто-то ввел господина в заблуждение, – сказала Хэйко. – Красота может быть холоднее, чем зимний день. Согревает не красота, а любовь.

– Хорошо сказано, почтенная крестьянка. – Гэндзи успокоил коня, начавшего горячиться от долгого стояния на месте. – От куртизанок Эдо я никогда не слышал столь мудрых слов. Ни от кого из них – кроме одной-единственной.

– Господин слишком добр.

Хэйко улыбнулась Гэндзи. Этим простеньким комплиментом он спас ее достоинство.

– Это ты слишком добра, – улыбнулся в ответ Гэндзи, – и слишком прекрасна, чтоб, ты скрываться в этой роще. Скоро сюда прибудет всадник и приведет двух лошадей, одну для тебя, а вторую – для твоей служанки. Я прошу тебя отправиться с ним в Эдо. Там ты найдешь лучшее применение своим талантам.

– Разве могу я отказаться от столь великодушного предложения? – откликнулась Хэйко.

– Посмотрим, долго ли ты будешь считать меня великодушным. Среди прочих твоих умений, в которых мы нуждаемся, числится и английский язык.

О нет! Теперь Хэйко поняла все. Некое чрезвычайное происшествие заставило Гэндзи покинуть своих чужеземных гостей. И он решил на время отсутствия приставить к ним Хэйко – в качестве переводчицы и спутницы.

– До встречи, Хэйко. – Он натянул поводья и развернул коня в сторону Нового моста. – Я вернусь через неделю.

– Погодите! Князь Гэндзи! – Хэйко невольно рванулась к нему. – Я знаю по-английски всего несколько слов и никогда ни с кем не разговаривала, кроме вас! Как же вы можете оставить меня одну с чужеземцами?

– Ты слишком скромна, – улыбнулся Гэндзи. – Я совершенно уверен, что твои способности куда больше, чем ты показываешь. Теперь тебе представляется случай доказать, что я прав.

– Князь Гэндзи!

Но Гэндзи лишь поклонился и с места послал коня в галоп, а трое спутников помчались за ним следом.

К тому времени, как появился Сэйки с двумя лошадьми в поводу, Сатико уже помогла Хэйко принять подобающий вид. За всю дорогу угрюмый старый самурай не произнес ни слова. Это было лишь к лучшему. Хэйко находилась в слишком скверном расположении духа, чтобы поддерживать непринужденную беседу.

* * *

В ту ночь Гэндзи со своими людьми заночевал в каком-то крестьянском домишке, стоявшем на северной окраине равнины Канто. На следующий день им предстояло вступить на территорию Ёсино, принадлежащую князю Гэйхо, одному из заклятых врагов Гэндзи.

Сами они никогда не ссорились. Гэндзи вообще сомневался, что узнал бы Гэйхо при личной встрече. Невзирая на все старания, он так и не смог представить его достаточно отчетливо. Полный весельчак лет шестидесяти от роду. Или семидесяти.

Какой у него нос, заостренный или приплюснутый? А волосы – темные или седые? Темные, подумал Гэндзи, но от краски. Это говорило о некотором тщеславии. Значит, Гэйхо не только толстый и веселый, но еще и тщеславный. Когда же они виделись в последний раз? Почти три года назад, по случаю вступления Токугава Иэмоти в должность сёгуна. Они сидели по разные стороны зала, потому Гэндзи лишь мельком разглядел Гэйхо. По правде говоря, он вообще не был уверен, что Гэйхо – именно тот, о ком он думает. И однако же этот незнакомец непременно постарается убить Гэндзи, если только ему удастся заполучить хоть малейший предлог.

Их семьи не ссорились – ни разу при их жизни, равно как и при жизни их отцов, дедов и даже прадедов. Никто не обменивался оскорблениями, никто не страдал от запутанной любовной истории, никто не сражался из-за владений, влияния или чести. Проблема была проста – одна на все кланы, правящие двумястами шестьюдесятью провинциями страны. И именовалась эта проблема – Сэкигахара.

Так называлась маленькая деревушка на западе Японии, совершенно ничем не примечательная. Но событие, произошедшее рядом с ней в четырнадцатый год правления императора Гоэдзэя, до сих пор продолжало влиять на жизни множества людей. Однажды утром на исходе осени, когда на землю лег иней и сгустился туман, в долине рядом с этой деревушкой сошлись в схватке двести тысяч самураев, разделенных на две армии. Одну вел Токугава Иэясу, князь Канто. Вторая выступала под знаменами Исида Мицунари, правителя западной Японии.

Предок Гэндзи, Нагамаса, был на стороне Исида. За месяц до сражения ему было открыто во сне, что клан Токугава лишится всех своих прав и привилегий, включая княжеский титул. К концу того осеннего дня Нагамаса и еще восемьдесят тысяч самураев погибли, а Иэясу восторжествовал. Вскоре он сделался сёгуном, и этот титул сохранялся за его семейством по нынешний день. Гэндзи ничуть не сомневался в правдивости сна, приснившегося его предку. Просто Нагамаса неправильно рассчитал время.

Хотя Нагамасу погиб и клан Окумити оказался в числе побежденных, он не был вырезан до последнего человека. Довольно много противников Токугавы сумели избежать поголовного уничтожения. И вот уже двести шестьдесят один год они терпели и лелеяли планы мести. А сторонники Токугава – в том числе и предки Гэйхо – все это время размышляли, как бы все-таки истребить их. Вот чем занимались японцы, пока чужеземцы создавали науку и завоевывали мир. Теперь может случиться так, что, пока японцы будут раз за разом переигрывать одно и то же древнее сражение, чужеземцы завоюют Японию.

– Господин... – Крестьянин вполз в комнату на коленях, пробороздив пол лбом, будто плугом. – Ваша уважаемая ванна готова.

Бедолага дрожал от страха.

Гэндзи хотелось приказать ему выпрямиться. В конце концов, это его дом, а Гэндзи – всего лишь непрошенный гость. Но он, конечно же, не мог сказать этого. Его, как и этого крестьянина, чей дом они выбрали для ночевки, по рукам и ногам связывал древний этикет.

– Спасибо, – сказал Гэндзи.

Крестьянин, так и не разогнувшись, проворно отполз в сторону, чтобы благородный господин мог пройти, не переступая через его ничтожное тело. В истерзанном страхе сердце хозяина дома теснились сейчас две надежды. Во-первых, он надеялся, что господин не сочтет убогую бадью слишком оскорбительной для своей

персоны. За то время, что господин находился здесь, жена и дочь хозяина дома стерли руки в кровь, отмывая бадью дочиста. Крестьянин безмолвно возвал к будде Амида: пусть она окажется достаточно чистой! Во-вторых, он надеялся, что господин, привыкший к легендарным куртизанкам Эдо, не заинтересуется его дочерью. Ей исполнилось пятнадцать – первый расцвет женственности, – и в деревне ее считали красавицей. Но сейчас отец предпочел бы, чтобы она была такой же уродиной, как дочка Муко. Он снова вознес молитву будде Амида, умоляя Сострадательного о защите и милосердии. Только бы пережить эту опасную ночь!

Тем временем младший сын крестьянина, не жалея сил, под присмотром Таро вычистил и накормил лошадей. Конечно, у них не нашлось подходящего корма для столь породистых животных, потому мальчик сбегал в деревню и выпросил у старосты сена. Он вернулся с пятидесятифунтовым тюком на плечах. Жаль, что старшего брата, Синити, нет дома – он бы помог. Но Синити месяцем раньше забрали в армию князя Гэйхо. Кто знает, где он сейчас и когда вернется домой... Война приближается. Все так говорят. Война с чужеземцами. Война между сторонниками сёгуна и его противниками. Две войны сразу: внутренняя и против внешних врагов. Умрет множество людей – тысячи, десятки тысяч, может, даже миллионы. Возможно, Синити безопаснее будет в армии, чем здесь, на крестьянском подворье. Тут из дома вышел Гэндзи. Мальчик рухнул на землю и уткнулся лицом в грязь.

Хидё и Симода стояли на страже у входа в купальню. В купальне Гэндзи обнаружил жену и дочь хозяина дома. Они тоже застыли в земном поклоне, трясась от страха. Будь на месте Гэндзи демон из преисподней, они и то не были бы напуганы сильнее. Хотя, если так подумать, чем для крестьянина знатный господин отличается от демона?

Гэндзи услышал, как одна из женщин тихо всхлипнула. Даже не глядя, он понял, что это была мать. Она думала, что господин пожелает, чтобы ему помогали при купании, заметит, какая красивая у них дочь, и потребует ее себе на ложе. Это – если он по характеру терпелив. Если же нет, он может взять девушку прямо здесь, на полу, даже не вы– Можете идти, – сказал Гэндзи. – Я предпочитаю мыться в одиночестве.

– Да, господин! – отозвалась мать, а мгновением спустя дочь эхом повторила ее слова.

Так и не встав с колен, женщины пятась покинули купальню.

Поздно ночью, собравшись в сарайчике, семейство принялось обсуждать завернувшего к ним высокородного гостя.

– Должно быть, это столичный придворный, – шепотом сказал крестьянин. – Слишком уж он утонченный для воина.

– Но кони у них боевые, – возразил сын. – Они едва-едва терпели меня рядом с собой. Если б тот бритоголовый самурай не присматривал за ними, они могли бы меня вовсе затоптать, пока я их чистил и кормил.

– Может, они едут в армию к князю Гэйхо, – сказала мать. – Хорошо бы! Чем больше людей будет у князя, тем меньше опасностей будет грозить нашему Синити.

И она принялась мысленно повторять мантры, обращенные к будде Амида, шевеля пальцами, как будто у нее в руках по-прежнему были ее драгоценные четки из сандалового дерева. Женщине не доставало их – но пусть уж они лучше будут там, где они сейчас. Священный талисман висел нынче на шее ее первенца, Синити. Четки непременно оборонят его от всякого зла, привлекут к нему добро и сэберегут ее мальчика. Синити было всего шестнадцать, и он впервые покинул дом.

– Может, и так, – согласился глава семейства. – От молодого господина большого толка в битве не будет. Но его люди на вид сильные.

– А может, это какой-нибудь принц? – сказала дочь. – Он такой красивый!

– Тихо! – прикрикнул на нее отец и наугад отвесил оплеуху. Попал, невзирая на темноту. Девушка ойкнула. – Что утром ты и носа не высовывай из сарая, пока они не уедут!

Но четверо гостей ускакали еще до рассвета. Вернувшись в дом, крестьянин обнаружил на скромном алтаре предков аккуратно свернутый шарф из шафранового шелка. На следующей неделе он отнес шарф в Эдо и обнаружил, что тот стоит больше, чем его доля урожая за прошлый год.

* * *

Гэндзи и его люди взяли в дорогу выносливых лошадей и гнали их во весь опор. Если они сохранят скорость, то к полудню доберутся до монастыря Мусиндо. Им удалось пересечь почти всю провинцию Ёсино, ни разу не столкнувшись с войсками Гэйхо. За следующей рекой начинались владения друга Гэндзи, Хиромицу, князя Ямакавы. Еще один человек, которого Гэндзи вряд ли узнал бы в лицо. Хиромицу был его другом в том же самом смысле и по той же самой причине, по которой Гэйхо считался врагом. Далекий предок Хиромицу тоже оказался под Сэкигаха-рой на стороне проигравших.

Сделав последний поворот, уже возле самой границы, путники внезапно натолкнулись на пятерых конных самураев, возглавлявших колонну из сорока копейщиков. Этот отряд, как и те воины, которых видел Таро, двигался на юг.

Гэндзи придержал коня, давая солдатам время отойти к краю дороги. Хотя на одеяниях его не было герба и ехал он без знамени, все – одежда, породистый конь, поведение его спутников – выдавало в нем знатного господина. Обычай требовал, чтобы эти простолюдины – да и самураи, уступавшие ему знатностью, – посторонились и пропустили их.

Но они и не подумали сделать это. Их предводитель крикнул:

– А ну, прочь с дороги!

Гэндзи натянул поводья, вынудив коня остановиться. Заметь он этот отряд пораньше, он велел бы своим людям спрятаться. Они переждали бы, пока солдаты пройдут, и двинулись дальше. Но теперь было поздно. Он не мог уступить дорогу столь низкородным тупицам, не нанеся ущерба своей чести. Ему оставалось лишь стоять и ждать, пока препятствие не будет устранено.

Хидё пришпорил своего коня и подъехал вплотную к вражескому предводителю.

– Благородный господин, путешествующий инкогнито, оказывает вам честь своим присутствием и желает проехать! – заявил он.

Самурай расхохотался.

– Благородный господин? Не вижу здесь никакого благородного господина! Передо мною – лишь четверо бродяг, заляпанных грязью! Прочь с дороги! Мы выполняем приказ князя Гэйхо и имеем право пройти первыми!

– Да как ты смеешь?! – вспыхнул Хидё. – Ты что, не в состоянии узнать знатного господина?

– Господин господину рознь. – Фыркнув, самурай положил руку на рукоять двуствольного кремневого пистолета, торчащую у него из-за пояса. – Времена

меняются. Сильный возвышается. А выродившиеся останки прошлого будут сметены прочь.

Дальнейшее произошло в мгновение ока.

Хидё не произнес больше ни единого слова. Молния клинка, полыхнув, прочертила полосу от левой стороны шеи до правой подмышки вражеского предводителя. Мгновением спустя туловище наглого самурая развалилось надвое, и во все стороны брызнула кровь.

Второй самурай потянулся за мечом. Но прежде, чем он успел извлечь клинок из ножен хоть на дюйм, пущенная Симодой стрела вошла ему в сердце, и он тоже рухнул на землю.

Таро выхватил меч и, держа его чуть на отлете, пришпорил коня и с боевым кличем ринулся на вражеский отряд.

Третий самурай взмахнул мечом и выкрикнул:

– Боевое построение! Боево!..

Он вцепился в древко стрелы, расцветшей вдруг у него в горле, словно диковинный цветок, выронил меч и рухнул с коня.

Строй копейщиков тут же рассыпался. Солдаты побросали оружие и с перепуганными воплями ринулись наутек. Большинство припустило к лесу. Менее сообразительные развернулись и побежали вдоль дороги. Вот за ними и погнался Таро. Он проскакал прямо через них, размахивая мечом направо и налево. И там, где он промчался, грязь превратилась в кровавое месиво.

Еще один самурай попытался скрыться и получил стрелу в спину.

Хидё проломил слабую защиту последнего всадника и располосовал ему яремную вену.

Таро развернулся и помчался обратно. Последний солдат вскинул руки, словно пытаясь защититься от смерти, – и с криком повалился на землю.

Гэндзи вздохнул. Все было закончено. Он двинул коня вперед, стараясь не наступать на валяющиеся на дороге тела. Столько жизней загублено впустую! И из-за чего? Из-за нарушенного этикета? Из-за узкой дороги? Из-за случайностей истории? Гэндзи был твердо уверен: в грядущем мире не будет места подобному бессмысленному насилию. Не должно быть.

Симода взглянул на первого покойника и повернулся к Хидё:

– Что он такого сказал, отчего ты зарубил его на месте?

– Он сказал: «Времена меняются». И еще оскорбительно выразился насчет «останков прошлого».

– Времена не меняются, – возразил Симода. – Они портятся. Чтоб низкородные вели себя так заносчиво!.. Каких-нибудь семь лет назад такого просто не могло бы произойти.

Семь лет назад в заливе Эдо объявился американский коммодор Перри со своими военными кораблями и пушками.

– Мы оказали им услугу. – Таро стряхнул с клинка комок окровавленной плоти. – Мы избавили их от бесполезного путешествия. Куда бы они ни шли и с кем бы ни вступили в битву, они все равно потерпели бы поражение. До чего жалкие трусы!

– Чужаки уничтожают нас без битвы, – сказал Хидё. – Уже само их существование подрывает наши обычаи.

Гэндзи всматривался в каждого убитого, мимо которого проезжал. Последний, десятый, смотрел остановившимся взглядом в ясное зимнее небо; голова его была

развалена надвое. Его правое предплечье держалось лишь на осколках кости и полоске кожи. Левая рука оканчивалась у запястья. Кисть валялась рядом. Убитого даже трудно было назвать мужчиной – это был подросток, едва вышедший из детского возраста. От силы лет шестнадцати. На шее у него висели деревянные четки. Амулет надежды. На каждой сандаловой бусине вырезана свастика, буддийский символ бесконечности.

– Чужеземцы тут ни при чем, – сказал Гэндзи. – Мы сами во всем виноваты.

Конечно, стычка была несчастьем, но и в ней имелась своя хорошая сторона. Хидё, Симода и Таро выказали свою храбрость. Гэндзи остался доволен. Он верно оценил этих людей.

Глава 5 ПРОВИДЦЫ

*Знание может связывать. Неведение может осво-
бождать. Умение понять, когда нужно знать, а когда – не
знать, так-же важно, как умение свободно владеть клинком.*

Судзумэ-нокумо (1434)

Проведя рядом с иноземцами пять дней, Хэйко научилась понимать их намного лучше. Особенно мистера Старка. Он говорил неспешно, слегка растягивая слоги. Мисс Гибсон говорила быстрее и словно проглатывала некоторые звуки. Что же касалось преподобного Кромвеля, даже когда Хэйко разбирала его слова, они зачастую не складывались в единое целое. Мистер Старк и мисс Гибсон отвечали раненому, как будто его речи были вполне осмысленными, но Хэйко подозревала, что это не более чем знак вежливости.

Большую часть времени преподобный Кромвель спал, и глаза под закрытыми веками быстро двигались. Проснувшись же, он сразу начинал куда-то рваться, и успокаивала его лишь нежная забота мисс Гибсон. Визиты доктора Одзава, похоже, вызывали у раненого особенное беспокойство. Возможно, причина крылась в том, что по поведению доктора слишком хорошо угадывалась суть его высказываний.

– Половина его кишок и желудок сгнили, – сказал доктор Одзава. – Вред, нанесенный его жизненно важным органам, неописуем. Отравленная желчь загрязняет его кровь. Однако же он до сих пор дышит. Я вынужден признать, что пребываю в полнейшем недоумении.

– Что говорит врач? – тут же спросила мисс Гибсон.

– Он говорит, что преподобный Кромвель – очень сильный человек, – ответила Хэйко. – Хотя доктор и не может предсказать исход, состояние больного стабильное, а это внушает надежду.

Кромвель указал на доктора:

– Следует говорить: «Если будет на то воля Господа, мы будем жить и сделаем то-то и то-то».

– Аминь, – отозвались мисс Гибсон и мистер Старк.

Доктор Одзава вопросительно взглянул на Хэйко.

– Он благодарит вас за заботу, – сказала Хэйко, – и молится по своему канону за ваше процветание.

– А! – Доктор Одзава поклонился преподобному Кромвелю. – Благодарю вас,

почтенный чужеземный священник.

– Ты – сын дьявола, ты – враг всего праведного!

По мнению Хэйко (которым она, правда, ни с кем не делилась), преподобный Кромвель от страданий сошел с ума. Только этим и можно было объяснить подобное поведение. Ни один человек, пребывающий в здравом уме, не стал бы проклинать врача, так старательно ухаживающего за ним.

Хоть за эти пять дней Хэйко и стала лучше понимать чужеземцев, она так до сих пор и не взяла в толк, зачем же Гэндзи велел ей быть с ними. Нет, одна из целей была очевидна. Хэйко составляла гостям компанию, служила им переводчиком, она пробивала брешь в той изоляции, в которой они оказались в отсутствие Гэндзи. Кроме того, ей представилась возможность вдумчиво изучать иноземцев, что в других обстоятельствах было бы нереально. И вот этого Хэйко никак не в силах была уразуметь. Такое поручение мог получить только тот, кому Гэндзи доверяет целиком и полностью. Но доверие основывается на знании, а Гэндзи почти ничего о ней не знал. У Хэйко имелось тщательно продуманное прошлое, подготовленное на тот случай, если кто-то заинтересуется ею. Место рождения, родители, друзья детства, старшие гейши-наставницы, ключевые события, важнейшие места... Факты были умело нагромождены друг на друга ради того, чтобы скрыть главное: Хэйко – агент сёгунской тайной полиции. Ее легенда ожидала внимательного изучения. Но Гэндзи не выказывал ни малейшего интереса к ее прошлому, довольствуясь видимостью. В мире высшей знати, мире жестокостей и интриг, лишь совсем маленькие дети были теми, кем казались. Если Гэндзи и вправду доверяет ей, он просто самоубийца. Поскольку на самоубийцу он все-таки не походил, Хэйко раз за разом возвращалась к одному и тому же выводу. Гэндзи знает, кто она такая.

Откуда? Хэйко понятия не имела. Возможно, слухи о клане Окумити соответствуют истине и в этой семье действительно раз в поколение рождается человек, способный предвидеть будущее. Если Гэндзи и есть этот человек, значит, ему открыто нечто такое, чего не ведает сама Хэйко. А именно – предаст она его или нет. Что означает его доверие? Что она все-таки останется ему верна? Или он, как истинный фаталист, смирился с ее предательством?

Хэйко прекрасно видела иронию ситуации. Ее терзали замешательство и подозрения – именно потому, что Гэндзи этого не выказывал. А может, под его мнимым доверием скрывалась какая-то тайная хитрость? Вот уже пять дней Хэйко ломала себе голову над этой загадкой. Девушка чувствовала себя окончательно сбитой с толку.

– Пенни за ваши мысли, – улыбнувшись, сказала мисс Гибсон.

Они сидели в комнате, примыкающей ко внутреннему дворику. Поскольку день выдался не по-зимнему теплый, двери были полностью раздвинуты и комната превратилась в подобие садовой беседки.

– Пенни? – переспросила Хэйко.

– Пенни – самая мелкая монета у нас.

– А у нас самую мелкую монету называют сэн. – Хэйко понимала, что на самом деле мисс Гибсон вовсе не предлагала ей заплатить за ее мысли. – Вы спрашиваете, о чем я думаю?

Мисс Гибсон снова улыbnулась. В Японии невзрачные женщины улыбаются чаще, чем красавицы. Они инстинктивно стараются приукрасить себя хотя бы таким образом. Очевидно, в Америке дело обстояло точно так же. Мисс Гибсон улыбалась

почти все время. Хэйко решила, что это хорошая привычка. Улыбка помогала проявиться личности мисс Гибсон и отвлекала внимание от ее нескладности. На самом деле слово «нескладность» и близко не описывало, до чего же несчастная американка была обделена природой. Но по мере того, как Хэйко знакомилась с ней, ей все больше нравилась добрая, нежная душа, скрытая за этой отталкивающей оболочкой.

– Это было бы невежливо, – сказала мисс Гибсон. – Когда я говорю «пенни за ваши мысли», то тем самым даю понять, что вы кажетесь задумчивой и что я готова послушать вас, если вам хочется поговорить. Вот и все.

– А! Благодарю вас.

Хэйко и сама нередко дарила улыбку. В этом и заключался секрет ее обаяния. Прочие знаменитые гейши Эдо старались всегда выглядеть величественно, а Хэйко, прекраснейшая из них, улыбалась часто, как простая крестьянка. Но только тем, к кому она благоволила. Это создавало впечатление, будто в их присутствии она забывала о своей красоте и открывала для них свое сердце. Конечно же, это была игра, и все об этом знали. Но игра эта оказывалась столь впечатляющей, что мужчины с радостью платили за нее. И лишь с Гэндзи Хэйко не играла. Она от души надеялась, что молодой князь не догадывается об этом. Если он поймет, что она любит его, то равновесие рухнет. Возможно, он и вправду знает – и потому-то и доверяет ей. Ну вот, опять то же самое. Так что же на уме у Гэндзи?

– Я думала о том, мисс Гибсон, – сказала Хэйко, – как вам сейчас нелегко. Ваш жених ранен. Вы находитесь вдали от дома и семьи. Очень трудная ситуация для женщины.

– Да, Хэйко. Очень трудная ситуация.

Эмилия закрыла книгу, которую перед этим читала. Сэр Вальтер Скотт был любимым автором ее матери, и из всех его книг она больше всего обожала «Айвенго». Не считая медальона, эта книга была единственной вещью, оставшейся у Эмилии после того, как ферма была продана. Сколько раз с тех пор она перечитывала любимые матерью отрывки, вспоминала ее голос и плакала – в школе, в миссии, на корабле, а теперь – здесь, в чужой стране, вдали от родных могил. Хорошо еще, что она не плакала, когда пришла Хэйко!

– Пожалуйста, зовите меня просто Эмилией. Это будет только справедливо. Ведь я называю вас просто Хэйко. Или скажите мне вашу фамилию, и я тогда тоже буду называть вас «мисс».

– У меня нет фамилии, – сказала Хэйко. – Я не из знатного рода.

Это замечание застало Эмилию врасплох. Слишком уж это походило на положение бондов в «Айвенго». Но ведь там шла речь о событиях многовековой давности, о Темных веках Европы.

– Но я же слышала, как слуги называют вас другим именем, более длинным...

– Верно. Майонака-но Хэйко. Это мое полное имя гейши. Оно означает «Полуночное равновесие».

– А что такое «имя гиши»? – спросила Эмилия.

– Гейша, – медленно произнесла Хэйко.

– Гейша, – повторила Эмилия.

– Да, правильно, – сказала Хэйко. Она припомнила слова, которые видела в английском словаре Гэндзи. – Вероятно, самое близкое по смыслу ваше слово – «проститутка».

От потрясения Эмилия потеряла дар речи. «Айвенго» упал на пол. Эмилия

нагнулась, чтобы подобрать книгу, радуясь возможности отвести взгляд от Хэйко. Она не знала, что и думать. Все это время Эмилия предполагала, что их хозяйка – знатная дама, родственница князя Гэндзи. Ей казалось, что все слуги и самураи относятся к Хэйко с величайшим почтением. Может, она просто чего-то не заметила и это почтение было насмешливым?

– Наверняка тут какая-то ошибка в переводе, – сказала Эмилия. Щеки ее горели.

– Да, возможно, – согласилась Хэйко.

Мисс Гибсон, или Эмилия, как она попросила себя называть, удивила ее не менее сильно. Что же такого она сказала, чтобы так смутить гостью?

– Я знала, что так оно и есть.

Услышав ответ Хэйко, Эмилия вздохнула с облегчением. При слове «проститутка» ей представлялась одна из тех проспиртованных и изъеденных болезнями шлюх, что время от времени искали прибежища в их сан-францисской миссии. Трудно было представить кого-то более отличающегося от тех особ, чем эта изящная юная женщина.

Пока Эмилия поднимала книгу, Хэйко пыталась отыскать нужные английские слова, относящиеся к женщинам-подругам разного ранга. Ведь для каждого слоя общества имелось свое наименование. В самом низу этой лестницы находились женщины, не владеющие никаким особым искусством и дарящие неприятное плотское удовольствие. В веселых кварталах Ёсивапы их обитало великое множество. По большей части это были девушки-крестьянки, которых продавали семьи – за долги. На самом верху располагались немногочисленные избранные гейши наподобие самой Хэйко, которых обучали с самого детства и которые придирчиво выбирали, с кем они будут проводить время. За общество и услуги гейши принято платить, но гейша сама решала, кому и какие услуги она будет оказывать, и принудить ее невозможно. Между этими двумя крайностями имелось бесчисленное множество рангов женщин, различавшихся по красоте, талантам, услугам и цене.

Заметив, что Эмилия по-прежнему испытывает явственную неловкость, Хэйко заколебалась. До сих пор она предполагала, что у каждого японского понятия есть свое американское подобие, и наоборот. Эти вещи будут называться разными словами, поскольку языки у них разные, но суть останется одинаковой. Ведь повсюду людьми руководят одни и те же потребности и желания. Во всяком случае, так ей представлялось.

– В Америке некоторые леди из хороших семей становятся гувернантками, – сказала Эмилия. Ей хотелось все-таки понять, что же имела в виду Хэйко. – Гувернантка учит детей хорошим манерам, заботится о них, иногда даже дает им начальное образование. Возможно, вы это имели в виду?

– Нет, гейша – не гувернантка, – отозвалась Хэйко. – Гейша – женщина-подруга высшего ранга. Если я выбрала неправильное слово, пожалуйста, научите меня, как правильно, Эмилия.

Взгляд Хэйко был открытым и искренним. Но Эмилия знала, что ее христианский долг требует всегда быть честной, как бы это ни было больно.

– У нас нет для этого особого слова, Хэйко. В христианских странах подобная работа не считается уважаемой. Точнее говоря, она просто противозаконна.

– В Америке нет проституток?

– Есть, – призналась Эмилия, – ибо люди слабы. Но проституткам приходится прятаться от полиции. И они полностью зависят от жестоких преступников, которые

покровительствуют им. Жизнь их коротка – из-за насилия, спиртного и болезней.

Эмилия перевела дух. Всякое сожителство вне брака – грех, но ведь наверняка существуют градации греховности! Ей не верилось, что Хэйко и вправду подразумевала, будто она проститутка.

– Иногда случается, что какой-нибудь богатый и влиятельный человек заводит себе любовницу. Любовница – это женщина, которую он любит, но которая не является его женой ни по закону, ни перед Богом. Возможно, слово «любовница» подходит лучше, чем «проститутка»?

Хэйко так не казалось. Их «любовница» больше всего соответствовала «наложнице», но была так же далека от «гейши», как и «проститутка». Да и в самом отношении Эмилии к этому вопросу чувствовалось нечто странное. Интересно, чем это вызвано? Вероятно, она сама была проституткой и стыдится своего прошлого. Конечно же, быть американской гейшей она никак не могла. Никакое искусство и обаяние не искупит столь ужасной внешности.

– Возможно, – отозвалась Хэйко. – Давайте спросим у Гэндзи, когда он вернется. Его познания глубже моих.

Появление брата Мэтью спасло Эмилию от необходимости отвечать на столь шокирующее предложение.

– Брат Цефания зовет вас, – сказал Старк.

* * *

– Вы хотите сказать, что мой дядя просидел в оружейной последние четыре дня?

Гэндзи сдерживался изо всех сил, чтобы не улыбнуться. На лице настоятеля Сохаку читалось полнейшее замеша– Да, господин, – признался Сохаку. – Мы трижды пытались схватить его. В первый раз я получил вот это. – Настоятель указал на вспухший рубец на лбу. – Будь у него в руках настоящий меч, а не деревянный, меня бы уже не было в живых и мне не пришлось бы позориться, рассказывая вам о случившемся.

– Не будьте так строги к себе, преподобный настоятель.

Сохаку мрачно продолжил повествование:

– Во второй раз он серьезно ранил четверых моих людей, то есть монахов. Один из них до сих пор лежит без сознания и, возможно, больше не придет в себя. В третий раз мы вошли туда с луками и стрелами из зеленого бамбука. Мне казалось, что этого вполне хватит, чтобы обезвредить его. Он стоял среди бочонков с порохом и усмехался, а в руках у него был горящий фитиль. Дальнейших попыток мы предпринимать не стали.

Гэндзи сидел на небольшом помосте, в шатре, установленном в пятидесяти шагах от оружейной. Все монахи, кроме тех, что несли сейчас стражу, сидели перед ним и выглядели совсем не как монахи, а как самураи, ожидающие приказа. Шесть месяцев назад дед Гэндзи тайно приказал лучшим своим кавалеристам уйти в монастырь. Они якобы покинули мир в знак протеста против того, что князь чересчур сблизился с христианскими миссионерами секты Истинного слова. Конечно же, все это предназначалось исключительно для того, чтобы ввести в заблуждение врагов. Но стоило бы кому-то хоть краем глаза увидеть этих людей, сохранивших все повадки воинов, – и он ни за что не поверил бы, что они вправду превратились в монахов.

– Ну что ж. Думаю, мне следует пойти и поговорить с ним.

Гэндзи встал с помоста и направился к оружейной. Его сопровождали Хидё и Симода. Из-за двери доносилось неразборчивое бормотание.

– Дядя, это я, Гэндзи. Я вхожу.

Он взмахнул рукой, и несколько человек проворно разобрали завал. В оружейной воцарилась мертвая тишина.

– Господин, прошу вас, будьте осторожны! – тихо произнес Хидё. – Таро сказал, что господин Сигеру – полный безумец.

Гэндзи отворил дверь. Хлынул поток теплого зловонного воздуха. Гэндзи поспешно отвернулся и не упал лишь потому, что Хидё вовремя поддержал его.

– Прошу прощения, – сказал Сохаку, поднеся князю надушенный шарф. – Я так привык к нынешнему состоянию господина Сигеру, что забыл предупредить вас.

Гэндзи отмахнулся от предложенного шарфа. Конечно, он охотно бы им воспользовался, но, если он спрячет лицо, Сигеру может не узнать племянника. И, не обращая внимания на отвратительный запах, Гэндзи шагнул на порог. Там было темно. Сигеру, измазанный собственными экскрементами, сидел в тени. Лишь два длинных меча у него в руках были безукоризненно чисты. Они блестели столь ярко, словно сами излучали свет.

– Я очень огорчен, что застал тебя в столь перепачканном виде, – негромко произнес Гэндзи. – С одной стороны, я всего лишь твой племянник. С другой стороны, я твой владыка, князь Акаоки. В качестве твоего племянника я обязан нанести тебе визит, где бы ты ни находился. В качестве твоего владыки я не могу позволить себе терпеть подобную грязь. Как твой племянник, я молю тебя позаботиться о своем здоровье. Как твой владыка, приказываю тебе через час явиться ко мне и объяснить, почему ты ведешь себя столь неподобающим образом.

Он повернулся к дяде спиной и медленно спустился по ступенькам. Если в течение одного-двух ударов сердца Сигеру не нападет на него, то приказ, скорее всего, будет выполнен.

Силуэт Гэндзи удалялся. Его спина не защищена! Пора! Пора завершить очищение рода Окумити! Все тело Сигеру напряглось, затем расслабилось. Он метнулся вперед, бесшумно и стремительно. Точнее, рванулось вперед его тело. А изломанный разум, зияющий провалами, тем временем бродил по собственным тропам.

Сигеру очутился рядом со своим отцом. Они ехали верхом вдоль кромки скал на мысе Мурото. Князь Киёри был младше, чем нынешний Сигеру, а Сигеру было столько же, сколько его собственному сыну в момент смерти.

– Ты будешь говорить о том, что настанет, – сказал отец. – Ты будешь видеть это так же отчетливо, как вон те волны внизу.

– Отец, а когда это будет? – спросил Сигеру.

Его снедало нетерпение. Пускай после отца править княжеством будет его старший брат, Ёримаса, но если прозрением наделен он, Сигеру, то это его все будут почитать так же, как почитают сейчас князя Киёри. И тогда Ёримаса уже не сможет так задирать нос!

– Нескоро. И радуйся, что это случится нескоро.

– Но почему я должен этому радоваться? – Сигеру надулся. Он вовсе не это хотел услышать. Выходит, Ёримаса и дальше будет им командовать! – Чем быстрее я начну видеть будущее, тем лучше.

– Не будь таким нетерпеливым, Сигеру. То, что должно случиться, случится, и

неважно, будешь ли ты знать об этом заранее. И иногда лучше не знать. Уж поверь мне.

– Знать – лучше! – возразил Сигеру. – Тогда никто не сможет застать тебя врасплох!

– Кто-то всегда будет заставлять тебя врасплох. Как бы много ты ни знал, ты никогда не сможешь знать всего.

– Но когда, отец? Когда же я начну видеть будущее?

И снова отец лишь молча взглянул на него. Сигеру даже подумал, что отец не желает больше разговаривать, но тот все-таки заговорил:

– Пока это время не настало, Сигеру, радуйся жизни. Ты будешь очень счастлив. В расцвете зрелости ты полюбишь женщину, прекрасную, добродетельную и отважную. Тебе повезет, и она тоже полюбит тебя. – Отец улыбался, хотя по лицу его текли слезы. – У тебя будет сильный, храбрый сын и две красивые дочери.

Сигеру это все не волновало. Ему было шесть лет. Он не мечтал о любви. Он не мечтал о сыновьях и дочерях. Он мечтал о том, чтобы стать настоящим самураем, как его прославленные предки.

– А стану ли я великим воином, отец? Будут ли меня бояться?

– Ты станешь великим воином, Сигеру. – Отец смахнул слезы широким рукавом кимоно. – Ты выиграешь множество поединков. Тебя будут бояться.

– Спасибо, отец!

Сигеру был счастлив. Он получил пророчество! Он мысленно поклялся, что навсегда запомнит этот знаменательный день, и плеск волн, и ветер, обдувающий лицо, и облака, бегущие по небу.

– Слушай меня, Сигеру. Это очень важно. – Отец крепко сжал его плечо. – Когда у тебя начнутся видения, к тебе придет один человек. Первым твоим порывом будет убить его. Не наноси удар. Остановись. Загляни внутрь себя. Пойми, что происходит. – Его пальцы мертвой хваткой сомкнулись на плече Сигеру. – Ты запомнишь это? Ты сделаешь, как я сказал?

– Да, отец. Я обещаю, – сказал Сигеру.

Настойчивость отца испугала его.

...И вот теперь, когда его меч уже готов был вонзиться в Гэндзи, давнее обещание озарило собою все существо Сигеру. Еще миг – и острый клинок длиной с руку войдет в спину Гэндзи, пронзит сердце и выйдет из груди. Сигеру заглянул в свое внезапно прояснившееся сознание и увидел там то, что меньше всего ожидал увидеть.

Ничего.

Сигеру остановился. Он сделал всего один шаг к двери. Лишь мгновение прошло с того момента, как Гэндзи повернулся. Мгновение, не больше.

Сигеру прислушался. Он не слышал ничего, кроме тихих шагов Гэндзи да пения птиц в кустах. Он присмотрелся. Он видел только оружейную, спину Гэндзи и в проеме двери – кусочек монастырского дйора.

Видения ушли.

Что это было – совпадение? Или и вправду присутствие Гэндзи неким образом положило им конец? Сигеру не знал этого. Да его это и не волновало. Обуревавшее его стремление убивать исчезло вместе с видениями.

Он выронил мечи и шагнул через порог. Два самурая, стоявшие по сторонам двери, отступили на несколько шагов и поклонились. Сигеру заметил, что, кланяясь, они не убирают рук с рукоятей мечей и не сводят с него глаз. Сигеру обошел кухню и

направился к купальне, на ходу снимая с себя одежду.

– Где Сохаку? – спросил Сигеру у последовавшего за ним самурая. – Передай ему, что мне нужна одежда, в которой прилично предстать перед князем Гэндзи.

– Да, господин, – ответил самурай, продолжая идти следом за Сигеру.

Сигеру остановился. И самурай остановился.

– Иди и выполняй приказ.

Сигеру бросил одежду на землю. Придется ее сжечь. Сигеру развел руками:

– Что ты думаешь? Что я посреди зимы убегу прямо в таком виде, нагишом, весь в дерьме? На такое способен лишь безумец!

Он рассмеялся и двинулся дальше. Он даже не стал оглядываться, чтобы проверить, по-прежнему ли самурай следует за ним.

Войдя в купальню, Сигеру обнаружил, что бадья уже полна горячей воды. Он не удивился. Гэндзи всегда оптимистически смотрел на жизнь.

Сигеру трижды вымылся, не забираясь в бадью. Лишь убедившись в том, что теперь он чист, Сигеру-со вздохом удовольствия погрузился в воду. Когда он в последний раз принимал ванну? Дни, недели, месяцы назад? Этого Сигеру не помнил. Но до чего же приятно полежать в горячей воде! При других обстоятельствах Сигеру остался бы в купальне надолго. Но его ждал князь. И Сигеру заставил себя выбраться из бадьи.

От его тела исходил пар, словно вулканический жар из отверстия в земле. Рядом с бадьей его уже ждали новые сандалии. Сигеру обулся, завернулся в полотенце и прошел в жилое крыло храма. Два монаха помогли ему одеться. Кимоно, куртка камисимо с широкими жесткими плечами-крыльями и широкие штаны хакама. Официальность наряда вполне соответствовала случаю, ведь Сигеру предстояло предстать перед своим князем. Он был почти готов.

– Где мои мечи?

Монахи переглянулись. В конце концов один из них сказал:

– Господин, нам не велено было приносить вам оружие. Монахи держались весьма напряженно, словно ожидали вспышки гнева. Но Сигеру лишь смиренно кивнул. Конечно, после всего того, что он натворил, ему не позволят явиться к Гэндзи с оружием. Он двинулся следом за монахами туда, где ожидал его князь.

– Стойте! – велел Гэндзи.

Сигеру остановился. Возможно, ему даже не позволят войти в шатер. Он не видел подготовленного места для казни. Но это еще ничего не означало. Гэндзи мог отказаться от церемонии. Два самурая, приехавшие с князем из Эдо, могут просто зарубить безумца на месте – и дело с концом.

Гэндзи повернулся к Сохаку:

– Как вы могли допустить, чтобы благородный вассал предстал передо мною полуголым?

– Князь Гэндзи, – взмолился Сохаку, – молю вас, будьте осторожны! Он уже убил или искалечил пятерых ваших людей!

Гэндзи продолжал молча взирать на настоятеля.

Сохаку, поняв, что выбора у него нет, поклонился князю, потом кивнул Таро. Таро сбегал в оружейную и вернулся с двумя мечами – длинным катана и более коротким вакидзаси. Поклонившись Сигеру, Таро вручил ему оружие.

Когда Сигеру заткнул мечи за пояс, Сохаку едва заметно изменил позу. Если Сигеру обратит оружие против Гэндзи, он, Сохаку, закроет князя собой. Тогда у Хидё

и Симода, единственных, кто здесь при оружии, появится шанс убить Сигеру – если, конечно, они смогут сделать это. По крайней мере, они его задержат, а монахи тем временем навалятся на безумца всей кучей и не дадут добраться до Гэндзи. Хотя Сохаку и стал настоятелем дзэнского монастыря, он не слишком далеко продвинулся к просветлению. Дзэн не учит о посмертии. И теперь, когда перед ним предстала явственная возможность перейти из этого мира в иной, Сохаку мысленно вознес молитву секты хонгандзи. Наму Амида буцу! Да пребудет со мной благословение будды Беспредельного Света. Да укажет мне Сострадательный путь в Чистую землю. Но даже молясь, Сохаку бдительно следил за каждым движением Сигеру, приближавшегося к сидящему князю.

Сигеру опустил на колени на циновку, расстеленную перед помостом, и низко поклонился. Он впервые видел своего племянника после того, как правление княжеством Акаока перешло к нему. В обычных обстоятельствах эта встреча протекала бы очень торжественно. Они обменялись бы дарами, и Сигеру, подобно прочим вассалам, провозгласил бы, что клянется от своего имени и от имени своей семьи служить новому князю. Но нынешние обстоятельства никак нельзя было назвать нормальными. Гэндзи стал князем потому, что Сигеру отравил предыдущего князя, своего отца. И семьи, чтобы клясться от ее имени, у него тоже не было, – он всех перебил собственными руками. Сигеру застыл, прижавшись лбом к полу. Это суд. Это должен быть суд. Сигеру сидел, опустив голову, и ждал смертного приговора.

– Ну что ж, дядя, – тихо произнес Гэндзи, – давай покончим с этим, чтобы можно было поговорить о деле. – И добавил уже погромче: – Окумити Сигеру, почему ты захватил оружейную этого храма?

Сигеру поднял голову. Он даже рот приоткрыл от изумления. Почему Гэндзи завел речь о такой мелочи?

Гэндзи кивнул, как будто Сигеру и вправду что-то ответил.

– Понятно. А почему ты пришел к выводу, что оружие недостаточно хорошо охраняется?

– Господин... – только и смог прохрипеть Сигеру.

– Неплохо исполнено, – одобрил Гэндзи. – Столь ревностная защита нашего оружия должна служить примером для всех. Теперь перейдем к следующему вопросу. Как тебе известно, я удостоился высокой чести принять правление нашим родовым княжеством. Все прочие вассалы уже поклялись мне в верности. Принесешь ли ты мне подобную клятву?

Сигеру оглядел присутствующих. Все казались столь же потрясенными, как и он сам. По виду Сохаку можно было предположить, что с настоятелем случился сердечный приступ.

Гэндзи подался вперед и тихо произнес:

– Дядя, сделай, что полагается, и покончим с этим.

Сигеру еще раз поклонился до самой земли, выпрямился и потянулся за мечами.

Все присутствующие подхватились и ринулись к Сигеру. Все, кроме Гэндзи.

– Вы пришли сюда, чтобы познать пути древних мастеров дзэн, – гневно зазвенел его голос, – освободить свое сознание от иллюзий и увидеть мир таким, каков он есть! И что я вижу? Вы дергаетесь и скачете, словно неприкасаемые, которых грызут вши! Чем вы занимались целых полгода?

Он смотрел на монахов до тех пор, пока те не вернулись на свои места.

Сигеру извлек мечи из-за пояса, не вынимая их из ножен. Поклонившись и подняв

оружие над головой, он на коленях придвинулся к краю помоста. Это выглядело так, словно он подносит свои мечи в дар. Сигеру не знал, что сказать, а потому промолчал.

– Благодарю тебя, – сказал Гэндзи.

Он принял мечи и положил их на помост слева от себя. Потом он повернулся вправо и взял другую пару. Сигеру мгновенно узнал клинки. Их создал в конце периода Камакура великий кузнец Кунимицу. В сражении при Сэки-гахаре Нагамаса умер, сжимая в руках эти мечи. И с тех пор их никто не носил.

– Приближаются тяжелые времена. – Гэндзи протянул мечи Сигеру. – Нам предстоит заплатить все долги кармы. Встанешь ли ты рядом со мной в грядущей битве?

Сигеру давно уже забыл те времена, когда его руки дрожали под тяжестью оружия, словно у ребенка. Но сейчас, когда он принял священные мечи, они затряслись.

– Да, князь Гэндзи.

Сигеру поднял мечи своих предков и низко поклонился.

Кровь застыла в жилах Сохаку. Его князь только что принял вассальную клятву от человека, собственными руками поставившего древний род на грань исчезновения. Клятву того, кто убил родного отца, жену и собственных детей. Самого непредсказуемого и самого опасного безумца во всей Японии.

Одним-единственным поступком князь Гэндзи обрек себя на гибель – себя и всех, кто последует за ним.

* * *

Эмилия сидела у кровати Цефании и держала его за руку. Рука была холодной и тяжелой. За минувший час она сделалась еще более жесткой. Лицо проповедника стало спокойным и безмятежным, словно у спящего младенца, – и серым, словно его высекли из гранита. Цефанию закутали в надушенное покрывало. В углах комнаты постоянно горели сандаловые благовония. Но все это не могло заглушить гнилостного запаха, исходящего от разлагающейся плоти. Напротив, из-за постоянного соседства с ароматическими курениями зловоние делалось еще более тяжелым и удушливым, Эмилия едва справлялась с тошнотой, с подкатывающим к самому горлу привкусом желчи.

– Это было явлено мне в видении, – сказал Кромвель. Он больше не чувствовал боли. Точнее говоря, он вообще больше не ощущал собственного тела. Из пяти чувств у него осталось всего два. Он видел парящую над ним Эмилию. От девушки исходило сияние. Золотые волосы превратились в ореол вокруг прекрасного лица. И еще он слышал гром шагов приближающегося ангельского воинства.

– Я не умру от этой раны.

– Ты благословен, Цефания.

Эмилия улыбнулась раненому. Раз это приносит ему утешение, зачем его разубеждать? Всю предыдущую ночь он корчился и кричал от боли. Теперь он успокоился, и это только к лучшему.

– Ангелы не похожи на нас, – продолжал Кромвель. – Они выглядят совсем не как прекрасные люди с белыми крыльями. Совсем нет. Они непостижимы и невообразимы. Они ярче солнца. Они стремительны и оглушающи.

Наконец-то он понял, что означают слова Откровения.

– «От огня, дыма и серы». Как написано, так и будет. Убийства, чародейства, прелюбодеяния, кражи. Это место проклято. Когда ангелы придут, праведные будут вознесены, а нераскаившиеся сожжены, разорваны на части и забыты.

Эмилию удивило, как тихо и спокойно Цефания произнес эти жуткие слова. Раньше, до ранения, он обычно изъяснялся куда более вычурно и истерично. Тогда на лбу у него выступали капли пота, и без того выкаченные глаза выпучивались еще сильнее, на лбу и шее набухали жилы, и казалось, будто они вот-вот лопнут, а с губ вместе с возгласами срывались брызги слюны. Теперь же Цефания был исполнен покоя.

– Тогда давай помолимся за всех раскаявшихся, – сказала Эмилия. – Ведь всякому из нас есть в чем покаяться...

* * *

Лукас Гибсон был хозяином фермы, находившейся в Яблонево́й долине, в пятнадцати милях севернее Олбани. Он познакомился с Шарлоттой Дюпэй, своей дальней родственницей из Нового Орлеана, в Балтиморе, на похоронах деда. Лукасу – красивому, флегматичному, не по годам солидному – исполнилось тогда двадцать два года. Шарлотта, которая, подобно многим девушкам-южанкам, чересчур увлекалась книгами Вальтера Скотта, была романтической златоволосой красавицей четырнадцати лет от роду. Решив, что она встретила своего Айвенго, Шарлотта вышла за него замуж и сделалась хозяйкой ста акров яблоневого сада, свинарника и курятника. Их первый ребенок, Эмилия, родился через девять месяцев и один день после свадьбы. К этому времени Шарлотта уже успела разочароваться в своем славном саксонском рыцаре и принялась почти против воли мечтать о злом, но неукротимо страстном храмовнике де Буагильбере.

Когда уже самой Эмилиии исполнилось четырнадцать, ее отец погиб из-за несчастного случая в саду. Он упал с лестницы. Это было очень странно: Лукас славился среди сборщиков фруктов своей ловкостью и никогда прежде с лестницы не падал; во всяком случае, никогда на памяти Эмилиии. Да и выглядело тело погибшего как-то странно. Затылок был разбит так сильно, что обломки кости вдавились внутрь. Ну да, конечно, человек вполне может умереть, упав с высоты пятнадцати футов. Но в то, что он ударился головой о землю с такой силой, почему-то не верилось. Однако же это случилось. Отец умер, мать овдовела, а Эмилия и два ее младших брата осиротели.

Не успела отцовская могила порости травой, а десятник, работавший у них на ферме, уже начал наведываться к матери по ночам. Они не могли обвенчаться, пока не пройдет полгода положенного траура. У матери начал округляться живот. А потом начались побои. Крики страсти, оглашавшие ночь, сменились криками боли и ужаса.

– Нет! Джед, пожалуйста! Джед! Не надо! Не надо! Ну пожалуйста!

Эмилия с братьями прижимались друг к другу и плакали. Они никогда при этом не слышали ни единого звука, исходящего от их отчима, – лишь полный страха голос матери. Иногда наутро лицо матери оказывалось покрыто синяками. Сперва Шарлотта пыталась скрыть их от детей – припудрить, перевязать или рассказать, будто она оступилась в темноте.

– Я такая неуклюжая, – говорила она.

Но дела становились все хуже и хуже, и вскоре уже ни пудра, ни повязки, ни выдумки не могли скрыть правду. Нос у матери был сломан. Два раза. Вечно разбитые

губы заплыли. Она лишилась передних зубов. Порой она хромала, а случалось, и вовсе не могла встать с постели. Ребенок родился мертвым. За один кошмарный год их красавица мать превратилась в скрюченную старую каргу.

Их больше не приглашали на общие празднества. Соседи перестали заходить к ним в гости. Лучшие сборщики фруктов ушли от них. Их сад, прославившийся своими сладкими яблоками на всю долину, стал чахнуть.

А потом отчим принялся за них.

Он порол братьев Эмилии тонким кожаным ремнем – до крови. Если мальчики не могли больше стоять на ногах, отчим привязывал их к яблоне колоде и сек еще страшнее. Он наказывал их за то, что они не выполнили свою работу, или сделали ее плохо, или не покормили цыплят, или насыпали им слишком много корма, или оставили плохие яблоки в ящике с хорошими, и те пропали. Трудно было понять, за что именно их карают. Отчим никогда этого не объяснял.

Он не трогал одну лишь Эмилию. Когда она лечила братьев, те спрашивали ее: почему? Почему он бьет их? Почему он не бьет ее? Эмилия этого не знала. Страх и вина терзали ее с равной силой.

В канун своего пятнадцатого дня рождения Эмилия осталась одна в детской. Братьев на неделю заперли в погреб, невесть за какие прегрешения. Эмилия слышала, как они там плачут. Мать слегла; у нее началась лихорадка из-за воспалившейся раны. Эмилия переделась в ночную рубашку – и увидела в дверях отчима. Когда он появился? Увидел ли он ее раздетой? В последнее время он все чаще оказывался рядом с Эмилией, даже там, где ему не следовало бы находиться. Глаза его сверкали, словно из-за жара.

– Спокойной ночи, – сказала Эмилия и легла в постель.

Отчим велел ей звать себя просто по имени, Джедом. Но хотя не слушаться его было опасно, Эмилия не могла заставить себя называть его так. Она зажмурилась и стала безмолвно молиться, чтобы он поскорее ушел, как это бывало до сих пор.

Но на этот раз он не ушел.

Когда все закончилось, он крепко прижал ее к себе и заплакал. Почему он плакал? Она не знала. Ей было больно и плохо. Но она не плакала. Не могла. Она не знала почему.

Должно быть, она заснула, потому что потом она проснулась и увидела над собой трепещущий огонек свечи и изуродованное лицо матери.

– Эмилия, Эмилия, милая моя Эмилия!

Мать плакала.

Эмилия посмотрела на себя и увидела, что лежит в луже крови. Ее убили? Почему-то Эмилия совсем не испугалась. Смерть показалась ей избавлением.

Мать вытерла ее влажным полотенцем и одела в праздничное платье. Эмилия уже давным-давно не надевала его. Они больше не ходили в церковь. Платье сделалось тесным в груди и бедрах, но Эмилии было приятно надеть его. Отец всегда говорил, что это лучший ее наряд.

– Иди на ферму Патронов, – велела мать. – Передай миссис Пэтрон это вот письмо.

Эмилия стала упрашивать мать уйти с ней, выпустить братьев из подвала и убежать всем вместе – и никогда не возвращаться.

– Том и Уолт, – сказала мать, покачивая головой. – Я должна расплатиться за свои грехи. Да простит меня Бог! Я вовсе не хотела, чтобы из-за меня пострадали невинные.

Это была любовь. Я была ослеплена любовью.

Мать надела на Эмилию свой лучший жакет и вывела ее на дорогу. Было очень поздно. Луна уже зашла. Лишь яркие звезды освещали ей путь.

Когда Эмилия добралась до фермы Патронов, небо посветлело. Эмилия удивилась – почему вдруг заря занялась на западе? – и обернулась. Ее дом был охвачен огнем.

Пэтроны впустили ее. Это была добродушная пожилая пара, дружившая еще с ее дедом. Они знали отца Эмилии со дня его рождения и до самого дня смерти. Эмилия так никогда и не спросила их о письме матери, а они ничего ей не сказали. Но вскоре Эмилия подслушала их разговор.

– Я всегда знал, что никакой это не несчастный случай, – сказал мистер Пэтрон. – Этот мальчишка лазал по деревьям, что твоя обезьяна, еще до того, как научился ходить.

– Она была слишком страстной, – сказала миссис Патрон. – В ней было слишком много эмоций.

– А дочь тоже чересчур красива. Говорят: «красота в глазах глядящего», и это правильно. Когда женская красота всякому бросается в глаза – это нехорошо. Люди слабы и легко поддаются искушению.

– Мы рискуем, пустив ее к себе, – сказала миссис Пэтрон. – Дочь подобна матери. Ты замечал, как мужчины смотрят на нее? Даже наши собственные сыновья?

– И кого в том винить? – спросил мистер Пэтрон. – Она еще ребенок, но у нее лицо и тело вавилонской блудницы.

– Проклятие передается по женской линии, – сказала миссис Пэтрон. – Что же нам теперь делать?

Однажды ночью Эмилии приснился кошмар. Ей приснилось, будто она умерла при пожаре и теперь ее со всех сторон обступают неясные фигуры, словно мстительные демоны. Но когда демоны подобрались вплотную к ее кровати, Эмилия узнала в них сыновей Пэтронов, Боба, Марка и Алана.

Прежде чем она успела вскочить или закричать, они принялись действовать. Руки были повсюду. Они держали ее, закрывали ей рот, срывали с нее одежду, тискали ее.

– Мы не виноваты, – сказал Боб. – Это все ты.

– Ты слишком красивая, – сказал Марк.

– Все равно для тебя в этом нет ничего нового, – сказал Алан. – У тебя нет девственности, и терять тебе нечего.

– Заткните ей рот, – сказал Боб.

– Свяжите ее, – сказал Марк.

– Если ты будешь лежать тихо, мы не сделаем тебе ничего плохого, – сказал Алан.

Это она виновата. Это она виновата во всем. В смерти отца, в гибели матери, в страданиях своих ни в чем не повинных братьев. Эмилия перестала сопротивляться.

Они усадили ее и стащили с нее ночную рубашку.

Потом они толкнули ее обратно на кровать и стянули панталоны.

– Блудница, – сказал Боб.

– Я люблю тебя, – сказал Марк.

– Лежи тихо! – сказал Алан.

Тут дверь распахнулась и комнату залил свет. Глаза миссис Пэтрон сверкали ярче лампы, которую она держала в руках.

– Мы не виноваты! – сказал Боб.

– Вон отсюда! – прошипела миссис Пэтрон.

Парни, ссутулившись, покинули комнату.

Когда они ушли, миссис Пэтрон подошла к кровати и отвесила Эмилиии такую оплеуху, что у девушки зазвенело в ушах и потемнело в глазах. Потом старуха развернулась и вышла, не вымолвив ни единого слова.

На следующий день домой вернулся мистер Пэтрон – он ездил в Олбани. Через неделю Эмилию отослали в Рочестер, в приходскую школу. В уплату за обучение пошли деньги, полученные за ферму. Там Эмилию никто не навещал. По праздникам девочки разъезжались по домам, и лишь она одна оставалась в школе. Она вообще редко ее покидала. Когда ученицы отправлялись на какую-нибудь экскурсию, Эмилия старалась забиться поглубже в их стайку. И все равно ей не удавалось спрятаться от мужских взглядов. Она чувствовала эти взгляды на себе. Взгляды отчима. Взгляды парней Пэтронов. Взгляды всех мужчин, прикипающие к ней.

Однажды, когда у учениц была экскурсия в музей, за Эмилией увязался один юноша. Он был очень вежлив. Он поклонился и сказал: «Простите за дерзость, мисс, но вы прекраснее всех сокровищ этой коллекции». Он ужасно удивился, когда Эмилия от него убежала. Эмилия понимала, что происходит. Он не был виноват. Никто из них не виноват. Лишь она одна виновата во всем. В ней кроется что-то такое, что заставляет мужчин забывать о приличиях.

Действительно ли это была ее красота, как утверждали они все? Но Мэри Эллен куда красивей. Все девочки так говорили. Мужчины тоже считали Мэри Эллен прекрасной и обращали на нее внимание. Кроме тех случаев, когда рядом находилась Эмилия. Тогда они смотрели лишь на нее одну.

Мэри Эллен не любила Эмилию. И остальные девочки тоже. Если бы не директор школы, мистер Кромвель, жизнь Эмилиии сделалась бы совершенно невыносимой. Мистер Кромвель защищал ее своим пугающим авторитетом и словом Божьим.

– «И зла друг против друга не мыслите в сердце вашем», – говорил он, устремив на учениц пугающий взгляд выкаченных глаз.

– Аминь! – отзывались девочки.

– «Волк и ягненок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому».

– Аминь!

– Мэри Эллен.

– Да, сэр.

– Я не слышу тебя.

– Я сказала «аминь», сэр.

– Я слышал тебя ушами, но не сердцем. Эти слова должны идти из самых глубин твоего сердца, юная леди. Они возвещают о твоём спасении! Произнося их легкомысленно, ты навлекаешь на себя гибель! – Голос директора делался все громче, на лбу проступали набрякшие жилы. Руки его были раскинуты, словно крылья карающего ангела. – Скажи «аминь», Мэри Эллен!

– Аминь, сэр! Аминь!

– Разве не он сотворил меня по образу и подобию своему?

– Аминь!

– Разве не все мы – дети одного Отца? Разве не один Бог сотворил нас?

– Аминь!

– Зрите же, как хорошо и радостно братьям обитать вместе!

– Аминь!

Мистер Кромвель никогда не подходил к Эмилиии слишком близко. Он никогда не

пытался прикоснуться к ней. Он никогда не говорил ей о ее красоте. Он никогда не смотрел на нее так, как другие мужчины. Он закатывал глаза лишь в тех случаях, когда цитировал Библию. Мистер Кромвель был единственным мужчиной, которому доверяла Эмилия, потому что лишь он один не желал ее.

Тогда, в музее, именно мистер Кромвель отправился искать ее после того, как она убежала от вежливого незнакомца. Он нашел ее в углу, за какими-то экспонатами из далеких азиатских стран.

– Вставай, дитя, вставай.

Он не делал попыток силой поднять Эмилию на ноги. Ей не сразу удалось встать, и он перевел взгляд на экспонаты.

– Япония, – сказал он. – Языческий край убийц, идолопоклонников, содомитов.

Эмилия удивилась, услышав, каким тоном мистер Кромвель произнес эти слова. В его голосе звучала скорее нежность, чем осуждение.

– Они созрели для обращения, Эмилия. Они готовы услышать Истинное Слово. Я знаю это! «Имя Господа прославляю; воздайте славу Богу нашему!»

Он выжидательно взглянул на Эмилию.

– Аминь, – отозвалась она.

– «Слушайте слово Господне, народы, и возвестите островам отдаленным».

– Аминь.

– Это те самые далекие острова, о которых говорится в Ветхом Завете. Япония. Более далеких островов на свете нет.

Эмилия встала и нерешительно подошла к директору. На стене висела карта Тихого океана. У левого ее края примостились четыре больших острова, окруженные россыпью островов поменьше. Поверх них протянулось слово «Япония».

– Вот королевство, что двести пятьдесят лет было отгорожено от всего мира, – сказал мистер Кромвель, – до тех пор, пока пять лет назад коммодор Перри не вынудил их отворить врата. Преподобный Таттл организовал там миссию под защитой одного из их князей. В следующем году я приму сан и тоже отправлюсь туда, чтобы создать еще одну миссию.

– Вы уедете из Рочестера?

У Эмилии упало сердце.

– «Велико будет имя Мое между народами, говорит Господь Саваоф».

Эмилия промолчала, и мистер Кромвель строго взглянул на нее.

– Аминь, – прошептала она.

Если мистер Кромвель уедет, все тут же начнется сначала. Она как-нибудь перенесет плохое отношение со стороны других девочек. Все жестокие шутки, которые они могли измыслить, не имели для Эмилии никакого значения. Но мужчины!.. Кто будет отгонять их, когда он уедет?

Обычно девочки, произносившие «аминь» так тихо, получали выговор от мистера Кромвеля. Должно быть, Эмилия выглядела сейчас такой несчастной, что директор промолчал. Он остановился рядом с висящими на стене раскрашенными дагерротипами.

– Вот знатные дамы той страны, – сказал мистер Кромвель.

Глаза Эмилии все еще были полны слез, но все-таки она умудрилась рассмотреть изящные фигурки фарфоровых кукол, высокие причудливые прически, платья с просторными рукавами и широкими поясами. С детски круглых лиц смотрели удлинненные узкие глаза.

Эмилия указала на одну из дам: губы ее слегка приоткрылись в улыбке, открывая провал беззубого рта.

– У нее нет зубов, сэр.

– Отнюдь, Эмилия. У них принято, чтобы знатные дамы красили себе зубы в черный цвет.

Эмилия взглянула на плакатик, висящий рядом с дагерротипами. На нем было написано: «Знаменитые красавицы города Иокогама». Когда она вновь повернулась к мистеру Кромвелю, то увидела, что директор смотрит на нее тяжелым, немигающим взглядом.

– В Японии ты считалась бы дурнушкой, – сказал мистер Кромвель. – Или скорее даже редкостной уродиной. Золото твоих волос, синева глаз, твой рост, твои формы. Все, все не так, совсем не так.

Эмилия снова посмотрела на узкие глаза японок, их черные зубы, плоские тела, лишённые всех женских выпуклостей и округлостей, превратившихся для нее в истинное проклятие. Мистер Кромвель прав. Трудно найти двух более несхожих между собою женщин, чем Эмилия и любая из знаменитых красавиц Иокогама.

– Возьмите меня с собой! – вырвалось у Эмилии.

Она не знала, что удивило ее сильнее: собственная внезапная мольба или спокойствие, с которым мистер Кромвель воспринял ее просьбу.

– Я давно уже думал об этом, – кивнув, отозвался он. – Мы с тобой встретились ради какой-то особенной цели. И я уверен, что эта цель – Япония. Мы понесем им Истинное слово и будем являть собою пример служения этому Слову. Если ты действительно этого хочешь, я немедленно напишу твоим опекунам.

– Я действительно этого хочу, сэр, – сказала Эмилия.

– Когда мы не в классе, называй меня Цефанией, – сказал мистер Кромвель. – Скромность – это хорошо, но называть будущего мужа «сэр» – это уже чересчур.

Так оно все и случилось. Эмилия сама не поняла, как так вышло, что она согласилась выйти замуж за мистера Кромвеля. Мистер и мисс Пэтрон не возражали. Эмилия и Цефания договорились, что они обвенчаются в новой миссии, которую сами и построят в японской провинции Акаока. Эмилию мало волновали сложности, сопряженные с этим неожиданным браком. Ведь у нее не было другого способа попасть в Японию. Это обручение стало ее единственной надеждой: благодаря ему Эмилия обретет укрытие, где сможет спрятаться от своей проклятой красоты.

За два месяца до своего семнадцатилетия Эмилия отплыла из Сан-Франциско на «Вифлеемской звезде». Она взяла с собой всего три вещи: книгу «Айвенго», когда-то принадлежавшую матери, ее медальон и сердце, переполненное прошлым. Это было все имущество Эмилии.

* * *

Эмилия огорчилась, услышав удаляющиеся шаги брата Мэтью. Девушка надеялась, что он составит ей компанию. Разговоры с Цефанией перемежались долгим молчанием, когда раненый погружался в сон. Когда Цефания пребывал в забытии – как вот сейчас, например, – Эмилии все труднее было отвлечься от мыслей о той безнадежной ситуации, в которой она очутилась. Этот человек должен был стать ее мужем. Благодаря ему она оказалась в этой необыкновенной стране – в чудесном, благословенном краю, сулившем ей избавление. Казалось, ее молитвы услышаны

небом. За пять дней, проведенных во дворце, ни один мужчина не посмотрел на Эмилию тем взглядом, которого она так боялась. На лицах тех, кто общался с Эмилией, будь то мужчины или женщины, читались лишь пренебрежение, отвращение или жалость. Все оказалось именно так, как обещал Цефания. Японцы считали ее уродиной.

Но судьба посмеялась над Эмилией. Она обрела безопасность – лишь затем, чтобы сразу же потерять. Если Цефания скончается, ей придется уехать. Вернуться в Америку.

Подобная перспектива ужасала Эмилию. Там (даже в мыслях она не могла назвать эту страну домом) ей просто некуда было податься. Вернуться в сан-францисскую миссию она не могла. За несколько недель до отъезда обстановка там значительно ухудшилась. Из Бостона приехала дюжина новых миссионеров, готовящихся к отправлению в Китай. И несколько из них начали выказывать чересчур большой интерес к Эмилиии. Поначалу все это держалось в рамках вежливости. Но долго так продолжаться не могло. В конце концов они начали глазеть на Эмилию с алчностью и слишком вольно разглядывать ее фигуру. С ней – якобы случайно – сталкивались, касались ее тела, прижимались к ней в коридорах, в обеденном зале, по дороге в церковь или из церкви. Ни библейские заповеди, ни помолвка с Цефанией, ни упорная холодность Эмилиии – ничего не помогало. Рано или поздно они позабудут о всяких приличиях. Эмилия видела это по их глазам.

Цефания вздохнул во сне. Эмилия взяла его за руку и нежно пожалала. Девушка улыбнулась сквозь слезы:

– Будь благословен, Цефания. Ты сделал все, что смог. А большее никому не под силу.

Глава 6 СМЕРТЬ КНЯЗЯ ГЭНДЗИ

В том году князь Саё замерз насмерть в ледяном зимнем море; его преемника, князя Рёто, задавила сломавшаяся ветвь цветущей вишни; следующего наследника, Моритакэ, летом убила молния.

И тогда князем стал Косэки.

Он сказал: «Я ничего не смогу поделать с погодой».

За время необычно ранних осенних дождей он казнил всех телохранителей, отослал всех наложниц в монастырь, прогнал поваров, женился на дочери конюха и объявил войну сёгуну.

Князь Косэки правил тридцать восемь лет.

Судзумэ-нокумо (1397)

Сохаку перестал спорить и беспокоиться. Когда Гэндзи обосновался в хижине для медитации и велел, чтобы его оставили наедине с Сигеру, Сохаку лишь сказал «да, господин», поклонился и вышел. Неотвратимость несчастья подарила ему тот самый внутренний покой, которого не смогли дать шесть месяцев дзэнской практики. Здесь, в этом месте, где на протяжении многих поколений монахи достигали сатори – просветления, невежественный мальчишка и безумец, обуянный жаждой убийства,

решали судьбу клана Окумити. Быть может, оба они останутся в живых. Быть может, нет. Это не имело особого значения. Они могут прожить сегодняшней день, и сегодняшнюю ночь, и завтрашний день. Но в любом случае скоро и Гэндзи, и Сигеру умрут. Иного исхода быть не может. Вопрос лишь в том, как именно они умрут и кого убьют при этом.

Когда Сохаку вышел из хижины для медитаций, он ощутил странный холод во всем теле. Обычно это свидетельствовало о начале болезни, и достаточно серьезной. Сама эта мысль вызвала у настоятеля улыбку. Интересно, какую хворь можно счесть наиболее точной метафорой для сложившейся ситуации? Может, холеру, несколько месяцев назад обрушившуюся на соседнюю деревню? Нет, тут требуется что-то посерьезнее. Бубонная чума? И лишь потом настоятель сообразил, в чем заключалась странность и что выпило тепло из его тела.

Впервые его шаги по дорожке, усыпанной галькой, были совершенно бесшумны. Не прилагая к этому никаких усилий, он освоил походку, которая до сих пор не давалась даже наиболее искусным его самураям. Тело все осознано раньше ума, тем глубинным знанием, которое проникает в самую суть. И во внезапной вспышке озарения Сохаку узрел вероятного убийцу, о котором прежде никогда не думал.

Себя самого.

Если клан Окумити обречен – а это так и есть, – то его истинный долг заключается в том, чтобы спасти свою семью. Если Сохаку не сумеет стать вассалом другого господина, то и сам он, и его потомки будут уничтожены вместе с теми, кто сохранит верность древним клятвам. Сохаку прикинул различные варианты. Единственным господином, способным обеспечить безопасность в нынешние беспокойные времена, был сам сёгун. Или, точнее, окружающие его люди.

Сам нынешний сёгун, Иэмоти, – хилый четырнадцатилетний мальчишка. Если с кем и следовало устанавливать отношения, так это, несомненно, с Каваками, главой тайной полиции.

Но прежде чем сделать это, необходимо испытать своих людей. На кого из них можно положиться? Кого из них придется устранить? А как же его старые друзья, оставшиеся в Эдо, – Кудо и Сэйки? Нужно будет переговорить с ними при первой же возможности. Если они присоединятся к нему, вся затея станет намного безопаснее.

Если б клан по-прежнему возглавлял князь Киёри, Сохаку никогда и не подумал бы об измене. Но хитроумный старый воин мертв.

Сохаку видел будущее отчетливо, словно наяву. Сэйки и Кудо присоединятся к нему – или тоже умрут.

Следующий его шаг получился таким же тяжелым, как и прежде. Под сандалиями зашуршала галька. Но погружившийся в размышления Сохаку ничего не слышал.

* * *

Налив чаю князю Гэндзи и Сигеру, Хидё поклонился и попятился к выходу. Ему не нравилась идея оставить своего князя наедине с Сигеру – особенно с вооруженным Сигеру. На самом деле, конечно, Сигеру справился бы с Гэндзи и голыми руками, так что мечи ничего не меняли. Хидё уже не в первый раз задумался над тем, как же называть поступки князя: легкомысленными и поспешными или блестящими и решительными. Всего за какой-нибудь час Сигеру разительно изменился. Он снова вел себя как тот великий наставник воинских искусств, каким был до того, как его обуяло

безумие. Что послужило тому причиной? Насколько мог видеть Хидё, причина была всего одна: приехал князь Гэндзи и вернул Сигеру его мечи. Столь ограниченному человеку, как Хидё, трудно – практически невозможно – постичь, в чем же тут загвоздка. Единственное, на что хватало его сообразительности, это решить, кому именно он будет повиноваться – и повиноваться без лишних рассуждений. С момента смерти старого князя этот вопрос не шел у Хидё из головы. Кто на самом деле сейчас отвечает за благополучие клана? Управляющий Сэйки? Кудо, ведающий охраной? Сохаку, командир кавалерии? Или, может, все-таки молодой князь? Последнее казалось наименее вероятным. Конечно, Гэндзи – всего лишь номинальный глава клана. Однако же он с редкой непринужденностью общался с человеком, недавно прикончившим более десятка своих родичей. На первый взгляд, это вроде бы ни о чем еще не говорило. Но если хорошенько подумать, это могло говорить очень о многом. Если князь Гэндзи знает, что произойдет в будущем, значит, он ничем не рискует. Но если он и вправду это знает, значит, за ним и нужно следовать. Кто одолеет князя, наделенного даром предвидения?

– Задержись ненадолго, – сказал князь Гэндзи. Он указал на чашку.

Хидё низко поклонился, взял чашку с подноса и, не выпрямляясь, подождал, пока Гэндзи наполнит ее. Молодой самурай был потрясен. Князь собственноручно налил ему чаю! Подобной чести могли удостоиться лишь самые доверенные вассалы.

– Благодарю вас, господин.

– Во время поездки ты вел себя образцово, – сказал князь Гэндзи. – Мне понравилось твое мужество и искусство владения оружием. Но больше всего мне понравилась твоя решительность. В нынешние смутные времена самурай, который действует без колебаний, – воистину настоящий самурай.

– Я недостойн подобных похвал, – отозвался Хидё и снова поклонился. Но как ни скромны были его слова, в душе молодой самурай ощутил вспышку гордости.

– Не тебе возражать князю! – одернул его Сигеру. – Когда твой князь изволит говорить, твое дело – либо молчать, либо благодарить его, либо просить прощения, либо повиноваться. Все!

– Да, господин. Прошу простить мне мою неучтивость, князь Гэндзи. Мое место – на конюшне, а не рядом с вами.

Сигеру хлопнул рукой об пол с такой силой, что стены хижины содрогнулись.

– Я что тебе сказал? Благодарность, извинения, молчание, повинование. Ты что, плохо слышишь? Никаких оправданий! Никогда не оправдывайся. Никогда! Понял?

– Да, господин.

Пристыженный Хидё прижался лбом к полу.

Князь Гэндзи рассмеялся:

– Ну зачем так официально, дядя? Мы сейчас – просто три товарища, которые пьют чай и обсуждают планы на будущее.

У входа в хижину прошуршали шаги.

– Господин, – раздался чей-то напряженный голос, – все ли у вас хорошо?

Похоже, к хижине прибежал целый отряд с мечами наизготовку.

– Да. А что у нас может быть плохо? Оставьте нас.

– Слушаюсь, господин.

Князь Гэндзи подождал, пока удаляющиеся шаги не затихнут вдалеке, и продолжил:

– Как я уже говорил, твои действия привели меня к определенной мысли.

Он смерил Хидё суровым взглядом и умолк. Князь молчал так долго, что Хидё уж начал думать: может, он должен что-то сказать? Но что – поблагодарить или извиниться? Хидё украдкой взглянул на Сигеру, надеясь получить какую-нибудь подсказку, но грозный дядя князя сидел недвижно, полуприкрыв глаза, словно погрузился в медитацию. Молодой самурай совсем уж было собрался поблагодарить господина, но тут князь Гэндзи заговорил снова, избавив Хидё от возможности совершить очередной грубый промах.

– Несомненно, до тебя доходили слухи о якобы свойственном мне даре предвидения.

– Да, господин.

– Ты не должен никому передавать того, что я тебе сейчас скажу.

– Да, господин.

– Это не слухи.

Хидё едва не поперхнулся холодным зимним воздухом. Он не мог вымолвить ни слова. В том, что князь Гэндзи мог провидеть будущее, не было ничего особенно потрясающего. Большинство людей было уверено, что этот дар присущ каждому князю Акаоки, и прежде Хидё разделял это мнение. Но его уверенность сильно поколебалась после того, как Сигеру отравил князь Киёри и сам впал в буйство. Разве мыслимо, чтобы человек предвидел подобную трагедию и не предотвратил ее? Но друг Хидё, Симода, предложил взглянуть на дело с другой стороны. Никто ведь не знал, что именно прозрел князь Киёри. Конечно, такое трудно вообразить, – но что, если все прочие варианты были еще хуже? И ведь бывали случаи, когда величайшие победы вырастали из ужаснейших бедствий. Вспомнить хотя бы историю основания княжества Акаока и то знамение с воробьями. Нет, Хидё потрясло иное. Князь посвятил его в величайшую тайну клана! Его, одного из самых незначительных своих вассалов!

Хидё был настолько ошеломлен, что даже звук собственного выдоха, когда он наконец-то сумел выдохнуть, показался ему оглушительно громким. Самурай склонился в земном поклоне.

– Князь Гэндзи, ваше доверие – огромная честь для меня. Я не подведу вас.

– Я знаю, Хидё, что ты меня не подведешь. Я видел твое будущее.

У Хидё голова пошла кругом – в прямом смысле слова. Лишь самообладание, выработанное за долгие годы занятий боевыми искусствами, удержало его от падения.

– Ты будешь верен мне до самой смерти, – сказал князь Гэндзи. – Поскольку я не знаю никого, кто более заслуживал бы доверия, я назначаю тебя главой своих телохранителей. Я объявлю об этом во всеуслышание после того, как мы с дядей обсудим еще некоторые вопросы. А ты пока что подумай, кого возьмешь в помощники. Они помогут тебе отобрать нужных людей.

Хидё едва не задохнулся от избытка чувств. В это опаснейшее из времен, когда не только судьба клана, но и судьба всего народа висела на волоске, князь выбрал его своим щитом – его, Хидё, гуляку, игрока, выпивоху! – выбрал среди множества вассалов, превосходящих Хидё и положением, и опытом! Самурай не в силах был более сдерживаться. Слезы благодарности потекли по его лицу и закапали на циновку – громко, словно первые капли ливня.

– Благодарю вас, князь Гэндзи.

Хидё вышел из хижины, так и не оправившись от потрясения. Он присоединился к прочим самураям, ожидавшим, пока князь Гэндзи освободится. Хидё был необычно

тих; он не улыбался, не перешучивался с товарищами... Как внезапно и как бесповоротно изменилась его жизнь за этот час!

Верен до самой смерти.

Больше всего на свете Хидё боялся в какой-нибудь сложной ситуации сделать неверный шаг и предать своего господина – не из трусости, а по глупости. Теперь этот страх покинул его. Князь Гэндзи, провидящий будущее, сказал, что этого не случится. Он, Хидё, будет верен князю до самой смерти. И молодой самурай почувствовал, что стал сильнее и спокойнее.

– Что ты пробыл там так долго? – спросил у него Симода. – Чего они хотели?

– Не мне об этом говорить, – ответил Хидё и снова погрузился в свои мысли.

Он уже понял, кто станет его первым помощником. Симода, конечно, всего лишь приличный фехтовальщик, а в рукопашном бою и вовсе мало чего стоит, но зато он лучше всех в клане стреляет из лука, мушкета или пистолета, как стоя, так и на скаку. А кроме того, что не менее важно, Симода – человек чести. Если он даст слово, то сдержит его, даже ценою жизни.

Симода уселся на место, искренне удивленный скрытностью, которую вдруг проявил Хидё, и его неожиданно серьезным видом. Что же такого произошло в хижине? Его беззаботного друга словно подменили.

– Ну так что там? – поинтересовался подсевший к Симоду Таро. Он потер макушку, успевшую покрыться коротким ежиком волос. Макушка чесалась.

Подобно прочим временным монахам, Таро перестал брить голову, как только узнал, что князя Гэндзи вызвали в монастырь. Это был долгожданный сигнал, возвещающий о возвращении прежней жизни. Бывшие монахи успели переодеться в воинскую одежду, и у каждого из-за пояса вновь выглядывали рукояти двух мечей. Отличались они от прочих самураев лишь отсутствием волос на голове. Это немало их смущало – и будет стеснять еще сильнее, когда они вернутся в Эдо. Сложная прическа самурая – важная часть его облика. Но тут уж ничего не поделаешь. Иногда приходится терпеть нестерпимое.

Таро снова почесал голову.

– Что тебе сказал Хидё?

– Ничего! – раздраженно отозвался Симода.

Таро опешил.

– А я думал, мы – друзья... Если он что-то тебе рассказал, ты должен рассказать об этом и мне.

– А я и рассказываю! – огрызнулся Симода. – Ничего он не рассказал.

– Что, вправду?

Таро посмотрел через плечо Симоды. И увидел самурая, недвижимого, словно каменное изваяние Будды: спина прямая, глаза полуприкрыты, на лице – покой и готовность мгновенно перейти к действиям. Таро моргнул и посмотрел еще раз – и лишь тогда поверил, что перед ним и в самом деле Хидё.

* * *

Гэндзи улыбнулся Сигеру:

– Ты не собираешься спросить меня?

– Спросить о чем?

– Об очевидном.

– Ну хорошо, – отозвался Сигеру. – Почему ты сказал Хидё это?

– Потому что это правда.

Дядя и племянник дружно расхохотались.

Потом Сигеру вновь сделался серьезен.

– Мне думается, ты совершил ошибку. Хидё – легкомысленный бездельник. Все его сверстники давно уже заняли более серьезные посты. Один лишь он пребывает среди юнцов, которые на десять лет младше его. Более того, его назначение оскорбит Сохаку. Сохаку был главой телохранителей моего отца, и он, несомненно, надеется, что ты назначишь его на ту же должность.

– Твои слова мудры, дядя, – откликнулся Гэндзи, – и это само по себе может показаться непостижимым. Ведь всего лишь какой-нибудь час назад ты был наг, измазан с ног до головы собственными экскрементами и корчил рожи не хуже ученой обезьяны. Все будут думать: «А как вообще могло произойти такое превращение и можно ли на него полагаться?» Что бы ты мне посоветовал?

Сигеру покраснел и устался в пол.

– Ну ладно. С этим мы можем разобраться попозже. А пока мне хотелось бы поделиться с тобой кое-какими своими мыслями по этому поводу. Возможно, ты сочтешь их здравыми. Ты, конечно, прав насчет Хидё – в том, что касается его прошлых поступков. И, несомненно, в подобной ситуации многие не выдержали бы груза внезапно свалившейся ответственности и сломались. Но я верю, что с Хидё все будет ровно наоборот.

Сигеру вопросительно взглянул на племянника.

– Веришь? Не знаешь, а веришь?

– А откуда мне это знать?

– В нашей семье в каждом поколении обязательно рождается человек, унаследовавший проклятие предвидения. В предыдущем это был мой отец, в моем – я. В твоём это должен быть ты. Больше никому.

– Теперь больше никому, – согласился Гэндзи. – Недавно на эту роль имелись еще три кандидата. Мои двоюродные сестры и брат – твои дети. Возможно, это был кто-то из них.

Сигеру постарался не думать о том моменте, когда он в последний раз видел своих детей. Он покачал головой:

– Нет, их эта участь миновала. Они не видели ничего, кроме реальности и обычных детских снов.

– Мой отец был пьяницей и курильщиком опиума, – сказал Гэндзи. – Он с легкостью мог зачать какого-нибудь незаконного потомка, и никто об этом даже не узнал бы.

И снова Сигеру покачал головой:

– Спиртное и опиум в тех количествах, какие употреблял мой брат, убивают желания плоти. Даже то, что он сумел зачать тебя, уже достойно удивления. – Сигеру улыбнулся, но глаза его были печальны. – Что толку в отрицании? Ты ведь и сам все знаешь.

– Ты уверен, что больше никому было это унаследовать? – поинтересовался Гэндзи. – Ведь дед был весьма любвеобилен, разве не так? Вдруг у тебя есть братья или сестры, о которых ты даже не подозреваешь? А у них – собственные дети?

– Да, правда, отец был любвеобилен. Но при этом он был еще и очень осторожен. Он не допустил бы, чтобы проклятие вышло за пределы семьи.

– Ты говоришь «проклятие». Обычно подобное считают даром.

– А ты сам как полагаешь?

Гэндзи вздохнул и оперся на подлокотник.

– Эта способность не принесла деду счастья. Ее отсутствие довело отца до самоуничтожения. А ты... достаточно вспомнить, что она сделала с тобой. Да, ты прав. Это не дар. Но я надеялся, что семейную ношу предстоит нести кому-то другому. И до сих пор надеюсь.

– Ничего не понимаю, – признался Сигеру. – Если ты обладаешь предвидением, то должен это понимать. Такое просто невозможно не понять. Как же ты можешь надеяться увильнуть?

– Дедушка сказал, что я унаследовал его способность, – ответил Гэндзи. – Никаких иных доказательств у меня нет.

– У тебя не было видений?

– Надеюсь, что не было, – сказал Гэндзи.

* * *

Они шли по дремучему лесу, раскинувшемуся за замком, и собирали грибы сиитакэ. И тут дедушка сообщил Гэндзи, что тот наделен предвидением.

– Я не хочу, – сказал Гэндзи. – Отдай его кому-нибудь другому.

Дедушка попытался взглянуть на внука со строгостью, но получилось плохо. Гэндзи видел, что в глазах старика заплясали веселые огоньки.

– Ты говоришь, словно несмышленный ребенок, – укорил Гэндзи дедушка. – Это не имеет никакого отношения к желанию и нежеланию.

– Я все равно не хочу, – уперся на своем Гэндзи. – Если его не может взять папа, отдай его дяде Сигеру.

– Оно не мое, чтоб давать его или забирать, – сказал дедушка. – А даже если б...

Гэндзи подождал. Однако дедушка так и не закончил фразу. Но глаза его перестали весело блестеть.

– Сигеру и так обладает этой способностью. И ты ее обретишь. В свой черед.

– Но если она уже есть у дяди, зачем она мне? Я думал, она может быть только у кого-то одного.

– У одного в каждом поколении, – сказал дедушка. – Я – в моем, Сигеру – в моем, а ты – в твоём.

Гэндзи сел на траву и расплакался.

– За что, дедушка? Что такого ужасного сделали наши предки?

Дедушка сел рядом и обнял внука за плечи. Гэндзи удивился. Старый князь редко позволял себе столь открытые проявления чувств.

– В этом повинен один наш предок, – сказал дедушка. – Но карма его легла на всех. Это Хиронобу.

Гэндзи мазнул рукавом по лицу, стирая слезы. Надушенный рукав пах мускусом.

– Хиронобу – наш родоначальник. Он основал княжество Акаока, когда ему было шесть лет. Мне исполнится шесть завтра.

– Да, князь Гэндзи. – Дедушка учтиво поклонился.

Гэндзи рассмеялся и позабыл про слезы.

– Но что же такого натворил Хиронобу? Я-то думал, что он был великим воином.

– Никто не в силах исключить все возможности.

Гэндзи часто не понимал, что говорит дедушка. Вот и сейчас не понял.

– Рождение и смерть сменяют друг друга. Некоторым перерождениям лучше бы вовсе не случаться. Но мы понимаем это лишь тогда, когда становится слишком поздно. Хиронобу влюбился в нехорошую женщину. Во внучку ведьмы.

– В госпожу Сидзукэ? Я думал, она была принцессой.

Дедушка улыбнулся и повторил прежние слова:

– Никто не в силах исключить все возможности.

Повторение не помогло. Гэндзи все равно не понял, что же это означает.

– Да, она была принцессой. И еще – внучкой ведьмы. Если б она осталась в монастыре, куда ее поместили, у нее не появилось бы потомков, а ни у кого из Окумити никогда бы не было видений. Никто из нас не изрек бы ни единого пророчества и не страдал бы, зная, что должно произойти. Правда, могло бы, конечно, случиться и так, что и самого клана Окумити уже не существовало бы. Видения не раз спасали нас. Добро и зло воистину неразделимы.

Дедушка поклонился в сторону родовой гробницы; она располагалась в северной башне замка «Воробьиная туча». Отсюда ее не было видно, но и внук, и дед знали, где она находится. Это необходимо было знать – на случай внезапного нападения. Гэндзи почтительно повторил поклон вслед за дедом.

– Но, дедушка, если она ведьма, почему же мы ей кланяемся? Может, нам нужно развеять ее пепел по ветру и выбросить ее имя из памяти?

– Тогда она будет повсюду. Так мы хотя бы знаем, где она находится. Она заперта в гробнице, и ее денно и ночно охраняют бесстрашные воины.

Гэндзи придвинулся поближе к дедушке и ухватился за его руку. Мальчику вдруг показалось, что лесные тени удлиннились.

Дедушка рассмеялся.

– Я пошутил, Гэнтян. Призраков, демонов и невидимых духов не бывает. Госпожа Сидзукэ, ведьма и принцесса, умерла шестьсот лет назад. Не бойся ее. Лучше берегись живых. Лишь они опасны.

– Тогда я рад, что у меня есть этот дар, – сказал Гэндзи, продолжая, впрочем, крепко держать дедушку за руку. – Я узнаю, кто мои враги, и убью их прежде, чем они успеют сделать мне что-нибудь плохое.

– Убийства порождают убийства, – сказал дедушка. – В прочих же отношениях они мало что меняют. На удивление, мало. Так ты не добьешься безопасности.

– Какая же тогда польза в знании? – надувшись, спросил Гэндзи.

– Слушай меня внимательно, Гэндзи. Это не имеет никакого отношения к пользе и бесполезности, добру или злу, выбору или отсутствию выбора. Все это – лишь названия, но не само явление. Они запутывают, а не объясняют. Слушай внимательно и постарайся понять, что я имею в виду. Дар это или проклятие, хочешь ты владеть им или не хочешь, но ты им наделен. Ты не можешь не обращать внимания на это свое свойство, как не можешь не обращать внимания на собственную голову. Либо ты будешь пользоваться им, либо оно воспользуется тобою. Ты понял?

– Нет, дедушка. Ты говоришь, как старый настоятель Дзэнгэн. Его я тоже не понимаю.

– Сейчас это неважно. У тебя фамильная память. Ты запомнишь мои слова и поймешь, что они означают, – потом, попозже. Слушай. Видения приходят по-разному. У Сигеру их будет множество. У тебя же – всего три за всю жизнь. Будь внимателен. Исследуй их без страха и страстей. Тогда взор твой не затуманится и эти

три видения покажут тебе все, что тебе нужно будет знать.

«Три видения, – подумал Гэндзи. – Всего три. Это не так уж и плохо. Может, они пройдут, а я даже и не замечу». Тут он поймал на себе взгляд дедушки. Все говорили, что дедушка умеет не только видеть будущее, но и читать мысли. Гэндзи в это не верил. Ну, не очень верил. Но на всякий случай решил подстраховаться. Он изо всех сил сосредоточил свое внимание на облаках, плывущих по небу, и попытался вспомнить лицо мамы. Мама умерла, когда Гэндзи было три года. И с каждым проходящим годом ее образ делался все более смутным и расплывчатым. Когда Гэндзи старался вспомнить ее, чаще всего это были только бессильные попытки. Значит, и дедушка ничего не увидит у него в уме, даже если и заглянет туда.

* * *

– Понимаю, – сказал Сигеру, натянуто улыбнувшись. – У тебя еще не было видений, и потому ты надеешься, что тебе удастся избежать этой судьбы. Никому из нас не выпало такого счастья. И тебе не выпадет. Приготовься. Если мой отец сказал, что у тебя будут три видения, значит, так оно и произойдет. В этих вопросах он никогда не ошибался.

– Это не единственная причина, – сказал Гэндзи. – Я надеялся, что то, что у меня было, – не видение. Потому что если это все-таки видение, я знаю нечто такое, чего никому знать не следует.

– Я знаю множество таких вещей, – отозвался Сигеру.

– Тебе открыто, как ты умрешь? – спросил Гэндзи.

* * *

Гэндзи не узнавал это место. Он восстанавливал видение раз за разом, он изучал его с той тщательностью, с какой фехтовальщик исследует стойку противника, выискивал все, что могло дать хоть какой-то намек. Однако же место оставалось незнакомым. Он побывает там позже. И его будут хорошо знать. Это явствовало из рева собравшихся – а народу там собралось много. Что звучало громче и чаще, благословения или проклятия? Понять невозможно. Гэндзи все-таки предположил бы, что проклятия перевешивали.

– Будь ты проклят!

– Предатель! Предатель! Предатель!

– Банзай! Ты спас японский народ!

– Смерть трусам!

– Ты опозорил нас! Вспомни о чести и покончи с собой!

– Да защитят тебя все боги и все будды! Да пребудет с тобой их благословение!

Гэндзи шел по центральному проходу зала. Он никогда не видел подобного зала. Стояла ночь, но там было светло, словно днем. Бесчисленные лампы, висящие на стенах, излучали свет, и при этом от них не исходило ни единой струйки дыма. Свет их был ровным и ярким, без трепетания пламени. (Интересно, как этого добились? Изобрели новые фитили или нашли новое, высококачественное масло?) Вместо разложенных рядами подушек в зале стояло сотни две стульев, наподобие тех, которыми пользуются чужеземцы. В передней части зала был устроен помост. В задней располагался большой балкон, на котором стояла еще сотня стульев. Но на них

никто не сидел. Все присутствующие стояли, что-то выкрикивая и бурно жестикулируя. Возможно, стулья были символическими и на самом деле ими не пользовались. (В принципе, это казалось вполне вероятным. Гэндзи как раз недавно впервые посидел на таком стуле и теперь хорошо понимал, насколько подобное времяпрепровождение мучительно для внутренних органов.)

Гэндзи не видел вокруг ни единого человека с традиционной самурайской прической и никого с обязательными для самурая двумя мечами. У всех на голове росла беспорядочная копна волос, словно у безумцев или заключенных. Все – безоружны. Судя по лицам, это были японцы, но облаченные в чужеземную одежду, лишенную какого бы то ни было изящества. Все это напомнило Гэндзи не то кукольные спектакли для маленьких детей, не то грубые крестьянские пантомимы. Неужели эта нелепица и впрямь была видением?

Сидевший на помосте седой мужчина ударил по столу деревянным молоточком.

– Тихо! Тихо! Парламент, тихо!

Никто не обратил на него ни малейшего внимания.

(Интересно, что такое парламент?)

Благословения раздавались в основном из левой половины зала, проклятия – из правой. Гэндзи приветственно помахал рукой тем, кто сидел слева. В этот самый миг из гущи проклинаящих к нему кинулся какой-то юноша. Он был одет в скромный темно-синий мундир без гербов и знаков различия и очень коротко подстрижен. В руках у него был меч.

– Да здравствует император!

И с этим возгласом юноша всадил меч в живот Гэндзи, в точности в солнечное сплетение. Гэндзи ощутил толчок, резкую жалящую боль, как будто его укусила оса, – и внезапно все его тело обмякло.

Струя крови ударила юноше в лицо.

Все вокруг затянуло белой пеленой.

Затем настала тишина, а с нею пришла тьма.

Но видение на этом не закончилось.

Гэндзи открыл глаза. Над ним с тревогой склонились какие-то люди. По наклону их тел и положению потолка над головой Гэндзи понял, что лежит на полу.

Он чувствовал, как кровь толчками вытекает у него из груди. Судя по ощущениям, его бросило в холодный пот. Но боли не было.

Потом люди расступились, и появилась невероятно прекрасная женщина. Не обращая внимания на кровь, она обняла Гэндзи и прижала к груди. Слезы струились по ее щекам и капали на лицо Гэндзи. Несколько мгновений их сердца бились в унисон. Потом сердце Гэндзи постепенно стало замедляться.

– Ты всегда будешь моим Блистательным Принцем, – сказала женщина.

Игра с его именем. Гэндзи. Так звали героя древнего романа.

Двое крепко сбитых мужчин – не то телохранители, не то полицейские – опустили на колени рядом с Гэндзи. Они тоже плакали, не стыдясь.

– Князь Гэндзи, – произнес один из них. – Князь Гэндзи...

Больше он ничего не смог из себя выдавить.

– Держитесь, мой князь, – сказал второй. – Помощь уже идет.

Он снял свою куртку и попытался зажать рану Гэндзи. Гэндзи увидел у него на боку кобуру с плоским пистолетом, прежде скрытым под курткой. Ага! Мечи сменились пистолетами! Что ж, вполне разумно. Интересно, сколько пистолетов носят

самураи, один или два? И кстати, зачем прятать оружие? Гэндзи очень хотелось спросить об этом, но у него не было сил. Ему начало казаться, что тело его сделалось очень легким, каким-то невесомым.

Женщина улыбнулась ему сквозь слезы. Она сказала:

– Сегодня утром я закончила перевод. Я только не знаю, что лучше: оставить японское название или все-таки перевести заголовок на английский. Как ты думаешь?

– Он вас не слышит, госпожа Сидзукэ, – сказал один из мужчин. – Он потерял сознание.

Госпожа Сидзукэ. Так звали принцессу-ведьму, заколдовавшую основателя их клана. Нет, это не может быть она. Разве что она вновь родилась на свет. Хотя Гэндзи не верил в повторные рождения... Как сгоревшее дерево не восстанет из пепла, так и умерший человек не вернется к жизни. Значит, это другая госпожа Сидзукэ.

– Он слышит меня, – твердо сказала госпожа Сидзукэ. Теперь Гэндзи видел, что ее красота не вполне японская.

Глаза у нее были светло-кариими, а не черными, а волосы – каштановыми. Он не узнал эту женщину. Но всякий раз, как он старался восстановить видение в памяти, она казалась ему все более знакомой. Кого-то она ему напоминала... Но кого? Этого Гэндзи не знал до сих пор. Зато он твердо знал, что госпожа Сидзукэ – прекраснейшая из всех женщин, каких он только видел в жизни. (Точнее говоря, прекраснейшая из всех, кого он увидит.)

– Английский, – сказал Гэндзи.

Он хотел попросить, чтобы она все-таки перевела название на английский, но ему хватило сил лишь на одно слово.

– Хорошо, пусть будет английский, – согласилась госпожа Сидзукэ. И снова улыбнулась сквозь слезы. – Это вызовет еще один скандал. Люди будут говорить: «Опять этот Гэндзи и эта его ужасная Сидзукэ!» Но нам до этого нет никакого дела, ведь правда?

Губы ее дрожали, но женщина продолжала улыбаться. На миг ей даже удалось сдержать слезы.

– Она так гордилась бы нами! – сказала госпожа Сидзукэ.

Гэндзи хотелось спросить, кто ими гордился бы и почему, но у него пропал голос. На изящной шее женщины что-то блестело. Гэндзи присмотрелся. Он увидел, что это было. Потом он услышал, как бьется его сердце. А больше он ничего не видел и не слышал.

* * *

– Оставь всякую надежду, – сказал Сигеру. – У тебя было видение – сомнений быть не может.

– Что из того, что я описал, знакомо тебе?

– Кое-что. Одежда. Прически. Отсутствие оружия. Объяснение может быть лишь одно: чужеземцы победили нас, и мы стали народом рабов.

– А что такое парламент?

– Этого я не видел. Не исключено, этот самый «парламент» заменит сёгунский совет, когда нас обратят в рабство. Присутствовавшие вели себя просто непристойно. Такое вероятно лишь тогда, когда исчезнут всякие представления о порядке и Дисциплине. Можешь ли ты себе представить, чтобы хоть кто-нибудь позволил себе

неучтиво возвысить голос в присутствии сёгуна – не говоря уже обо всех сразу?

– Нет, дядя. Это действительно невыносимо.

– А твой убийца? Ты узнал его?

– Нет. Я вообще никого не узнал. Там не было ни единого знакомого лица.

– Значит, все твои вассалы будут убиты. Ибо я никогда не позволил бы тебе отправиться в подобное место без охраны. Равно как и Сэйки, Кудо или Сохаку.

– А кто тогда эти люди, прятавшие под одеждой пистолеты? Они очень беспокоились обо мне.

– Возможно, кто-то тебя все-таки защищал.

Сигеру закрыл глаза и застыл на несколько мгновений, глубоко дыша. Потом он вновь открыл глаза и низко поклонился.

– Мой господин, простите меня за то, что я так вас подвел.

Гэндзи рассмеялся:

– Ты пока что меня не подводил, дядя. Возможно, нам удастся найти способ изменить ход событий.

– Мы не в силах этого предотвратить. Мы можем защитить от страданий тех, кого любим. Но нам не остановить будущее, не помешать ему терзать нас и тех, кто останется.

– Так вот почему ты это сделал... – мягко произнес Гэндзи.

Сигеру напрягся. Его начала бить дрожь – сперва легкая, едва заметная. Потом она усилилась, а затем превратилась в конвульсии. В конце концов у Сигеру вырвался один-единственный сдавленный вскрик. Он рухнул на пол и рыдал.

Гэндзи не двигался. Он ничего не сказал и не стал ничего предпринимать. Через несколько минут Сигеру сумел взять себя в руки. Гэндзи налил ему чаю. Сигеру принял чашку.

– Я отдаю себе отчет в том, дядя, что это причиняет тебе боль, но разговора не избежать. Мне нужно узнать о твоих видениях как можно больше. Это моя единственная возможность глубже постичь смысл собственного откровения.

– Понимаю, мой князь. – Сигеру вновь стал вести себя чрезвычайно церемонно. Он цеплялся за этикет как за опору. – Время от времени я буду отвечать на ваши вопросы – насколько сумею.

– Спасибо, Сигеру, – сказал Гэндзи. – Ну а пока что хватит с нас видений. Давай перейдем к другой теме. Когда я повернулся, чтобы выйти из оружейной, ты собрался убить меня. Почему ты этого не сделал?

– Меня остановила тишина, – ответил Сигеру. – Картины и звуки, непрерывно преследовавшие меня, в вашем присутствии исчезли. И я вспомнил слова, сказанные давным-давно моим отцом. Он предрек мне то, что произойдет. И добавил, чтобы я, когда это случится, не действовал в соответствии с первым порывом.

– Князь Киёри был мудрым человеком, – молвил Гэндзи.

«И истинным провидцем», – добавил он про себя.

И все же он не предотвратил собственной гибели от рук сошедшего с ума родного сына. Почему? Возможно, Сигеру прав. Мы не в силах предотвратить то, чему должно свершиться.

Сигеру ждал, сколько мог. Но Гэндзи так и не заговорил, и Сигеру спросил сам:

– Так что же ты увидел? Что сверкало на шее у той женщины?

– Это единственная деталь, которую я так и не могу вспомнить, – сказал Гэндзи.

На самом деле эта картина до сих пор стояла у него перед глазами. Но он

подумал, что неразумно будет увеличивать ношу, взваленную на дядю. Довольно и того, чем он уже успел с ним поделиться.

– Плохо. Это могло бы оказаться ценной подсказкой.

– Да, – согласился Гэндзи. – Могло бы.

* * *

Когда князь обратился к присутствующим, Сигеру почти не слушал его. Вместо этого он размышлял об откровении Гэндзи. Этому явно должно предшествовать множество событий. Как бы ни выродились самураи и как бы могущественны ни стали чужеземцы, любым завоевателям понадобится не один год, чтобы захватить Японию. Остались еще люди, не утратившие древней воинской доблести и готовые сражаться насмерть. Очевидно, Гэндзи не относится к их числу. Его называли предателем. Сигеру надеялся, что это клевета.

Несмотря ни на что, Сигеру испытывал надежду. Впервые за много месяцев безудержный поток видений прекратился. За несколько часов, минувших с момента приезда Гэндзи, Сигеру лицезрел лишь то, что и все остальные. Возможно, тот же самый таинственный механизм, что отмерил Гэндзи всего три видения, остановил наплыв безумия.

Нет, Сигеру не думал, что излечился навсегда. Глупо было бы ожидать этого. Видения вернуться. Но если в них будут перерывы, хотя бы раз в несколько дней, он сможет использовать паузы и восстановить самоконтроль. В этом Сигеру не сомневался. Всю жизнь он занимался воинскими искусствами, чтобы при необходимости защититься от агрессии. А в конце концов, что такое видение, если не нападение изнутри? Ничем, кроме происхождения, они не отличаются от прочих нападений. Он не допустит, чтобы они нанесли ему поражение.

Тут до слуха Сигеру донеслось имя Хидё, и он увидел, как молодой самурай низко поклонился Гэндзи. Князь объявил о его новом назначении. Сигеру отметил, на чьих лицах отразилось недовольство. За этими людьми нужно будет присматривать. Сигеру взглянул на Сохаку. Он ждал, что тот будет потрясен и возмущен. Но настоятель монастыря Мусиндо, бывший и нынешний командир кавалерии, отнесся к этому известию с полнейшей невозмутимостью. И Сигеру понял, что ему придется убить старого друга. Назначение Хидё могло не вызвать у Сохаку гнева лишь в одном-единственном случае: если тот уже решил предать молодого князя. Но Сохаку не знал того, что знал теперь Сигеру: до тех пор, пока чужаки не завоюют Японию, Гэндзи неуязвим.

Но даже и тогда, когда этот миг настанет, Гэндзи окажется счастливым. Он умрет без страха, залитый кровью своего сердца, в объятиях прекрасной женщины, плачущей о нем.

Чего еще желать самураю?

Часть III
ДАЙМЁ

Глава 7 САТОРИ

Не каждое сражение выигрывается при помощи наступления.

Не всякое отступление ведет к поражению.

Наступление – это стратегия.

Отступление – тоже стратегия. Отступление должно быть планомерным и упорядоченным. Однако оно не обязательно должно выглядеть таковым. Отступление – это стратегия. Притвориться отступающим – тоже стратегия.

Судзумэ-нокумо (1600)

– Дзимбо – не настоящее твое имя, – сказал Гэндзи.

– А что такое – настоящее имя? – отозвался Дзимбо.

Гэндзи расхохотался:

– Ты – чужеземец. Однако же ты обрил голову, надел залатанную рясу дзэнского монаха и разговариваешь загадками, в точности как говорил старый настоятель Дзэнгэн. Это он научил тебя говорить по-японски?

– Нет, мой господин. Настоятель Дзэнгэн спас меня во время эпидемии холеры. А деревенские дети, ухаживавшие за мной, пока я выздоравливал, научили меня слушать и говорить.

– Как неожиданно! Я уверен, что никто из них не знает ни единого иероглифа.

– И я не знаю, мой господин.

– В таком случае твои способности к языкам выглядят еще более поразительными. Никто из нас, прожив год в американской деревне, среди неграмотных крестьян, не выучил бы ваш язык и вполнину так хорошо, как ты выучил наш.

– Благодарю вас, господин, от лица моих учителей. Это им по праву принадлежат все ваши похвалы.

Ткань шатра на миг затрепетала под легким порывом ветра. Гэндзи взглянул на бледное зимнее небо. Уже начало смеркаться. Прежде чем закончится час барана, они

смогут выступить в обратный путь. Они доберутся к границе к тому моменту, как стемнеет, и пересекут враждебную им провинцию Ёсино ночью. В том имелось одно явное преимущество: ночью куда меньше шансов напороться на вражеский отряд. Хватит с него одной бессмысленной бойни.

– Когда ты приехал в Японию, – сказал Гэндзи, – ты был христианским миссионером. Теперь ты дзэнский монах. Тогда ты называл себя Джеймсом Боханноном. Теперь ты говоришь, что ты – Дзимбо. Скажи, а как ты называл себя до того, как стал Джеймсом Боханноном?

– Итан Круз, – ответил Дзимбо.

– А до того?

– До того я был просто Итан.

– Полагаю, эта смена имен никак не связана с христианской религией?

– Совершенно верно, мой господин.

– И с дзэном тоже.

– И это верно, мой господин.

– Тогда с чем же это связано?

Прежде чем ответить, Дзимбо опустил взгляд и сделал медленный глубокий вдох, прогоняя энергию через тандэн, центр сосредоточения. С выдохом он изгнал из себя страх, ненависть и страсти.

– Я бежал.

– От кого?

– От себя.

– Нелегкая затея, – сказал Гэндзи. – Многие пытались убежать от себя. Но никто из тех, кого я знал, не преуспел. А тебе это удалось?

– Да, мой господин, – ответил Дзимбо. – Удалось.

* * *

Он не в первый раз отправлялся в путь вместе с Томом, Пеком и Хэйлоу. Они были достаточно представительны на вид и никогда не создавали проблем. Но Итан не любил их, поскольку не доверял им. Он унаследовал эту привычку от старика. Привычка была хорошая, особенно для человека его ремесла. А промышлял Итан грабежами, кражами и угоном скота.

«Доверять нельзя никому и никогда, – говорил старый Круз. – Неважно, каким умником ты себя считаешь. Неважно, насколько тебе кто-то понравился. Никогда не забывай держать ухо востро. А то ведь во всех этих теплых чувствах есть что-то такое, отчего теряешь бдительность. Уж не знаю, в чем тут дело. Но только стоит тебе проникнуться теплыми чувствами к человеку, которому ты не доверяешь, и вскорости ты просыпаешься ночью оттого, что тебе раскроили череп топором. И тебе остается винить за все лишь собственное слюнтяйство».

Итан сильно подозревал, что Круз исходил из собственного опыта, поскольку у старика на затылке красовалась вмятина, оставленная топором, и поверх этого шрама волосы не росли.

«Это очень плохо – влюбляться в тех, кто не заслуживает доверия, – говорил Круз. – Да, парень, я о женщинах. И нечего мне тут кивать и соглашаться. Я точно знаю, что все равно ты в это вляпаешься. Все мы вляпываемся. А знаешь почему? Да потому, что нет на свете женщины, заслуживающей доверия. Все они, все до единой –

лживые, вероломные шлюхи».

Несомненно, на эти воззрения повлияло еще и общество, в котором вращался Круз. В конце концов, сутенер проводит большую часть времени среди шлюх, а ложь, жульничество и вероломство – обычные уловки любой шлюхи. Так-то.

Итан так никогда и не узнал, кому Круз был обязан тем ударом топора, мужчине или женщине. Но он предполагал, что если в это дело и была замешана женщина, то без мужчины тоже не обошлось. Обычное дело. А Круз сваливал на рану свои приступы головокружения и дурноты, вспышки бешеной ярости, провалы в памяти и тягу к спиртному.

«Даже и не помню, как это вышло, – говорил Круз. – Голова зажила, но кость так и осталась вдавленной. Вот она теперь и давит мне на мозги. Напоминает, чтобы я больше никогда в жизни не привязывался к тому, кому нельзя доверять. Эй, малый, ты меня слышишь? Я по большей части имею в виду женщин, но за мужчинами тоже нужен глаз да глаз, особенно когда в дело замешаны женщины и деньги. И знаешь, что я тебе скажу? Они всегда замешаны, женщины и деньги. Именно потому мир превратился в юдоль воровских разборок. Из-за любви женщин к деньгам».

Но в конечном итоге Круза доконала не тяга женщин к деньгам и не топор. Это была шлюха по имени Мэри Энн. Ничем не примечательная шлюха, немолодая, с двумя дочками, которых нужно было кормить и одевать. Девчонки были слишком маленькие, чтобы торговать собой, поскольку Круз терпеть не мог педофилов. Он заявил, что в его заведении не будут трахать никого, кому еще не сравнялось двенадцати лет, – и твердо придерживался этой линии. В тот день, когда они познакомились с Итаном, Круз из-за этого застрелил двоих мужчин. Собственно, они как раз собирались трахнуть Итана. Они это делали не в заведении Круза, но Итану тогда еще не исполнилось двенадцати лет – точнее говоря, ему и десяти-то еще не было, – а Круз случайно проходил мимо конюшни, и крики привлекли его внимание. Круз заглянул в конюшню, увидел то, что увидел, распространил действие своего правила на этих двух педофилов и вывел их из строя – на веки вечные.

«Малый, родители не для того тебя растили, – сказал Круз. – Ты бы держался поосмотрительнее. Пожалуй, я поговорю с ними на эту тему».

Итан ответил, что как только он выяснит, кто же были его родители, так непременно ему сообщит.

«Э, так ты сирота?»

«А что такое сирота?»

Круз тоже был сиротой. Он забрал Итана в свой бордель, велел Бетси выкупать мальчишку и приставил его убирать комнаты, драить полы, наливать виски и кормить свиней. Круз утверждал, что есть в запахе свиней что-то такое, от чего мужчину так и тянет трахаться. Свиньи полезны для нашего бизнеса. Итан же на это сказал, что ему не нравится, как пахнут свиньи. «Э, малый, побудешь здесь немного – передумаешь. Что ж это у нас за мир, что мальчишке вроде тебя безопаснее работать в борделе, чем на конюшне?»

«Как тебя зовут, малый?»

«Итан».

«Итан, а дальше?»

«Просто Итан. А тебя?»

«Мануал Круз».

«Мануэль Круз».

«Нет, черт подери! Мануал, а не Мануэль! Я тебе что, какой-нибудь гребаный мексиканский батрак, подышающий с голоду? Я что, похож на гребаного батрака? – Он указал на свою безукоризненно чистую одежду. – Или я похож на умирающего с голоду? – Круз похлопал себя по выпуклому брюшку. – Или, может, я похож на гребаного мексиканца?»

Ответить на последний вопрос было труднее всего, поскольку Круз действительно был мексиканцем. Но Итан решил придерживаться выбранной линии и снова покачал головой.

Круз расхохотался и весело хлопнул мальчишку по плечу: «Лучше уж я буду выглядеть как гребаный мексиканец, поскольку я и вправду мексиканец. Но зато я не голодаю и не ковыряю землю мотыгой. Мои родители здорово ради этого потрудились, да вот только умерли до срока».

Круз тоже умер до срока. Потому-то Итан Круз и сидел сейчас вместе с Томом и Пекому костра, в холмах севернее Остина, и ждал, пока вернется Хэйлоу, вернется и сообщит, что нашел нору Мэтью Старка. И Хэйлоу вернулся.

– Маленькое ранчо, милях в двадцати к северу отсюда. Может, в двадцати пяти. Только его там нету.

Хэйлоу соскочил с храпящей лошади. Придется ему в ближайшее время красть себе новую. У этого здоровяка весом в три сотни фунтов – и к тому же неважного наездника – лошади надолго не задерживались.

– Говорят, будто он побывал в Аризоне и получил от губернатора патент аризонского рейнджера. Чего у нас есть пожрать?

– Я думал, что рейнджеры бывают только техасские, – заметил Том.

– Я тоже так думал, – отозвался Хэйлоу, черпая бобы прямо из котелка и отправляя в рот. – Но так говорят в городе.

– Чего они там, в Аризоне, нанимают в рейнджеры убийц? – удивился Пек.

– А кого это в наше время волнует? – откликнулся Хэйлоу. С бобами он покончил и теперь полез в седельную сумку за вяленным мясом. – Им только одного надо: чтоб человек был опытный.

– Ну, тогда мы тоже можем съездить туда и выправить себе патенты, – сказал Том. – Мы же убийцы.

– Мы убивали только по случайности, – пояснил Хэйлоу. – А там нужны профессионалы.

– Кто сейчас на ранчо? – спросил Итан.

– Никого, кроме шлюхи и двух ее сучонок, – ответил Хэйлоу.

Итан встал и оседлал коня. Остальные нагнали его перед рассветом, на холме у ранчо Старка.

– Ну чего, подождем его? – поинтересовался Пек. – Подкараулим, когда он будет возвращаться?

– А чего, неплохая идея, – согласился Хэйлоу. – В городе говорили, что он вроде должен вот-вот вернуться.

– Он любит эту шлюху? – спросил Итан.

– Он пришел и забрал ее, – сказал Хэйлоу. – Должно быть, чего-то она для него значит.

– Он ее любит? – повторил Итан.

– Да кто ж это знает, кроме него самого? – отозвался Хэйлоу.

Над трубой поднялась первая струйка дыма. На ранчо кто-то проснулся. Итан

пришпорил коня и поскакал вниз по склону.

Когда все было закончено, Итан уже не чувствовал желания дожидаться Старка. Он вообще ничего не чувствовал, кроме подступающей к горлу тошноты. Возвращаться в Эль-Пасо смысла не было. Бордель, конечно, остался, но теперь, со смертью Круза, он превратился в обычный бордель, а Итан так и не научился любить запах свиней.

Они перегнали небольшое стадо Старка через границу и продали в Хуаресе за полцены. Они не знали наверняка, погонится ли Старк за ними, но подозревали, что все-таки погонится.

– Я так точно в этом уверен, – сказал Пек.

– А я нет, – возразил Том. – Из-за какой-то шлюхи?

– А как насчет тех двух сучек? – поинтересовался Хэйлоу.

После того как они побывали на ранчо Старка, Хэйлоу стал есть еще больше. Теперь его вес приближался к четырем сотням фунтов. Новая лошадь Хэйлоу, купленная в Хуаресе, уже начала хрипеть.

Том и Пек ничего на это не сказали, но оглянулись, а это уже само по себе было достаточно красноречивым ответом.

В конце концов они удостоверились в том, что Старк и вправду за ними гонится. Несколько раз они приезжали в какой-нибудь городишко через день-другой после того, как Старк покидал его. И Старк, и сами они петляли, вместо того чтобы ехать по прямой.

– Хватит с меня этого дерьма! – заявил Хэйлоу. – Я отправляюсь домой.

– Какого хрена? – поинтересовался Пек. – Ты что, думаешь, что он тебя не отыщет в Эль-Пасо?

– Не в Эль-Пасо. На Гавайи.

Настоящее имя Хэйлоу начиналось с «Хэелоа» и продолжалось бог весть на какую длину.

– И чего ты там забыл? – спросил Том. – Ты ж говорил, что вся твоя семья, весь город, вообще весь народ перемер от оспы.

– Горы остались. Реки остались. Океан остался. Я скучаю по ним.

Они продолжали держаться вместе, пока не добрались до ла сиудад де лос Анжелес. Там Пек заявил: «Да пошло все на хрен! Если он хочет меня найти, пускай ищет здесь». Том остался в Сакраменто. Его дядя держал там бар и предложил Тому присматривать за шлюхами. «Я же ничего особенно плохого не сделал, – сказал Том. – Я извинюсь, Старк даст мне в морду, и на том мы разойдемся».

Хэйлоу добрался с Итаном до Сан-Франциско. Он надеялся отыскать там корабль, идущий на Гавайи, но, увидев океан, передумал. Здоровяк – теперь Хэйлоу весил около пятисот фунтов и передвигался уже не верхом, а в двуконной повозке – уселся и расплакался, заслышав, как волны плещут о причал. «Слишком много могил там осталось», – сказал он.

Итан тоже застрял в Сан-Франциско. Но однажды, направляясь в бар, он услышал уличного проповедника. «Я пришел призвать не праведников, – сказал проповедник, – но грешников к покаянию». Кто-то сказал «аминь». Невидимые тиски, сжимавшие сердце Итана, внезапно разжались. Он упал на колени и расплакался. Тем же вечером он переступил порог миссии Света Истинного слова пророков Господа нашего Иисуса Христа. Месяц спустя новый миссионер Джеймс Боханнон уже плыл в Японию.

Итан взял новое имя потому, что чувствовал себя переродившимся до полной

неузнаваемости. Но истинное перерождение произошло лишь после того, как он вместе с дюжиной других миссионеров добрался в деревню Кобаяси в провинции Ямакава, где им надлежало создать новую миссию.

В день их прибытия в тех краях вспыхнула эпидемия холеры. Через месяц из всех миссионеров в живых остался один лишь Итан. Среди крестьян тоже было много умерших, и местные жители винили во всем чужаков. Итан выжил лишь благодаря тому, что старик-настоятель монастыря Мусиндо, Дзэнгэн, забрал его в монастырь и выходил. Должно быть, настоятель пользовался в этих краях определенным авторитетом: отношение крестьян к Итану изменилось. Они начали приносить ему еду, менять на нем одежду, мыть его. Особенно часто его навещали дети; им было интересно лишний раз взглянуть на Итана, ведь они никогда прежде не видели чужеземцев.

Как-то так случилось, что, пока Итан валялся в бреду, барьеры рухнули. Когда жар спал, Итан обнаружил, что понимает многое из того, что говорят дети, и сам может произнести несколько слов. К тому времени, когда он начал подниматься на ноги, он уже мало-помалу беседовал с Дзэнгэном.

Однажды Дзэнгэн спросил его:

– Каким было твое лицо до того, как родились твои родители?

Итан уже готов был сказать Дзэнгэну, что никогда не знал своих родителей, но внезапно все обыденные понятия потеряли смысл.

С тех пор Дзимбо стал носить вместо костюма христианского миссионера рясу буддийского монаха. Это было скорее данью уважения Дзэнгэну. Одежды подобны именам. Они ничего не значат.

Дзимбо был прежде Джеймсом Боханноном и Итаном Крузом и до сих пор оставался ими. И в то же время он больше не был ими.

* * *

Дзимбо не стал рассказывать этого Гэндзи. Он уже было совсем собрался начать, но тут князь улыбнулся и спросил:

– В самом деле? Тебе и вправду удалось убежать от себя? Тогда ты, должно быть, поделил просветление с самим Буддой Гаутамой!

– Я не знаю, что означает слово «просветление», – сказал Дзимбо. – С каждым вздохом я перестаю понимать смысл все новых и новых слов. Вскоре я буду знать лишь то, что ничего не знаю.

Гэндзи рассмеялся и повернулся к Сохаку:

– Из него получился куда более подходящий преемник Дзэнгэна, чем из тебя. Хорошо, что вы уходите, а он остается.

– Это не он – тот чужеземец, которого вы ждали, господин?

– Думаю, нет. Тот сейчас находится во дворце «Тихий журавль».

Сохаку, не сдержавшись, недовольно нахмурился.

– Покойный князь Киёри предложил покровительство миссионерам Истинного слова. Я лишь продолжаю то, что начал он. – Гэндзи вновь повернулся к Дзимбо. – Ведь именно потому ты очутился здесь, верно?

– Да, мой господин.

– Вскоре ты встретишься с ними, – сказал Гэндзи. – Они приехали, чтобы помочь построить дом миссии. Это будет нелегкая задача. Все твои товарищи умерли, а из

трех новоприбывших, похоже, вскорости в живых останутся лишь двое.

– А что с третьим, мой господин? Он болен?

– К сожалению своему должен сообщить, что в него попала пуля убийцы, предназначенная для меня. Возможно, ты знаешь этого человека. Его зовут Цефания Кромвель.

– Нет, мой господин, не знаю. Должно быть, он приехал в Сан-Франциско уже после того, как я уплыл оттуда.

– Как это досадно – приехать в такую даль лишь затем, чтобы встретить столь бессмысленную смерть. Тебе что-нибудь нужно, Дзимбо?

– Нет, мой господин. Настоятель Сохаку обеспечил храм всем необходимым.

– Что ты будешь делать, когда сюда придут твои бывшие собратья по вере?

– Помогу им построить миссию, – сказал Дзимбо. – Быть может, те, кто не в силах услышать слово Будды, сумеют услышать слово Христа и тоже обретут спасение.

– Здравый подход. Что ж, Дзимбо, желаю тебе всего наилучшего. Или ты предпочитаешь, чтоб тебя звали Джеймсом? А может, Итаном?

– Имя – это всего лишь имя. Сойдет любое. Или никакое.

Гэндзи опять рассмеялся:

– Если бы среди нас было побольше тех, кто думает так, как ты, история Японии была бы куда менее кровавой.

Гэндзи встал. Самураи поклонились и застыли в поклоне; выпрямились они лишь после того, как князь покинул шатер. Его сопровождал Сигеру.

– Ты не против остаться здесь один? – спросил Сохаку.

– Нет, настоятель, – ответил Дзимбо. – И я не всегда буду один. Куда же я дену детей?

– Я больше не настоятель, – сказал Сохаку. – Теперь настоятель – ты. Исполняй ритуалы. Придерживайся расписания медитаций. Заботься о духовных нуждах крестьян, проводи свадебные и похоронные обряды. Сможешь?

– Да, господин. Смогу.

– Тогда это воистину большая удача, что ты появился среди нас, Дзимбо, и стал тем, кем стал. Иначе после смерти Дзэнгэна и моего отъезда храм оказался бы заброшенным. А оставлять храм в запустении нехорошо. Это порождает плохую карму.

Сохаку и Дзимбо поклонились друг другу, и командир кавалерии поднялся.

– Читай сутры и за меня. Для меня начинается опасное время, и возможность преуспеть невелика, а возможность потерпеть поражение и погибнуть огромна.

– И тем, кто преуспевает, и тем, кто терпит поражение, равно предназначено умереть, – сказал Дзимбо. – Но раз ты так хочешь, я каждый день буду читать сутры за тебя.

– Благодарю тебя за эти мудрые слова, – сказал Сохаку. Он поклонился еще раз и вышел.

Дзимбо остался сидеть. Должно быть, он, сам того не заметив, погрузился в медитацию, поскольку, когда его посетила следующая осознанная мысль, он был один и вокруг расстилалась темнота. Где-то вдали вскрикнула одинокая ночная птица.

В небе зимние звезды двигались по извечным своим путям.

Хотя все двери были открыты настежь, в комнате невозможно было дышать из-за зловония. Две служанки, Ханako и Юкико, бесстрастно сидели в углу. Два дня назад они попросили дозволения закрывать лица надушенными шарфами, но Сэйки не разрешил:

– Если чужеземная женщина может это выдержать, значит, можете и вы. Вы опозорите нас, если покажете, что слабее ее.

– Да, господин.

Интересно, когда сам Сэйки в последний раз навещал этот живой труп?

Ханako и Юкико смотрели, как чужеземка разговаривает с раненым, лежащим без сознания. Она сидела совсем рядом с источником зловония, но ничем не выказывала, что испытывает тошноту. Служанки не знали, то ли восхищаться ее самообладанием, то ли жалеть ее за столь глубокое отчаяние. У нее такая отталкивающая внешность! Должно быть, она боится, что никогда теперь не найдет себе мужа. И кто скажет, что ее страхи не имеют под собой основания? Должно быть, потому она и цепляется столь жалобно за этого человека, который уже все равно что мертв.

– А как насчет второго? – поинтересовалась Ханako. – Может, он заменит покойного?

– Нет, – возразила Юкико. – Он не смотрит на женщин.

– Он предпочитает мужчин?

– На мужчин он тоже не смотрит. То есть смотрит, но не так. Думаю, он настоящий монах. Он ищет лишь спасения души, а не телесного удовольствия.

Чужеземец, о котором они говорили, заглянул в комнату и посмотрел на женщину и умирающего. Ханako поняла, что действительно ни разу не замечала в его взгляде никаких чувств. Да, Юкико права. Он всецело устремлен к некоей цели. Постояв несколько мгновений, чужеземец удалился – должно быть, пошел молиться или изучать священные тексты.

Хэйко присела рядом со служанками.

– Ох! Этот запах – истинное испытание решимости, верно?

– Да, госпожа Хэйко, – призналась Ханako. – Он ужасен!

– Я бы сказала, что некоторым из наших отважных самураев не помешало бы посидеть тут, чтобы укрепить силу воли, – заметила Хэйко. – Однако же тут сидим лишь мы, слабые женщины.

Служанки, прикрыв лица рукавами, захихикали.

– Вот уж точно! – согласилась Юкико.

– Вы можете пока что идти, – сказала Хэйко. – Вернетесь в конце часа.

– Господин Сэйки велел нам сидеть здесь, – неохотно произнесла Ханako.

– Если он попробует возмутиться, скажите, что я попросила вас уйти, дабы мне легче было выполнять приказ князя Гэндзи и изучать чужеземцев.

– Да, госпожа Хэйко!

Служанки с признательностью поклонились и выскользнули из комнаты.

Усилием воли Хэйко заставила себя перестать пользоваться обонянием. Она способна была это сделать, поскольку ее с раннего детства учили владеть своими чувствами. Но как это все выдерживает Эмилия? Хэйко поклонилась девушке и уселась на соседний стул. Даже если она устраивалась на самом краешке, то и тогда лишь с трудом доставала до пола кончиками пальцев.

– Как он? – спросила Хэйко.

– Брат Мэтью уверен, что сегодня Цефания уснет и больше не проснется.

– Мне очень жаль.

– Спасибо, – отозвалась Эмилия. – Мне тоже очень жаль.

Внезапно Кромвель распахнул глаза. Он смотрел куда-то мимо Эмилии, дальше потолка – куда-то вдаль. Проповедник глубоко вздохнул и привстал.

– Грядут ангелы воскрешения и осуждения! – воскликнул он, и лицо его озарила блаженная улыбка. – «К кому прибегнете за помощью? И где оставите богатство ваше?»

– Аминь.

Эмилия подалась вперед, чтобы помочь раненому.

И тут комнату озарила ослепительная вспышка, а вслед за нею раздался грохот.

Взрывная волна подняла Кромвеля с кровати и швырнула ввысь сквозь разваливающуюся крышу.

Как и предрекал Кромвель, он не умер от этой раны.

* * *

– Он выглядит совершенно нормальным, – сказал Таро.

– Три дня покоя еще ничего не доказывают, – возразил настоятель Сохаку. – Даже безумец способен сдерживаться три дня.

Небольшая группа людей гуськом двигалась через Эдо, направляясь ко дворцу «Тихий журавль». Таро и Сохаку были замыкающими. Хидё и Симода возглавляли отряд, а Гэндзи и Сигеру ехали в середине. У них не было ни гербов, ни знамен, и они, чтобы спрятать лица, надвинули пониже большие плетеные шляпы. Согласно принятым традициям путешествий инкогнито это означало, что они неузнаваемы, а значит, прохожие не обязаны бросать все свои дела и падать ниц, как полагалось поступать в присутствии князя.

– Я никогда прежде не видел, чтобы он был так спокоен, – сказал Таро. – Возможно, присутствие князя Гэндзи воздействует на него благотворно.

– Но ты не веришь в эти рассказы? – поинтересовался Сохаку.

– В которые? – уточнил Таро. – Рассказней много.

Сохаку фыркнул:

– Насчет того, что наш князь якобы владеет волшебными силами. Что он способен управлять помыслами других людей.

– Может, не всех, – сказал Таро, – но вы только посмотрите на Сигеру. Не станете же вы отрицать, что он изменился, очутившись рядом с князем Гэндзи?

– Три дня покоя еще ничего не доказывают, – повторил Сохаку. Он посмотрел вперед.

Гэндзи и Сигеру ехали рядом на некотором расстоянии от своих спутников, и о чем-то беседовали. Можно подумать, в их беседе есть какой-то толк! «Пустая болтовня, – подумал Сохаку, – пустая и бесполезная болтовня!»

– Как ты и предсказывал, Хидё выбрал своим заместителем Симоду, – сказал Сигеру. – Кто будет следующим? Таро?

– Это не та разновидность предсказаний, – пояснил Гэндзи. – Хидё целиком и полностью лишен воображения. Для телохранителя это не является недостатком. Я просто предположил, что он поступит наиболее естественным образом, то есть выберет своих лучших друзей.

– Не позволяй ему выбрать Таро. Таро – вассал Сохаку. Во время крестьянских

бунтов его отец сражался с Сохаку плечом к плечу. Да и сам он почти все свои воинские умения получил из рук Сохаку. Ты не сможешь ему доверять.

– Если Хидё доверится ему, то и я доверюсь, – сказал Гэндзи. – Нужно уметь вовремя передоверить полномочия.

– Это ошибка – чересчур сильно полагаться на твое первое пророчество, – произнес Сигеру. – Ты вполне можешь пролежать без сознания десять лет в результате нападения Таро, а потом прийти в себя лишь затем, чтобы погибнуть в том месте, которое тебе привиделось.

– Я понимаю.

– В самом деле? Тогда почему ты так легко отказался от мысли, что Дзимбо может оказаться тем самым чужеземцем, о котором тебя предупреждал князь Киёри? Возможно, именно он должен спасти тебе жизнь.

– Чужеземец, которого я встретил в Новый год, уже это сделал.

– Только в том случае, если мишенью действительно был ты, – указал Сигеру. – И Новый год еще не настал.

– У чужеземцев – настал. Так ты сомневаешься, что намеченной жертвой был я?

– Уверен, что не ты.

– Да ну? Тебя же там не было – откуда же тебе знать? Может, тебе это было явлено в видениях?

– Нет, мой князь, – сказал Сигеру. Услышав раздраженный тон Гэндзи, он в ответ вновь принялся изъясняться церемонно. – Меня убедил в этом стиль нападения. Ты шел у всех на виду, однако же пуля ударила в паланкин, а не в кого-то из людей, шагавших рядом с тобой.

– Мы, японцы, пока еще недостаточно хорошо овладели огнестрельным оружием. И все же мы настаиваем на его использовании, даже там, где лук оказался бы гораздо эффективнее. Мы всегда были падки на иноземные диковинки.

– Стрелявший не просто скрылся от твоих людей – он скрылся никем не замеченным.

– Он стрелял с достаточно большого расстояния. К тому моменту, как мои люди добрались до дома, где он скрывался, он убежал. Не вижу в этом ничего необычного.

– Судя по всем признакам, тут действовал ниндзя, – сказал Сигеру. – Он выстрелил в того, в кого собирался стрелять. В главу миссионеров.

– Дабы возбудить беспокойство и подогреть подозрения?

– Именно.

– Не исключено. Хорошо, я подумаю над этим.

Тут со стороны залива раздался грохот – как будто раскололся надвое ствол огромного дерева. А потом берег словно взорвался.

– Обстрел! – воскликнул Сигеру, – Корабли стреляют по дворцам!

Гэндзи прищипорил коня и поскакал к «Тихому журавлю». Перепуганные прохожие шарахались в разные стороны.

– Подождите!

– Господин!

Гэндзи не обратил на крики спутников ни малейшего внимания. Сигеру, Хидё и Симода бросились следом за князем.

Таро взглянул на Сохаку, ожидая приказаний.

– Неужели это наилучшее, что мы можем сделать сейчас? – спросил Сохаку. – Броситься очертя голову под дула чужеземных пушек?

– Господин!

Таро с трудом сдерживал коня; тому не терпелось припустить следом за ускакавшими собратьями.

– Наши вожди движутся в неправильном направлении, – сказал Сохаку.

– Господин, прикажите!

Таро не терпелось броситься вперед. Шесть месяцев жизни в монастыре так и не сделали из него монаха.

Сохаку кивнул.

Таро немного ослабил поводья, и конь стрелой понесся по улице. Таро умчался – монах с двумя мечами за поясом, сидящий в седле как заправский кавалерист.

Сохаку остался в одиночестве. Местные жители попрятались по домам. Это было весьма разумно в те времена, когда война велась мечами и стрелами. Теперь же подобный образ действий губителен. Почти так же губителен, как скачка под обстрелом. Сохаку пришпорил коня и отправился догонять своего князя.

* * *

Старк не стрелял из револьвера около года. Присоединившись к сан-францисской миссии Истинного слова, он сказал Эмили и Кромвелю, что выбросил свое оружие в океан. Это положило конец тренировкам. Раз стрелять было нельзя, Старк стал учиться как можно быстрее выхватывать револьвер. Он занимался этим в миссии, у себя в комнате, и во время плавания на «Вифлеемской звезде» – в своей каюте. Возможно, от его хваленой меткости уже ничего и не осталось. Есть лишь один способ сохранить ее – стрелять, и стрелять регулярно. Чувствовать, как дергается в руке пистолет, когда порох взрывается и из дула вылетает кусочек свинца. Не позволять, чтобы это движение – равно как грохот, вспышка, запах или дым – отвлекло тебя. Старк был уверен, что и сейчас сможет с десяти шагов попасть человеку ровно в середину груди. А с двадцати – уже неизвестно. Зато сейчас он стал куда проворнее, чем в те времена, когда слава его гремела по западному Техасу.

За пять дней пребывания во дворце князя Гэндзи Старк ни разу не прикоснулся к своим пистолетам. Половина здешних стен была сделана из бумаги. Вокруг постоянно кишели люди. Уединиться Старк мог лишь в одном-единственном месте – в собственном сознании. Там он и тренировался.

Достать револьвер.

Взвести курок.

Прицелиться в сердце.

Спустить курок.

При отдаче снова взвести курок.

Прицелиться в сердце.

Спустить курок.

В этом имелось определенное преимущество. Сознание Старка всегда было при нем, и он мог тренироваться где угодно и когда угодно.

Наблюдавшие за ним самураи думали, что он погружен в молитвы или в медитацию, общается с Богом или очищает разум от всех мыслей, повторяет про себя мантры, как последователи будды Амида, или пребывает в пустоте, как последователи дзэн-буддизма. Чем бы Старк ни занимался, он подолгу сохранял неподвижность. Самураи никогда прежде не видели настолько спокойного чужеземца. Когда он стоял

среди них в дворцовом садике, то застывал, как скала.

Достать револьвер, взвести курок, прицелиться, выстрелить. Снова, снова и снова. Старк был всецело поглощен этим занятием, когда раздался пронзительный, все усиливающийся свист. Взрыва Старк не услышал.

Когда он открыл глаза, вокруг было тихо. Стояла ночь. Старк остановился у дверного проема и заглянул в спальню. Мэри Энн баюкала детей, прижав обеих девочек к груди. Бекки и Луиза были маленькими, но не настолько маленькими, какими их все привыкли считать. Девочкам пора отправляться в постель, чтобы взрослые тоже могли лечь. Сон их был столь безмятежен, что у Старка рука не поднялась будить малышей или мать. Все они были его прекрасными грезами.

Веки Мэри Энн дрогнули. Женщина открыла глаза, увидела Старка и улыбнулась. – Я люблю тебя, – тихо сказала она.

Прежде чем Старк успел ответить, следующий взрыв привел его в сознание. Оказалось, что он лежит навзничь. Свист и взрывы следовали один за другим. Во все стороны разлетались шрапнель и обломки.

Рядом со Старком на землю упала капля крови. Старк поднял взгляд. Среди ветвей ивы застряла верхняя половина тела; это был один из самураев, наблюдавших за Старком. Нижняя половина так и осталась лежать на полированном деревянном полу галереи.

Разумнее всего было бы забиться в укрытие и переждать там. Бежать никакого смысла не имело. Как поймешь, где сейчас безопасно? Впрочем, Старк об этом не думал. Он просто вскочил и бросился в ту сторону, где находилась комната Кромвеля. Именно там всего несколько минут назад он оставил Эмилию, и именно туда вошла Хэйко. Эмилия была единственным на свете человеком, кого он хотя бы с натяжкой мог причислить к знакомым. Если она погибнет, он останется совсем один. А почему Старк вдруг подумал о Хэйко, он и сам не знал.

Одно из четырехзданий, образовывавших стороны внутреннего дворика, исчезло, а второе в тот самый момент, когда Старк пробежал мимо, превратилось в охваченную пламенем груды обломков.

Он обнаружил, что гостевое крыло дворца лежит в руинах. Его опередили: какой-то дородный мужчина уже искал уцелевших среди развалин.

Кумэ – а это именно его заметил Старк – интересовали всего четыре человека. Хэйко – чтобы спасти ее, если удастся. И трое чужеземцев – чтобы прикончить их. Артобстрел дал ему возможность проникнуть во дворец, какой иначе не представилось бы.

Кумэ не знал, чьи пушки произвели подобное опустошение, но был уверен, что не сёгунские. Иначе Вьедливый Глаз, Каваками, рассказал бы ему об этом обстреле заблаговременно. Но кто же тогда решился на столь дерзкий шаг без ведома и позволения сёгуна?

Кумэ размышлял об этом между делом, копаясь в развалинах. Возможно, это начало той самой внутренней войны, о которой так долго говорили. Хотя странно: с чего бы вдруг начинать ее с удара по княжеским дворцам в Эдо, вместо того чтобы начать с захвата замков, стратегически важных перевалов и двух главных дорог – Токайдо, идущей вдоль побережья, и Накасэндэ, проходящей через центр страны?

Взрывы тем временем переместились восточнее, равно разнося дворцы и сторонников, и противников сёгуна. В какое же беспокойное время мы живем!

Кумэ приподнял упавшую балку. А, вот и она!

– Хэй-тян! – позвал Кумэ.

Хэйко открыла глаза и моргнула. Цвет лица у нее был хороший. Быстро осмотрев девушку, Кумэ удостоверился, что переломов и кровотечений нет. Возможно, она просто оглушена.

– С тобой все в порядке?

– Кажется, да, – отозвалась Хэйко.

Услышав эти слова, Кумэ расслабился и только тогда осознал, сколь сильное напряжение сковывало его тело. Он присматривал за Хэйко с тех самых пор, как ее в трехлетнем возрасте отправили в деревню. Сперва Кумэ делал это по приказу Въедливого Глаза. Это была работа. Но годы шли, и постепенно обязанность превратилась в нечто иное. Некоторое время назад Кумэ решил, что, если вдруг Въедливый Глаз прикажет ему убить Хэйко, он вместо этого уничтожит самого Въедливого Глаза. В действительности Кумэ готов был убить любого, кто стал бы угрожать девушке. Хоть Кудо, хоть Гэндзи, хоть самого сёгуна. Конечно, это не слишком профессиональный подход к делу. И не очень лояльный. Кумэ готов был признать это. Но что же поделаешь? Он любил эту юную женщину – орудие, которое он сам же и помог создать, – словно родную дочь.

– Это ты взорвал бомбу? – спросила Хэйко.

– Нет. Это пушки. По-моему, стреляли с моря.

– Почему? Что, началась война?

– Не знаю. Не двигайся. Сейчас я тебя освобожу.

Кумэ осторожно сдвинул тяжелую балку в сторону. Потом он заметил рядом с рукой Хэйко прядь странных светлых волос. Чужеземная женщина. Кумэ достал кинжал. Один неприметный разрез на шее – и она умрет.

Старк находился в двадцати шагах от неизвестного, когда увидел клинок. На первый взгляд можно было подумать, что мужчина хочет перерезать какую-то веревку, мешающую вытащить заваленного человека. Потом он повернулся к Старку, и глаза их встретились. Старк узнал этот взгляд. Так смотрит человек, прицеливающийся перед выстрелом.

Завидев Старка, Кумэ выпустил нож и потянулся за сюрикэном – спрятанной в поясе метательной звездочкой. Двадцать шагов – далековато. Но если он и промахнется в первый раз, то наверстает со второго броска. Кумэ метнулся поближе к Старку, сокращая дистанцию, и бросил сюрикэн.

Но в тот же самый миг Старк потянулся за своим револьвером, спрятанным под рубашкой. Постоянные воображаемые упражнения выработали определенную схему, и теперь тело действовало само, не отвлекаясь на размышления. Старк выстрелил за долю секунды до того, как с руки Кумэ сорвался сюрикэн. Старк промазал – оказалось отсутствие тренировок. Пуля ударилась о камень справа от Кумэ.

Но внезапно грохнувший выстрел отвлек Кумэ; рука его дрогнула, и он тоже не попал в цель. Первый сюрикэн просвистел над левым плечом Старка. Продолжая двигаться к противнику, Кумэ потянулся за вторым.

В своем искусстве Кумэ был куда опытнее, чем Старк в своем. Но ему понадобилась целая секунда, чтобы опустить руку после первого броска, извлечь из пояса второй сюрикэн и метнуть его в Старка. А Старку потребовалось всего полсекунды, чтобы снова взвести курок, прицелиться и выстрелить во второй раз.

Пуля ударила Кумэ в грудь и опрокинула его. Сюрикэн взмыл вверх и упал где-то в саду, не причинив никому вреда.

Старк подошел к упавшему, держа оружие наизготовку. Но, посмотрев на незнакомца, Старк понял, что еще одна пуля не понадобится. Он спрятал револьвер и принялся откапывать женщин.

Обстрел прекратился. И в наступившей тишине Старк услышал приближающиеся шаги. Он едва не набросился на двух самураев, прежде чем понял, кто это.

* * *

Гэндзи проскакал через то место, где прежде стояли главные ворота. Он спрыгнул с коня и бросился к развалинам, образовавшимся в центре дворца. Преподобный Кромвель лежал в комнате рядом с центральным садиком. Хэйко наверняка находилась где-нибудь поблизости.

Гэндзи сам удивился тому, что первая его мысль была о Хэйко. Ему надлежало бы заботиться об обороне или эвакуации. Подобный обстрел вполне мог служить предвестником высадки иноземных войск. А может, ему следовало бы беспокоиться о судьбе чужеземцев, в особенности – о судьбе Мэтью Старка. Гэндзи сказал Сохаку, что умирающий проповедник, Цефания Кромвель, и оказался тем самым чужеземцем, чье появление предрек его дед; но, конечно же, сам он считал иначе. Едва лишь взглянув на Старка, Гэндзи понял, что никакой он не миссионер. Так что это именно о нем предупреждал покойный князь. Но сейчас, обыскивая развалины «Тихого журавля», Гэндзи не мог думать ни о чем, кроме Хэйко.

Какой же унылой станет его жизнь без нее! Все, кто его окружал, были до ужаса предсказуемы – и пророчества деда или его собственный, еще не подтвердившийся дар предвидения были тут ни при чем. Взять хоть трех советников, доставшихся ему по наследству, Сэйки, Кудо и Сохаку. Они всегда будут выступать за наименее активный образ действий. Сэйки, старшему из них, еще не исполнилось и сорока, но все трое ведут себя как старики.

А если судить о человеке не только по его друзьям, но и по его врагам, то какой же бестолочью можно счесть его, Гэндзи, коль скоро ему достался в главные недруги такой несообразительный противник, как Въедливый Глаз Каваками, глава сёгунской тайной службы! Неужели Каваками вправду считает, что Хэйко могла взойти на ложе Гэндзи, не возбудив наряду со страстью немалых подозрений? Гэндзи не потребовалось устанавливать слежку за Хэйко, чтобы узнать, на кого она работает. Это и так было ясно. Любовь? Самая красивая гейша Эдо вряд ли влюбилась бы в него, не будь у нее неких тайных мотивов. Из шестидесяти князей как минимум пятьдесят были богаче и влиятельнее Гэндзи.

И вот теперь у него перехватило дыхание, сердце его застыло, а тело онемело, стоило лишь ему представить самое ужасное – мир без Хэйко. Когда же это произошло? Гэндзи и сам этого не заметил. Но самым важным для него человеком сделалась женщина, которая наверняка была шпионкой, а помимо этого, скорее всего, еще и убийцей.

– Господин! – Из полуразрушенной комнаты появился Сэйки. Лицо его было залито кровью, текущей из небольшой раны на лбу. – Вам нельзя здесь находиться! Враги могут в любую минуту возобновить обстрел!

– Где Хэйко? – спросил вместо ответа Гэндзи.

Грохот крови в ушах казался ему громче пушечных выстрелов. Он бросился к разрушенному гостевому крылу и перебрался через останки рухнувшей галереи как

раз вовремя, чтобы увидеть, как какой-то незнакомый ему толстяк швырнул в Старка две метательные звездочки. Старк выхватил спрятанный пистолет. Он стрелял быстрее, чем ниндзя бросал свои сюрикэны, – и со второй пули уложил толстяка.

– Кто стрелял? – спросил Сэйки, взобравшись следом за Гэндзи на груды обломков.

– Пойдем, – велел Гэндзи. – Кажется, Старк нашел ее.

* * *

– Хэй-тян!

Услышав, что кто-то ее зовет, Хэйко открыла глаза. Над ней склонился Кумэ. За ним виднелось небо.

– С тобой все в порядке?

– Кажется, да, – отозвалась Хэйко.

Кумэ улыбнулся и начал убирать завалившие ее обломки.

– Это ты взорвал бомбу? – спросила Хэйко.

Взгляд Кумэ сделался жестким. Улыбка исчезла с его лица, и он извлек кинжал.

Хэйко правильно поняла его намерения. Она чувствовала рядом со своим плечом голову Эмилии.

– Нет, Кумэ! Не надо!

Вдруг Кумэ оглянулся, бросил кинжал и вскочил, исчезнув из поля зрения Хэйко. Один за другим грохнули два выстрела, и наступила тишина. Потом вместо Кумэ появился Мэтью Старк. Не сказав ни единого слова, он начал откапывать Хэйко. Внезапно он остановился, и рука его метнулась к левому боку. Так значит, это он стрелял, поняла Хэйко. А револьвер спрятан у него под рубашкой. Должно быть, Старк узнал появившихся людей, поскольку не стал извлекать револьвер, а продолжил возиться с обломками.

– Не трогай ее, – сказал Гэндзи. – Вдруг она ранена? Подожди, пока придет доктор Одзава.

Хэйко села.

– Я думаю, господин, у меня нет ничего серьезнее ушибов. Когда доктор придет, он понадобится другим.

Она слышала крики боли. Они доносились отовсюду. Должно быть, Кумэ поставил несколько бомб. Почему он ее не предупредил? Это совсем не похоже на него. Впрочем, раз это настолько не похоже на Кумэ, значит, это дело рук кого-то другого. Кумэ никогда бы не стал рисковать ее жизнью. Возможно, и вправду стреляли пушки – как ни странно. Кумэ не стеснялся врать, но ей он врать бы не стал. Хэйко встала и сделала для пробы несколько шагов.

– Пожалуйста, осторожнее! – Гэндзи обнял ее за талию. – Ты могла серьезно пострадать и сама не заметишь этого.

На лице князя, обычно столь невозмутимом, сейчас читалось живейшее беспокойство: брови сдвинуты, на лбу проступили морщины. Даже легкая надменная улыбка – и та исчезла.

Неприкрытое волнение Гэндзи поразило Хэйко сильнее, чем взрыв, разнесший их комнату. Внезапно сердце девушки исполнилось такой радости, что Хэйко улыбнулась, позабыв обо всем. А потом Гэндзи удивил ее еще сильнее. Он обнял ее и крепко прижал к себе.

Столь вопиющее проявление чувств со стороны князя потрясло Сэйки. Смутившись, он отвел взгляд от Гэндзи и Хэйко и увидел, что Хидё и Симода глазают, разинув рот.

– Что вы стоите, как два идиота?! – прикрикнул на них Сэйки. – Проверьте границы владения! Приготовьтесь к нападению!

– Корабли уплывают, – сказал Хидё. – Они не высадили никаких войск.

– Корабли?

– Да, господин. Корабли в заливе. Три военных корабля под трехцветными флагами: красное, белое и синее. Они разрушили весь район Цукидзи.

– Это сделали чужеземцы?! – Голос Сэйки дрогнул от негодования.

– Да, господин, – ответил Хидё.

– Какой был рисунок на флаге? Эти три цвета есть у всех – и у голландцев, и у французов, и у англичан, и у американцев.

– Кажется, там было что-то посложнее трех полос, да? – спросил Хидё.

– Может, и так... – уклончиво отозвался Симода.

– Редкостная наблюдательность! – съязвил Сэйки. – Значит, все, что нам известно, – что русские и немцы в этом не замешаны. На голландцев тоже не очень похоже. Значит, это либо французы, либо англичане, либо американцы.

– Либо и те, и другие, и третьи, – сказал Симода. – Там могли быть и разные флаги.

– Помогите! – попросил Старк.

Хидё и Симода без перевода поняли, что ему нужно. Они поклонились Сэйки и отправились на помощь чужеземцу.

– Осторожно! – сказал Старк.

Вместе с двумя самураями он сдвинул тяжелую балку, придавившую спину Эмилии. Большая часть веса балки приходилась на полуразрушенную стену. Должно быть, балка сперва рухнула на стену, а потом уже на Эмилию, так что вряд ли девушка сильно пострадала. Но точно Старк сказать не мог, поскольку Эмилия лежала ничком и до сих пор оставалась без сознания.

Старк опустил на колени и медленно провел рукой по спине Эмилии, проверяя, нет ли переломов. Когда он уже добрался почти до самой поясицы, глаза девушки внезапно распахнулись. Эмилия судорожно вздохнула, развернулась и пнула Старка в живот, да так, что он упал на спину. Девушка же вскочила; она с безумным видом озиралась по сторонам, явно выискивая, куда бы убежать.

– Эмилия, нам ничего не грозит! – Хэйко выскользнула из объятий Гэндзи и медленно приблизилась к перепуганной девушке. – Князь Гэндзи и его самураи уже здесь. Никто не сделает нам ничего плохого.

– Хэйко!

Взгляд Эмилии сделался осмысленным. Напряжение покинуло ее. Она упала в объятия Хэйко и разрыдалась.

– Я думала...

Она не договорила, но Хэйко и так все поняла. Эмилию терзало прошлое. Такое случается со многими женщинами. Прошлое, вечно это прошлое! То, что случилось и чего уже не исправишь.

– Должно быть, все будды и все боги спасли нас, – пробормотал Сэйки. Он отвернулся, чтобы только не видеть еще одного неподобающе открытого проявления чувств.

Поведение чужеземной женщины значения не имело. Все чужеземцы – варвары. Но уж Хэйко следовало бы понимать, как надлежит вести себя! Безукоризненное выражение уместных чувств – вот в чем сущность гейши! Теперь Сэйки окончательно осознал то, о чем прежде лишь смутно догадывался: чужеземцы смертельно опасны. Они извращают все, к чему прикасаются. Их следует изгнать, и чем быстрее, тем лучше. Само их присутствие с ужасающей скоростью разрушает древние обычаи. Он, Сэйки, видел это собственными глазами. Его князь, наследник достойнейшего клана, хватает женщину, словно какой-нибудь пьяный мужлан в веселом квартале Ёсивары! Самая известная в Эдо гейша обнимает чужеземную женщину, словно они состоят в противоестественной любовной связи!

«Возможно, даже все будды и все боги не смогут нас спасти, – подумал Сэйки. – Нам полагалось быть нацией воинов. А мы обленились и ослабели. Чужеземцы превращают княжеские дворцы в сёгунской столице в груды обломков, а мы даже не пытаемся защищаться». Сэйки в бессильной ярости потянулся к мечу. Но не стал извлекать его из ножен. Против кого здесь его применишь?

– Вот не знал, что вы, Эмилия, можете так здорово врезать! – с улыбкой произнес Старк.

– Простите, пожалуйста, Мэтью. Я была не в себе.

– Ничего страшного.

Он наклонился и подобрал брошенный Кумэ кинжал.

Сэйки мгновенно выхватил меч.

– Это излишне, – сказал ему Гэндзи и поинтересовался у Старка: – Кого он собирался убить? Хэйко или Эмилию?

Оба посмотрели на труп. Старк пожал плечами:

– Вы его знали?

– Нет, – отозвался Гэндзи. Он повернулся к Хэйко: – А ты?

Услышав два выстрела, и ничего больше, Хэйко предположила, что Кумэ скрылся. Он всегда так делал. Всегда, сколько она его знала. И теперь при виде его мертвого тела Хэйко лишилась самообладания. Она упала бы, если б не объятия Гэндзи. Хэйко зажмурилась и прижалась к князю, пытаясь за меньшей слабостью скрыть большую. Кумэ мертв!

– Нет, мой господин, – сказала Хэйко.

– Несомненно, даже советники сёгуна, сколь бы слабы они ни были, не оставят подобное оскорбление безнаказанным, – заметил Сэйки.

Гэндзи оглядел руины дворца «Тихий журавль».

– Здесь нет никакого оскорбления. Мы спали три столетия и видели сны о древней воинской доблести. Теперь мы проснулись. Только и всего.

Глава 8 МАККЁ

Некоторые верят, что победа зависит от более искусной стратегии.

Другие полагаются на доблесть.

Третьи возлагают надежды на милость богов.

Есть и такие, которые рассчитывают на шпионов, убийц, соблазн, измену, продажность, алчность, страх.

Все эти пути иллюзорны – по одной простой причине. Одна лишь мысль о победе – и ты теряешь реальность, цепляясь за иллюзию.

Но что же реально? Когда ты скрестишь клинок с врагом и жизнь твоя повиснет на волоске, ты поймешь это.

А если не поймешь, значит, ты прожил жизнь напрасно.

Судзумэ-нокумо (1599)

– Преподобный настоятель, – сказал Сэй-ки, – вы совершили оплошность, не привезя с собой вашего чужеземца. Согласно пророчеству, на Новый год некий чужеземец спасет жизнь князю. И мы до сих пор не знаем, кто именно это будет.

Сохаку предпочел пропустить мимо ушей сарказм, с которым Сэйки произнес его прежний духовный титул.

– Я настойчиво предлагал князю Гэндзи именно так и поступить. Он отказался, сказав, что чужеземец, о котором шла речь в пророчестве, найден и жизнь князя уже спасена.

– Покойный князь Киёри доверил нам троим оберегать его внука, – сказал Кудо. – Это означает, что в некоторых случаях мы должны быть непреклонны и даже идти против воли молодого князя. Сохранить его жизнь важнее, чем приобрести или потерять его благосклонность.

– Я прекрасно это осознаю, – отозвался Сохаку. – Но я не мог действовать вопреки прямому приказу князя.

– Слабый довод, – возразил Сэйки. – Вы могли устроить так, чтобы чужеземец прибыл в Эдо самостоятельно – возможно, в результате «недоразумения». Князю пришлось бы тогда принять все как есть.

– Благодарю вас за ценное наставление, – молвил Сохаку. Чувствуя, что начинает злиться, он поклонился с преувеличенной почтительностью. – Прошу вас, объясните мне, каким «недоразумением» я должен был воспользоваться, чтобы помешать князю назначить господина Сигеру на прежнюю должность?

– Благодарю вас за то, что подняли еще один важный вопрос, – проговорил Сэйки, поклонившись Сохаку с не меньшим раздражением. – Не будете ли вы столь добры поведать нам во всех подробностях, что же именно случилось? В моем ничтожном разуме не укладывается, как же могли произойти столь опасные и абсурдные события.

– Я бы предложил всем нам говорить потише, – вмешался Кудо. – Наши голоса разносятся далеко.

На самом деле и Сэйки, и Сохаку говорили приглушенно. Однако подчеркнутая, почти гротескная вежливость была опасным признаком. Так начинался не один внезапный поединок. И Кудо вмешался лишь затем, чтобы снять напряжение.

Трое самураев сидели среди развалин, на месте одной из комнат, прежде смотревших в центральный садик. Что любопытно, садик нимало не пострадал от обстрела. Даже узоры, прочерченные на песчаных дорожках, остались целы. Чего нельзя было сказать о комнате. Крыша, стена и большая часть пола исчезли. Сэйки, Сохаку и Кудо устроились в единственном уцелевшем углу. Их спутники остались на страже в коридоре – точнее, в том месте, где был когда-то коридор. Окружающая обстановка никак не отразилась ни на позах, ни на манерах, ни на церемонности самураев.

– Здесь царят замешательство, страх и домыслы, – произнес Кудо. – Никому не

ведомо, кто совершил это нападение и почему. Мы – командиры. Все будут смотреть на нас, ожидая объяснений. Не лучше ли нам заняться поиском ответов, вместо того чтобы обмениваться упреками?

– Ответы не имеют значения, – сказал Сэйки. – Важно лишь то, как мы себя ведем. Если мы спокойны и уверены, наши подчиненные тоже будут спокойными и уверенными, вне зависимости от того, знают они – или мы, если уж на то пошло, – что-нибудь или нет.

Сохаку подался вперед:

– Нам не следует отвлекаться от сути и говорить о таких незначительных подробностях, как чужеземец и Сигеру. Истинный вопрос заключается совсем в другом.

– Согласен, – кивнул Кудо. – Нам следует принять решение по главному вопросу.

– Я не думаю, что ответ очевиден, – сказал Сэйки.

Сохаку и Кудо удивленно переглянулись.

– Неужто я что-то упустил? – осведомился Сохаку. – Когда мы виделись в последний раз, вы настойчивее всех нас размышляли, не ввести ли пост регента, который будет реально править княжеством. Если память мне не изменяет, вы утверждали, что молодой князь ни на что не годен и приведет наш клан к гибели.

– Возможно, мне следовало сказать не «ни на что не годен», а «несколько чрезмерно утончен».

– А его безрассудное увлечение чужеземцами-христианами? – поинтересовался Кудо. – Неужели и по этому вопросу ваше мнение изменилось?

– Нет, я продолжаю считать это опасным, – сказал Сэйки. Ему вспомнилось то неприкрытое проявление чувств, которому он стал свидетелем совсем недавно. – Я бы даже сказал, что опасность усилилась. Против чужеземцев можно будет предпринять определенные действия в будущем, если придется – втайне, без дозволения молодого князя.

Успокоенный Кудо кивнул:

– Вкупе со всем прочим, его поведение в отношении дяди может служить решающим доводом.

– Вот в этом я бы усомнился, – возразил Сэйки. – Согласен, на первый взгляд оно выглядит очень спорным. Однако же, если вспомнить о пророческих видениях, может оказаться, что это был чрезвычайно мудрый шаг.

– О пророческих видениях?! – Сохаку был взбешен. – С каких это пор вы верите в подобные сказочки? Я ни разу не видел ни единого доказательства того, что князь Киёри мог предсказывать будущее, а я служил ему двадцать лет! Что же касается князя Гэндзи, единственное, что из будущего его интересует, так это с какой гейшей он будет спать сегодня ночью и какое сакэ он приобретет для следующей своей вечеринки под луной.

– Сигеру – законченный безумец, – сказал Кудо. – Я находился среди тех, кто брал его под стражу. Если бы вы были там, вы бы не говорили сейчас так снисходительно. Он сидел и смеялся, а с головы до ног его покрывала кровь родичей, и рядом с ним лежали бездыханные тела его жены, дочерей и единственного сына. Хотел бы я когда-нибудь забыть эту картину!

– Слышу и понимаю, – сказал Сэйки.

Сохаку и Кудо вновь переглянулись; на этот раз на их лицах читалась покорность судьбе. Это было одно из любимых выражений Сэйки, и означало оно, что Сэйки

принял решение и его не переубедить.

Сэйки тем временем продолжал:

– Несомненно, ваши доказательства неоспоримы. Однако же мое отношение к молодому князю несколько изменилось. Хотя я и не уверен до конца в его провидческом даре, теперь я допускаю такую возможность.

Он указал на восточную часть сада, туда, где прежде располагались внутренние покои дворца.

Сохаку взглянул в указанном направлении:

– Я не вижу ничего, кроме руин. Несомненный довод в пользу решительных перемен.

– И я тоже вижу руины, – согласился Сэйки. – Но я замечаю также нечто такое, чего вы не видите.

– И что же это?

– Развалины личных покоев князя Гэндзи.

– Однако что это означает?

– Если бы он не настоял на поездке в монастырь Мусиндо, во время обстрела он находился бы там.

Сэйки был вознагражден: на лицах его товарищей проступило понимание.

– Он не мог этого знать! – воскликнул Кудо. Но голос самурая дрогнул.

– Однако, похоже, знал, – сказал Сэйки.

– Ничего не доказано, – сказал Сохаку.

– Но и не опровергнуто, – сказал Сэйки.

– Если он знал, то почему же не предупредил нас? – спросил Сохаку.

– Я не утверждаю, что понимаю, каким образом действует волшебное предвидение, – проговорил Сэйки. – Ясно одно: нам следует на некоторое время отложить решение этого вопроса. А пока что приготовьтесь к путешествию. Оставаться здесь небезопасно.

– Вы хотите сказать, что рекомендуете отступить в «Воробьиную тучу»? – уточнил Сохаку.

– Да.

– Эту рекомендацию чрезвычайно трудно исполнить, – сказал Сохаку. – Большинство провинций, лежащих между Эдо и Акаокой, враждебны нам. Внутреннее море не представляет особого препятствия. Но его патрулируют корабли сёгуна. В таких условиях дорога на наш родной остров делается весьма опасной.

– Я предпочитаю опасность смертельной угрозе, – сказал Сэйки. – Мы не можем задерживаться здесь.

– Есть и еще одно соображение, – вмешался Кудо. – Сёгун никому не давал дозволения покинуть Эдо.

– Моя верность принадлежит Окумити-но-ками Гэндзи, князю Акаоки, – отрезал Сэйки, – а не узурпатору, присвоившему титул сёгуна и захватившему сёгунский дворец.

Он поклонился собеседникам и встал.

– Если мой князь прикажет мне повиноваться этому человеку, я буду повиноваться. Если он прикажет мне убить этого человека, лишь смерть помешает мне выполнить приказ. Я знаю, кто я. Уверен, что и вы знаете.

И, не дожидаясь ответа, Сэйки развернулся и зашагал к развалинам княжеских покоев.

– Старый упрямец! – бросил Кудо.

Сохаку фыркнул:

– Он и в молодости был упрямец. С чего бы годам лишить его этого примечательного свойства?

– Совершенно ясно, что теперь он не согласится на введение регентства. Он убедил себя в том, что Гэндзи видит будущее.

На том беседа и завершилась. После продолжительного молчания Сохаку и Кудо взглянули друг другу в глаза, поклонились и встали.

* * *

– Мне очень жаль, Эмилия, – сказал Старк. – Я не нашел никаких останков мистера Кромвеля.

– Быть может, ангелы и вправду вознесли его на небо, как ему казалось, – отозвалась Эмилия, но печальная улыбка показывала, что сама девушка в это не верит.

– И что вы теперь будете делать? – спросил Старк.

– Соберу вещи, какие смогу найти, и буду ждать корабля в Америку.

При одной лишь мысли об этом у Эмилии противно заныло под ложечкой, и на глаза навернулись слезы. Она уселась прямо на землю, рядом с развалинами своей комнаты, и разрыдалась, не стыдясь слез. Она нашла убежище, в которое не смела верить, рай, в котором она скрылась от своей красоты. Нашла – и потеряла, из-за одного-единственного выстрела. Этого Эмилия вынести не могла. Конечно, она была сильной – но не настолько.

Старк опустился на колени рядом с девушкой, обнял ее и прижал к груди. Он неверно понял, в чем источник ее печали.

– Дома вам станет лучше, – сказал он, пытаясь утешить девушку, и лишь причинил ей этим лишнюю боль.

Старк держал Эмилию в объятиях, не зная, чем тут можно помочь, а она, уцепившись за него, безутешно плакала.

– Вы молоды, Эмилия, – говорил Старк. – Ваша жизнь только начинается. Небеса еще улыбнутся вам. Вы встретите новую любовь. Я в этом уверен.

Эмилия хотела было сказать Старку, что жаждет обрести не любовь, а покой. Но печаль ее была столь глубока и сокрушительна, что девушка не нашла нужных слов.

* * *

Как только обстрел прекратился, Сигеру отправился обходить границы дворца и расставлять стражу вдоль обрушенных стен. Внутри никакой опасности не было. Но если бы кто-нибудь пожелал покуситься на жизнь Гэндзи, для этого настало самое удобное время. Сигеру был уверен: Сохаку еще не готов перейти к действиям. Сперва он должен выслушать, что скажут Кудо и Сэйки. Так что сейчас единственной заботой были внешние враги. Сигеру надеялся на их появление. Это было бы неплохой разминкой. О Сохаку он позаботится потом, равно как и о Сэйки с Кудо, – если придется. Какая, однако, досада: момент и без того тяжелый, опасность грозит отовсюду, а тут еще, возможно, придется убить трех старших военачальников клана. Даже если Кудо и Сэйки останутся верны князю, потеря Сохаку нанесет клану серьезный ущерб. Сохаку – их лучший стратег и лучший после самого Сигеру боец.

Тут внимание Сигеру привлек приближающийся цокот копыт. Две лошади. И сорок—пятьдесят пеших. По ровному, размеренному ритму шагов ясно было, что это самураи. Сигеру расслабился и замедлил дыхание. Он был готов.

Мгновение спустя на улицу перед дворцом выехал на вороном коне Въедливый Глаз Каваками, глава сёгунской тайной полиции. Рядом с ним его помощник, Мукаи, — на серой кобыле, как и подобает подчиненному. За ними двигался отряд из сорока самураев. Каваками натянул поводья, останавливая коня. На лице его промелькнуло удивление. Он узнал Сигеру.

— Господин Сигеру! Я и не знал, что вы в Эдо.

— Я только что прибыл, господин Каваками, и еще не имел возможности сообщить вам о моем местонахождении.

— Откровенно говоря, где вы находились до этого, мне также совершенно неизвестно.

— В самом деле? Чудовищный промах со стороны моих подчиненных. — Сигеру поклонился, не спуская глаз с Каваками. — Я прослежу, чтоб виновные понесли наказание.

— Не сомневаюсь, — отозвался Каваками. — А пока что будьте так добры, пропустите нас во дворец — для инспекции.

— Нам не сообщали о готовящейся инспекции. А потому я вынужден с сожалением отклонить ваше предложение.

— Я ничего вам не предлагаю! — Каваками послал коня вперед, и его самураи двинулись следом. — По приказу сёгуна я должен осмотреть все разрушенные дворцы и побеседовать с каждым из уцелевших князей. Так что отойдите, пожалуйста, с дороги, господин Сигеру.

Мечи Сигеру выпорхнули из ножен одним изящным, плавным движением — так журавль расправляет крылья. Только что руки Сигеру были пусты, а в следующее мгновение в правой его руке возник катана, а в левой — вакидзаси. Он держал оружие опущенным; стойку его нельзя было назвать защитной, да и на готовность к атаке она тоже не указывала. Неопытный наблюдатель решил бы, что Сигеру собрался сдаваться — настолько не готовым к бою он выглядел.

Но Каваками знал, что думать так было бы ошибкой. Как и всякий самурай, Каваками изучал в свое время «Горин-но-сё», «Книгу пяти колец», классический трактат Миямото Мусаси, посвященный искусству фехтования. Стойка Сигеру была основной, предшествующей бою, — му, пустота. Это никак нельзя было счесть неготовностью. Сигеру был открыт всему, ничего не предугадывая и все принимая. В былые времена лишь один человек осмеливался использовать эту стойку — сам Мусаси. После него на такое отваживался один-единственный человек. И это был Сигеру.

Каваками подал сигнал, и сорок клинков покинули ножны. Его самураи быстро перестроились, приготовившись напасть на Сигеру с трех сторон. Зайти ему за спину они не решились. Для этого потребовалось бы пересечь границу, разделяющую улицу Эдо и территорию дворца, принадлежащую клану Окумити. А такого приказа они пока что не получили.

Сам Каваками не стал братья за оружие. Наоборот, он заставил коня отступить на расстояние, которое счел безопасным.

— Неужели вы настолько оторвались от реальности, что смеее препятствовать исполнению приказов сёгуна?

– Как вам известно, я не имею чести служить сёгуну, – ответил Сигеру. – До тех пор, пока эти приказы не подтвердил мой князь, для меня они ничего не значат.

По тому, как Каваками держался в седле, Сигеру понял, что главу тайной полиции нельзя назвать искусным наездником. А значит, он сможет добраться до Каваками раньше, чем тот успеет развернуть коня и сбежать. По оценке Сигеру, их разделяло расстояние протяженностью в пять ударов сердца. Правда, придется прорубиться через десяток самураев, но с этим особых трудностей не будет. Все его вероятные противники напряжены от страха. Они уже все равно что покойники.

– Господин Каваками! Какая неожиданность!

К недвижно застывшим противникам небрежным шагом приблизился Сэйки. Он словно бы не заметил обнаженных мечей.

– Мне бы следовало пригласить вас выпить чего-нибудь освежающего. Но сейчас, как вы сами видите, мы не вполне готовы принимать гостей. Может, в другой раз?

– Сэйки, приведите господина Сигеру в чувство, – если можете, конечно. – Каваками похлопал нервничающего скакуна по шее. – Мы исполняем приказ сёгуна, а он мешает нам войти.

– Прошу прощения за дерзость, господин Каваками, – сказал Сэйки, вступив в полукруг, очерченный сверкающими клинками, – но я считаю, что господин Сигеру совершенно прав.

– Что?!

– Осакское соглашение гласит, что сёгун должен извещать князя о готовящейся инспекции по меньшей мере за две недели. Как главный распорядитель княжества Акаока, я вынужден сообщить вам, что мой господин не получал такого сообщения.

– Осакскому соглашению двести пятьдесят лет!

– И тем не менее оно по-прежнему действует, – возразил Сэйки, низко поклонившись.

Судя по выражению лица Каваками, ему в голову пришла какая-то удачная мысль.

– Насколько я помню, на время войны действие этого соглашения приостанавливается.

– Совершенно верно. Но мы не находимся в состоянии войны.

За спиной у Каваками обрушился горящий дом, и конь, испугавшись, поднялся на дыбы. Каваками потребовалось несколько секунд, чтобы вновь обуздать жеребца.

– Если это не война, то как же тогда выглядит война? – поинтересовался Каваками.

– В соглашении указывается, что война должна быть объявлена официально, – сказал Сэйки. – Сёгун объявлял кому-нибудь войну?

Каваками нахмурился:

– Нет.

Он развернул коня и ускакал, оставив Мукаи разбираться с неловкой ситуацией. Тот приказал самураям вложить мечи в ножны и увел их.

– Дипломатичен, как всегда, – фыркнул Сигеру, пряча оружие.

– Благодарю вас, – сказал Сэйки, хотя и знал, что в устах Сигеру это не похвала. – Кажется, господин Сигеру, вы снова пришли в себя. Очень, очень своевременно.

– Господин, – сказал Хидё, – Старк тайком носит при себе огнестрельное оружие.
– Да, я знаю, – отозвался Гэндзи. – Можешь не беспокоиться. Он для меня не опасен.

– Господин, вы уверены?

– Да.

Хидё расслабился. Раз дело касается предвидения, то оно выходит за пределы его должностных обязанностей.

Гэндзи улыбнулся. Как это удобно – иметь в качестве командира телохранителей человека, чьи мысли так легко читать, словно они и вправду написаны у него на лице.

– С Ханako все в порядке? – поинтересовался он.

– Не знаю, господин.

– Ты что, не нашел ее?

– Я ее не искал.

– Почему же?

– Я обязан обеспечить вашу безопасность. Я не могу отвлекаться ради личных дел.

– Хидё, речь идет о твоей невесте, будущей матери твоего сына и наследника, твоей подруге жизни.

– Да, господин.

– Ну так иди и разыщи ее. В твое отсутствие меня будет охранять Симода. Я верно говорю, Симода?

– Да, господин.

Хидё низко поклонился:

– Я скоро вернусь, господин.

– Ты вернешься завтра утром, – сказал Гэндзи, – после завтрака. И еще. Не кланяйся больше так низко. Как глава телохранителей, ты ничего не должен упускать из виду, даже на мгновение.

– Слушаю и повинуюсь, господин.

– Отлично. Желаю тебе поскорее отыскать невесту.

Хэйко подождала, пока Хидё уйдет, а Симода отступит на некоторое расстояние. Они сидели на подушках, в большом шатре, установленном возле единственной уцелевшей стены. Легкий ветерок приносил с собою запах моря.

– Как вы изменились за столь краткое время, – сказала Хэйко.

Она потрогала фляжку с сакэ. Убедившись, что напиток имеет нужную температуру, Хэйко наполнила чашку Гэндзи.

– О чем это ты?

– Всего неделю назад вы были всего лишь номинальным главой клана. Ничтожеством, которое едва терпят собственные вассалы. Теперь вы – на самом деле их господин. Чрезвычайно примечательное преобразование.

– Критические моменты меняют людей, – сказал Гэндзи, наполняя, в свою очередь, чашку Хэйко. – Если им везет, то в такие моменты они узнают, чего стоят на самом деле.

Хэйко отвернулась. Открытый взгляд Гэндзи вызвал смятение в ее душе. Как же это было трудно – любить его! И насколько труднее это стало теперь, когда он ответил любовью на любовь... О, если бы они были крестьянами, или торговцами, или рыбаками – они могли бы без оглядки отдаться своим чувствам, не думая о тайной подоплеке и возможных последствиях!

– Вас сейчас переполняют чувства, порожденные необычностью происходящего, – сказала Хэйко. – Я забуду все, что вы мне сегодня говорили.

– Ты никогда об этом не забудешь, – возразил Гэндзи. – И я тоже. Мои чувства вызваны не необычностью момента. Они принадлежат тебе, Хэйко. Тебе одной.

– Вы не должны расточать мне любезности, – сказала Хэйко. По щекам ее текли слезы, но на губах играла нежная улыбка, и дыхание оставалось ровным. – Я люблю вас. Я полюбила вас в тот самый миг, когда впервые увидела. Я буду любить вас до последнего вздоха. А вы вовсе не обязаны любить меня.

Гэндзи улыбнулся; при виде этой беззаботной улыбки сердце Хэйко таяло.

– Я понимаю: если я буду любить тебя столь же страстно, это может показаться надоедливо симметричным. Возможно, со временем я научусь любить тебя меньше. Это тебя устроит?

Рассмеявшись, Хэйко упала в объятия князя.

– С моим-то очарованием? Боюсь, вы обречены со временем полюбить меня еще сильнее!

– Так ты уверена в себе?

– Нет, Гэнтян, – отозвалась Хэйко. – Я ни в чем не уверена. Любовь – слабость женщины, а не ее сила. Какой бы прекрасной ни была женщина, час ее расцвета краток. Я не жду, что вы будете любить меня вечно. Но пожалуйста, если только можете, будьте добры ко мне. Пожалуйста!

Гэндзи захотелось запустить руку в широкий рукав кимоно Хэйко и приласкать ее. День выдался морозным, и руки у него были холодными. Гэндзи решил, что ей это вряд ли будет приятно, и отказался от своего намерения. Но в тот же миг Хэйко придвинулась к нему, и каким-то непостижимым образом ее руки оказались у него под одеждой, а руки Гэндзи – под одеждой у нее. Гэндзи ощутил тепло ее тела и одновременно с этим – обжигающий холод от прикосновения ее пальцев. Тепло и холод слились воедино. «Ну и кто же здесь на самом деле читает мысли?» – подумал Гэндзи.

– Как я могу не быть добрым? Стоит мне увидеть тебя или даже просто подумать о тебе, и вся жестокость этого мира исчезает, и мое сердце, и само мое существо делается нежным.

– Нет, не все ваше существо.

– Ну хорошо, не все.

Им и в голову не пришло раздеться. Даже если б они находились в покоях Гэндзи, они и то бы на это не решились – во всяком случае, во время дневного свидания. Слишком уж сложно им было бы потом одеваться, особенно Хэйко.

Ее кимоно омэси было шелковым. Под ним – теплое зимнее хаори. Кимоно перехватывал широкий вышитый пояс оби, завязанный узлом «фукура судзумэ»; из-под верхнего его края выглядывал пояс оби-агэ.

Существовало триста различных способов завязывать оби, и Хэйко каждый день тратила немалое время, размышляя, что же ей выбрать на сегодня. Она выбрала узел «фукура судзумэ» – «сливовый воробей», потому что предположила, что Гэндзи вернется именно сегодня, и ей захотелось отметить этот день тонким намеком на тотем клана. Получилось так, что Хэйко верно угадала день возвращения князя. Но если б она ошиблась, она не стала бы снова завязывать узел «фукура судзумэ». Это было бы признаком дурного вкуса. Пришлось бы просто признать, что она упустила хорошую возможность, и смириться с этим фактом.

Шнурок оби-дзимэ удерживал оби в должном положении. Между кимоно и оби был надет корсет оби-ита, чтобы кимоно вдоль линии оби не шло морщинами. Под узел пояса подкладывалась специальная подушечка, макура, дабы он сохранял форму. Переднюю часть оби украшала брошь оби-домё; к ней пристегивался специальный шнур, чуть тоньше шнура оби-дзимэ.

Под кимоно, оби, макура, оби-агэ, оби-дзимэ и оби-домэ у Хэйко было надето длинное нижнее кимоно, нагадзюбан, тоже шелковое. Шнурки, пришитые к концам воротника, проходили сквозь петли воротника тикара нуно и завязывались так, чтобы образовать у затылка отверстие подходящего размера. Нагадзюбан подпоясывалось нижним поясом, датэ-маки.

Под нагадзюбан надевалась нижняя рубашка хададзю-бан и нижняя юбка сусоёкэ. Под ними располагались специальные мягкие прокладки, накладывавшиеся на ключицы, живот и талию. Поскольку кимоно кроилось по прямой линии, эти прокладки требовались, чтобы придать телу нужную форму, дабы одеяние ложилось красиво и естественно. Обычно Хэйко носила также специальную ленту, стягивающую грудь и скрывающую ее очертания. Но сегодня утром девушка не воспользовалась ею, поскольку ожидала возвращения Гэндзи.

Хотя ни Гэндзи, ни Хэйко раздеваться не стали, в их одеяниях нашлось достаточно отверстий, чтобы доставить друг другу наслаждение. На самом деле, как тепло и холод – единое целое, так и состояние наготы сливается с состоянием одетого человека.

– Если любовь – твоя слабость, то я и думать боюсь, какова же твоя сила, – тяжело дыша, промолвил Гэндзи.

Хэйко, с трудом сдерживаясь, чтобы не дышать учащенно, отозвалась:

– Я думаю, мой господин, что вас ничем не испугать.

Вежливо отведя взгляд, Симода бесшумно опустил полог шатра. Он все-таки не удержался и улыбнулся.

* * *

Лишь начав разыскивать Ханako, Хидё до конца осознал объем разрушений – и был поражен. Ему вспомнилось ужасное землетрясение, опустошившее Эдо в годы его детства; тогда вслед за землетрясением вспыхнул пожар и истребил половину города: дымящиеся развалины, валяющиеся повсюду изуродованные тела, витающий в воздухе запах горелой человеческой плоти... Хидё сообразил, что может означать этот запах, и его замутило. Он даже не мог бы сказать, что ему труднее сдержать, тошноту или слезы.

Среди обломков комнаты, отведенной чужеземцам, он увидел яркий лоскут от женского кимоно, придавленный упавшей балкой. Опустившись на колени, Хидё осторожно подобрал этот лоскут. Кому он принадлежал? Уж не Ханako ли? Когда они виделись в последний раз, на Ханako вроде было кимоно из такой ткани. Ну почему, почему он столь ненаблюдателен? Как он может исполнять обязанности главы телохранителей, если даже не в состоянии узнать кимоно будущей жены?

Но Хидё изгнал эту мысль, едва лишь она пришла ему на ум. Он больше не имеет права прятаться за подобными сомнениями. Князь назначил его на эту должность. Сомневаться в своих способностях – означает сомневаться в своем князе. Верность требовала, чтобы Хидё верил в себя, поскольку в него князь верил. И значит,

размышляя о своих многочисленных недостатках, он, Хидё, должен стараться их исправить, чтобы стать тем человеком, которого узрел в нем его князь. Таков его долг. Хидё встал. Он держался прямо и уверенно.

Но он по-прежнему сжимал в руке шелковый лоскут, и по лицу его текли слезы. Какой смысл в высоком положении и почестях, если не с кем это разделить? Кто придаст сладость победе, утешит в поражении, оплачет гибель?

Хидё было шестнадцать лет, когда он впервые встретил Ханako; он как раз только что получил свой первый взрослый катана. А Ханako была девятилетней девочкой-сироткой; ее взяли во дворец князя Киёри по рекомендации старого настоятеля Дзэнгэна. Хидё вспомнил их первый разговор и покраснел.

* * *

– Эй, ты! Принеси мне чаю!

Девочка в выцветшем хлопчатобумажном кимоно вздернула подбородок и дерзко отозвалась:

– Сам принеси!

– А я говорю, ты принесешь мне чай, девчонка!

– Не принесу!

– Ты – служанка. А я – самурай. Ты будешь делать, как я велю!

Девочка расхохоталась.

– Князь Киёри – самурай, – сказала она. – Господин Сигеру, господин Сэйки, господин Кудо, господин Танака – самураи. А ты – всего-навсего мальчишка с мечом, не знающим крови.

Разозленный Хидё вскочил на ноги и схватился за рукоять катана.

– Я – самурай! Я могу зарубить тебя прямо тут, на месте!

– Нет, не можешь.

– Что?! – Столь наглый и неожиданный ответ потряс Хидё. – Самурай властен над жизнью и смертью любого крестьянина.

– А ты – нет.

– Это почему еще?

– Потому что я – служанка, в твоём клане. И ты обязан меня защищать. Если придется – даже ценой жизни.

И выпалив это, девочка удалилась, а онемевший, пристыженный Хидё так и остался стоять, разинув рот.

* * *

Хидё оглядел развалины дворца. Уж не на этом ли самом месте состоялся тот давний разговор? Хидё потупил взор, как и тогда. Ханako была ребенком и все же напомнила ему о том, о чем он не имел права забывать. Самурай – защитник, а не заносчивый задира.

Та дерзкая девочка выросла и превратилась в достойную, добродетельную женщину; неудивительно, что все эти годы, пока он пьянствовал и впустую прожигал жизнь, она старалась держаться от него подальше.

Какую замечательную жену выбрал для него князь Гэндзи! И вот она потеряна...

– Хидё! – донесся откуда-то изумленный голос Ханako. Хидё обернулся.

Ханако стояла в коридоре – то есть в том, что осталось от коридора, – и держала в руках чайный поднос.

Переполненный внезапно обрушившимся счастьем Хидё бросился было, чтобы обнять ее, но вовремя спохватился. Вместо этого он учтиво поклонился:

– Я искренне рад видеть вас целой и невредимой.

Ханако поклонилась в ответ:

– Ваша забота о столь незначительной особе – большая честь для меня.

– Для меня вы значите очень много, – сказал Хидё.

Трудно было решить, кого эти слова поразили больше, Ханако или самого Хидё. Ханако отреагировала на них более живо. Ошеломленная их прямотой, девушка пошатнулась и едва не уронила поднос. Хидё ринулся на помощь, подхватил поднос и при этом, сам того не заметив, коснулся руки девушки. И неожиданно Ханако почувствовала, как от этого прикосновения что-то смягчилось в ее душе.

– Князь Гэндзи велел, чтобы я вернулся только завтра утром, – сказал Хидё. – После завтрака.

Ханако, поняв, что кроется за этими словами, зарделась.

– Наш господин очень великодушен, – ответила она, скромно отведя взгляд.

Хидё так много нужно было сказать, что он не мог больше сдерживаться.

– Ханако, по дороге в монастырь Мусиндо у нас произошла схватка с отрядом князя Гэйхо. И после нее князь Гэндзи назначил меня главой своих телохранителей.

– Я очень рада за вас, – молвила Ханако. – Я уверена, что вы проявите себя на этом посту с наилучшей стороны. – И она снова поклонилась. – Прошу простить меня. Сейчас я должна прислуживать господину Сигеру и господину Сэйки. Я вернусь к вам, мой господин, сразу же, как только смогу.

И лишь глядя ей вслед – Ханако шла не кратчайшим путем среди развалин, а в точности там, где прежде находились коридоры, как будто ничего и не изменилось, – Хидё понял, что девушка назвала его «мой господин» и что теперь именно так к нему и положено обращаться. Ведь главе телохранителей полагался земельный надел. Правда, князь Гэндзи ничего не сказал по этому поводу, но наверняка скажет на Новый год, во время официального назначения Хидё на должность.

Хидё вспомнил тепло руки, до которой он дотронулся несколько мгновений назад. Это было их первое прикосновение. Он осознал, что давно уже полюбил Ханако, хотя и сам не понимал этого. А князю Гэндзи это было внятно. И снова на глаза Хидё навернулись слезы благодарности. Какое же ему – и всем им – выпало счастье: служить господину, наделенному даром предвидения!

Он отправился взглянуть, осталось ли что-нибудь от его комнаты. Он очень надеялся, что хоть одна стена уцелела и он с невестой обретет ночью подобие уединения.

* * *

Ханако изо всех сил старалась сосредоточиться на том, куда она ступает. В этих развалинах так легко споткнуться! Не хватало еще оступиться и упасть на глазах у будущего мужа накануне их первой близости, – что может быть унижительнее! Но все ее попытки пропали впустую. Она вернулась мыслями на двенадцать лет назад и вновь услышала голос князя Киёри.

– Ханako.

– Мой господин.

Девочка опустила на колени и прижалась лбом к земле, трепеща от страха. Она была так довольна тем, что уела этого самоуверенного красивого мальчишку, так горделиво вышагивала, так задирала нос, что не заметила самого князя.

– Пойдем со мной.

Светило нежное весеннее солнышко, но девочку била дрожь. Ханako шла, опустив глаза. Она была уверена, что идет навстречу гибели. Иначе зачем бы сам князь снизошел до разговора с ней, сиротой, попавшей в этот чудный дворец лишь благодаря доброте старого Дзэнгэна, их деревенского священника...

Может, этот мальчишка – родственник князя, любимый племянник? Неужто она по глупости сразу после появления во дворце оскорбила того, кого нельзя было оскорблять? Слезы навернулись на глаза Ханako и потекли по щекам. Подумать только, какой позор она навлечет на Дзэнгэна! Он сошел со своего пути, чтобы после смерти родителей помочь Ханako, а она упустила такой волшебный случай! И все из-за своей гордости! А ведь Дзэнгэн не раз ей говорил: «Не будь о себе столь высокого мнения, Ханako. Человеческое „я“ – не более чем иллюзия». И она каждый раз послушно отвечала: «Да, настоятель Дзэнгэн». Но не принимала его наставления близко к сердцу. А теперь уже поздно.

Ханako слышала лязг оружия. Они приближались к площадке, на которой тренировались самураи. Сомнений не было. Ее казнят. Как она посмотрит в глаза своим родителям, когда встретится с ними в Чистой земле? Хотя нет, об этом можно не беспокоиться. Она не заслужила, чтобы будда Амида ее спасал. Она попадет в какую-нибудь преисподнюю, и ее там будут мучать ведьма Кити, насильник Гонбэ и прокаженный Исо. Ее даже могут сделать рабыней Кити или женой Исо.

Яростные боевые вопли внушали девочке такой страх, что она не смела поднять глаз и потому налетела на князя Киёри, который не стал входить на площадку, а остановился у ее края. Ханako поспешно отступила, но Киёри, казалось, вообще этого не заметил.

– Мой господин!

Самурай, первым увидевший князя, опустился на одно колено и согнулся в неполном поклоне – так принято кланяться на поле боя. Прочие поспешно последовали его примеру.

– Продолжайте, – велел князь Киёри.

Самураи поднялись и вновь вступили в учебную схватку. Поначалу Ханako никак не могла понять, почему никто из них не падает мертвым. Лишь потом она разглядела, что мечи в руках у самураев сделаны не из стали, а из тяжелого черного дуба.

– Другие кланы используют для тренировок бамбуковые синаи, – пояснил князь Киёри. – Синаи не причиняет никакого вреда. Черный дуб в руках опытного фехтовальщика может сломать кость, а иногда и убить, даже если удар придется по доспеху. Мы тренируемся так, чтобы чувствовать дыхание опасности. Тренировка, не сопряженная с опасностью, бесполезна.

Он взглянул на девочку сверху вниз.

– Почему мы это делаем?

– Потому что вы – самураи, мой господин.

– Что такое самурай?

Ханако была искренне удивлена тем, что князь разговаривает с ней, вместо того чтобы приказать тут же убить ее. Она была признательна князю за эту отсрочку. Стоило ей представить, как прокаженный Исо потащит ее к себе в постель, и девочку начинало мутить.

– Воин, мой господин.

– А когда произошла последняя война?

– Больше двух сотен лет назад, мой господин.

– Зачем же тогда изучать столь жестокое искусство? Мы живем в мирное время.

– Потому что война может начаться в любой момент, мой господин. Самураи должны быть готовы.

– Готовы к чему?

Вот. Момент настал. Ритуал завершился. Сейчас она умрет.

Склонив голову, Ханако произнесла:

– Готовы убивать, мой господин.

Вот сейчас ее голова покатится с плеч...

Но князь Киёри снова удивил ее. Он сказал:

– Нет, Ханако. Это неверно. Чтобы убивать, не нужно так много тренироваться.

Посмотри повнимательнее.

Девочка подняла взгляд. Мужчины били друг друга изо всех сил. Вот все, что она смогла разглядеть. Во всяком случае, сперва. Но чем дольше она смотрела, тем заметнее становилось, что самураи ведут себя в схватке по-разному. Одни двигались с сосредоточенной решимостью, даже если на них градом сыпались удары. Другие уворачивались и отпрыгивали, силясь уберечься, – и все равно получали удар. Площадка была такой маленькой, а людей – так много, что полностью избежать ударов не мог никто, как бы он ни старался. Будь эта схватка настоящей, а мечи – стальными, мало кто остался бы в живых. И когда Ханако поняла это, ответ пришел к ней сам собой:

– Они должны быть готовы умереть, мой господин.

Князь Киёри улыбнулся девочке:

– Такова участь самурая, Ханако. Это нелегко – жить в постоянном страхе.

– Но ведь настоящий самурай не чувствует страха! Разве не так, мой господин?

У Ханако просто в голове не укладывалось, чтобы сам князь мог чего-то бояться.

– Отсутствие страха – не признак храбрости. Это – признак идиотизма. Храбрец тот, кто боится, но преодолевает страх. – Князь Киёри погладил Ханако по голове. – Иногда – особенно если он молод – самурай прячет свой страх за высокомерием. Добродетельная женщина не будет ставить это ему в вину. Она сделает все, что сможет, чтобы он стал сильнее. Она не станет делать ничего такого, что ослабит его. Ты поняла меня?

– Да, мой господин.

– Тогда иди.

И Ханако поспешила на кухню. А оттуда вновь направилась в тот дворик, где произошла ее перебранка с заносчивым юношей. К огромному ее облегчению, Ханако увидела, что он по-прежнему там, сидит все на том же месте. Показалось ей или вправду плечи его поникли? Щеки Ханако залил жаркий румянец стыда.

Ханако подошла к юноше, поклонилась и опустилась на колени.

– Ваш чай, господин самурай.

У молодого самурая вырвался удивленный возглас. Но он тут же взял себя в руки и сказал:

– Спасибо.

Ханако показалось, что, когда юноша принял чашку, плечи его распрямились. Она была рада. Очень, очень рада.

* * *

Сигеру и Сэйки устроились на плетеных циновках, постеленных там, где некогда находилась комната Сэйки. Татами, прежде устилавшие эту комнату, канули в небытие во время обстрела. Эти же уцелели, хотя и были слегка опалены. Сигеру сидел недвижно, опустив веки. Когда Ханако опустилась на колени у дверного проема, поклонилась и вошла, Сигеру даже не шелохнулся.

– Я рад видеть тебя живой и невредимой, Ханако, – вежливо сказал Сэйки.

– Спасибо, господин.

Девушка приблизилась к Сигеру, чтобы налить ему чаю. Ей было не по себе – до нее ведь тоже доходили ужасные слухи, – но Ханако заставила себя держаться со спокойной учтивостью.

– Ты уже успела поговорить с Хидё? – спросил Сэйки.

– Да, господин.

– Тогда ты знаешь, что у него хорошие новости. Несомненно, он скоро добьется успеха.

Ханако низко поклонилась.

– Лишь благодаря доброте князя Гэндзи, – сказала она. – Хидё не заслужил такой великой чести.

Раз жених ее отсутствовал, проявить скромность следовало ей самой.

– Доброта нашего князя несомненна. Но раз он верит в Хидё, то и я в него верю. – Сэйки не смотрел на Сигеру, но слова эти предназначались скорее ему, нежели Ханако. – Вы уже решили, где будете устраивать дом?

– Нет, господин. Я узнала о его назначении совсем недавно.

На самом деле Ханако уже успела представить себе пустующие покои в западном крыле дворца, обставленные скромно, но со вкусом. Там даже хватит места для детской. Конечно, поскольку это крыло всего несколько часов назад превратилось в руины, с переездом придется подождать, пока дворец не отстроят заново. Есть и более важное дело, не терпящее отлагательств. Раз Хидё теперь – ее муж и глава телохранителей князя, она должна как можно быстрее подарить ему наследника.

– Тогда обсуди это с Хидё. Можешь нам не прислуживать. Иди к мужу. Он явно обрадуется тебе куда больше, чем мы.

– Благодарю вас, господин.

И Ханако удалилась.

Сэйки улыбнулся. Как прекрасна жизнь, когда ты молод и влюблен! Даже трагические события не умаляют ее сладости. Возможно, они придают дополнительную остроту чувствам. И Сэйки, терпеливо ожидавший, пока Сигеру вернется к беседе, ненадолго погрузился в грезы, вспоминая свою давно минувшую юность.

– Если он верит Хидё, то и я ему верю, – сказал Сигеру, повторив слова Сэйки.

Сэйки поклонился.

– Я думал, вы слишком глубоко погрузились в медитацию и не слышали меня.
– Я пребывал в медитации, Сэйки, а не в обмороке.
– Рад это слышать, господин Сигеру. Сейчас не время для обмороков.
– Согласен. – Сигеру пригубил чай. – Близится последний этап сражения под Сэкигахарой.

Сэйки задумался над глубинным смыслом этих слов. Двести шестьдесят один год проигравшие отказывались признать свое поражение. Отказывались, невзирая на падение Западного регентства, полное уничтожение правившего там клана Тоётоми, на гибель ста тысяч воинов и на возвышение дома Токугава, казавшееся вечным. Отказывались, поскольку самурай не в силах смириться с поражением, пока он жив. Что же было несомненным? Одна лишь смерть. Вся эта ситуация, если взглянуть на нее бесстрастно, выглядела безумной. Однако же Сэйки всецело разделял взгляды побежденных, невзирая на всю их нелепость. В конце концов, он – тоже самурай, и он жив.

– Я бесконечно счастлив, что это происходит при моей жизни, – сказал Сэйки.

Глаза его увлажнились от избытка чувств. Сколь благосклонна судьба, пославшая ему войну! Его отец и дед, куда более достойные воины, чем он сам, жили и умерли в мирное время. А вот ему выпала возможность восстановить честь предков.

– Я тоже, – отозвался Сигеру.

Некоторое время они молчали. Сэйки налил чаю Сигеру, Сигеру – Сэйки.

День выдался необычайно теплым для зимы. Сэйки поднял глаза. По бледно-синему небу бежали белоснежные облака, и на мгновение Сэйки с особой остротой ощутил полноту бытия.

Сигеру тем временем погрузился в воспоминания; он вызывал к жизни ощущения, испытанные в тот момент, когда в руках у него оказались древние мечи. Несвоевременное вмешательство Сэйки помешало Сигеру испробовать их остроту на этом идиоте Каваками. Но даже просто извлечь их из ножен – это уже было неповторимым ощущением, ведущим к просветлению. В тот самый миг, когда он выхватил мечи, Сигеру осознал, что станет последним Окумити, который сражался этими мечами. Он не знал, когда это произойдет. Не видел он также ни лица своего последнего противника, ни исхода этой схватки. Единственное, что знал Сигеру, – что он будет последним, и это наполняло его сердце скорбью.

В годы изнурительного мира, последовавшего за Сэкигахарой, сёгун Токугава велел составить список самых прославленных мечей, именуемых мэйто, записав, кому они принадлежат и в каком состоянии находятся. «Воробьиные когти», ныне принадлежащие Сигеру, не были занесены в этот список, поскольку тогдашний князь Акаоки, Уэномацу, отказался участвовать в любой затее Токугавы, затрагивающей мечи, душу самурая. Воробьи не имеют когтей, достойных упоминания, потому это имя было ироническим и одновременно указывало на то, что у воробьев Акаоки, вопреки всему, имеются когти – мечи его воинов. Каждый Окумити знал, что сказал по этому поводу Уэномацу: его слова были должным образом занесены в тайные свитки клана.

«Пусть те, кто предпочитает схватке чаепитие, – сказал князь, – составят список знаменитых чайных чашечек».

Хотя ничего существенного так и не прозвучало, главный вопрос этой встречи уже был решен. Сигеру и Сэйки дали друг другу понять, что признают Гэндзи истинным князем Акаоки и что готовы помочь ему ниспровергнуть сёгуна Токугаву,

даже если это будет стоить им жизни. Они согласились отложить на время возможные разногласия – скажем, вопрос об отношении к миссионерам, – до тех пор, пока не будут решены более важные дела. Они не говорили об этом впрямую. Все и так ясно.

– Положение дел в монастыре Мусиндо было не таким, каким ему надлежало быть, – сказал Сигеру.

Сэйки знал, что Сигеру говорит не о своем недавнем содержании под стражей, а о надежности Сохаку, одного из самых значительных вассалов князя Гэндзи.

– Равно как и в «Тихом журавле».

Сигеру кивнул. Значит, помимо Сохаку, придется устранить еще и Кудо. Вопрос не требовал дальнейшего обсуждения. Но время действовать еще не настало. Обстоятельства должны созреть, а тогда уже все произойдет своим чередом. Если Сохаку и Кудо попытаются убить Гэндзи исподтишка, то собственные вассалы покинут их. Подобному позору нет прощения. Они могут восторжествовать лишь одним способом: поднять открытый мятеж и одержать победу на поле битвы. Конечно же, они постараются выбрать наиболее выгодный для себя момент. И один из таких моментов настанет в самом скором времени.

– Вы посоветуете отступить из Эдо?

– Иного выхода нет, – сказал Сэйки.

Сигеру принялся обдумывать возможные маршруты. Отправиться морем невозможно. Раз чужеземная эскадра обстреляла Эдо, она с тем же успехом может без предупреждения потопить любое японское судно. А кроме этого, не следует забывать о сёгунском флоте. По сравнению с кораблями чужеземцев он не так уж силен, но его хватит, чтобы уничтожить все морские силы Акаоки. Ближайший наземный путь пролегал по побережью Внутреннего моря. К несчастью, расположенные по пути княжества верны сёгуну. Значит, остаются лишь горные тропы.

– Дорога домой длинна и полна опасностей, – сказал Сигеру.

– Через час после обстрела я отправил гонца в «Воробьиную тучу», – сообщил Сэйки. – Через две недели пять тысяч человек выдвинутся к восточной границе княжества и будут готовы при необходимости нанести удар, чтобы помочь нам прорваться.

– Это будет означать начало войны.

– Да.

Сигеру кивнул:

– Прекрасно. Думаю, мы начнем завтра утром.

– С разрешения нашего князя.

* * *

Хэйко говорила, что миссионеры Истинного слова год назад отправились в некий монастырь Мусиндо, находящийся севернее столицы, уже в другой провинции. Вскоре после их приезда по тем местам прокатился мор. Хэйко не знала, уцелел ли кто-то из чужеземцев, и если да, то кто именно.

«Среди них были ваши друзья?»

«Один человек, с которым мне нужно повидаться».

«Тогда я надеюсь, что этот человек по-прежнему пребывает в мире живых».

«Я тоже».

«А если нет, что об этом говорит ваша религия?»

«Не понимаю, о чем вы».

«Если дорогой вам человек умирает, есть ли у вас надежда свидеться с ним? Что говорит ваша религия?»

«Христиане верят, что жизнь после смерти есть жизнь вечная. Хорошие люди отправляются на небеса, плохие – в ад. Куда вы попадете, тех и увидите».

Старк даже прикидывал, не украсть ли ему лошадь и не поехать ли в Мусиндо в одиночку.

Но по словам Хэйко, князю Гэндзи понадобилось три дня, чтобы добраться туда. И это при том, что он находился в своей стране, знал дорогу и был князем. Несмотря на все эти преимущества, ему пришлось пробиваться с боем. Старк понял, что вряд ли достигнет цели.

Он долго ждал – подождет и еще чуть-чуть. Правда, может получиться так, что из-за этого обстрела сёгун прикажет выслать всех иностранцев. Тогда придется рискнуть и все-таки отправиться одному. Эх, надо было слушать внимательнее, когда Кромвель во время плавания рассказывал про Японию! Старк помнил, что Япония состоит из четырех больших островов, и самый большой, тот, на котором они сейчас находятся, называется Хонсю. И именно на Хонсю планировалось построить миссию Истинного слова. По крайней мере, он на нужном острове. Что ж, для начала неплохо.

Хэйко извинилась и ушла к князю, так что Старку предоставилась возможность порыться в развалинах и поискать свое имущество. Он как раз извлекал свой револьвер сорок четвертого калибра из-под груды Библий – к счастью, тот был целехонек, – когда внезапное появление Эмилии застало его врасплох. Старк поспешно сунул револьвер обратно. Он боялся, что Эмилия заметила оружие, но девушка ничего не сказала.

– Мэтью, можем мы поговорить начистоту?

– Конечно.

Старк огляделся по сторонам, но здесь не было стула, чтобы предложить Эмилии присесть.

– Спасибо, я постою. – Эмилия умолкла и опустила взгляд. Она стояла, крепко сцепив руки и сжав губы. Потом девушка глубоко вздохнула и заговорила – словно ринулась с обрыва. – Я обязана остаться в Японии. Я должна закончить постройку миссии, как мы планировали. Но для этого мне необходима ваша помощь.

Горячность Эмилии поразила Старка. Эта девушка была такой же одержимой, как и он сам. Но ее решимость основывалась на вере, а его – на отсутствии веры.

– Я с радостью помогу вам, Эмилия, – всем, чем смогу. Но может получиться так, что ваша просьба окажется невыполнима. Этот обстрел наверняка навлечет на нас гнев японцев, ведь мы тоже иностранцы. В таком случае нам угрожает опасность. А может, у нас вообще не будет выбора. Возможно, японское правительство прикажет нам уехать.

– И вы подчинитесь?

– Нет, – признал Старк. – Я прибыл в Японию с определенным намерением. И не уеду, пока не добьюсь своего.

– Тогда вы должны меня понять, поскольку я испытываю те же самые чувства.

Старк покачал головой. Ну как ей это объяснить? Он не знал. И сказал первое, что пришло в голову:

– Думаю, я умру здесь.

– Я готова поступить точно так же.

«Нет, – хотел сказать ей Старк, – не так. Вы пришли, чтобы нести слово Божье. Я пришел, чтобы отнять жизнь у человека».

* * *

На последнем привале Старк достал и приколот к куртке блестящую оловянную звездочку с вычеканенными в центре словами «Аризонский рейнджер». В седельной сумке у него лежали подписанный губернатором патент и десять золотых монет, которые губернатор назвал вознаграждением добровольца. Старк не понимал, с чего вдруг губернатору вздумалось платить ему авансом, но спорить он не стал. Он просто забрал деньги вместе со звездочкой и патентом и сказал «спасибо». Возможно, проблем с апачами, бандитами и всяческими нарушителями спокойствия у штата было даже больше, чем он слышал, – а слышал он немало. Возможно, кстати, что большую часть этих проблем он сам же и создал.

Старк решил надеть звездочку прямо сейчас, потому что иногда, особенно когда выдавалась такая славная погодка, Бекки с Луизой выбирались поиграть на лужайке, а Старку хотелось, чтобы они сразу же увидели звездочку. Когда он собирался в дорогу, у девочек только и разговоров было о том, что их приемный отец станет рейнджером. Конечно, аризонские рейнджеры не так знамениты, как техасские, но все равно, рейнджер есть рейнджер.

Девочкам нужны общество сверстников и школа, а в Тусконе найдется и то, и другое. Им хорошо на этом ранчо – ему, Мэри Энн и девочкам. Да чего там хорошо – замечательно! Хороший выдался год. Ну ничего. В Аризоне будет еще лучше.

Старк сам не знал, что заставило его остановиться на середине холма. Так, царапнуло что-то. Он извлек из тюка карабин и прислушался. Тишина. Ничего не слышно. Ничего! Стадо у них было маленькое, не то что потоки скота, текущие по просторам Далласа или Хьюстона. Но все равно его можно было услышать с довольно значительного расстояния – негромкое бурчание, которое издают множество животов, не обремененных мозгами. Старк знал, что эта тишина может означать лишь одно: скот угнали. А потому он не удивился, когда поднялся на гребень холма и не увидел своего стада.

Кровь отхлынула от его лица. Там не было вообще ничего, кроме пыли, кустов и качающихся под ветром деревьев. А из хижины не доносилось ни звука.

Старк пришпорил коня и галопом поскакал вниз по склону. Его переполняло пугающее ощущение пустоты. С середины склона он заметил у ограды раздувшиеся трупы двух своих псов. Стервятники их не тронули. Тому могло быть лишь одно объяснение: где-то поблизости нашлась более привлекательная добыча.

Старк соскочил с коня, перебросил карабин в левую руку, а правой извлек из кобуры револьвер. Прежде чем двинуться к дому, он долго стоял на месте и слушал, держа оружие наизготовку. Он знал: против того, с чем ему предстоит встретиться, оружие бесполезно. Но Старк просто не мог вести себя иначе.

До хижины оставалось еще с дюжину шагов, когда ветер изменился и до Старка донеслось зловоние. Сознание Старка было сейчас полностью сосредоточено на одном: держать оружие и целиться в надлежащую сторону. Он почти не заметил спазма, скрутившего внутренности, и горечи, заполнившей рот; он даже не понял, что ноги у него, начали подгибаться.

– Мэри Энн!

Старк вообразил, что тут есть кто-то еще и этот кто-то и позвал Мэри Энн, – и лишь потом узнал собственный голос.

Он подошел к двери, перешагнул через порог и сперва не осознал, что именно предстало его глазам. Они живы. Они должны быть живы, ведь они шевелятся. Точнее, шевелятся одеяла, которыми они укрыты. Должно быть, Мэри Энн купила их у торговцев-мексиканцев уже после его отъезда. Одеяла были украшены геометрическим узором – такие любят в Мексике. Но зачем в теплый весенний день столько одеял? Может, они простудились?

Даже услышав этот звук, Старк определил, что же он слышит, лишь тогда, когда едва не стало слишком поздно. Впоследствии этот звук долго мерещился ему, такой же отчетливый, как и в первый раз, и всякий раз Старк жалел о том, что не умер там, среди гремучих змей. Он никогда не видел столько змей сразу и никогда не слышал такого потрескивания – как будто мертвые гремели костями.

Змеи приползли на пир и так обожрались разложившейся плотью, что уже не сумели свиться в кольцо.

Они могли сжечь хижину. Большинство бандитов так бы и поступило. Но они ее не сожгли, и на то имелась только одна причина. Они хотели, чтобы он, Старк, это увидел. Но этого не произошло – спасибо змеям. Старку пришлось самому домыслить, что же случилось с Мэри Энн и девочками – единственными людьми, которых он любил в своей жизни.

Старк медленно попятился. Возбуждившись от грохота собственных трещоток, змеи принялись атаковать друг друга. Старк запер дверь и разбил окна. Сперва он поджег крышу. Когда крыша рухнула, Старк швырнул факел в тюки сена, которые он навалил под стены. Остаток дня и всю ночь он бродил вокруг пожарища с лопатой в руках, готовый разрубить надвое любую змею, какая попадется ему на глаза. Но ни одной не удалось выбраться из огня.

К следующему утру на месте хижины осталась лишь груда камней и обуглившихся бревен.

И в этой груде ничего не двигалось.

Старк сел на коня и отправился в Эль-Пасо – за Итаном Крузом.

* * *

Эмилия видела, как Мэтью спрятал револьвер под грудой Библий. Большой – в точности как тот, который был при нем, когда Старк впервые перешагнул порог миссии Истинного слова. Судя по всему, тот же самый, хотя Старк и сказал тогда, что выбросил его в море. Однако Эмилия промолчала. Не ей судить Старка. О таких вещах должен был заботиться Цефания, но он умер. А у нее сейчас лишь одна забота: она должна остаться в Японии. Любой ценой.

– А кроме того, – сказал Мэтью, – я не знаю, чем могу помочь. Я не обладаю никакой властью.

Эмилия поняла, что придется говорить напрямик. И сказала:

– Одинокая женщина, у которой ни мужа, ни семьи, не может жить в чужой стране. Я сумею обосноваться здесь лишь в том случае, если вы станете моей семьей.

– Мне стать вашей семьей?

– Да. Моим женихом.

Эмилия думала, что ее предложение потрясет Мэтью. Что ж, если он и поразился,

то никак этого не выказал.

– Сестра Эмилия, а вам не рано думать об этом?

Эмилия почувствовала, что краснеет.

– Нам нужно лишь объявить об этом. Жениться вовсе не обязательно.

Мэтью улыбнулся:

– Вы предлагаете мне солгать нашим гостеприимным хозяевам?

Эмилия вскинула голову:

– Да.

Теперь он спросит ее: «Почему?» И что она ему ответит? Правду? Что из-за своей проклятой красоты не может вернуться в родную страну? Что здесь ее считают редкостной уродиной, и потому она никогда, никогда не покинет Японию? Нет. Если сказать так, Мэтью сочтет ее самой тщеславной женщиной на свете. Или самой безумной. Вера. Надо сказать ему, что вера велит ей пойти на маленькую ложь, чтобы обрести возможность нести великую правду, правду о вечном спасении именем Христовым. Да, это богохульство – но сейчас ей все равно. Она не вернется в Америку. Ни за что. Даже если Мэтью не захочет ей помочь, она все равно что-нибудь придумает и останется здесь.

– Это покажется им странным, – сказал Мэтью. – Только что вы плакали о Цефании – и вдруг собираетесь замуж за меня. Хотя, может и сойдет. Они считают нас странными – такими же странными, как мы их. Так что они поверят любому объяснению.

Теперь уже Эмилия была потрясена:

– Так вы согласны?

– Да. – Старк извлек из-под Библий свой револьвер и посмотрел Эмилии в глаза. Она не отвела взгляда. – Но, боюсь, мне тоже недолго ходить по земле. Скоро вы действительно окажетесь совсем одна в этой чужой, опасной стране. Вы к этому готовы?

– Да.

Эмилия молча смотрела, как Старк завернул револьвер и какую-то коробку, должно быть с патронами, в свой свитер.

– Хорошо, я согласен, – повторил он. – Но объяснять это вы будете сами.

Он передвинул обломок стены и вытащил свой огромный нож.

– Я скажу им, что этот брак будет основан на вере, так же как и с Цефанией, а не на земной любви, – проговорила Эмилия. – У японцев тоже есть религия, хоть она и отличается от нашей. Так что они поймут.

– Хорошо. Значит, мы – партнеры, – сказал Старк.

– Спасибо, Мэтью.

Он не стал ни о чем спрашивать. Она не стала упоминать о револьвере. Да, они действительно партнеры.

* * *

Гэндзи, Сигеру, Сэйки, Сохаку, Кудо и Хидё расселись квадратом в главной комнате покоев прислуги. Это была единственная часть дворца, не пострадавшая от обстрела. Хэйко и Ханакэ подали чай. Все ждали, что скажет Сэйки. В конце концов, он был главным управляющим. И, согласно этикету, именно ему надлежало обрисовать ситуацию, исходя из которой следовало принять решение.

Сэйки предпочел бы, чтобы женщины не присутствовали при обсуждении тайных дел. Но Гэндзи отверг его возражение, заметив, что, если они не могут доверять жене Хидё и его собственной возлюбленной, они заранее обречены. Сэйки сдержался и не стал указывать, что еще не поздно предать ненадежных лиц мечу. Гэндзи явно не беспокоили неясности, связанные с Хэйко. Что ж, если понадобится, Сэйки примет меры сам, без дозволения молодого князя. Нужно будет заняться этим по пути из Эдо, если возникнут благоприятные условия.

– Дворец князя Сэнрю не пострадал, – сообщил Сэйки. – Он согласен оставить у себя наших тяжелораненых до тех пор, пока не появится возможность вывезти их. О сожжении покойников уже позаботились. Легкораненые поедут с главным отрядом.

– Это подтолкнет сёгуна к ответным действиям, – возразил Кудо. – Даже при том, что его положение неустойчиво – а точнее, именно в силу этого, – он не потерпит столь вопиющего неповиновения.

– Согласен, – кивнул Сэйки. – Но у нас нет выбора. Что чужеземцы станут делать дальше? Мы не знаем. Они могут вернуться и снова обстрелять город. Они могут высадить армию. Возможно, это был канун вторжения. Помимо предполагаемых опасностей есть и одна несомненная. Теперь, когда стены дворца разрушены, мы чрезвычайно уязвимы, а врагов у нас хватает и в Японии. Два покушения уже состоялись: одно – на нашего князя, еще до обстрела, и второе – на госпожу Хэйко или, быть может, на чужеземную женщину, сразу после обстрела. Нападавший убит. Кто он такой и кто его послал – неизвестно. В наше смутное время трудно понять, что движет людьми и к какой цели они стремятся. А это увеличивает опасность.

– Я согласен: отъезд необходим, – сказал Сохаку. – И я тоже считаю, что сёгун предпримет ответные действия. И нам необходимо подготовиться к этому. Следует немедленно раздать воинам огнестрельное оружие. Проверить все пути, ведущие от Эдо к Акаоке. Особое внимание надлежит уделить местам, где нас может поджидать засада. Поскольку мы отказались впустить Каваками во дворец, за нами наверняка следят, а это означает, что многочисленный вражеский отряд может поджидать нас прямо на выезде из Эдо.

– Здесь пригодится отвлекающий маневр, – сказал Кудо. – Если десяток добровольцев нападут на замок Эдо, они отвлекут внимание на себя.

– Десяток человек против цитадели сёгуна? – переспросил Сэйки. – Их перебьют за несколько секунд.

– Нет, если они будут атаковать поодиночке и в разных местах, – ответил Кудо, – в разное время и с разных сторон. Гарнизон крепости некоторое время вынужден будет держаться настороже. Дадим нашим людям флажки с надписями, осуждающими бездействие сёгуна, не принимающего никаких мер против чужеземцев. Это усилит неразбериху.

Гэндзи повернулся к Сигеру.

– А вы что думаете?

Сигеру не прислушивался к разговору. Он размышлял о древних мечах, ныне принадлежащих ему. Точнее, он размышлял о своем последнем видении, согласно которому он будет последним Окумити, сражавшимся этими мечами. Видение было ясным и понятным и не сопровождалось никакими невразумительными картинками. Такого с Сигеру еще не случалось. Что это – признак неких изменений в нем самом или еще одно последствие пребывания рядом с Гэндзи? Или очередная разновидность маккё – иллюзий, насылаемых демонами? Поскольку точно Сигеру не знал, то и не

видел смысла что-либо рассказывать племяннику.

– Эти планы обладают множеством достоинств, – сказал Сигеру.

Он и не слушая знал, что участники совещания предложили самые очевидные варианты. Открытый отъезд всех слуг и домочадцев. Отвлекающая атака – и бегство молодого князя в сопровождении лучших кавалеристов. Раздача огнестрельного оружия.

– Дабы обеспечить нашему господину безопасный отъезд, следует подойти к вопросу неординарно. Так мы получим больше преимуществ и уменьшим риск. Где будет происходить сожжение наших покойников?

– В храме Накауми, – сказал Сэйки.

– Продолжайте перевозить тела.

Сэйки нетерпеливо заерзал на месте:

– Эта работа продолжается и без дополнительных указаний, господин Сигеру. Она уже почти завершена.

– Продолжайте перевозить тела, – повторил Сигеру. – Живые носили мертвых. Теперь пусть живые носят живых. Продолжайте до тех пор, пока половина наших людей не окажется в храме. А тем временем князь Гэндзи в сопровождении нескольких спутников поедет в восточные болота, полюбоваться на журавлей в зимнем оперении. Это поможет ему восстановить душевный покой, нарушенный недавним обстрелом. Добравшись до болот, он свернет в горы и нехоженными тропами отправится в княжество Акаока. Те, кто останется во дворце, подождут наступления темноты. Затем лучшие наши разведчики уничтожат шпионов сёгуна и втайне выведут наших людей.

По мере того как Сигеру излагал свое предложение, Сэйки хмурился все сильнее и сильнее.

– Да, наш князь и вправду пользуется репутацией утонченного аристократа. Но любоваться на журавлей? После того, как его дворец был превращен в развалины? Когда десятки его вассалов погибли или получили раны? Это нестерпимо!

– Но я буду в действительности любоваться на журавлей, – мягко заметил Гэндзи.

– Нет, мой господин. Конечно же, нет, – сказал Сэйки. – Однако в это поверят, пусть даже и ненадолго, и это нанесет ущерб вашему достоинству. Вы – двадцать шестой князь Акаоки. Ваши предки свергали сёгунов и возводили их на этот пост, и то же самое будете делать вы и ваши потомки. Вам даже в голову не может прийти отправиться любоваться на журавлей в такой момент!

– Однако же меня вдруг охватило неудержимое желание сделать именно это, – заявил Гэндзи и улыбнулся Хэйко. – Говорят, некоторые журавли даже спариваются зимой.

Сэйки на миг прикрыл глаза. А когда открыл, обнаружил, что ничего так и не изменилось.

– Господин, прошу вас, подумайте! Этот план таит в себе непредсказуемые опасности!

– Насколько велика вероятность вооруженных столкновений, если мы им не воспользуемся?

– Весьма высока.

– Если любование журавлями пройдет успешно, мой отъезд не будет сопровождаться стычками. Не так ли?

– Только если все пройдет успешно, мой господин.

– Когда дело касается птиц, моей семье всегда сопутствует счастье, – заявил Гэндзи.

– В этом замысле имеются и другие сомнительные моменты, – вмешался Сохаку. – Вы предлагаете нам разделиться на три группы?

– Совершенно верно, – кивнул Сигеру.

– Но нас и так немного. Если мы разделимся, то станем еще более уязвимы. И вы предлагаете отправить наименьшее число людей, почти безоружных, с нашим князем, дабы они добирались домой по самому длинному и самому опасному пути.

– Да, – подтвердил Сигеру. – Более того, я полагаю, что миссионеры должны отправиться именно с этим отрядом.

– Что?! – вырвалось одновременно у Сэйки, Кудо и Сохаку.

– Наш господин пожелает показать своим гостям красоты нашей страны – это вполне понятно. Иначе трудно будет объяснить, почему чужеземцы покидают дворец.

– Зачем нам взваливать на себя еще и эту обузу? – спросил Кудо. – Пускай просят защиты у Гарриса, американского консула.

– Вам известно пророчество, – сказал Сигеру. – Чужеземец спасет жизнь князю Гэндзи. Мы не знаем, кто именно это будет. Потому, ради блага нашего господина, мы должны защищать этих чужеземцев столь же ревностно, как защищали бы самого князя.

– Чужеземец уже послужил исполнению этого пророчества. Он получил пулю и умер. Остальные для нас бесполезны, – произнес Кудо.

Сэйки вздохнул.

– Мы не можем утверждать этого наверняка. – Как ни тяжело ему было это признать, Сэйки теперь все более склонялся к мнению Сигеру: пуля досталась именно тому, кому и предназначалась, – предводителю миссионеров. – Я согласен с господином Сигеру. Чужеземцев следует оберегать.

Кудо взглянул на Сохаку. Тот притворился, будто не заметил этого взгляда. Мысленно он проклинал суеверность своего соучастника. Неизвестно, сумеют они убить Гэндзи или потерпят неудачу, но в любом случае это будет зависеть от их собственной судьбы, а не от какого-то дурацкого пророчества о чужеземцах!

– Кто возглавит три отряда? – спросил Сохаку. По ответу Сигеру он надеялся понять, заподозрил тот что-либо или нет.

– Вы – командир кавалерии, – ответил Сигеру. – Очевидным образом, вам надлежит командовать главным отрядом. Можете вступать в мелкие стычки, если придется, но не позволяйте втянуть себя в серьезное сражение. До отъезда мы с вами еще посоветуемся и наметим места, в которых мы, быть может, присоединимся к вам.

– Хорошо, господин Сигеру, – с поклоном отозвался Сохаку. Значит, ему все еще доверяют, иначе не поставили бы командовать главным отрядом.

– Кудо, лучшие убийцы нашего клана входят в число ваших вассалов. – Сигеру ненадолго умолк. Выражение его лица не изменилось, но внимательный наблюдатель мог бы заметить, как сузились зрачки Сигеру, когда он перевел взгляд на Кудо. – Следовательно, именно вам надлежит заняться людьми, которые останутся здесь. Первым делом – обезвредить приставленных к нам соглядатаев. Затем как можно быстрее присоединяйтесь к Сохаку.

– Да, господин.

Кудо, получив важное поручение, тоже вздохнул с облегчением. Когда Сигеру заговорил об убийцах, Кудо сделалось несколько не по себе. Но, похоже, Сигеру не

имел в виду ничего дурного. Если бы он хоть что-то заподозрил, они с Сохаку не были бы назначены на эти посты – и уж конечно, им не велели бы соединить свои силы.

Сэйки слушал этот разговор в полнейшем ужасе. Сигеру отдал все имеющиеся у них под рукой силы двум людям, которые замыслили заговор против князя! Нет, он точно безумец, хотя и выглядит нормальным! Сохаку и Кудо понадобится всего несколько дней, чтобы разыскать Гэндзи в горах и убить его! Разум Сэйки лихорадочно трудился в поисках приемлемого выхода, но безуспешно.

– Господин управляющий, – сказал Сигеру, – сегодня же ночью вы как можно быстрее выедете в Акаоку. С вами отправятся Таро и Симода. Как только доберетесь домой, сразу же начинайте готовить нашу армию к войне. Через три недели она должна быть готова к выступлению.

– Да, господин, – поклонился Сэйки.

В этот миг он понял план Сигеру. Пока Сохаку и Кудо будут прикованы к своим отрядам, он, Сэйки, без помех домчится до Акаоки и соберет верные войска, безжалостно очистив их от всех, кто внушает сомнение. Сигеру же тем временем поведет Гэндзи по самым тайным, самым глухим тропам, чтобы оторваться от погони, которую наверняка снарядят сёгун и эти два предателя. Это было бы форменным самоубийством – для всякого, кроме Сигеру. С ним князю Гэндзи наверняка удастся спастись.

– Сколько человек возьмет с собой князь Гэндзи? – спросил Сохаку.

– Меня, – сказал Сигеру, – и Хидё. Конечно князю Гэндзи никогда и в голову не придет любоваться на журавлей без госпожи Хэйко. И два миссионера. Этого довольно.

– Мой господин! – Новость была великолепна. Но Кудо решил возразить, дабы продемонстрировать, как он заботится о безопасности князя. – Ваша доблесть бесспорна, и Хидё тоже показал, что на него можно положиться. Но – всего два человека? Чтобы защищать нашего князя в поездке через княжества, принадлежащие его исконным врагам? Вам необходимо взять с собой отряд! Если на вас нападут, эти люди ценой своей жизни дадут нашему князю возможность уцелеть.

– Наша единственная надежда заключается в уклонении от стычек, – отозвался Сигеру. – Стоит нам ввязаться хоть в одну, и мы обречены, сколько бы воинов мы с собою ни взяли.

– Я тоже полагаю, что риск слишком велик, – вмешался Сохаку. – Не разумнее ли будет князю поехать со мной или Кудо? У нас достанет сил, чтобы защитить князя от чего угодно, кроме разве что большой армии, – а большая армия не в состоянии передвигаться со скоростью кавалерийского отряда.

Тут к Сохаку пришла новая идея, обещающая значительно облегчить исполнение их планов, и Сохаку поспешил ее высказать:

– Князь может ехать с нами инкогнито. А вы тем временем отправитесь в горы, как и собирались, – но с поддельным князем Гэндзи, дабы отвлечь внимание врагов. Тем самым мы вдвойне обеспечим безопасность князя.

Если удастся заполучить Гэндзи в свои руки и убрать Сигеру с дороги, победа обеспечена.

– Чрезвычайно интересное предложение, – сказал Сигеру, – и обладающее множеством достоинств. Как вы думаете, мой господин?

Сигеру обратился к Гэндзи не для того, чтобы узнать мнение князя, но пытаясь скрыть бушевавшие его чувства. Он едва удержался, чтобы не зарубить Сохаку и

Кудо на месте. Заносчивые вероломные глупцы! Но если он убьет их сейчас, все усилия его племянника доказать, что он, Сигеру, не безумец, пойдут прахом. И клан расколется. Спокойствие. Он должен отыскать уголок спокойствия в своей душе. Если оно еще существует.

– Великолепная мысль, преподобный настоятель, – сказал Гэндзи. – Двойная хитрость, которую вы предлагаете, просто великолепна.

Еще до совещания Гэндзи и Сигеру решили, как будут действовать. И теперь, притворяясь, будто всерьез обдумывает предложение Сохаку, Сигеру лишь демонстрировал племяннику свое уважение. Раз дядя способен быть вежливым по расчету, то, возможно, безумие и вправду оставило его. Чем не повод для радости? Гэндзи одарил Хэйко улыбкой.

– Чем больше я об этом думаю, тем забавнее мне кажется идея все-таки покинуть Эдо. Что скажешь, Хэйко?

– Может, она и забавна.

Хэйко искренне надеялась, что Сигеру не собирается и вправду отдать Гэндзи в руки Сохаку. Сегодня утром, в час зайца, еще до рассвета, служанка Хэйко, Сатико, заметила, как из дворца тайком выскользнул гонец. И вышел он из покоев Сохаку. Сатико следила за ним достаточно долго, чтобы понять, куда он направляется. А направлялся он в замок Эдо.

– Но что она влечет с собою одиночество – это бесспорно, – добавила гейша.

– Одиночество? Неужто нам не хватит общества друг друга?

– Хватило бы, будь мы вместе, – отозвалась Хэйко. – Но ведь мне необходимо будет сопровождать поддельного князя Гэндзи. Иначе обман раскроется сразу же.

Гэндзи рассмеялся:

– Чепуха! Мы оба замаскируемся, а с поддельным Гэндзи поедет поддельная Хэйко. Как это будет потешно! – Он искренне наслаждался, играя с этим нелепым предложением. Все равно через некоторое время Сэйки или Сигеру не выдержат и отвергнут его, так что можно не бояться, что этот план будет претворен в жизнь. – Ты замечательно изображала крестьянку. А уж служанкуобразишь и подавно.

– Благодарю вас, господин. – При напоминании о том случае в душе Хэйко вспыхнуло прежнее раздражение. – Прошу меня извинить. Я начну с того, что обрежу волосы.

Она поклонилась и попятилась к выходу. Хэйко надеялась, что Гэндзи все-таки опомнится раньше, чем она успеет срезать первую прядь.

– Госпожа Хэйко, прошу вас, останьтесь с нами, – вмешался Сэйки. Благодаря словам Хэйко он увидел бесспорный недочет плана, предложенного Сохаку. – Это непростительный грех – ради столь нелепого плана портить вашу красоту.

– В наше трудное время, – сказал Сохаку, – ради успеха мы должны отринуть страх и не бояться нарушать границы обыденного. Не следует честить «нелепым» всякий план, не позаимствованный непосредственно из «Искусства войны».

Успех готов был вот-вот упасть ему в руки. Нужно лишь убрать с дороги этого упрямого старого дурня.

– Должен признаться, я не вижу изъянов в плане преподобного настоятеля, – молвил Гэндзи. – А вы?

– Ни малейших, – ответил Сэйки. – Если, конечно, лжет Гэндзи действительно будет сопровождать сама госпожа Хэйко.

– Нет, это недопустимо, – произнес Гэндзи. – Здесь весь интерес в том, чтоб мы

выдавали себя за других людей. Ведь в обыденной жизни для нас это невысказано. – Несмотря на очевидную иронию его слов, никто из присутствующих никак не выказал, что понял ее. Да, у самураев воистину железная выдержка. – Мы можем подыскать замену и для Хэйко.

– Мой господин, – сказал Сэйки, – возможно, вы сумеете выдать себя за самурая низкого ранга. Возможно, и госпожа Хэйко сможет при помощи своего искусства скрыть свою неповторимую внешность и сыграть роль служанки. Возможно, кто-нибудь из наших людей сумеет притвориться вами. Но кому под силу изобразить госпожу Хэйко?

Все мужчины посмотрели в сторону гейши. Хэйко скромно поклонилась:

– Я уверена, что найти замену не составит труда.

Сохаку взглянул на нее. Удлиненные глаза, мечтательные и в то же время живые. Безукоризненная линия носа и подбородка. Соблазнительные очертания маленьких губ. Нежные, изящные руки. Струящиеся складки кимоно обрисовывают тело. Сердце его упало. Да, правда. Подделать Хэйко невозможно.

– Сэйки прав, – признал Сохаку. – Хватит одного взгляда, даже издали, чтобы обнаружить правду. Если госпожа Хэйко не будет сопровождать лже-Гэндзи, план не сработает.

– Госпожа Хэйко не будет сопровождать никого, кроме меня самого, – решительно заявил Гэндзи. – Я не собираюсь провести три недели в глуши без нее. Что мне там делать? Охотиться, что ли?

– Нет, мой господин, – сказал Сэйки. Он был счастлив: ему удалось предотвратить беду. – Всем нам известно, что охота не входит в число ваших любимых занятий.

– Итак, решено? – спросил Сигеру.

Присутствующие поклонились в знак согласия.

Гнев Сигеру утих. «Воробьиные когти» останутся в ножнах до более подходящего случая. Да пошлют ему боги этот случай, и поскорее!

* * *

Каваками, Въедливый Глаз сёгуна, пребывал в прекрасном настроении – как и всегда, когда ему удавалось разузнать нечто такое, чего не знал больше никто. А поскольку в силу самой природы своей деятельности Каваками всегда знал больше других, можно сказать, что он постоянно находился в состоянии блаженства. Но сегодня утром он был особенно счастлив. Еще и солнце не встало, а он уже переговорил со вторым за сегодня гонцом. Сохаку, настоятель монастыря Мусиндо и бывший командир кавалерии клана Окумити, просил о срочной встрече. «С наибольшей осторожностью», как выразился посланец. Это могло означать лишь одно: Сохаку готов предать своего князя. Каваками пока не знал, участвуют ли в заговоре Кудо и Сэйки, еще двое из трех главных военачальников клана. Но это неважно. Сохаку не стал бы ничего предпринимать, не приняв их в расчет. Либо Кудо и Сэйки на его стороне, либо Сохаку уже обдумал, как их обезвредить.

– Мой господин...

В дверях показался помощник Каваками, Мукай.

– Входи.

– Гонец по-прежнему не отвечает на вопросы.

Мукай имел в виду не посланца Сохаку, а первого гонца. Этот находился сейчас в камере пыток, откуда ему предстояло перейти в безымянную могилу. Его перехватили вскорости после обстрела, когда он пытался покинуть Эдо. Каваками знал, что этот человек из числа подчиненных Сэйки.

– Возможно, вы спрашиваете недостаточно настойчиво, – сказал Каваками.

– Мы сломали ему руки и ноги, мой господин, и отрезали...

– Хорошо, – прервал его Каваками, вовсе не желавший выслушивать подробный отчет. – Я поговорю с ним еще раз. Быть может, теперь он окажется поговорчивее. Приведи его в пристойный вид.

– Уже исполнено, мой господин.

Каваками кивнул. Во многих отношениях Мукай являлся идеальным помощником. Он был достаточно умен, чтобы предугадывать желания Каваками, но не настолько умен, чтобы плести интриги против своего господина. Достаточно высокороден, чтобы соответствовать статусу Каваками, но не настолько, чтобы стремиться занять его место: Мукай приходился Каваками родней – жена Мукай была дочерью тетки мужа сестры Каваками. Кроме того, предки Мукай на протяжении почти трех сотен лет были наследственными вассалами клана Каваками. Играли определенную роль и более тонкие факторы личного характера. Мукай был физически силен, но его никак нельзя было назвать яркой индивидуальностью. Он всегда одевался соответственно случаю, но наряд, который на другом человеке выглядел бы мужественно и в меру традиционно, на Мукай делался тусклым и невыразительным. Возможно, причиной тому было его лицо, на редкость невзрачное: большой круглый нос, крохотные, слишком близко посаженные глазки, большой рот с очень тонкими губами и скошенный подбородок.

Именно внешность Мукай, больше, чем что-либо иное, убеждала Каваками в его верности. Человеку наподобие Мукай просто необходим человек наподобие Каваками – самурай, наделенный прекрасной внешностью, утонченностью и обаянием, – чтобы наслаждаться духовным светом, которого сам он лишен.

– Спасибо, Мукай. Ты, как всегда, действуешь безукоризненно.

Доброе слово стоит недорого, а ответные чувства себя оправдывают.

Мукай низко поклонился:

– Я недостоин таких похвал, мой господин.

До камеры пыток они дошли в молчании. Как обычно, Каваками сосредоточенно размышлял о собственных достоинствах. Кто упрекнул бы его за это? Его виды на будущее казались столь блестящими, что превосходили даже самые смелые мечты самого Каваками. Каваками вдруг стало любопытно: а о чем сейчас думает Мукай? Если, конечно, он вообще о чем-нибудь думает... Не то чтобы Каваками это и вправду интересовало. Ему часто – как и сейчас – казалось, будто Мукай просто присутствует где-то, бездумно и бездейтельно. Одним лишь богам и буддам ведомо, что творится у него в голове, – если, конечно, они дают себе труд заглянуть туда. Какое же это несчастье – быть таким ничтожеством! Ну что ж, по крайней мере, Мукай повезло с господином.

Все слишком явные следы насилия исчезли. Гонца, самурая средних лет – его звали Годзиро, – аккуратно одели в тот самый наряд, что был на нем, когда его схватили. Он сидел на полу в обычной позе. За спину ему подсунули деревянную подпорку, иначе он просто не смог бы держаться прямо, ведь ему сломали ноги. Лицо гонца было искажено от боли и усеяно капельками пота; дышал он хрипло и

прерывисто. Каваками невольно скользнул взглядом по рукам самурая, ожидая увидеть недостающие пальцы. Однако все пальцы были на месте. Значит, ему отрубили что-то другое.

– Нет никакого смысла хранить молчание, – сказал Каваками. – Мы и так знаем, что тебе было поручено. Передать войску княжества Акаока приказ о переходе в боевую готовность. Мы спрашиваем тебя лишь ради подтверждения.

– Меня не волнует, что вы знаете, – отозвался Годзиро.

– А зря, – заметил Каваками. – Поскольку мое знание приведет к смерти твоего князя, к уничтожению его дома и к гибели всех твоих родных.

Тело Годзиро затряслось, лицо исказилось, и с губ сорвались странные сдавленные звуки. Каваками подумал было, что с пленником случился припадок, – и лишь потом понял, что на самом деле самурай смеялся.

– Ты – Въедливый Глаз, – сказал Годзиро. – Ты можешь выведать все про всех. Все, кроме самого важного.

– И что же это?

– Будущее, – ответил Годзиро. – Будущее открыто лишь одному человеку – князю Гэндзи.

– Дурак! – Хоть это было и нелегко, Каваками сумел сдержаться. Какой смысл бить искалеченного пленника? – Ты хочешь умереть в мучениях ради детских сказочек?

– Да, Въедливый Глаз, я умру здесь. Но мои сыновья будут жить и служить господину, наделенному даром предвидения. Они еще помочатся на твой гниющий труп. – Он снова рассмеялся, преодолевая боль. – Если кто из нас и обречен, так это ты.

Каваками встал и вышел, не произнеся более ни единого слова. Он был слишком взбешен. Мукай поспешил следом за начальником.

– Следует ли мне предать его смерти, господин?

– Нет. Пока не надо. Продолжай допрос.

– Он не заговорит, господин. Я в этом уверен.

– И все-таки продолжай. Со всем тщанием, не упуская никаких способов.

Мукай поклонился.

– Слушаюсь, мой господин.

Каваками отправился в чайный домик.

А Мукай вернулся в камеру пыток. Как он и предсказал, Годзиро не выдал никаких сведений, хотя ему поочередно ломали, дробили или удаляли различные части тела, а затем стали поочередно демонстрировать его же внутренние органы. Он кричал и плакал. Никакой герой на его месте не смог бы удержаться от этого. Но он ничего не говорил.

Уже глубокой ночью, в час быка, сердце Годзиро содрогнулось в последний раз. Мукай поклонился мертвому и мысленно попросил прощения. Он был уверен, что дух Годзиро простит его. Они оба – самураи. И каждый служил своему господину, как мог. Мукай распорядился, чтобы тело захоронили с почестями, хотя и втайне.

Покинув камеру, Мукай направился в сторону своих покоев, но не дошел до них. Убедившись, что за ним никто не следит, Мукай скользнул в потайную дверь. Через несколько минут он уже очутился за стенами замка Эдо и быстро зашагал в сторону района Цукидзи, к княжеским дворцам.

Глава 9 БИТОКУ

Управляющий двором сказал:

– В последнее время много спорят, считать ли доблесть врожденной или приобретенной. А что об этом думает ваша светлость?

– Что это чушь, – ответил князь Таканори.

– Если доблесть является врожденной, воспитывать ее бессмысленно, – сказал управляющий. – Если же ее приобретают, то даже неприкасаемый может стать равным самураю.

– Дobleсть – дерьмо. И трусость – дерьмо, – сказал князь Таканори.

Управляющий почтительно поклонился и удалился.

А князь Таканори вновь сосредоточился на пейзаже, открывающемся его взору, и продолжил писать картину «Вид на деревья, окружающие купальню госпожи Синку».

Судзумэ-нокумо (1817)

Хэйко проснулась оттого, что кто-то крался в темноте. Кто бы это ни был, он старался идти как можно тише. Возможно, он имел право находиться здесь. Но ведь стен теперь нет. Так что разумнее предположить, что гость явился с недобрыми намерениями. В изголовье находилась подставка с двумя мечами Гэндзи. Хэйкогда Гэндзи потянулся к катана. Лишь тогда Хэйко поняла, что князь тоже проснулся.

– Господин! – донесся из-за двери голос Хидё.

– В чем дело?

– Прошу прощения за беспокойство, но некий человек настойчиво просит дозволения незамедлительно повидаться с вами.

– Что это за человек?

– Он не назвался, и лицо его скрыто. Но он дал мне знак и сказал, что вы его узнаете.

– Покажи мне знак.

Дверь скользнула в сторону, и Хидё вполз в комнату. Он поклонился, приблизился и вручил Гэндзи плоский круглый металлический предмет размером с крупную сливу. Это была старинная цуба – гарда меча – с изображением стаи воробьев, летящих над волнами.

– Я приму его. Через надлежащее время проведи его сюда.

Хидё заколебался.

– Не будет ли разумнее потребовать, чтобы он сперва открыл лицо?

– Разумно, но не обязательно.

– Да, господин.

Хидё, не вставая с колен, попятился, вышел и закрыл за собою дверь.

Хэйко натянула нижнее кимоно и встала с постели.

– Я выйду.

– Куда?

Хэйко опомнилась. Ну конечно! Это покои для слуг, единственная уцелевшая

часть дворца. Они с Гэндзи заняли главную комнату. Во всех прочих устроилось по несколько человек. Свободной комнаты, куда она могла бы удалиться, просто нет.

– Я подожду снаружи.

– Сейчас слишком холодно. Кроме того, я предпочитаю, чтобы ты осталась.

– Мой господин, я сейчас не в том виде, чтобы показываться на глаза кому-то, кроме вас.

Распущенные волосы гейши струились по плечам и спускались до бедер. Хэйко была почти обнаженной. На лице – ни капли краски. В последнее время Гэндзи нравилось видеть ее ненакрашенной. Ей потребуется не меньше часа, чтобы привести себя хоть в сколько-нибудь приличный вид, да и то при условии, что ей будет помогать Сатико.

– Настали странные времена. Обычные правила к ним неприменимы. Приведи себя в порядок, насколько сумеешь.

Хэйко уложила волосы в подобие простой прически в хэйанском стиле: сделала пробор посередине и перехватила распущенные пряди лентой. Несколько кимоно, надетых одно поверх другого и красиво уложенных, изображали просторный наряд той эпохи. Гейша едва коснулась лица пуховкой, но, хотя пудра и румяна были совершенно незаметны, они подчеркнули блеск глаз Хэйко и очертания губ.

– Ты меня поражаешь, – сказал Гэндзи, когда Хэйко вернулась с чайным подносом в руках.

– А что такое, мой господин?

– Ты словно мгновение назад сошла с картины времен Блистательного Принца. – Он указал на свое наспех подпоясанное кимоно. – А я выгляжу в точности как тот, кем являюсь. Как человек, разбуженный посреди ночи.

Появление гостя избавило Хэйко от необходимости скромно возражать Гэндзи. Гость оказался рослым мужчиной, закутанным в длинный плащ. Неуклюжесть его движений показалась Хэйко смутно знакомой. Она уже где-то видела этого человека. Но где?

За спиной у гостя, вплотную к нему, стояли Хидё и Симода. Малейшее подозрительное движение стоило бы ему жизни. Судя по тому, как медленно и плавно двигался гость, он это прекрасно осознавал. Даже поклон его был неспешным и осторожным.

– Прошу прощения за вторжение в столь неурочный час, князь Гэндзи.

Лицо его тоже было скрыто плащом – выглядывали лишь глаза, маленькие, близко посаженные. И в глазах этих плеснулось удивление, когда гость заметил Хэйко.

– Мне нужно поговорить с вами наедине.

Гэндзи махнул рукой Хидё и Симоды. Самураи взглянули на него с еще большим беспокойством и не тронулись с места.

– Можете подождать снаружи, – велел Гэндзи.

– Да, господин.

Хидё и Симода поклонились, не спуская глаз с визитера, который мог оказаться убийцей, и, все так же не отрывая взгляда от его спины, пятясь вышли из комнаты.

И даже когда дверь закрылась, Гэндзи готов был поклясться, что видит своих самураев через дерево и бумагу. Вот они сидят по сторонам от входа, сжимая рукояти мечей и готовые в любое мгновение ворваться обратно...

Гость снова взглянул на Хэйко.

– Мы все еще не одни, мой господин.

– Если вы не можете доверять госпоже Хэйко, то я не могу доверять вам, – отозвался Гэндзи.

Он кивнул Хэйко. Гейша поклонилась и приблизилась, держа в руках поднос.

Мукай столкнулся с неожиданной трудностью. Чтобы выпить чай, ему придется открыть лицо. Если же он откажется от чая, разговор не состоится. Поскольку Гэндзи уже знал, кто он такой, – это была их вторая встреча, – тому могло быть лишь одно объяснение: князь хотел, чтобы его увидела Хэйко. Хотел посмотреть, как ониотреагируют друг на друга. Означает ли это, что Гэндзи подозревает ее? Или его? Или их обоих? Или просто затеял игру с гейшей, которую считает своей? Конечно, с этим сопряжена еще большая трудность. Если он откроет лицо, Хэйко, несомненно, сообщит о его визите Каваками. И тогда Мукай окажется на месте Годзиро, в камере пыток, а потом, как и он, ляжет в безымянную яму. А может, разоблачить Хэйко, сказать, что она шпионка и убийца? Нет, не получится. Гэндзи не поверит ему на слово, а доказательств у Мукай нет. Как он не подумал, что Хэйко может оказаться здесь?! Ему и в голову не пришло, что она останется в разрушенном дворце. Неисчислимое множество вариантов, промелькнувших в голове в мгновение ока, так измотали Мукай, что он решил отказаться от всех. Он сбросил плащ и принял предложенный чай.

Хэйко не выказала ни малейшего удивления и ничем не дала понять, что знакома с Мукай. На самом деле она узнала его мгновением раньше – по крохотным глазкам и носу, выступающему из-под плаща. Должно быть, Каваками прислал его сюда с какой-то хитростью. Странно только, что он выбрал для этого Мукай. Второго такого тупицу еще поискать.

Насколько мог видеть Гэндзи, на лице Хэйко не отразилось никаких чувств. Но это еще ни о чем не говорило. Он знал, что Хэйко отличается редкостным самообладанием. Но забежавшие глаза Мукай ответили по меньшей мере на один вопрос. Они почти наверняка свидетельствовали об измене. А вот кто и кому изменил, требовалось еще выяснить.

Мукай низко поклонился Гэндзи:

– Вынужден с глубоким прискорбием сообщить, что люди сёгуна схватили вашего гонца, Годзиро, когда он пытался покинуть Эдо.

– Это воистину прискорбная весть, – произнес Гэндзи. – Он что-нибудь сказал?

– Нет, мой господин. Ничего.

– В честь его верности и мужества я дам всем трем его сыновьям звание самурая, – сказал Гэндзи. – Есть ли возможность получить его тело?

– Нет, мой господин, это невозможно.

Конечно, гибель доверенного вассала опечалила Гэндзи, но известие о том, что Годзиро не удалось выбраться из Эдо, не слишком его опечалило. Годзиро добровольно вызвался отнести это послание, зная, что его могут схватить и замучить. А Сэйки отправил одновременно с ним еще одного гонца, и он, возможно, уже добрался до Акаоки.

– Благодарю вас за эти ценные известия.

– Это еще не все. Второй ваш посланец тоже схвачен.

– Вы уверены? – поинтересовался Гэндзи, осторожно подбирая слова. Он не хотел давать Мукай никаких подсказок. В конце концов, вполне возможно, что кажущееся предательство Мукай задумано самим Въедливым Глазом.

– Во всех важнейших точках от Эдо до Акаоки расставлены охотники с

обученными соколами. Господин Каваками знал о пристрастии вашего покойного дедушки к почтовым голубям и заподозрил, что вы тоже ими пользуетесь. Так что ваше войско не получило приказа перейти в боевую готовность.

– Тогда наше положение воистину мрачно.

Значит, никакой помощи не будет, пока Сэйки не доберется до Акаоки. Если он вообще сумеет туда добраться.

– А не может ли кто-либо из ваших военачальников по собственной инициативе отдать приказ о мобилизации?

– Мои военачальники – японцы, – сказал Гэндзи, – а не чужеземцы. Инициатива – это губительная иноземная привычка. Вы что, не знали? Они будут ожидать приказа, как им и было велено.

– И тем не менее, мой господин, вам необходимо покинуть Эдо. Даже если господин Каваками и не прикажет вас убить, весьма вероятно, что в дело захотят вмешаться ярые противники чужеземцев. Из-за обстрела общественные настроения опасно накалились. – Мукай ненадолго умолк. Ему пришлось сделать глубокий вдох и набраться решимости, прежде чем он смог заговорить снова. – Хотя мое семейство – наследственные вассалы клана Каваками, наш замок расположен в довольно уединенном месте, в снежном краю, на высоком утесе, поднимающемся над Японским морем. Его никому еще не удавалось взять штурмом – даже сам Ода Нобунага вынужден был отступить. Никто не ожидает, что вы посмеете избрать это направление. Вот наилучший выход для вас. Вы получите отсрочку и сможете отправить в Акаоку других гонцов. В конце концов хотя бы один из них доберется. А до тех пор, думаю, я смогу обеспечить вашу безопасность.

– Вы поразительно великодушны, – сказал Гэндзи. Он и вправду был изумлен. – Ведь подобный шаг превратит вас в мятежника – и не только по отношению к клану Каваками, но и по отношению к самому сёгуну.

– Я готов к последствиям, мой господин.

– Я принимаю ваше предложение, – произнес Гэндзи, хотя на самом деле вовсе не собирался следовать совету Мукай. – Однако же я должен посоветовать вам действовать осторожнее, чтобы вы могли при необходимости восстановить прежние вассальные связи.

– Никогда! – с необычайной для него живостью отозвался Мукай. – Как мои предки стояли рядом с вашими предками под Сэкигахарой, так и я встану рядом с вами.

– Даже если исход окажется в точности таким же?

– Этого не будет, – возразил Мукай. – Все предзнаменования свидетельствуют о том, что боги благоволят к вам.

Мукай был человеком серьезным и не понимал шуток, и потому Гэндзи не засмеялся, хотя его так и подмывало расхохотаться. Люди, верившие в его пророческий дар, усматривали знамения во всем. И только он сам мучился от неопределенности.

Гэндзи вернул гарду Мукай, чтобы тот снова использовал ее в качестве условного знака, если возникнет такая нужда.

– Так значит, цуба все эти годы тайно хранилась в вашей семье?

– Да, мой господин. – Мукай низко поклонился и почтительно принял изукрашенную металлическую пластинку. – Еще со времени битвы. Чтобы мы не забывали, кому на самом деле принадлежит наша верность.

Удастся ли им хоть когда-нибудь избавиться от Сэки-гахары? Даже если свергнуть клан Токугава – не примутся ли их родичи и сторонники, затаившись, ожидать теперь уже своей очереди вновь вступить в «решающее сражение»? А через сто лет, когда чужеземцы захватят Японию наряду со всем прочим миром, – забудем ли мы наконец о Сэкигахаре?

Когда Мукай удалился, Гэндзи небрежно задал этот вопрос Хэйко.

– Не знаю, мой господин. Я знаю лишь, что привязанность этого господина к вам не имеет никакого отношения к Сэкигахаре.

– То есть как – никакого отношения? – удивился Гэндзи. – А чем же еще он может руководствоваться?

– Любовью, – ответила Хэйко.

– Любовью? – Гэндзи был изумлен. Насколько он мог видеть, Мукай и Хэйко не обменялись ни единым словом или жестом. – Ты хочешь сказать, что он тоже влюблен в тебя?

– Нет, мой господин. – Не сдержавшись, Хэйко улыбнулась. – Не в меня.

* * *

Двадцать пять самураев двигались от старого, заброшенного охотничьего домика в холмах Канто в направлении Эдо. Ни один из них не был снаряжен для охоты. Один из двух мужчин, шагавших впереди, повернулся к своему спутнику:

– Встреча ничего не решила.

– Вы ожидали иного?

– Нет. Но надеялся на лучшее.

– Уже само то, что встреча состоялась, можно считать победой. – Обернувшись, он жестом указал на прочих. – Взгляните на нас. Двадцать пять человек с гербами доброго десятка князей. Не так давно немыслимо было даже представить, чтобы они вообще сошлись вместе. Мы перешагнули древние границы, друг мой. Наше поколение создаст новые идеалы. Благодаря нашей искренней решимости мы принесем японской нации возрождение добродетелей.

Первый самурай взглянул на своего товарища с нескрываемым восхищением. Праведность их дела наполняла его душу восторгом. Воистину, они – Люди Добродетели!

Тем временем прочие спутники лениво переговаривались между собой.

– Вы слышали, какое кимоно надела Хэйко две недели назад?

– Я не просто слышал – я его видел!

– Нет!

– Да. Ее наряд был расшит нелепыми и безвкусными изображениями чужеземных роз. Хуже того, это были розы того сорта, который некоторые глупцы именуют «Американской красавицей». Как будто такое возможно – ставить рядом понятия «американский» и «красота».

– Неужто мы выродились настолько, что даже в царстве роз должны восхищаться чужеземными цветами?

– Для этих предателей, поклоняющихся всему чужеземному, наши розы слишком ничтожны, чтобы обращать на них внимание.

– Все розы – чужеземные, – вмешался в беседу еще один самурай. – Их завезли в древние времена из Китая и Кореи.

– Когда у нас появится собственная наука, мы узнаем, какие цветы являются исконно японскими, и будем восхищаться только ими.

– Наука – это чужеземная гнусность.

– Не обязательно. Пушка может стрелять в разные стороны. Наука станет орудием в наших руках, равно как и в руках чужеземцев. Ее можно использовать для усиления Японии, и потому я считаю своим долгом постигнуть науку. В этом нет ничего непатриотичного.

– Воистину, ваши намерения достойны хвалы. Вы готовы пожертвовать собой и даже рискнуть подвергнуть себя осквернению, лишь бы поддержать наше дело. Я с благодарностью склоняюсь перед вами.

– Но хризантема – уж точно японский цветок.

– Конечно! Сомнений быть не может!

Хризантема служила священным символом императорского рода. И сомневаться в ней было бы недобродетельно.

– Когда у нас будет наука, мы сможем доказать, что хризантема – истинно японский цветок.

Спустя несколько мгновений на тропе появился всадник. За ним показались еще пять человек – трое мужчин и две особы слабого пола.

* * *

Сигеру нахмурился.

– Разумно ли это – вести себя столь легкомысленно?

– Легкомыслие – наша единственная возможность бежать из Эдо, – возразил Гэндзи. – Стоит нам выказать хоть малейшее беспокойство, и нас тут же заподозрят. Мы ведь уже успели благополучно полюбоваться журавлями в зимнем оперении и спокойно добрались до холмов. И все благодаря легкомыслию.

Сигеру не понимал, зачем непременно нужно проехать через группу неизвестных самураев, явно старающихся остаться незамеченными, и при этом даже не приготовиться к схватке. Однако он знал, что с племянником спорить бессмысленно. Несмотря на всю его молодость, кажущиеся мягкость и податливость Гэндзи были сплошной видимостью. Гэндзи не менее упрям и неуступчив, чем покойный князь Киёри, хотя и на свой лад. Сигеру передвинулся в хвост отряда – самое опасное место. Он надеялся, что нападение, если оно все-таки произойдет, начнется именно отсюда.

– Прошу прощения, господин, – сказал Хидё, – но я вынужден согласиться с господином Сигеру. Я вижу два десятка человек, но их там может быть куда больше. А вдруг это посланные за вами убийцы?

– С тем же успехом это могут быть друзья, возвращающиеся с невинной вечерней прогулки. Едем. И, пожалуйста, не предпринимайте никаких действий, пока я не прикажу.

– Слушаюсь, господин.

И Хидё, так и не избавившись от беспокойства, прищпорил коня и выехал вперед: Если это и вправду убийцы, возможно, они нападут сперва на него, а князь тем временем успеет отступить.

Эмилия вопросительно взглянула на князя Гэндзи. Князь улыбнулся:

– На тропе появились несколько человек. Но никаких причин для беспокойства нет.

И он послал коня вперед.

– Я уверена, что вы правы, господин, – проговорила Эмилия, стараясь держаться рядом с Гэндзи, – ибо мы едем с миром, без всяких дурных намерений, и, конечно, к нам никто не должен испытывать недобрых чувств.

– Это часть христианской веры? – поинтересовался Гэндзи. – Нечто вроде равновесия намерений?

– «Что посеешь, то и пожнешь». Думаю, да.

– А вы тоже так считаете? – спросила Хэйко у Старка.

– Опыт приучил меня думать иначе, – отозвался Старк и осторожно нащупал пистолет тридцать второго калибра, спрятанный под курткой.

Когда путники доехали до места, где тропа немного расширялась, самураи внезапно окружили их со всех сторон. Они не обнажили мечей, но чувствовалось, что они готовы перейти к действиям.

– Чужеземцам запрещено здесь появляться, – сказал один из самураев, стоявший чуть впереди прочих. – Эта часть Японии пока еще не заражена их гнусным присутствием.

– Прочь с дороги! – потребовал Хидё. – Князь удостоил вас чести, пожелав проехать мимо.

– Мы оценили бы эту честь, если бы князь сам ее заслуживал, – произнес второй самурай. Он тоже выступил вперед и остановился рядом с первым. – Но тот, о ком ты говоришь, опозорил себя, пресмыкаясь перед чужеземцами. Я не намерен уступать дорогу такому князю.

Хидё потянулся за катана. Но прежде чем он успел извлечь оружие, в разговор вмешался Гэндзи:

– Мы не настаиваем на церемониях. Уже вечерет. Всем нам хочется поскорее добраться туда, куда мы направляемся, разве не так? Ну так позвольте нам проехать. Никто не должен ничего уступать. Выберите себе часть тропы, а мы проедем по другой стороне.

– Вот речь тряпки! – воскликнул первый самурай. – Твой дед был воином, достойным уважения. А ты – вырождающийся потомок захиревшего рода.

– Хидё.

Дерзкий самурай сохранил голову на плечах лишь благодаря предостережению, прозвучавшему в голосе князя. Хидё медленно разжал пальцы, впившиеся в рукоять меча, и глубоко вздохнул, стараясь успокоиться.

– В таком случае, – молвил Гэндзи, – я, конечно же, недостоин внимания столь добродетельных людей, как вы. Ну так пропустите нас, и на том расстанемся.

– Возможно, нам так и следует поступить, – сказал первый самурай второму. – Было бы жестоко лишать его удовольствий, к которым он привык.

– Да, пожалуй, – согласился второй самурай. Он взглянул на Гэндзи и глумливо ухмыльнулся. – Говорят, ты каждую ночь визжишь от удовольствия, когда эти варвары суют тебе в задницу свои вонючие члены, раздирая ее в кровь.

– А днем чмокаешь, как младенец, когда сосешь их.

– Увы, вас ввели в заблуждение, – ответил Гэндзи. – Из всех чужеземцев я делил ложе лишь с той, что едет сейчас рядом со мной.

Несколько самураев издевательски рассмеялись.

– Она – сокровище удовольствий, каких вы даже представить себе не можете, – сказал Гэндзи.

– Ты либо дурак, либо безумец. А может, и то, и другое, – откликнулся первый самурай. – Посмотри на нее! Да твоя лошадь, и та больше похожа на женщину. Они, правда, почти одной величины, и нос у них одинаковой длины. Однако у лошади масть намного красивее, чем этот призрачный оттенок волос.

– А ее запах! Неописуемое зловоние!

Гэндзи кротко улыбнулся:

– Очевидно, вы стоите слишком далеко, чтобы почувствовать ее истинный запах. Когда она жаждет близости, то из ее сокровенных частей исходит благоухание, подобное аромату опиума, дарующее истинный восторг. Взгляните, какие у нее изящные руки! Какая кожа – почти прозрачная! Когда она возбуждена, в ней возникает сила, подобная молнии, и если прикоснуться к ней в этот момент, почувствуешь легкий удар. Вот почему у нее такой странный цвет волос. Сама ее суть преобразена.

Пока Гэндзи отвлекал внимание противников, Хидё и Сигеру постепенно перемещались. Теперь, если столкновение окажется неизбежным, они смогут атаковать наиболее успешным образом. В первые же мгновения схватки половина противников ляжет под их мечами и копытами их коней. С теми же, кто останется, справиться будет нетрудно. Хидё припомнил одно из утверждений, считавшихся в их клане непререкаемой истиной: один кавалерист из клана Окумити равен десяти пешим самураям. Если согласиться со старым присловьем – а сомневаться у Хидё не было причин, – то преимущество на самом деле на их стороне, а вовсе не на стороне так называемых Людей Добродетели. Хидё и Сигеру быстро переглянулись, давая понять, что готовы перейти к действию.

– А видите ее груди? – продолжал тем временем Гэндзи. – Такие неестественно полные, такие выпуклые!

Под предлогом рассказа об Эмилии он продвинулся вперед на пару шагов, так чтобы оказаться между девушкой и враждебно настроенными самураями. Пожалуй, он сможет зарубить ближайших, прежде чем они успеют что-либо сделать.

– Каждый месяц ее груди созревают. Они зреют прямо сейчас, пока мы с вами разговариваем. Они полнятся, словно молоком, огненной восхитительной росой. Прикоснуться к ней – все равно что прикоснуться ко льду, ибо весь ее внутренний жар сосредоточен в трех местах: груди, устах и влагалище.

Эмилии стало любопытно, о чем же Гэндзи беседует с новыми знакомыми. Похоже, он говорил о чем-то необычайно увлекательном: большинство японцев стояли, приоткрыв рты, а некоторые даже смотрели в ее сторону. Эмилия улыбнулась им, надеясь, что ее дружелюбие согласуется со словами Гэндзи.

Старк тоже не ведал, о чем толкует Гэндзи, но зато знал, что следует делать. Все три самурая Окумити передвигались так, чтобы занять наиболее выгодную для боя позицию. Очевидно, назревала схватка.

Старк пересчитал противников. Двадцать пять человек, все при мечах. Огнестрельного оружия ни у кого нет – по крайней мере, на виду. Двадцать пять фехтовальщиков – против Гэндзи, Хидё и Сигеру. Даже с учетом того, что они верхом, а их противники пешие, расклад неважный. У Старка под рукой был лишь его маленький револьвер тридцать второго калибра. Шесть пуль. Запасные патроны далеко. Был бы у него сейчас нож, он добавил бы к этим шести еще пару человек – но и нож упрятан. В самом лучшем случае им удастся справиться с половиной противников. А вторая половина прикончит их всех. Если не придумает чего похуже. Старк взглянул на Эмилию. Она находилась рядом с Гэндзи. А Хэйко – чуть позади.

Пожалуй, ему следует убить Эмилию первым выстрелом, а Хэйко – вторым, чтобы избавить их от мучений. Потом он застрелит ближайших четверых противников и затопчет конем столько, сколько успеет, прежде чем его самого стащат с седла. Старк был готов. Он расслабился, и мысли покинули его.

К первому самураю, на мгновение опешившему от безумных рассказней Гэндзи, наконец-то вернулся дар речи.

– Оставь свои извращенные фантазии при себе! – рявкнул он. – Хватит с нас и вашего зловония!

– Трудно понять, от кого так воняет: от ваших нечищенных лошадей, от этого животного, с которым ты спишь, или от тебя самого – настолько ты выродился!

– Довольно! – не выдержал Сигеру.

Он пришпорил коня и выехал вперед. Люди Добродетели выхватили мечи.

– А теперь просите прощения у ваших предков, ибо после того, как мы покончим с вами, мы разрушим их алтари, выкопаем их останки и выбросим в мусорные ямы неприкасаемых!

Кольцо сомкнулось – самураи шагнули к нему и тут же попятились.

– Сигеру!

– Не может быть! Он умер!

И после секундного оцепенения самураи пустились наутек, кто куда, не разбирая дороги. Лишь те двое, что вели разговор, не сдвинулись с места. Они рухнули на колени и уткнулись лбом в землю.

– Прошу, примите мои извинения, – сказал первый самурай, – и пощадите моих престарелых родителей.

– Мои дети – невинные младенцы. Пусть моя кровь очистит их, – сказал второй.

Они принялись действовать одновременно. Первый схватился руками за клинок своего катана – по мечу тут же заструилась кровь из рассеченных ладоней – и вонзил его себе в горло. Самурай свалился набок. Кровь хлынула толчками – из раны, изо рта, из ноздрей, а с нею тело покинула и жизнь. Второму самураю сунул клинок в рот и с силой подался вперед. Рукоять воткнулась в землю, а клинок на половину длины вышел из черепа. Меч помешал самураю упасть – катана и коленопреклоненный человек образовали чудовищный треугольник. Он умер в мучительных конвульсиях.

От этого зрелища Эмилия потеряла сознание и упала бы, не успей Гэндзи подхватить ее. Князь опасался, что сам рухнет с седла под ее тяжестью. Но, к его удивлению, девушка оказалась совсем не такой грузной, какой казалась на вид. Да и не такой уж крупной, если взглянуть на нее вблизи. Просто ее чрезмерно пышные формы и странная внешность искажали восприятие, потому он и оценил ее истинные пропорции неправильно.

Сигеру собрался спешиться.

– Не нужно, – сказал Гэндзи.

– Я должен опознать их, – отозвался Сигеру. Лицо его горело. Лишь кровь охладит его гнев.

– Оставь, – велел Гэндзи. – Сейчас для всех настало время испытаний. Эти люди ошибались, но искренность их несомненна. Давайте же почтим их искренность и забудем о прочем.

Сигеру поклонился. Но когда Гэндзи двинулся вперед, он все-таки соскочил с коня. Он изучил гербы на кимоно мертвецов и запомнил их лица. Гэндзи чересчур сострадательен. Существуют слова, которые нельзя ни забыть, ни простить.

Один из покойников упомянул родителей, второй – детей. Когда нынешний кризис минует, он разыщет их и сделает то, что надлежит.

Сигеру вновь вскочил в седло и пришпорил коня.

* * *

– Я не понимаю! – восклицала Эмилия. – Вот только что все разговаривали. Князь Гэндзи даже, кажется, шутил. А потом вдруг...

Девушку била дрожь, и она никак не могла совладать с собой. Эмилия прижалась к Старку, надеясь, что он тоже обнимет ее покрепче. Он обвил ее рукой. Но это не помогло. Эмилию все равно продолжало трясти. Ей никогда и в голову не приходило, что она может оказаться свидетельницей столь ужасного и столь бессмысленного насилия. А от того, что насилие это обернулось самоубийством, становилось еще страшнее. Люди стоят и беседуют – а в следующее мгновение вдруг лишают себя жизни и тем самым навлекают вечное проклятие на свои бессмертные души. Но ради чего? Эти ужасные раны, это бульканье крови! Сможет ли она когда-нибудь позабыть их?

– Они думают совсем не так, как мы, – сказал Старк. Впрочем, он и сам понимал, что подобные слова ничего не объясняют. У враждебно настроенных самураев имелся огромный перевес в численности. Однако же стоило Сигеру произнести несколько слов, и они разбежались кто куда. Почему? Этому Старк не знал. Двое из них убили себя, причем весьма мучительным способом. Раз уж они решились на такую смерть, значит, храбрости им было не занимать. Почему же они тогда не напали? Этому Старк тоже не мог взять в толк.

Князь сидел неподалеку и о чем-то совещался с дядей. Хэйко преспокойно трудилась вместе с Хидё: самурай рубил бамбук, а девушка сооружала шалаш. Хоть Хэйко и казалась хрупкой и утонченной, недавнее дикое происшествие явно не произвело на нее ни малейшего впечатления.

Старк понимал в произошедшем не больше Эмилии.

– Я вот думаю: может, мы для них – такая же загадка, как они для нас?

– Не может такого быть, – сказала Эмилия. – Наши поступки продиктованы разумом, как и предназначено Господом.

* * *

– Было бы разумнее не останавливаться на ночь, – сказал Сигеру. – Те, кто разбежались, уже вряд ли вернуться. Однако не исключено, что нас могут нагонять другие преследователи.

– Да, это было бы разумнее, – согласился Гэндзи. – Но это невозможно. Эмилия не в состоянии сейчас продолжить путь. Потрясение оказалось чересчур велико для нее.

– Потрясение? – Сигеру взглянул туда, где сидела чужеземная женщина. – С чего бы вдруг ей испытывать потрясение? Она должна радоваться. Ведь схватка представлялась совершенно неизбежной.

– Она не привыкла видеть, как люди лишают себя жизни, – пояснил Гэндзи. – Во всяком случае, при помощи мечей. Возможно, смерть от огнестрельного оружия не подействовала бы на нее так сильно.

У Сигеру не хватило терпения продолжать этот спор. Вместо этого он перешел к другому, более важному вопросу:

– Некоторые из этих самураев носили герб КНЯЗЯ Ёси-но. Это означает, что скоро он узнает о нашем местонахождении, а возможно, и о направлении, в котором мы движемся. А значит, в самое ближайшее время об этом станет известно и сегуну, поскольку Ёсино всегда были в союзе с родом Токугава.

– Не обязательно, – возразил Гэндзи. – Я очень сомневаюсь, что эти самураи встретились с ведома и согласия своих сеньоров. Они действовали по собственной воле. Тем самым они, формально говоря, совершили измену. А может, и не формально, а на самом деле. Они не станут рассказывать о встрече с нами, ведь тогда им придется также сознаться в преступлении, которое обернется смертью и для них самих, и для их семей. Так что нам ничего не грозит.

– И тем не менее, – настаивал Сигеру, – нам следует, хотя бы из предосторожности, сделать петлю: проехать дальше на север, а у монастыря Мусиндо свернуть на запад. Так нам придется провести в пути лишних два дня, но зато нас труднее будет перехватить.

Тут к ним подошли Хидё и Хэйко.

– Господин, шалаши готовы, – доложил Хидё.

– Спасибо. Я буду нести стражу первым, Сигеру – вторым, а ты – третьим.

– Но, мой господин, вам вовсе не требуется исполнять столь низкие поручения, – попытался возразить Хидё.

– Нас всего трое. Если я не возьму на себя часть обязанностей, вскорости вы с Сигеру устанете настолько, что будете ни к чему не пригодны. Я буду нести стражу первым.

– Да, мой господин.

Хэйко улыбнулась Гэндзи.

– Что тебя развеселило?

– Всего лишь праздная мысль, мой господин.

– И что это за праздная мысль?

– Мы ведь поедем дальше на север, верно?

– Да, на расстояние еще двух дней пути. И что?

– А не на севере ли расположен знаменитый неприступный замок семейства Мукаи?

Гэндзи попытался схватить Хэйко, но не сумел. Гейша со смехом увернулась.

– Вернись!

– Одну минутку, мой господин.

Хэйко подошла к чужеземцам и поклонилась.

– Эмилия, Мэтью. – Она указала на один из шалашей. – Мы остаемся здесь на ночь. Пожалуйста, постарайтесь отдохнуть. Не исключено, что нам не представится больше такой возможности до тех самых пор, пока мы не доберемся до замка князя Гэндзи.

– Спасибо, Хэйко, – отозвалась Эмилия.

Девушка улеглась и укрылась несколькими одеялами. Старк и Хэйко сидели рядом с ней до тех пор, пока она наконец не заснула. Когда же Хэйко поднялась, чтобы уйти, Старк остановил ее:

– Кто были эти люди?

Хэйко покопалась в памяти, выискивая подходящее слово:

– Преступники.
– Почему они убежали, вместо того чтобы наброситься на нас?
– Они узнали господина Сигеру.
– Но их было две дюжины, а у нас – всего четверо мужчин.
– Да, – кивнула Хэйко. – Их было слишком мало, и они об этом знали. Потому и разбежались.

Старк решил, что Хэйко не поняла его вопроса. Иначе почему ее ответы лишены всякого смысла? Не бывает такого, чтобы две дюжины человек удирали от четверых.

– А почему те двое покончили с собой?
– Они извинялись за свои грубые слова.
– Извинялись, значит. Проткнув себя собственными мечами?
– Да.
– А что они такого сказали, что им пришлось так извиняться?
– Непочтительные слова, – еще раз сказала Хэйко. – И с моей стороны было бы очень непочтительно повторять их. – Она поклонилась. – Спокойной ночи, Мэтью.
– Спокойной ночи, Хэйко.

Старк не спал почти всю ночь. Он слышал приглушенный смех Хэйко. Потом проснулся дядя князя и исчез в лесу. Несколько часов спустя он вернулся, и на стражу встал Хидё. Старк хотел было предложить свою помощь, но не стал. Не хватало еще случайно кого-нибудь оскорбить, а потом извиняться посредством самоубийства. Он должен жить – до тех пор, пока не умрет Итан Круз.

* * *

– Ты вправду веришь в то, что сказала? Насчет Мукай?
– Верю. Вспомни, как он смотрел на тебя. Как произносил «мой господин». И как часто это повторял. «Мой господин». При каждой возможности – как будто, произнося эти слова, он обладал тобою.
– Предки Мукай бились рядом с моими предками в сражении под Сэкигахарой. Этим и объясняется его верность.
– Если ты и вправду так считаешь, значит, ты наивен, как едва-едва созревшая девочка-крестьянка.
– Гарда с воробьями хранилась в его семье на протяжении поколений.
– Это он так сказал. Но он с тем же успехом мог купить ее в какой-нибудь лавке. Сэкигахара – повод, а не причина. Любовь всегда изыщет путь.
– Чушь. И ничего смешного тут нет! Прекрати хихикать.
– Ты прав. Я не должна смеяться. Мне следовало бы сердиться.
– Это почему еще?
– Да потому, что тебя считают более красивым, чем меня. По крайней мере, некоторые.
– Мукай не влюблен в меня.
– Когда-нибудь, когда ты будешь жить в холе и неге в этом его замке, стоящем над бушующим северным морем, ты поймешь истину.
– Нет, мир настолько не вырождается. Во всяком случае, не при моей жизни.
– Это пророчество, мой господин?

* * *

Ночью прошел сильный снег, и поутру равнину Канто укрыло толстое снежное одеяло. Сидя в своем кабинете в замке Эдо, Мукай смотрел, как мир делается белым. Гэндзи был где-то там, среди этих равнин – преследуемый беглец. Мукай представил, как молодой князь страдает от непогоды, и у него сжалось сердце.

Он пытался добиться, чтобы именно ему поручили перехватить Гэндзи, но Каваками взял это на себя. И вот теперь он заперт в Эдо и ничем не может помочь тому, кого любит больше жизни. Есть ли судьба ужаснее?

Мукай взглянул на гарду, которую держал в руке. Воробьи, летящие над волнами. Некогда увидев в лавочке Сэами эту цубу, Мукай осознал природу чувств, которые он испытывал к Гэндзи. До того момента он не понимал сути непрерывного беспокойства, терзавшего его с прошлой весны. Мукай думал, что он, как и все вокруг, беспокоится из-за усиливающегося влияния чужеземцев в Японии. А на самом деле он той весной впервые увидел Гэндзи.

«А вот следующий князь Акаоки, – Каваками указал на группу людей, стоящих перед сёгуном. – Когда старик умрет, их род можно считать прервавшимся».

Мукай увидел юношу, столь прекрасного, что эта красота лишила его дара речи. Он понимал, что должен что-то сказать, как-то дать понять, что разделяет мнение Каваками, но язык отказался повиноваться ему.

Вот так оно все и произошло. Казалось бы, ну что такого случилось? Но в тот вечер, пока Мукай прислушивался к спору о пагубных ценностях чужеземцев, жизнь его впервые начала обретать смысл.

– Главная цель чужеземцев – счастье, – сказал Каваками.

– Трудно в это поверить, – заметил князь Нода. – Никакое общество, основанное на столь ограниченной, столь эгоистичной идее, не просуществует дольше нескольких поколений – да и то вряд ли.

– Мне неизвестно, сколько они просуществуют, – сказал Каваками. – И тем не менее это правда.

– Конечно, чужеземцы странны, – сказал князь Кубота, – но не могут же они быть странными настолько!

– Так записано в их верховном законе, – сказал Каваками. – Счастье объявляется правом, обещанным каждому.

– Каждому лично? – спросил Мукай.

Каваками раздраженно взглянул на своего помощника. Ему полагалось слушать и восхищаться, а не задавать вопросы. Мукай виновато поклонился. Успокоившись, Каваками – тем вечером он чувствовал себя особенно великодушным – ответил:

– Да, каждому лично.

– Какое извращение! – заметил князь Нода.

Мукай мысленно согласился с ним. Несомненно, иначе как извращением эту идею не назовешь. Цель существования общества – порядок, а единственный способ достичь его – подобающее социальное устройство. Без этого нет цивилизации. Каждый должен знать свое место, принимать его и вести себя в соответствии со своим положением. Счастье. Вот так идея! Мукай охватило возбуждение – но тогда он счел его праведным негодованием, ибо именно такое чувство предписывалось его положением.

А потом он увидел эту гарду, и что-то в нем надломилось, что-то вырвалось на волю. И, не успев осознать, что же это было, Мукай заплакал.

– Мой господин, – забеспокоился лавочник Сэами, – вам нехорошо?

Летающие воробьи. Филигранное изображение на стали. Эти воробьи были совершенно свободны – Мукай за всю свою жизнь не изведал такой свободы.

Красота Гэндзи.

Его собственное уродство.

Бессмысленность порядка.

Счастье. Незамутненное, личное, эгоистическое счастье. Думать о себе и забыть обо всем остальном. Нет, даже лучше: раствориться в блаженстве необузданной любви. Если он будет вместе с Гэндзи, то попросту исчезнет, и останется один лишь Гэндзи, бесконечно прекрасный.

Мукай плакал, а Сэами стоял рядом, беспомощно заламывая руки.

Мукай спросил, сколько стоит цуба, и заплатил, не торгуясь. Он с радостью заплатил бы и вдвое больше. Цуба навела его на мысль. Он придумал себе предка, сражавшегося под Сэкигахарой вместе с кланом Окумити. Так у него появился повод встретиться с Гэндзи наедине.

И вот теперь, глядя на падающий снег и крепко сжимая в грубоватой ладони гарду с воробьями, Мукай принял важнейшее в своей жизни решение.

Час спустя он покинул замок Эдо и направился в свои владения, лежавшие на берегу Японского моря. Род Мукай не входил в число знатнейших, и у него было всего две сотни вооруженных вассалов. Но это неважно. Он соберет их всех и поднимет знамя клана Окумити, с воробьем и стрелами. Если молодой князь умрет, то и ему незачем жить.

Мукай подумал, что они могли бы погибнуть вместе, и в сознании у него возникла картина, исполненная почти непереносимой красоты. Он не смел и надеяться на подобное счастье. И все же такая возможность существовала. Они умрут в объятиях друг друга, и кровь любви сделает их обоих прекрасными в возвышенный миг смерти.

Сердце Мукай исполнилось радостного жара. Он даже позабыл о зиме.

Отринув стыд, Мукай признал истину, которую ощущал теперь в самой глубине души.

Чужеземцы правы. На свете нет ничего важнее счастья.

* * *

Сохаку и Кудо ехали прямо по снежной целине.

– Вот они, – сказал Кудо.

Впереди показалась большая поляна; на ней встали лагерем две тысячи самураев. Посреди лагеря возвышался шатер командира. Примерно четвертая часть отряда помимо обычных мечей и копий была вооружена еще и мушкетами.

– Они не выставили часовых, – заметил Кудо. – Непростительная беспечность.

– Но сейчас нет войны, – возразил Сохаку. – И кроме того, кто посмеет напасть на войско сёгуна совсем рядом с Эдо?

Едва лишь они вошли в шатер, их бурно приветствовал Каваками, красовавшийся в полном доспехе.

– Господин Кудо, преподобный настоятель Сохаку, добро пожаловать!

– Благодарим вас за то, что вы согласились встретиться с нами при столь необычайных обстоятельствах, господин Каваками, – сказал Сохаку.

– Пустяки! Не хотите ли выпить сакэ, согреться?

– Спасибо, с удовольствием.

– Надеюсь, вам удалось покинуть Эдо без особых затруднений?

– Да, благодарю вас. – Сохаку осушил предложенную чашку. Слуга немедленно наполнил ее вновь. – К сожалению, мы вынуждены были убить тех, кого вы приставили следить за дворцом. Иначе наш отъезд прошел бы слишком гладко, и это неизбежно вызвало бы подозрения. Мы пока что не можем поручиться за верность всех наших людей.

– Понимаю, – кивнул Каваками. – Именно этого я и ожидал. И потому приставил к слежке наименее ценных своих подчиненных. Следовательно, можно сказать, что мы обменялись услугами. – Он поклонился, и Кудо с Сохаку поклонились в ответ, как равные равному. – Какими силами вы располагаете?

Это было второе испытание. Первое они прошли, явившись в лагерь к Каваками в одиночестве, без телохранителей. Теперь им предлагалось назвать численность и вооружение их отряда.

– Сто двадцать самураев, – без колебаний отозвался Сохаку. – Все верхом, все вооружены мушкетами, у каждого по двадцать зарядов.

– И все они – ваши наследственные вассалы?

– По большей части – да, мои или Кудо. Около дюжины – прямые вассалы клана Окумити.

Каваками нахмурился:

– Не будет ли разумнее устранить их без промедления?

– Видите ли, сложилась щекотливая ситуация, – пояснил Сохаку. – Наши люди – самураи старой закалки, приверженцы традиций. Если они заподозрят меня в трусости или тайных происках, это непоправимо подорвет их отношение ко мне. И в этом смысле убийство дюжины человек, преданных своему господину, отнюдь не пойдет на пользу.

– Но их присутствие в ваших рядах таит в себе огромную опасность, – настаивал Каваками.

– Совершенно с вами согласен. Сегодня днем я объявлю, что отныне моя верность принадлежит сёгуну. В качестве обоснования такого шага я выставлю необходимость объединить все силы страны против угрозы чужеземного вторжения. Я скажу, что мы должны позабыть о прежних распрях и союзах, как это сделали наши предки шесть веков назад, когда над Японией нависла угроза монгольского нашествия. Я скажу, что мы с господином Кудо, к глубокому нашему прискорбию, убедились, что князь Гэндзи никакой не пророк, а обычный безумец, как и его дядя, господин Сигеру, чьи чудовищные преступления прекрасно известны. Слепое подчинение этим князьям – не верность, а трусость. Истинная верность заключается в приверженности идеалам древности, воплощавшимся в нашем покойном князе, господине Киёри. Мы должны спасти честь дома Окумити, введя регентское правление. Необходимо взять князя Гэндзи под охрану и опеку и впредь действовать от его имени.

– Ваше красноречие неподражаемо, преподобный настоятель. Не покинь вы духовную стезю, вы, несомненно, привели бы многих своих прихожан к битоку.

– Вы слишком добры, господин Каваками. Я уверен, что вы, как истинный самурай, ничуть не хуже меня могли бы раскрыть суть наиглавнейших добродетелей.

– Что же будет с теми, чьи сомнения не рассеются, несмотря на ваши блестящие объяснения?

– Мы с почтением отнесемся к их преданности, хоть они и отдали ее недостойному князю. Им будет позволено отбыть в Акаоку. – Сохаку принял из рук

слуги очередную чашечку сакэ. – Как вы думаете, удастся ли хоть кому-нибудь из них ускользнуть от ваших соратников?

– Глубоко в этом сомневаюсь.

– Вот и я тоже.

– Остается решить, что делать с господином Сигеру, – сказал Каваками.

– Он убил князя Киёри. Мы поступим с ним так, как надлежит поступать с убийцами.

Каваками кивнул:

– Великолепно. Однако же меня все-таки беспокоит одна из частей вашего плана.

– Пожалуйста, поделитесь со мной своим беспокойством.

– Живой князь Гэндзи будет представлять серьезную опасность, даже находясь под стражей. Его репутация провидца, какой бы обманчивой она ни была, глубоко укоренилась в общественном сознании.

Сохаку улыбнулся.

– К несчастью, хоть мы и будем пытаться спасти ему жизнь, князь Гэндзи погибнет в результате недоразумения. Мы отвезем его останки в «Воробьиную тучу», дабы захоронить там с почетом.

– А вскоре после этого, – сказал Каваками, – сёгун объявит о присвоении вашему дому княжеского достоинства и передаст вам власть над Акаокой. Господин Кудо, как самый доверенный ваш вассал, получит надлежащие земельные владения и денежное содержание.

– Благодарим вас, господин Каваками.

Они снова обменялись поклонами, но на этот раз Сохаку и Кудо поклонились значительно ниже.

– Отсюда мое войско двинется маршем по прибрежной дороге. Вероятно, князь Гэндзи попытается пересечь Внутреннее море где-нибудь западнее Кобэ. Я буду ждать его там.

– Он очутится там только в том случае, если сумеет ускользнуть от моих кавалеристов, – сказал Сохаку. – Я перехвачу его в горах, у деревни Яманака. Прежде чем отправиться любоваться журавлями, он сказал, что постарается присоединиться к нам у этой деревни.

– Я пушу двадцать лучших наших стрелков по следу князя Гэндзи, – сказал Кудо. – Мы сделаем все, что только сможем, чтобы застрелить господина Сигеру прежде, чем он покинет горы.

Каваками приподнял чашечку с сакэ.

– И пусть боги будут благосклонны к тем, кто воистину обладает добродетелью.

* * *

Не обращая внимания на подступающую к горлу тошноту, Таро и Симода решительно работали веслами. Они то рушились вниз с гребня волны, то смотрели, как водный вал нависает прямо у них над головой. Во всяком случае, так им казалось. Если крохотную лодчонку захлестнет – а похоже, что это может произойти в любое мгновение, – они обречены. Вокруг, насколько хватало взгляда, раскинулось бесконечное море.

Впрочем, если бы где-то на горизонте и имелась земля, они все равно не смогли бы ее разглядеть. Они почти ослепли от беспрестанно летящих в лицо соленых брызг.

Таро наклонился к Симоде:

– В какой стороне Акаока?

– Что? – переспросил Симода, не расслышав вопрос за неумолчным грохотом волн.

– Мы правильно плывем?

– Понятия не имею. Как ты думаешь, он сам это знает?

Сидящий за рулем Сэйки являл собою воплощение уверенности.

– Надеюсь, что да.

– Боги погоды, морей и бурь милостивы к нам, – сказал Сэйки.

Волна ударила в борт и окатила сидящих в лодке людей. Они уже промокли, несмотря на промасленные плащи поверх обычной одежды. Сэйки, не выпуская руля, принялся второй рукой вычерпывать воду. Время от времени он подтягивал парус.

Таро – промокший, замерзший, измученный морской болезнью – никак не мог совладать с терзавшей его дрожью.

– Значит, боги как-то очень странно выражают свою благосклонность. Похоже, мы на волосок от смерти.

– Но верно и другое, – сказал Сэйки. – В таком бурном море нас никто не заметит. Патрульные суда сёгуна не смогут нас найти.

Сэйки вырос на море. В беззаботные дни юности, когда он еще был всего лишь самураем низкого ранга, не отягченным особой ответственностью, он провел немало счастливых часов в бурных водах у мыса Мурото, охотясь на китов вместе с местными рыбаками, товарищами его детских игр. Когда гигантские животные огибали мыс, рыбаки подплывали на баркасах к какому-нибудь киту, запрыгивали к нему на спину и всаживали копьё в мозг. Если удар был хорош, кит доставался им. Если плох – они доставались киту. Копейщик падал в океан и тонул, а раненый кит устремлялся в открытое море и увлекал баркас за собой. Обычно рыбакам удавалось обрезать веревку, привязанную к копьё, и вернуться домой. Но некоторые исчезали навеки.

– Гребите сильнее, – велел Сэйки. – Держитесь под углом к волне.

Если им повезет и восточный ветер продержится еще некоторое время, не превращаясь в бурю, через три дня они доберутся до Акаоки. Пятьсот человек смогут выступить немедленно. А через две недели все войско будет готово к войне. Сэйки надеялся, что князь Гэндзи сумеет продержаться до этого момента.

Еще одна огромная волна ударила в борт лодки.

Сэйки выбросил из головы все мысли и принялся следить за морем.

Глава 10 ИАЙДО

Катана служит оружием самурая с незапамятных времен. Задумайся над тем, что это означает.

Наш клинок заточен лишь с одной стороны. Почему? Потому что, если прижать катана к руке тупой стороной, она превращается в щит. Меч с двусторонней заточкой для этого не пригоден. Может настать такой день, когда в гуще битвы ты окажешься обязан жизнью тупой стороне меча, а не отточенной. Пусть же это напоминает тебе о том, что нападение и защита суть одно.

Клинок нашего меча не прямой, а изогнутый. Почему? Да потому, что при кавалерийской атаке изогнутый клинок намного эффективнее прямого. Пусть же этот изгиб напоминает тебе, что самурай в первую очередь конный воин. Даже сражаясь пешком, веди себя так, словно ты сидишь на бешеном боевом скакуне.

Добейся, чтоб две эти истины стали частью твоего существа. Тогда ты проживешь жизнь достойно и сумеешь умереть с честью.

Судзумэ-нокумо (1334)

Луг и воздвигнутый на нем невысокий помост очищены от снега. Вокруг помоста устроены небольшие навесы для зрителей. Все готово.

– Воздух сейчас бодрящий, но не холодный. Ветер достаточно силен, чтобы наши знамена красиво развевались. Благодаря пасмурному небу свет не слишком ярок. Превосходные условия, мой господин.

Хиромицу, князь Ямакавы, радостно кивнул:

– Да, пора начинать.

И занял место главного судьи под восточным навесом. Главный управляющий двора уселся на место второго судьи, под западным навесом, а командир кавалерии и командир пехоты расположились к северу и к югу от помоста.

Такова была одна из традиций княжества Ямакава: в начале каждого года князь, самые значительные его вассалы и лучшие фехтовальщики княжества покидали замок и на два дня отправлялись в расположенный неподалеку лес, чтобы провести состязания по иайдо. Женщины и дети на эти состязания не допускались. Это правило установлено давным-давно, чтобы избавить семьи самураев, принимающих участие в турнире, от ненужных страданий. В былые времена все состязания проводились на настоящих катана, с заточенными клинками. И хотя удар полагалось фиксировать, чуть-чуть не доводя до тела, возбуждение, старые обиды, стремление получить награду или показать себя с наилучшей стороны в присутствии князя зачастую приводили к кровопролитию, увечьям и даже смерти.

Конечно же, катана в этом состязании больше не использовались. Их давно сменили синаи, тренировочные мечи из расщепленного бамбука. Двести пятьдесят лет мира нанесли тяжкий урон боевому духу. Таково было одно из ныне принятых мнений. Другое, которого придерживался и Хиромицу, гласило, что мирные годы сохранили все ценное и отсеяли ненужное.

На этот раз в состязании собирались участвовать тридцать два самурая. Проигравший выбывал, а победитель переходил в следующий круг. Значит, до второго круга дойдут шестнадцать человек, до третьего – восемь, до четвертого – четыре, и в конце концов двое оставшихся определяют, кто из них станет победителем и получит в награду боевого коня, великолепного жеребца-трехлетку.

Хиромицу уже совсем было собрался подать сигнал к началу состязаний, когда к нему подбежал один из часовых.

– Мой господин, – тяжело дыша, произнес он, – князь Гэндзи с отрядом просит у вас дозволения проследовать через ваши владения.

– Князь Гэндзи? Разве он не в своем дворце в Эдо?

– Очевидно, уже нет.

– Пригласите князя сюда. Для меня он – всегда желанный гость.

Гэндзи покинул Эдо либо с дозволения сёгуна, либо без такового. Если он уехал без дозволения, Хиромицу выгоднее было не знать об этом, а потому он и спрашивать не стал. В любом случае о том, чтобы отказаться от встречи с Гэндзи или запретить ему проехать через свои владения, не могло быть и речи, ведь они были давними союзниками.

Не то чтобы они были так уж хорошо знакомы. Вовсе нет. Но их предки вместе сражались под Сэкигахарой. Во всяком случае, предки Хиромицу по отцовской линии оказались среди побежденных. А родственники со стороны матери входили в число победителей, самыми видными из которых были прародители нынешнего сёгуна. Тем самым Хиромицу, строго говоря, являлся также союзником семейства Токугава.

Такое положение вполне устраивало князя Ямакавы – мягкого, не страдающего излишним честолюбием. История его клана требовала от Хиромицу относиться с величайшим почтением к обеим сторонам и в то же самое время давала ему основания отказаться от участия в междоусобной войне, которая с каждым днем представлялась все более вероятной. К счастью, его княжество было небольшим, не обладало особыми богатствами, располагалось в стороне от вероятных полей сражения и не контролировало никаких важных до Широко улыбаясь, Хиромицу вежливо вышел навстречу гостям. И сразу увидел много такого, что его удивило. Отряд состоял всего из шести человек. Слишком маленькая свита для князя, отъехавшего так далеко от дома. Из этих шести человек лишь трое были самураями. Еще там находились два чужеземца, мужчина и женщина, нелепые на вид, – впрочем, в этом они ничем не отличались от прочих иностранцев. Но как они очутились здесь, в глубине страны, вдали от тех районов, где им разрешалось бывать? Пожалуй, они бы заинтересовали Хиромицу сильнее всего... если бы не последний член отряда – женщина такой невероятной красоты, что Хиромицу не мог поверить собственным глазам. Разве может существовать на этом свете подобное совершенство?

– Добро пожаловать, князь Гэндзи!

Хоть Хиромицу и не знал князя Акаоки в лицо, он без труда угадал, к кому следует обращаться. Гэндзи ехал первым, а по бокам от него следовали два самурая, и одним из этих самураев был Сигеру. Хиромицу недавно доложили, что сей непревзойденный боец убит собственными родичами при неких скандальных обстоятельствах, но, очевидно, доклад не соответствовал истине.

– Добро пожаловать, господин Сигеру. Вы прибыли как раз вовремя – прямо к началу нашего ежегодного состязания по иайдо.

– Мне очень жаль, что наше появление нарушило ваши планы, – сказал Гэндзи. – Но мы не станем вам мешать и сразу же отправимся дальше.

– О, прошу вас, не спешите так! Оставайтесь и полюбуйтесь на состязания. Конечно, моим людям далеко до ваших прославленных воинов. Однако же они сделают все, что в их силах, а большего ни от кого и требовать нельзя.

– Благодарю вас, князь Хиромицу, – отозвался Гэндзи. – Мы с радостью воспользуемся вашим гостеприимством.

– Разумно ли это? – спросил Сигеру.

– Мы намного оторвались от погони, – ответил ему Гэндзи. – Некоторым из нас очень не помешает отдохнуть.

Он повернулся к женщине, остановившейся у него за спиной. Женщина низко поклонилась.

– Разрешите представить вам госпожу Майонака-но Хэйко.

– Знакомство с вами – честь для меня, госпожа Хэйко. – Вот уж целый год всякий, кто приезжал из Эдо, непременно рассказывал о новой знаменитой гейше. Но действительность превзошла все описания. – Ваша слава проникла даже в нашу глушь.

– Я недостойна подобной славы, мой господин.

Голос ее был мелодичен, словно перезвон колокольчиков. Хиромицу в онемении уставился на гейшу и лишь через пару секунд сообразил, что замер, разинув рот. Смутившись, князь повернулся к своему управляющему и увидел, что тот потрясен не меньше его самого.

– Этот чужеземный господин – Мэтью Старк, – продолжал между тем князь Гэндзи. – Госпожа – Эмилия Гибсон. Они приехали, чтобы помочь построить здание миссии неподалеку от монастыря Мусиндо.

Хиромицу вежливо поклонился и чужеземцам:

– Добро пожаловать. Приготовь места для наших гостей, – велел он управляющему.

– Слушаюсь, мой господин. И для чужеземцев тоже?

– Для всех спутников князя Гэндзи.

– Мой господин, но как же быть с правилом, запрещающим присутствие женщин?

– Считайте его временно отмененным, – сказал Хиромицу, помогая Хэйко сойти на землю. – Князь Гэндзи, прошу вас, станьте вместо меня главным судьей. А господина Сигеру я попрошу занять место западного судьи, взамен моего управляющего.

– Вы чрезвычайно любезны, князь Хиромицу, – молвил Гэндзи. – Но нам хотелось бы просто полюбоваться на состязания, не принимая на себя груз ответственности. Если я правильно понимаю, у вас принято биться об заклад в споре о том, кто станет победителем?

Хиромицу весело рассмеялся:

– Истинная правда! Но вы находитесь в чрезвычайно невыгодном положении. Вы же не знаете, кто из моих людей на что способен, а потому вряд ли сумеете угадать, на кого ставить.

Он и без того находился в превосходном расположении духа, а присутствие Хэйко привело князя в еще более приподнятое настроение. Хэйко взяла у слуги чайничек с сакэ и наполнила чашечку Хиромицу. Одного лишь изящества ее движений хватило бы, чтоб опьянеть без вина.

– Я хотел поставить на одного из моих спутников, – сказал Гэндзи, – если, конечно, вы разрешите ему участвовать. Думаю, это было бы чрезвычайно занятно.

Веселье мгновенно покинуло Хиромицу.

– Если господин Сигеру пожелает участвовать в состязаниях, я могу сразу объявлять победителя. Мои люди ему не соперники.

– Мой дядя терпеть не может бамбуковые мечи, – сказал Гэндзи. – Не думаю, чтобы он согласился воспользоваться ими.

– Совершенно верно, – кивнул Сигеру. – Лишь стальной клинок способен прорубиться к истине.

– Князь Гэндзи, я не могу этого допустить! – произнес Хиромицу, намеренно не стараясь скрывать свои чувства. – Я не хочу начинать новый год, развозя трупы вдовам и сиротам!

– Вам и не придется этого делать, – сказал Гэндзи. – Ибо я и не предлагаю вам

ничего подобного. Несомненно, небеса сурово покарали бы нас за подобную жестокость. Я имел в виду вовсе не моего дядю, а этого чужеземца, Старка.

– Что? Вы, должно быть, шутите?

– Ничуть.

– Князь Гэндзи, мои люди сочтут это вопиющим оскорблением. Пусть они не так прославлены, как ваши самураи, но все же они самураи. Как я могу просить их испытывать свое искусство в поединке с подобным человеком?

– Я не стал бы обращаться к вам с таким предложением, если б не считал возможным поставить на чужеземца, – сказал Гэндзи. – Я обещаю сто рё золотом тому, кто победит Старка. Более того, я готов предложить вам любой заклад на ваше усмотрение. Я уверен, что Старк выиграет состязание.

Никогда прежде Хиромицу не испытывал подобного потрясения. Очевидно, в роду Окумити безумие сделалось наследственным. И что ему теперь делать? Нельзя же пользоваться тем, что Гэндзи сошел с ума! Ведь приз, который он предлагает, сто рё – это в десять раз больше годового жалования рядового вассала. Но если отказаться, Гэндзи может воспринять это как оскорбление, а Хиромицу вовсе не хотелось его оскорблять, особенно когда рядом с Гэндзи – мрачный, смертоносный и безумный Сигеру. Сложное положение!

– Если Старк не сумеет победить всех, кого вы против него выставите, то в следующий раз, когда вы приедете в Эдо, вы сможете провести неделю с госпожой Хэйко. За мой счет. Вы согласны, госпожа?

Хэйко улыбнулась Хиромицу, потом скромно потупилась и поклонилась:

– Получить плату за время, проведенное с князем Хиромицу – значит получить двойное вознаграждение.

– Э-э... Ну что ж... – протянул Хиромицу.

Неделя с Хэйко. Конечно, надеяться на то, что за столь короткое время между ними расцветет обоюдная привязанность, ведущая к более прочным узам, – слишком смело с его стороны. Слишком. Однако же и такое возможно.

– Если не возражаете, я хотел бы поговорить с моими людьми. Все равно нам не обойтись без их согласия.

– Конечно, конечно. А тем временем, поскольку я всегда уверен в лучшем и не сомневаюсь, что они согласятся, я займусь подготовкой моего бойца. Вы не одолжите мне пару синаи? И позвольте мне предложить дополнительное поощрение для ваших людей. Всякий, кто согласится состязаться со Старком, получит десять рё, вне зависимости от того, выиграет он или проиграет.

И Хиромицу, одолеваемый мечтами о Хэйко, отправился к своим самураям. Поначалу им совершенно не хотелось участвовать в столь нелепой, смехотворной затее, даже за небольшое состояние золотом. Но ставка, которую Гэндзи предложил их князю, заставила самураев заколебаться.

– Неделя с госпожой Хэйко?

– Да, – сказал Хиромицу. – Неделя в Эдо с госпожой Хэйко.

Его верные вассалы поклонились.

– Мы не можем лишить вас подобного приза, господин, даже если для этого нам придется поступиться достоинством.

– Верность и достоинство неразрывны, – сказал довольный Хиромицу.

– Мой господин! – Появился часовой, приставленный наблюдать за гостями. – Князь Гэндзи, господин Сигеру и чужеземец отправились в бамбуковую рощу.

Тренироваться.

Среди людей Хиромицу прокатился сдавленный смех. Но часовой не смеялся.

– Чужеземец очень быстр, – сказал он.

– Он владеет мечом?

– Похоже, будто князь Гэндзи дает ему первый урок.

– Иайдо требует многих лет совершенствования! – не выдержал управляющий. –

Если князь Гэндзи надеется обучить чужеземца этому искусству за несколько минут, то он – величайший безумец из всех Окумити.

– Ты сказал, что он очень быстр, – повернулся к часовому Хиромицу.

– Сперва он был не очень ловок, мой господин. Но, извлекая меч в пятый раз, он уже двигался проворно. Очень быстро. И очень точно.

Итиро, ты, случайно, не выпил лишнего? – поинтересовался один из самураев. – Как можно научиться пользоваться мечом с пяти попыток?

– Тихо! – одернул его князь Хиромицу. – Ты слышал их разговор?

– Да, мой господин, но князь Гэндзи и чужеземец разговаривали по-английски. Я разобрал только то, о чем они говорили с господином Сигеру.

– И о чем же?

* * *

Он вошел следом за двумя безумными князьями и чужеземцем в бамбуковую рощу, стараясь ступать как можно тише.

– Уверен, что у тебя имеется серьезная причина для того, чтобы поставить нас в столь дурацкое положение, – заявил Сигеру.

– Старк выиграет, – отозвался Гэндзи.

– Это пророчество?

Гэндзи рассмеялся и не ответил.

Чужеземец сказал что-то на своем варварском наречии. Гэндзи ответил на том же языке. Лишь одно слово было японским. «Иайдо». Чужеземец произнес еще что-то – судя по тону, вопрос. Он тоже произнес слово «иайдо». Гэндзи остановился в пяти шагах от растущего в стороне от других ствола бамбука в десять футов высотой и четыре дюйма толщиной. Внезапно рука его легла на рукоять меча, вспыхнула сталь, и лезвие рассекло бамбук. Мгновение спустя верхняя часть ствола покачнулась и упала на землю.

* * *

– Князь Гэндзи на удивление хорош, – заметил часовой.

– Значит, все эти годы его интересовали не только поэзия, женщины и сакэ, – сказал Хиромицу. – Это было лишь маскировкой. В конце концов, его деду, князю Киёри, хитрости было не занимать. Должно быть, он втайне тренировал внука.

* * *

Когда бамбук упал на снег, Гэндзи сказал еще что-то на языке чужеземцев. Чужеземец задал другой вопрос. На этот раз в нем прозвучало имя Сигеру. Гэндзи ответил.

– Что он говорит? – спросил Сигеру.

– Он спрашивает, почему бы тебе не поучаствовать в этом состязании. Я сказал, что ты не играешь в сражения.

Сигеру фыркнул и проворчал:

– Неплохой удар. Ствол простоял удар сердца, прежде чем упасть.

– Когда удар наносил дедушка, – сказал Гэндзи, – он рубил так чисто, что ствол стоял целых пять ударов сердца.

Тут заговорил чужеземец, и в речи его снова мелькнуло: «иайдо». Похоже было, будто он возражает. В ответ Гэндзи подошел к другому стволу. Рука князя метнулась к рукояти катана; меч опять вылетел из ножен и прошел сквозь ствол. На этот раз бамбук простоял два удара сердца, прежде чем упасть. Князь повернулся к чужеземцу и заговорил о чем-то, а потом сделал странное движение, как будто выдернул совсем короткий клинок.

– Между револьвером и мечом нет ничего общего, – сказал Старк.

– Нет, есть, – возразил Гэндзи. – И то, и другое – всего лишь продолжение человека, который их держит.

* * *

Гэндзи вынул мечи из-за пояса и вместо них сунул один из позаимствованных синаи. Второй синаи он отдал чужеземцу. Потом князь произнес еще несколько непонятных слов, и они с чужеземцем встали лицом друг к другу.

Как только чужеземец шевельнул рукой, Гэндзи выхватил синаи и нанес чужеземцу удар в правый висок.

И во второй раз Гэндзи начал первым. Прежде чем чужеземец смог ответить, он получил очередной удар, на этот раз – в правое плечо.

В третий раз противники начали двигаться почти одновременно, но результат оказался тем же самым. Синаи Гэндзи очутился у лба чужеземца раньше, чем синаи чужеземца – у шеи Гэндзи.

В четвертый раз чужеземец одержал первую победу, проведя чистый удар в висок.

В пятый раз он нанес удар Гэндзи прежде, чем князь успел полностью извлечь свой синаи из-за пояса.

* * *

– Это еще ничего не доказывает, – сказал один из самураев. – Много ли надо, чтоб одолеть такого бойца, КJLK КНЯЗЬ Гэндзи?

– И кроме того, – добавил другой, – он мог поддаться нарочно, чтобы внушить чужеземцу уверенность в себе.

– Возможно, – согласился часовой. Но по его лицу и голосу ясно было, что на самом деле он думает иначе.

* * *

Они направились обратно к лугу, где стоял помост. Часовой поспешил ускользнуть. Но перед этим он успел услышать еще несколько слов.

- Он знает, зачем ты это делаешь? – поинтересовался Сигеру.
- Нет. Но он мне доверяет.

* * *

– Какая заносчивость! – возмутился один из самураев. – Похоже, он собрался унижить нас всех развлечения ради.

- Вряд ли, – возразил Хиромицу.
- Чем же еще он может руководствоваться? – спросил управляющий.
- Возможно, он исполняет пророчество.

– Мой господин, но это же полная чушь! – воскликнул управляющий. – Он такой же пророк, как мы с вами!

– Ты в этом уверен? – поинтересовался Хиромицу. – Нет. И я не уверен. Так что пусть все идет своим чередом. То-сё! Ты первым встретишься с чужеземцем. Будь внимателен.

- Слушаюсь, мой господин.

* * *

В иайдо обычно начинают действовать из положения сидя. Соперники опускаются на колени на противоположных концах помоста, кланяются друг другу и, не поднимаясь, неспешно движутся вперед. Когда разделяющее их расстояние сокращается до пяти—десяти шагов, они выхватывают мечи и одним плавным движением наносят удар. Эти удары не блокируются. И второй попытки не получает никто. Выигрывает тот, кому удастся быстрее выхватить меч и точнее нанести удар.

Из уважения к чужеземцу, не умеющему правильно сидеть на коленях, правила изменили и разрешили состязующимся стоять. Кроме того, чтоб сохранить удобное число участников, одного из самураев – его выбрали по жребью – исключили.

Несмотря на рассказ часового, Тосё был целиком и полностью уверен в себе. Он с презрением уставился на Старка – и получил удар в шею прежде, чем извлек свой синаи из-за пояса.

Второй противник Старка держался более настороженно, но тоже не преуспел. Чужеземец ударил его по руке, когда тот только тянулся за оружием. Третьего сняли с состязаний за то, что он выхватил оружие слишком быстро и сделал выпад – вместо того, чтобы извлечь меч и нанести удар одним неразрывным движением, как того требуют правила.

Наказанный самурай долго извинялся.

– Я поддался порыву, – говорил он, прижимаясь лбом к помосту и не скрывая слез. – Я утратил всякую дисциплину. Мне нет прощения.

– Отнюдь, – возразил Хиромицу. – Ты просто был потрясен, как и все мы. Князь Гэндзи, давно ли этот чужеземец приехал в Японию?

– Три недели назад.

– Он овладел иайдо за три недели?

– За пять минут, – ответил Гэндзи. – Сегодня он впервые взял в руки меч.

– Не подумайте, пожалуйста, будто я сомневаюсь в ваших словах, но, право же, поверить в это трудно.

– У чужеземцев существует сходное искусство. Только вместо мечей они

используют пистолеты. Старк – мастер этого искусства.

– А! Мы были неправы, когда решили не принимать его всерьез лишь потому, что он – чужеземец.

– Когда мы позволяем себе видеть лишь то, что желаем, – сказал Гэндзи, – нам доступны лишь образы, возникающие в нашем сознании. Мы упускаем то, что происходит на самом деле.

Уж не намекает ли Гэндзи на свою способность видеть будущее? Хиромицу показалось, что так оно и есть. Действительно, ведь Гэндзи почти в открытую признал это, когда объявил, что знает исход состязания еще до его начала. Если он способен узреть даже такие мелочи, не значит ли это, что ему открыт исход более важных дел, в том числе и наиважнейшего из всех, надвигающейся междоусобной войны? Непременно нужно будет при первой же возможности обсудить это с соседними князьями. Здесь происходит нечто весьма примечательное. Возможно, это куда важнее обычного состязания по иайдо.

– Поскольку вам не было известно о его способностях, нечестным было бы заставлять вас платить за проигрыш, – сказал Гэндзи. – Я снимаю Старка с состязаний.

– Нет-нет, князь Гэндзи! Давайте продолжим! Все это чрезвычайно увлекательно. Кроме того, рискуете здесь только вы. Я ведь не делал никакой ставки.

– Я тоже ничем не рискую, – сказал Гэндзи, – поскольку результат совершенно ясен.

Гэндзи определенно заявлял о своем даре предвидения. Ну что ж, вот и возможность испытать его.

– Если вы не против, – сказал Хиромицу, – я хотел бы заменить участников последних двух кругов.

– Как вам будет угодно.

Хиромицу решил выставить против чужеземца своего командира пехоты, Акети. Если чужеземец одолеет, ему придется встретиться с командиром кавалерии, Масаюки. Акети ударил своего противника в правый бок, точно и аккуратно – но лишь через мгновение после того, как Старк дотянулся до его шеи.

Масаюки был лучшим фехтовальщиком княжества Яма-кава. Он мог поспорить с любым бойцом страны, кроме одного лишь Сигеру. Если и ему не удастся превзойти чужеземца, значит, в дело точно замешаны какие-то сверхъестественные силы. Воистину, лишь прозрение могло подсказать подобный исход состязания.

Масаюки и чужеземец извлекли мечи в один и тот же миг. Оба удара были четкими и правильными. Масаюки ударил соперника в лоб, а тот его – в правый висок.

– Удары нанесены одновременно, – провозгласил управляющий, занимавший место главного судьи.

– Вот и мне тоже так показалось, – сказал Хиромицу. – Князь Гэндзи, господин Сигеру, каково ваше мнение?

– Удары нанесены одновременно, – подтвердил Сигеру.

– Значит, я проиграл заклад, – сказал Гэндзи.

– Никто из нас не проиграл. Это ничья.

– Я проиграл, поскольку сказал, что Старк победит, – возразил Гэндзи. – А он не победил.

Масаюки поклонился чужеземцу. Тот протянул руку.

– У них принято вместо поклонов пожимать друг другу руку, – пояснил Гэндзи. – Он признает вашу победу.

Американец и самурай обменялись рукопожатием.

– Прекрасный удар, Масаюки, – сказал Гэндзи. – Ты выиграл великолепного боевого коня и сто рё золотом для себя, а также незабываемую неделю для своего князя.

Масаюки низко склонился:

– Я не могу принять эти награды, князь Гэндзи. Чужеземец довел удар раньше меня. Победитель – он.

– Ты уверен? – спросил Хиромицу.

– Да, мой господин, – ответил Масаюки. Гордость не позволила ему присвоить незаслуженную победу. – Я глубоко сожалею о своей оплошности.

– Вы сделали все, что в ваших силах, и честно признали результат, – сказал Гэндзи, – а это никак нельзя назвать оплошностью.

– Сколь удивительный итог! – заметил Хиромицу. – Если не для вас, то для меня точно.

– Мой племянник редко бывает удивлен, – отозвался Сигеру.

– Да, я об этом слышал, – кивнул Хиромицу.

– Куда нам следует доставить главный приз? – поинтересовался управляющий.

– А зачем его куда-то доставлять? – удивился Гэндзи. – Старк поедет на нем.

– Но, господин! – не удержался управляющий. – Это же боевой конь, а не обычный скакун! С ним справится лишь опытный воин, любого другого наездника он просто убьет!

Гэндзи улыбнулся:

– Может, вы хотите побиться об заклад?

Гости отклонили предложение Хиромицу заночевать у него в замке. Хиромицу не стал спрашивать ни о чем. Ни о том, почему они так торопятся вновь отправиться в путь, ни о том, куда направляются. Он был уверен, что Гэндзи, провидя будущее, сам знает, что ему делать.

* * *

– Ты искусно воспользовался своей репутацией, – сказал Сигеру.

– Ты о состязании и споре?

– О предвидении и таинственных силах. Хиромицу теперь уверен, что ты каким-то образом за несколько минут превратил чужеземца в мастера иайдо. И благодаря своему дару предвидения знал, что случится невозможное и чужеземец выиграет. Блестящая стратегия.

– Всего лишь обычный спор, – отмахнулся Гэндзи. – Я подумал, что умение Старка обращаться с револьвером можно применить и к мечу, по крайней мере в этой ограниченной области. Я предполагал, а не знал наверняка.

– Следовательно, в дополнение ко всему прочему, ты еще и удачлив. Мои поздравления! Если ты достаточно удачлив, то это свойство усилит прочие твои полезные качества.

– Так или иначе, на этот раз нам вправду повезло, – сказал Гэндзи. – Не думаю, чтобы Хиромицу захотел помогать тем, кто за нами гонится. А позднее, если вдруг сёгун попытается поднять против нас весь север, думаю, все князья из окружения Хиромицу будут действовать очень, очень неспешно.

Он огляделся по сторонам.

– Мне только кажется, или мы действительно уже неподалеку от монастыря Мусиндо?

* * *

Дзимбо с благодарностью поклонился горячему источнику, согревающему землю: именно благодаря ему растения здесь были не по-зимнему зелены. Он поклонился и старой сосне – за то, что та укрыла своей тенью грибы сиитакэ от солнечного света. Он кланялся каждому грибу, прежде чем сорвать его, и благодарил за то, что они отдают свою жизнь, дабы продлить жизнь людей. Здесь было достаточно сочных, мясистых фунги, чтобы устроить настоящее пиршество. Но Дзимбо взял ровно столько, сколько было нужно, чтобы приправить немудреную трапезу – он собирался угостить деревенских детей. Сиитакэ – очень вкусные грибы. Дети обрадуются. Дзимбо прошелся вокруг источника, собирая пряные травы и съедобные цветы. Дурачок Горо любит есть цветы.

Подумав о детях, Дзимбо остановился, и его затопили печаль и сожаление. Он поклонился, прося прощения у тех двоих детей, чью жизнь оборвал так жестоко. Он вспоминал о них ежедневно и всякий раз представлял их в раю или в Чистой земле, в объятьях Господа нашего Иисуса Христа или богини милосердия Каннон. Он молил Христа спасти его душу и просил Каннон омыть его своей всепрощающей любовью.

Возвращаясь в Мусиндо, Дзимбо встретил одну из деревенских девочек, Кими.

– Дзимбо, сюда кто-то едет! Чужеземцы!

Дзимбо взглянул туда, куда указывала Кими. И действительно, на противоположной стороне долины по узенькой горной тропке спускались шесть всадников. Они находились слишком далеко, чтобы их можно было рассмотреть хорошенько. Но среди них и вправду находились двое чужеземцев, мужчина и женщина. Быть может, это те самые два миссионера Истинного слова, о которых упоминал князь Гэндзи?

Кими вышла на поляну и завопила что есть мочи:

– Эй! Э-ге-гей! – И замахала ручонками, стараясь, чтобы ее заметили.

Третий по счету всадник помахал ей в ответ. Это движение напомнило Дзимбо о князе Гэндзи.

– Они нас увидели! Дзимбо, пойдём с ними поздороваемся!

– Они едут не сюда, Кими. Они просто проезжают мимо.

– Что, вправду? Как обидно! А я хотела посмотреть на чужеземцев.

– И ты, несомненно, на них посмотришь, – сказал Дзимбо. – В должный час.

Тут по долине эхом разнесся громкий голос Горо:

– Дзимбо! Дзимбо! Дзимбо!

– Горо, мы здесь! – Кими принялась выбирать на тропу. – Пожалуй, я лучше пойду разыщу его. А то он может заблудиться.

Дзимбо смотрел вслед всадникам, пока они не скрылись в долине.

* * *

Тропа разветвилась натрое.

– Здесь мы разделимся, – сказал Гэндзи. – Хэйко, ты поведешь Старка по тропам с наветренной стороны гряды. Я с Эмилией поеду через долины. Сигеру вернется назад

и проредит ряды наших преследователей. Скорее всего, за нами движется Кудо со своими людьми. Он любит стрелков, так что будь осторожен. Хидё, ты останешься здесь. Подыщи несколько мест, пригодных для засады. Если они все-таки доберутся сюда, постарайся продержаться их здесь как можно дольше.

– Пусть женщины останутся вместе, – предложил Сигеру. – Старку следует отправиться с вами.

– Я согласен, – поддержал его Хидё. – Пророчество гласит, что на Новый год некий чужеземец спасет вам жизнь. После того как Старк за несколько минут научился владеть синаи, сомнений быть не может: речь шла о нем. Но если его не будет рядом с вами, он никак не сумеет исполнить пророчество.

– В этих глухих местах полно разбойников и дезертиров, – возразил Гэндзи. – Две беззащитные женщины далеко не уедут.

– Я не так уж беспомощна, мой господин, – подала голос Хэйко. – Дайте мне ваш короткий меч, и я доеду туда, куда нужно. Обещаю.

– Ты доедешь туда, куда нужно, потому что тебя довезет Старк, – сказал Гэндзи. – Не спорьте. Я так решил. Новый год долог. Кто может сказать, где именно произойдет это спасение? И кто возьмется твердо назвать имя спасителя? Возможно, это будет Эмилия, а не Старк. Истолковать пророчества всегда нелегко.

– Сейчас не время для шуток, – произнес Хидё. – Старк будет хорошим помощником, если вам придется с кем-то столкнуться. Эмилия же превратится в обузу, и вам придется заботиться еще и о ней.

– Я – самурай, – отрезал Гэндзи. – И при мне – два меча и лук. Ты хочешь сказать, что я не в состоянии защитить себя и своего спутника?

– Конечно же, нет, мой господин. Просто разумнее рисковать как можно меньше.

– Несомненно. Итак, встретимся в Акаоке.

Гэндзи объяснил свой план Старку и Эмили.

– Могу я поговорить с Эмилией наедине? – спросил Старк.

– Пожалуйста.

Старк и Эмилия отъехали немного в сторону. Старк достал из-под куртки свой небольшой револьвер тридцать второго калибра и протянул девушке.

– Вот, это может вам пригодиться.

– Но в ваших руках он будет куда полезнее. Или отдайте его князю Гэндзи.

– Может случиться так, что князь окажется не в состоянии вас защитить.

– Но если он не сможет спасти меня, то что же делать мне? Я никогда в жизни не стреляла из револьвера.

– Нужно взять его вот так, – показал Старк, – вот так взвести курок и вот так нажать. Это несложно.

– Но ведь нужно еще прицелиться!

– Прижмите его прямо к цели. – Старк поднес револьвер к собственному виску. – Вам не придется целиться.

Эмилия поняла, что он хотел сказать. Мэтью пытался подготовить ее к самому худшему. Он хотел предоставить ей возможность избежать судьбы, которая хуже смерти. Он не знал, что Эмили уже пришлось это пережить. И ведь она – христианка. Не такая хорошая, как ее покойный жених, но все-таки христианка. Она не может собственными руками лишить себя жизни.

– Спасибо, что беспокоитесь обо мне, Мэтью. А как же госпожа Хэйко? Разве мы не должны думать сперва о других людях, особенно о тех, кому мы обязались нести

слово Господне, а потом уже о себе? Как же вы сможете защитить ее, если отдадите мне свой револьвер?

Старк спешился и развязал седельную сумку. Он извлек из сумки свернутый свитер и, развернув его, вынул револьвер сорок четвертого калибра – тот самый, который выкопал тогда из-под руин дворца. Затем на свет Божий появилась кобура. Старк надел ее, затянул кожаные ремешки на бедре и вложил большой револьвер в кобуру. Потом он несколько раз медленно достал его и положил обратно, проверяя, как металл скользит по коже кобуры.

Меньший же револьвер Старк снова предложил Эмилии, и на этот раз девушка его приняла – не потому, что решила воспользоваться, а просто затем, чтоб Старку было спокойнее. Им обоим предстоял долгий путь. Если Мэтью в своем опасном путешествии будет беспокоиться еще и о ней, это не пойдет ему на пользу.

Увидев револьвер, Хидё сказал:

– Если у него два револьвера, нам следовало бы попросить его отдать второй князю Гэндзи.

– Никого, даже чужеземца, нельзя просить отдать свое оружие другому, – сказал Сигеру. – Если он захочет, то отдаст сам. Если же нет, не нам о том говорить.

Он поклонился Гэндзи, не сходя с седла:

– Да хранят тебя наши предки! Пусть сэберегут они тебя и благополучно приведут домой!

Сигеру повернулся и пришпорил коня. Всего лишь несколько секунд – и он уже скрылся из глаз.

– Я обещал показать вам мой замок, госпожа Хэйко, и вскоре исполню свое обещание.

– Я буду с нетерпением ожидать этого, мой господин. Счастливого вам пути.

И Хэйко со Старком двинулись по тропе, уходящей на север.

– Никто не пройдет мимо меня, пока я жив, – сказал Хидё.

– Довольно будет, если ты просто удержишь их, не жертвуя своей жизнью. У меня не так уж много людей, которым я могу доверять безоговорочно. И ты – один из них. Постарайся присоединиться ко мне в «Воробьиной туче».

– Господин... – только и смог выговорить Хидё, тронутый до глубины души.

Гэндзи поскорее повез Эмилию прочь, чтоб не видеть слез, выступивших на глазах его чувствительного старшего телохранителя.

* * *

Буря бушевала куда дольше, чем рассчитывал Сэйки. Прошло уже пять дней, а их все еще носило по морю.

– Мы увидим землю часа через два, – сказал Сэйки.

– Вы это уже говорили два часа назад, – возразил Таро. Они с Симодой окончательно вымотались и стерли руки в кровь, ведь им приходилось непрестанно грести, дабы удержать лодку носом к волне.

Сэйки присмотрелся. Впереди бурлило что-то непонятное. Так далеко от берега водовороты встречались редко. Может, здесь риф, не нанесенный на карту.

– Возможно, там опасность, – заметил он. – Приготовьтесь. Нам придется резко свернуть в сторону.

Вода под лодкой начала двигаться вперед. И в тот самый миг, когда Сэйки

уразумел, что происходит, в двадцати шагах от них показалась огромная туша.

– Морские чудовища! – вскрикнул Таро.

– Киты, – сказал Сэйки.

Еще двое китов всплыли неподалеку от лодки. Мать с детенышем. Сэйки никогда прежде не видел китов у Акаоки посреди зимы. Быть может, эта стая задержалась на севере из-за необычно теплой погоды. Сэйки приветственно поклонился китам. Когда-то он охотился на них. Теперь же ему остается лишь смотреть, как они проплывают мимо.

Внезапно вода под ними вскипела; лодка развалилась, и трое мужчин полетели в море. Мощный водоворот, поднятый проплывающим китом, затянул Сэйки глубоко под воду. Ему все-таки удалось прорваться к поверхности – в тот самый миг, когда горящие легкие уже вынудили его раскрыть рот. У воды был какой-то странный привкус. Сэйки осмотрел себя, проверяя, нет ли раны. Раны не было, но была кровь – целое море крови. Столько не нашлось бы во всем его теле. Она продолжала бить ключом откуда-то снизу. Темно-алый поток омыл Сэйки теплом, и в этот миг не более чем в десяти шагах от него вынырнул кит с гарпуном в спине. Его огромный мрачный глаз уставился на Сэйки.

Что это было: обычное животное или призрачное воплощение одного из тех китов, убитых им в давние годы? Быть может, его дух явился требовать возмездия? От кармы не уйдешь. Теперь ему предстоит расплатиться за преступления против равных ему разумных существ. Ведь Будда говорил, что все жизни суть одна. Он умрет, захлебнувшись призрачной кровью, и с ним умрут надежды его князя на спасение. Ему осталось жить каких-нибудь несколько минут. Больше он в этой ледяной воде не протянет.

Потом Сэйки увидел рассекающий волны спинной плавник. Акулы. Призраки убитых им китов могут быть довольны. Как он убивал и съедал их, так теперь он сам будет, в свою очередь, убит и съеден хищниками, которых привлекла разлившаяся в воде кровь.

– Вон! – раздался чей-то крик. – Вон еще один!

Сэйки повернулся в ту сторону, откуда донесся этот возглас, и увидел, что к нему быстро приближается баркас.

* * *

Баркас был из Кагэсимы, той самой деревни, в которой Сэйки так часто бывал в молодости. Раненый кит, разнесший лодку Сэйки, пытался скрыться от охотников. Так что карма тут была ни при чем.

– Симода сильно пострадал, – сказал Таро. Его вытащили из воды первым. – У него сломаны несколько ребер и левая нога.

– Он выздоровеет, – обещал один из рыбаков. – Моему двоюродному брату раздробило обе ноги, и ничего, выжил. Правда, ходит он теперь не очень хорошо, но что ж поделать.

– Что вы делали так далеко от берега в такой крохотной лодчонке? – спросил другой рыбак.

– Мы служим Гэндзи, князю Акаоки, – ответил Сэйки. – Нам необходимо как можно быстрее добраться до «Воробьиной тучи». Это вопрос жизни и смерти. Вы сможете доставить нас туда?

– По такой буре – нет, – отозвался человек, сидевший за рулем. – Если вы самурай, где же ваши мечи?

– Не дерзи, – одернул его Сэйки. – Как нетрудно догадаться, мы потеряли мечи, когда кит швырнул нас в море.

– Самураям не полагается терять свои мечи.

– Тихо! Веди себя, как подобает человеку твоего ранга! Рыбак поклонился, но не слишком низко. Сэйки решил, что разберется с ним, как только они доберутся до берега.

Один из рыбаков некоторое время присматривался к Таро, потом поинтересовался:

– Вы, случайно, не из людей настоятеля Сохаку?

– Откуда ты меня знаешь?

– Три месяца назад я привозил в монастырь сушеную рыбу. Вы работали на кухне.

– А, теперь припоминаю. Какое удивительное совпадение: на этот раз мы встретились посреди моря.

– Вы по-прежнему остаетесь вассалом настоятеля? – спросил капитан.

– Конечно! Как и мой отец до меня.

– Какое рыбаку может быть дело до того, кого называет своим господином самурай? – спросил Сэйки.

– Взять его, – приказал капитан.

Несколько рыбаков навалились на Сэйки и быстро связали его веревкой от гарпуна. Таро они схватили, но связывать не стали.

Капитан сказал:

– Настоятель Сохаку объявил о введении регентского правления. Наш господин, Фумё, последовал за Сохаку. Ты сказал, что по-прежнему остаешься его вассалом. Это так?

Таро посмотрел на Сэйки.

– Мне очень жаль, господин управляющий, но я должен следовать своей клятве. Да, я по-прежнему остаюсь вассалом настоятеля Сохаку.

Рыбаки отпустили Таро.

Капитан кивком указал на Симоду:

– Свяжите и его тоже.

– Не стоит, – сказал Таро. – Он уже связан – своими ранами.

– И все-таки свяжите. С самураями ничего нельзя знать наверняка. Они опасны, даже когда находятся при смерти.

К берегу они добрались уже затемно. Таро позволили вымыться и переодеться. Сэйки и Симоду без всяких церемоний загнали в угол хижины; их сторожили два рыбака с гарпунами.

– Княжество на грани междоусобной войны, – сказал капитан. Он был одним из старейшин деревни. – Треть вассалов до сих пор не решили, чью сторону им принять. Остальные разделились между Гэндзи и Сохаку.

– Может, позволим и этим двоим выкупаться? – спросил какой-то человек.

Сэйки узнал его. Двадцать пять лет назад он помог Сэйки добыть его первого кита.

– Зачем? – удивился старейшина. – Все равно они скоро умрут.

– Как вы могли выступить против князя, знающего о будущем больше, чем вы

знаете о дне вчерашнем? – спросил Сэйки.

– Может, вы, господин самурай, и считаете нас, крестьян, глупцами, но все же мы не настолько глупы.

– Я собственными глазами видел, как исполняются его предсказания.

– Что, правда? Тогда скажите нам, что будет с вами дальше. Сэйки презрительно взглянул на собеседника.

– Даром предвидения наделен мой князь, а не я.

– И он никогда не рассказывал вам о вашем будущем?

– Я служу ему, а остальное меня не интересует.

– Очень удобная позиция.

– Он предсказал предательство Сохаку и Кудо и потому отправил меня сюда, собирать войско. А господин Сигеру тем временем разберется с предателями.

– Господин Сигеру мертв.

– Можешь так считать, если тебе это больше нравится. Мне надоело слушать глупости.

И Сэйки закрыл глаза, выражая всем видом безразличие к собственной судьбе.

Старейшина взглянул на Таро:

– Господин, это ведь неправда?

– Правда, – сказал Таро. – Я ехал вместе с господином Сигеру из монастыря Мусиндо в Эдо. Всего лишь пять дней назад он находился при князе Гэндзи.

Рыбаки принялись встревоженно переговариваться:

– Надо послать гонца к господину Фумё и спросить, что делать дальше. Если господин Сигеру жив, это очень опасно – сражаться с его племянником.

– А кого пошлем?

– Кого-нибудь из старейшин.

– Пойду я, – заявил Таро. – Это было бы непочтительно с вашей стороны: отправлять вашему господину столь важную весть с крестьянином, когда это может сделать самурай. А вы пока что присмотрите за пленниками и проследите, чтобы с ними ничего не случилось.

– Благодарим вас, господин. Мы не станем ничего предпринимать, пока вы не принесете приказ нашего господина.

Шесть часов спустя деревня уснула. Даже двое охранников, приставленные к пленным, задремали. Таро бесшумно проскользнул в хижину. Он свернул шею первому охраннику, взял его гарпун и всадил в сердце второму. Оба умерли, не успев даже вскрикнуть.

– Я давал клятву Сохаку, – сказал Таро, развязывая Сэйки и Симоду. – Но я также поклялся Хидё, что буду помогать ему охранять князя Гэндзи – даже ценой жизни. Вторая клятва важнее.

– Я не смогу идти, – сказал Симода. Он уже успел подобрать гарпун. – Но это ничего. Я еще многих прихвачу с собой, прежде чем умереть.

У кромки леса Сэйки на миг задержался и в последний раз взглянул на деревню. Он знал, что никогда больше не увидит ее такой. Когда мятеж будет подавлен, он вернется сюда с отрядом и лично уничтожит Кагэсиму. И с нею умрет часть его счастливой юности. Сэйки плакал, даже не стараясь сдержаться.

Воистину, киты будут отомщены сполна.

Вскоре после того, как они расстались с князем Гэндзи, Хэйко извинилась и сказала, что ей нужно переодеться. Она не стала спрашивать Старка ни о его револьвере, ни о том, как он умудрился победить пятерых опытных самураев при помощи оружия, которого никогда прежде не брал в руки. Впрочем, быть может, Старк и сам этого не знал. Это Гэндзи знал, что он выиграет. Гэндзи однажды увидел, как Старк выхватывает пистолет, и понял, что он может так же быстро выхватывать меч. Хотя с Гэндзи случилось бы рискнуть.

Новый конь Старка нетерпеливо рыл копытом снег; ему не нравилось стоять на месте. Старк похлопал жеребца по шее, пробормотал что-то ласковое, и конь успокоился.

Когда Хэйко вернулась, оказалось, что она преобразилась до неузнаваемости. Яркое кимоно куда-то исчезло, а с ним и причудливая прическа. Теперь на ней была простая куртка и свободные шаровары наподобие тех, что носили самураи, а из-за пояса торчал короткий меч. Волосы Хэйко заплела в косу и спрятала под круглую широкополую шляпу. Она не задавала Старку вопросов ни о его револьвере, ни об иайдо, а он не обмолвился ни о ее наряде, ни о мече.

– Этой тропой редко пользуются, – сказала Хэйко. – Вряд ли мы встретим разбойников. Они предпочитают сидеть там, где больше проезжих. А вот Сохаку опасен. Он тоже знает эти горы. Он может послать своих людей нам наперехват.

– Я готов.

Хэйко улыбнулась:

– Знаю, Мэтью. Потому я ничуть не сомневаюсь, что мы благополучно доберемся до конца пути.

Два дня они ехали без приключений. На третий день Хэйко остановила коня и поднесла палец к губам, призывая к молчанию. Она спешила, вручила Старку поводья своего коня и исчезла среди деревьев. Вернулась она через час. Двигаясь все так же бесшумно, Хэйко жестом велела Старку оставить лошадей и идти за ней.

Они вышли на гребень следующей горы и увидели у поворота тропы три десятка самураев, вооруженных мушкетами. Тропа была перегорожена завалом из бревен, достигающим в высоту пяти футов. Убедившись, что Старк все как следует рассмотрел, Хэйко отвела его обратно к лошадям.

– Сохаку, – сказала она.

– Я его не видел.

– Он хочет, чтобы мы подумали, будто он увел остальных своих людей куда-то в другое место.

– А что, это не так?

– Увел, но недалеко. Если бы вы хотели миновать этот завал без боя, что бы вы стали делать?

– Вдоль склона есть узкая тропка. От завала ее не видать. Ночью я там пройду. – Старк на мгновение задумался. – Но лошадей нам придется оставить. Эта тропа не для всадника.

– Именно этого и добивается от нас Сохаку, – сказала Хэйко. – Вдоль этой тропки в лесу прячутся его люди. Даже если нам удастся проскользнуть мимо них, пешими мы далеко не уйдем. Они схватят нас, прежде чем мы успеем добраться до безопасного места.

Старк хорошенько припомнил все, что успел рассмотреть. Он не заметил, чтобы

там кто-нибудь прятался, – что, впрочем, и неудивительно, если они спрятались хорошо.

– И что же нам в таком случае делать?

– Я видела, как вы держитесь в седле. Вы – отличный наездник.

– Спасибо. Вы тоже.

Хэйко учтиво поклонилась в ответ на похвалу.

– Хорошо ли вы управляетесь с ним? – поинтересовалась она, указав на револьвер.

– Хорошо.

Старк решил, что сейчас не время для ложной скромности. Если Хэйко спрашивает, значит, ей действительно нужно это знать.

– А метко ли вы стреляете на скаку?

– Не настолько метко, как тогда, когда стою на земле.

Старк не удержался от усмешки. Эта хрупкая маленькая женщина всерьез вознамерилась прорваться через заслон.

* * *

– Не спать! – приказал командир заслона. – Если они попытаются пройти здесь, то это произойдет ночью.

– Да никто сюда не сунется, – возразил один из самураев. – Они увидят завал и отправятся по другой тропе, как и говорил Сохаку.

– Если они увидят, что ты спишь, то могут и передумать. Так что давай-ка, поднимайся и смотри в оба.

Командир сердито взглянул на соседнего самурая.

– Ты что, оглох? Вставай!

И он отвесил соне подзатыльник. Тот повалился замертво. Командир взглянул на руку. Ладонь была в крови.

– Тревога! Враги! – завопил командир и принялся озираться по сторонам.

Кто же эти таинственные враги и где они?

Что-то покатило вниз по склону. Командир вскинул мушкет к плечу. К его ногам свалилось мертвое тело. Это был еще один из их людей. Кто-то перерезал ему горло.

– Ниндзя! – раздался чей-то отчаянный вопль.

Что за придурок сеет панику?! Ну, пусть только все уляжется, уж он разберется с этим крикуном! Кстати, а кто кричал? У кого такой девчоночий голос?

Командир повернулся, чтобы отдать приказ, и обнаружил, что вплотную к нему стоит человек в плаще – видны были одни лишь глаза. Очень красивые глаза. Командир почувствовал, как по груди у него что-то течет. Он открыл было рот, но вместо слов изо рта хлынула кровь. Падая, командир услышал выстрел. Странно. Выстрел из мушкета звучит иначе. Когда командир уже лежал на земле, до него донесся стук копыт. Мгновением спустя две лошади перемахнули через завал неподалеку от командира. Первый всадник на скаку стрелял из большого пистолета.

Вторая лошадь была без седока. Это хорошо. Значит, хотя бы одного они уничтожили.

Но прежде чем командир успел прикинуть, кого же именно они обезвредили, кровь перестала поступать к его мозгу.

* * *

Старк ждал у ручья. Все прошло в точности так, как предсказала Хэйко. Когда Старк несся к завалу, ведя коня Хэйко в поводу, он ждал, что его встретит залп из мушкетов. И действительно, поднялась стрельба. Только вот стреляли люди Сохаку куда-то совсем в другую сторону. И когда Старк перемахнул через препятствие, несколько тел уже валялось на земле.

Из-за деревьев бесшумно выскользнула Хэйко. Как она умудрилась добраться сюда так быстро?

– С вами все в порядке? – спросила Хэйко.

– Да. А с вами?

– Пуля оцарапала руку. – Девушка присела у ручья, промыла рану и туго перебинтовала. – Пустяки.

Конь Хэйко заржал, и из груди животного вырвался странный булькающий звук. Он заржал снова, на этот раз потише, и рухнул на землю.

Старк и Хэйко поспешили к упавшему коню. Тот еще дышал, но ясно было, что скоро он затихнет навсегда. Пуля разорвала животному шейную артерию. Снег потемнел от крови.

– У вас сильный конь, – сказала Хэйко. – Он сможет везти нас обоих, пока мы не добудем еще одну лошадь.

И она устроилась на крупе коня, позади Старка. Хэйко была такой легкой, что вряд ли жеребец вообще заметил дополнительную ношу.

Интересно, кто убил больше врагов в засаде, он или Хэйко?

И все ли гейши обладают столь разнообразными талантами?

* * *

Едва лишь Сохаку услышал первые выстрелы, как тут же погнал свои основные силы к завалу. И обнаружил, что восемнадцать из тридцати оставленных там людей убиты или серьезно ранены.

– На нас напали ниндзя, – сказал один из уцелевших. – Они набросились со всех сторон одновременно.

– Сколько их было?

– Нам не удалось толком их рассмотреть. С ниндзя всегда так бывает.

– Князь Гэндзи был с ними?

– Я его не видел. Но он мог находиться среди тех всадников, которые перескочили через завал. Они промчались очень быстро. И стреляли на ходу.

– Стреляли?

Хидё и Сигеру, покидая Эдо вместе с Гэндзи, прихватили с собой мушкеты. Раз велась стрельба, значит, Гэндзи здесь. Если они и вправду разделились на две или три группы, как советовал им сам Сохаку, стрелки должны были отправиться сопровождать князя.

– Вы их сосчитали?

– Да, преподобный настоятель. Самое меньшее пять. А может, даже десять.

Сохаку нахмурился. Пять или десять стрелков. Плюс к этому неизвестное количество ниндзя. Это означало, что Гэндзи получил откуда-то подкрепление. Но

откуда? От кого? Неужто его союзники уже отправились ему на помощь?

– Пошли гонца к Кудо. Пусть он присоединяется к нам.

– Слушаюсь, преподобный настоятель. Следует ли отправлять гонца немедленно?

Сохаку услышал в голосе самурая нерешительность и разозлился. Неужто его люди так слабы, что одна-единственная стычка настолько подорвала их дух?

– Когда же, если не сейчас?

– Прошу прощения, господин, что высказываю непрошенные предположения, но не разумнее ли будет подождать до утра?

Сохаку взглянул на тропу. В небе висел молодой месяц, и его тусклого света хватало лишь на то, чтобы человеку начали мерещиться тени среди теней. Когда у человека разыгрывается воображение, он становится уязвим, а ниндзя умело пользуются этим. И некоторые из них поддерживают Гэндзи. Быть может, какой-нибудь ниндзя следит сейчас за ними – именно затем, чтобы помешать Сохаку связаться с союзниками?

Гнев Сохаку утих.

– Хорошо, отправьте его утром.

Но на рассвете к ним самим явился гонец.

* * *

Каваками ожидал, что Гэндзи спустится с гор к берегу Внутреннего моря. Интересно, удалось ли Кудо подстрелить Сигеру? Хотя на самом деле это не так уж и важно. Даже если Сигеру все еще цел, ему недолго оставаться в живых. В двухтысячном войске Каваками пятьсот стрелков с мушкетами. Ни один фехтовальщик не выстоит против пяти сотен мушкетов – даже Сигеру.

Гэндзи придется куда хуже. Да, он князь и пользуется множеством привилегий, но он покинул Эдо без дозволения сёгуна и поплатится за это. Столь вопиющее нарушение Закона о смене места пребывания уже само по себе заставляет заподозрить в Гэндзи мятежника. А сёгун не любит мятежников. Гэндзи ожидают арест, суд и суровый приговор. Ему придется ответить на множество вопросов. Немало тайн выплывет на поверхность. Предстоит разобраться, кто о чем знал, а кто не знал.

Прежде чем Гэндзи получит приказ совершить ритуальное самоубийство, он будет унижен и опозорен. Почти двадцать лет назад Каваками соорудил искусную ловушку – и теперь она готова захлопнуться. Тогда Каваками еще не знал, что его жертвой станет Гэндзи. Князем Акаоки в то время был дед Гэндзи, Киёри, и наследником его считался никчемный отец Гэндзи, Ёримаса. Именно его и держал на примете Каваками, когда его осенила столь блестящая идея. Она была столь великолепна, что замысел Каваками совершенно не пострадал, когда одна жертва сменилась другой. Осознание собственной мудрости доставляло Каваками истинное удовлетворение. Да и кто на его месте не гордился бы собою?

– Господин, прибыл гонец от сёгуна.

– Веди. Нет, погоди. Есть какие-нибудь известия от Мукаи?

– Нет, мой господин. Кажется, он покинул Эдо. Но никто не знает, куда и почему он уехал.

Столь тревожной новости Каваками не слышал уже давно. Сам Мукаи особого значения не имел. Но он всегда был таким флегматичным, таким скучным, таким предсказуемым... Это было его главным, а возможно, и единственным достоинством.

И то, что Мукай вдруг повел себя столь нехарактерным образом, внушало беспокойство – особенно сейчас, когда само время стало беспокойным. Каваками решил, что в следующий раз, когда увидит Мукай, выразит ему свое глубокое неудовольствие.

– Господин Каваками. – Гонец опустился на одно колено и согнулся в поклоне, подобающем самураю во время военных действий. – Господин Ёсинобу шлет вам свои приветствия.

Ёсинобу был главой сёгунского Совета. Каваками забрал у гонца письмо и поспешно распечатал его. Возможно, обстановка в столице сделалась настолько напряженной, что Совет решил применить к Гэндзи более решительные меры.

Быть может, отдан приказ немедленно уничтожить клан Окумити. Если это и вправду так, войско сегуна должно без отлагательств двинуться к прославленной крепости княжества Акаока, замку «Воробьиная туча». Поскольку отряд Каваками и так уже находится на полпути к Акаоке, неудивительно будет, если выполнять этот приказ поручат именно ему.

Но все обернулось совсем иначе.

Разочарование, постигшее Каваками, оказалось так велико, что у него заныло в груди. Совет задним числом одобрил отъезд князей и их семейств из Эдо. А кроме того, действие Закона о смене места пребывания было временно приостановлено – до дальнейших распоряжений. Итак, Гэндзи больше не предатель. Он – законопослушный князь, подчиняющийся распоряжениям сегуна.

– Сёгун тоже покинул Эдо?

– Нет, мой господин.

Гонец вручил Каваками еще одно письмо.

Сёгунский Совет приказывал всем князьям – союзникам сегуна подготовить свои войска к выступлению на равнины Канто и Кансаи, на тот случай если придется останавливать чужеземное вторжение и предотвращать попытку захвата императорской столицы, Киото, или сёгунской столицы, Эдо. В Канто войска выступят от замка Эдо, и поведет их сам сёгун. Как писал Ёсинобу, сто тысяч самураев уже готовы сражаться с захватчиками не на жизнь, а на смерть.

Каваками едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Сто тысяч самураев с мечами, несколькими устаревшими мушкетами и древними пушками! В случае вторжения чужеземцев они очень быстро превратятся в сто тысяч трупов!

– Эскадра военных кораблей успешно обстреляла Эдо, – сказал Каваками, – и не понесла никаких потерь. Что, если чужеземцы и в дальнейшем будут придерживаться подобной тактики?

– Им не удастся завоевать Японию при помощи одних лишь военных кораблей, – ответил гонец. – Рано или поздно, но им придется сойти на берег. И тогда мы перебьем их, как наши предки перебили монголов хана Хубилая.

Гонец был всего лишь одним из множества ему подобных самураев, всецело полагающихся на меч и живущих прошлым. Осадные орудия чужеземцев швыряют снаряды ростом с человека на пять миль. Их новые многоствольные пушки выплевывают пулю за пулей, с перерывом в секунду. У одной такой пушки огневая мощь больше, чем у целого отряда стрелков с мушкетами, а таких пушек у чужеземцев множество. Их ружья и пистолеты заряжаются патронами – чужеземцам не нужно возиться с порохом и пулями по отдельности. И что самое важное, пока стараниями рода Токугава японские самураи двести пятьдесят лет пребывали в дремоте,

чужеземцы воевали друг с другом.

– Мы противопоставим их боевым машинам наши мечи и наш воинский дух, – молвил Каваками, – и покажем чужеземцам, из чего мы сделаны.

Из плоти. Из костей. Из крови.

– Да, господин Каваками, – откликнулся гонец, гордо выпятив грудь, – мы им покажем!

* * *

Хидё хорошо подготовил свою засаду. Он разыскал вокруг перекрестка добрую дюжину подходящих мест. У него было два мушкета – его собственный и Сигеру. Он выстрелит с одного места, потом перебежит на другое и оттуда пустит стрелу. Потом он доберется до следующего, перезарядит мушкеты и выстрелит еще раз. Конечно, Сохаку и Кудо не дураки, но все-таки они засомневаются, и неуверенность заставит их двигаться медленнее.

Но пока что никто не шел. Три ночи назад Хидё слышалось, будто ветер донес до него звуки выстрелов. Стреляли в той стороне, куда уехали госпожа Хэйко и Старк. Хидё почему-то казалось, что они благополучно ускользнули от врагов. После турнира по иайдо Хидё был очень высокого мнения о Старке. Госпожа Хэйко сейчас под надежной защитой.

А вот о князе Гэндзи Хидё беспокоился. Конечно, знание будущего поможет ему уберечься от опасности. Однако же князь сам говорил, что пророчества не всегда легко понять. Хидё чувствовал бы себя куда спокойнее, если бы Старк все-таки сопровождал князя.

Потом Хидё перестал размышлять о пророчествах и сосредоточил все свое внимание на том, что творится вокруг. Сзади кто-то приближался. Неужто он, Хидё, оказался столь глуп, что враг зашел ему в тыл, а он этого даже не заметил? Хидё поднял мушкет и приготовился стрелять. Но оказалось, что в его сторону движется один-единственный человек. Человек вел под уздцы коня, волокущего за собой самодельные сани. На санях лежало два тюка – судя по виду, тела, завернутые в одеяла.

Хидё опустил мушкет. Он узнал Сигеру.

И его пробрал холод.

Чьи тела лежали на санях?

Глава 11 ЮКИ-ГО-ТИ

С точки зрения стратегии я, конечно, должен сожалеть о наших потерях, понесенных в сражении. Поражение всегда нелегко принять. Однако же я не могу отделаться от ощущения, что с эстетической точки зрения трудно желать лучшего результата.

Белизна только что выпавшего снега. Красный цвет текущей крови. Есть ли на свете что-либо белее этой белизны, краснее этого красного цвета, что-либо холоднее снега и теплее крови?

Судзумэ-нокумо (1515)

Когда второй разведчик не вернулся, Кудо забеспокоился. Когда же и третий пропал бесследно, Кудо приказал отступить. Впоследствии он понял, что это было ошибкой. Отступающие самураи куда меньше уверены в себе, чем самураи, идущие вперед.

Кудо увидел, что в их сторону скачет один из воинов тылового охранения.

– Господин, остальные исчезли!

– Что значит «исчезли»?

– Вот только что они были, а мгновение спустя их не стало! – Самурай испуганно оглянулся через плечо. – Кто-то охотится на нас.

– Сигеру! – вырвалось у другого самурая.

– Возвращайся назад, – велел Кудо. – Ты, ты и ты – пойдете с ним. Люди так просто не исчезают. Найдите их.

Самураи, на которых указал Кудо, переглянулись. Никто из них не спешил выполнять приказ.

Кудо уже готов был строго наказать их, когда всадник, ехавший в голове колонны, вскрикнул и судорожно вцепился в древко стрелы, вошедшей ему в правую глазницу.

* * *

Сигеру предпочел бы, чтобы Кудо со своими людьми продолжали погоню – хотя бы еще недолго. Тогда он убил бы половину этих предателей, пока они наступают, и вторую половину – когда они начнут отступать. В этом содержалась некая приятная симметрия. К несчастью, он не имел сейчас возможности считаться с подобными эстетическими соображениями.

Сигеру посмотрел на огромную каменную постройку, видневшуюся среди деревьев. Огромные трубы извергали в небо потоки зловонного дыма. Темные хлопья пепла падали с неба, словно тени мертвых снежинок, укрывая все вокруг черным покровом. Жалкие, робкие люди в одинаковой бесформенной серой одежде, стриженные почти налысо, толкали самодвижущиеся повозки прочь от здания и выстраивали их аккуратными рядами. Земля дрожала – быть может, от смеха демонов?

Пока что видения оставались мимолетными и полупрозрачными, и потому их можно было терпеть. Но они быстро становились более живыми и более абсурдными. Они являлись все чаще и делались все более убедительными – вот что хуже всего. Пока что Сигеру еще способен был различать видения и реальность. Но это долго не протянется.

С того момента, как он расстался с Гэндзи, минуло всего два дня. Если все и дальше пойдет с такой скоростью, еще через два дня он снова превратится в законченного безумца – такого, каким был во время пребывания в монастыре Мусиндо. В подобных обстоятельствах следовало считать добродетелью не терпение, а поспешность.

Конь Сигеру почти бесшумно ступал по заснеженному лугу. Вчера Сигеру доверился инстинкту животного и проехал прямо сквозь огненную тюрьму, в которой сидели сломленные люди. Сегодня у Сигеру уже не хватало силы воли поступать так, и он объезжал возникающие перед ним видения.

У Кудо – шестнадцать человек. Должно быть, он взял с собой лучших стрелков, каких только сумел найти. Возможно, они бы и вправду неплохо стреляли, если бы успевали увидеть цель. Но они не обладали ни дисциплиной, ни мужеством. Стоило убить четверых, и остальные обратились в бегство, спасаясь от одного-единственного невидимого врага. Сигеру порадовался, что среди этих самураев нет его учеников. Ему было бы неприятно.

Сигеру пустил стрелу в горло очередному всаднику. Он не стал дожидаться и смотреть, достигла ли стрела цели. Сдавленный вскрик и пальба – достаточно красноречивый ответ. Пули били в стволы деревьев и со свистом проносились сквозь листву, но свистели они вдалеке. Никто не стрелял в ту сторону, куда на самом деле скрылся Сигеру. Жалкая картина. Возможно, чужеземцам на завоевание Японии понадобится куда меньше времени, чем он предполагал. И они ее, несомненно, завоюют, если нынешние самураи таковы.

Некоторое время Сигеру наблюдал, как Кудо пытается заставить своих людей занять оборону под прикрытием нескольких могучих сосен. А потом, пока предатели продолжали палить куда-то в белый свет, зашел им в тыл.

* * *

Кудо кипел от злости. Ситуация делалась все более нелепой. Пятнадцать человек с мушкетами окружены одним-единственным противником. То, что этот противник – Сигеру, роли не играло. Если бы дело решали мечи, это, конечно, было бы очень важно. Но ведь сейчас современные стрелки противостояли одному отжившему свое безумцу. Они вполне могли застрелить его, прежде чем он приблизится к кому-либо из них на расстояние удара мечом. Да, правда, Сигеру вдобавок ко всему мастерски владел луком. Пять трупов служили тому подтверждением. Если бы люди Кудо не забыли о дисциплине, они сумели бы по полету стрелы определить, где именно находится Сигеру.

Кудо почти час оставался на прежнем месте, хотя непосредственная угроза уже миновала. Он знал, что Сигеру давно ушел – возможно, для того, чтобы подготовить очередную засаду. Но он, не двигаясь с места, чтобы дать своим людям возможность успокоиться. Если они не преодолеют страха и не вспомнят, что превосходят врага и по численности, и по вооружению, то всем им действительно грозит серьезная опасность.

– Не следует ли нам сдаться? – спокойно поинтересовался Кудо. – Думаю, да. В конце концов, нас всего лишь в пятнадцать раз больше, у нас лишь мушкеты – против его лука, и мы окружены. По крайней мере, мне так кажется. Только вот я никак не пойму: как это один человек окружил пятнадцать? Прошу, поведайте мне эту тайну.

Самураи пристыженно переглянулись.

– Простите нас, господин Кудо. Мы допустили, чтобы слава Сигеру застила нам глаза. Вы, несомненно, правы. Нам вовсе незачем жаться друг к другу, словно перепуганные дети.

– Так что, вы готовы снова вести себя как самураи?

– Господин!

Все поклонились.

Кудо разбил своих людей на три пятерки. Они должны были ехать по отдельности, но в пределах видимости друг друга. Тогда расстояние будет достаточно

велико, и Сигеру сможет обстреливать лишь одну группу, а другие тем временем вычислят, где он находится, и тогда в ход пойдут все пятнадцать мушкетов.

– Даже если мы не подстрелим его с первого раза, – сказал Кудо, – мы его засечем. И тогда три наши группы играючи догонят его, окружают и расстреляют.

– Да, господин.

Кудо повел одну из групп по левому склону горы – открытому пространству. Хоть бы Сигеру напал сперва на них! С каким удовольствием он всадит пулю в лоб этому сумасшедшему! Но поскольку Сигеру всегда действовал не так, как от него ожидают, то, скорее всего, сперва он нанесет удар по средней группе, где на него обрушится наиболее плотный огонь. Следовательно, он нападет сзади. Кудо смотрел вперед. Но внимание его было сосредоточено на том, что происходит сзади. Он мог себе позволить полагаться не на зрение, а на ощущения. Сигеру – не единственный истинный самурай в их клане.

Справа из-за деревьев стрелой вылетела лошадь без седока.

Ни один из людей Кудо не выстрелил.

Что произошло? Лошадь убежала или Сигеру намеренно отпустил ее, чтобы отвлечь их внимание? Неважно. Если такова была его тактика, то она не сработала. Никто не запаниковал. А Сигеру теперь без лошади. Кудо почувствовал себя значительно увереннее.

Неяркое зимнее солнце катилось по пологой дуге к краю небосклона, а нападения все не было. Сигеру дожидался темноты, чтобы уменьшить преимущество, которым обладал Кудо благодаря перевесу в численности. В темноте они, разбитые на три группы, станут легкой добычей. Но лишь в том случае, если они и дальше будут придерживаться той же тактики. А Кудо отнюдь не собирался так поступать.

Он внимательно огляделся по сторонам. Давно известно: кто выбирает поле боя, у того и ключ к победе. Долина расширялась. Посреди долины возвышался небольшой холм, заснеженный островок, над которым вздымались семь сосен. Если устроиться здесь на ночь, то они смогут беспрепятственно наблюдать за всеми подходами к стоянке. Даже при молодой луне нельзя не заметить человека на фоне недавно выпавшего снега. Прекрасно.

Именно идеальность условий и заставила Кудо насторожиться. Что видит он, то видит и Сигеру. Там наверняка ловушка.

– Будьте осторожны. Внимательно следите за кронами деревьев. Возможно, он прыгнет нам на головы.

Отряд двинулся вперед, держа мушкеты наизготовку. Когда они добрались до подножия холма, Кудо отправил наверх семерых, по одному на каждое дерево.

– Никого нет, господин.

Что-то здесь не так. Все инстинкты воина твердили Кудо об этом. Он медленно обошел вокруг холма. Тут негде спрятаться даже столь искусному человеку, как Сигеру. И все равно Кудо было не по себе.

– Господин?

Возможно, увидев, насколько это место удобно, как для засады, так и для обороны, Сигеру двинулся дальше. Впереди на тропе есть узкий проход – там один человек с легкостью задержит отряд. Быть может, Сигеру ждет их там. Быть может.

В конце концов, решив, что тянуть дальше смысла нет, Кудо сказал:

– Останавливаемся на ночь. Стражу будем нести поочередно, по пятеркам.

– Да, господин.

У подножия холма, где запах сосен усилился, Кудо вдруг остановился.

– Назад!

– Вы его видите, господин?

Кудо никого не видел. Но он совершил ошибку и уразумел это лишь сейчас. Он смотрел вверх. Вниз он не смотрел. С сосен опало множество игл, и три ложбинки были засыпаны этими иглами.

Кудо извлек меч из ножен.

– Прикройте меня.

Он приблизился к ближайшей ложбине и с размаху вонзил катана в мягкий хвойный покров. Ничего. Вторая и третья ложбинки тоже оказались пусты.

Сигеру не было наверху. Его не было внизу. Больше ему негде прятаться. Значит, он не стал устраивать здесь ловушку. Сигеру безумен, но все-таки по-своему очень, очень умен. И терпелив. Скрытность и терпение неразлучны.

– Привяжите лошадей. Ты – лезь на сосну. Будешь наблюдать.

Сигеру подстерегает их где-то в другом месте. Возможно, этой ночью им ничего не грозит. По крайней мере, так говорил здравый смысл.

Но Кудо не мог уснуть. Он еще раз сходил к ложбинкам и потыкал в них мечом.

Тут его окликнул часовой, сидевший на дереве:

– Господин, сюда движется лошадь. Всадника не видно.

Боевой конь Сигеру. Он приблизился на некоторое расстояние, заржал, потом отскочил в сторону, как будто хотел подойти поближе, но не решался.

– Он хочет присоединиться к нашим лошадям, – сказал часовой.

Поведение жеребца было вполне понятно. Боевых коней приучают не доверять никому, кроме хозяина.

Но вот почему он вообще сюда явился? Действительно ли он ищет общества себе подобных? Или что его гонит?

Тревога, снедавшая Кудо, усилилась. Тут явно крылась какая-то хитрость. Кудо выглянул из-за сосны.

– Ты уверен, что на лошади никого нет?

– В седле – никого, господин, и на боках тоже.

– А под животом?

Часовой присмотрелся повнимательнее.

– Не думаю, господин. Силуэт кажется совершенно нормальным.

– Ты готов поручиться за это жизнью?

– Нет, господин, – быстро откликнулся часовой.

– Застрели коня.

– Слушаюсь, господин.

Кудо отнял руку от ствола и обнаружил, что испачкал ладонь. Ствол сосны расщепился, и по коре протянулась необычно широкая и густая полоса смолы. Древняя сосна источена возрастом, болезнью, бурей, вот и растрескалась. Когда часовой наверху пошевелился, устраиваясь поудобнее, дерево угрожающе закрипело. Этот звук породил отклик в душе Кудо. Все-таки деревья и люди похожи...

– Лучше спустись и залезь на другое дерево, – велел Кудо. Старый ствол может и не выдержать отдачи при выстреле из мушкета.

– Слушаюсь, господин.

Кудо повнимательнее присмотрелся к линии, по которой расщепилось дерево. Она образовывала необычный узор, как будто здесь была... дверь!

И внезапно сосновый ствол распахнулся.

Кудо узнал безумное, измазанное смолой лицо. В тот же миг клинок вошел ему в грудь, пронзил сердце и вышел из спины. Интуиция не подвела Кудо. Он был прав, подозревая что-то неладное, но уже не успел порадоваться своей прозорливости.

* * *

Сигеру, залитый кровью предателей, рубил одновременно и людей, и демонов. Он слышал крики и выстрелы, но они звучали приглушенно, словно доносились издалека. Все это перекрывал рев огромных металлических стрекоз, нависающих у него над головой.

Из глаз стрекоз били слепящие лучи света.

Круглые крылья стрекоз непостижимым образом вращались над спинами.

Детеныши стрекоз – уродливо вытянутые металлические червячки – с огромной скоростью проносились мимо Сигеру, словно шли по следу. И сквозь отверстия в них виднелись тела тысяч обреченных, сбившихся в груды.

Сверкающие клинки описывали дуги и окружности.

Кровь била фонтаном.

На снег падали тела и части тел.

Люди кричали и умирали, и в конце концов остался лишь один кричащий человек.

Сигеру кричал до тех пор, пока воздух в легких не закончился и сознание не покинуло его.

Лишь после этого стрекозы исчезли.

* * *

Он пробудился от видения бесчисленных миллионов. Повсюду, насколько хватало глаз, кишели люди – словно насекомые. Столпы из камня, стекла и стали возносились к облакам. Внутри этих столпов было еще больше народу; люди набивались туда, словно трутни в улей. Множество гнезд располагалось под землей – толпы людей с безжизненным, тусклым взглядом проходили сквозь врата и исчезали под землей.

Он споткнулся и упал на труп лошади. Холм был усыпан телами. Его собственный конь стоял неподалеку и с подозрением наблюдал за ним.

Когда Сигеру поднял взгляд, видение развеялось. Надолго ли?

Он принялся осматривать мертвых. Кудо лежал лицом вниз рядом с расщепленным стволом упавшей сосны. Сигеру ухватил покойника за волосы и отсек ему голову. Когда он вернется в «Воробьиную тучу», то насадит эту голову на копьё и оставит гнить у въезда в замок.

– Тебе не придется скучать в одиночестве, – сказал Сигеру, обращаясь к отрубленной голове. – К тебе скоро присоединятся твоя жена и дети.

Ему пришлось два часа улеживать коня, прежде чем жеребец вновь позволил сесть на себя. Сигеру поскакал на север. Только бы не опоздать!

* * *

Все вокруг было в огне. Он находился в Эдо, и Эдо горел. Небо было усеяно не облаками – крылатыми цилиндрами. Из этих цилиндров сыпались бочки; падая, они

рассыпались на пышущие жаром угли, а те взрывались, поджигая все вокруг.

Вокруг бушевала огненная буря, и нечем было дышать.

Среди руин виднелись обгорелые останки людей, застигнутых в момент совокупления.

Сигеру сжал поводья и позволил коню самому выбирать путь.

Если он проведет еще сутки вдали от своего племянника, то станет поздно.

* * *

Увидев вдали всадников, семь человек в лохмотьях бросились в ближайшие кусты и затаились. Они были вооружены кто во что горазд: три пики, четыре копья, старинный длинный меч с обоюдоострой заточкой и два кремневых пистолета – без кремней, пороха и пуль. Это были мальчишки, но страх и лишения оставили жестокий след на их лицах и состарили их до срока. Семь пар запавших глаз, выступающие челюсти и обтянутые кожей губ зубы. Их лица превратились в черепа, едва покрытые плотью.

– Если мы убьем его, то сможем съесть его лошадь, – мечтательно сказал один.

Его сосед насмешливо фыркнул:

– Как мы съели тех двух лошадей?

– Откуда нам было знать, что у них пистолет?

– И какой пистолет! – вмешался в разговор третий. – Он выстрелил много раз подряд, и его ни разу не перезаряжали!

– Я уверен, что Итиро и Сансиро он тоже восхитил, только вот не знаю, где они теперь, в Чистой земле или в царстве демонов.

У первого вырвалось сдавленное рыдание:

– Мы были из одной деревни. Мы вместе выросли. Как я теперь посмотрю в глаза их родителям? Или родителям Синити?

– Синити уже месяц как мертв. С чего вдруг ты вспомнил о нем?

– Ему следовало вместе с нами кинуться в лес. А он, как дурак, побежал вдоль дороги.

– Ему отсекли руку.

– Ему развалили голову надвое.

Хотя с тех пор действительно миновал уже месяц, они помнили то происшествие в мельчайших подробностях. Ведь именно с него началось преследующее их сплошное невезение. Их забрали из родных деревень и вели к берегу Внутреннего моря, где расположились войска князя Гэйхо. И тут их отряд повстречался с самураями из другой провинции. Их было немного, но они были яростны и беспощадны. В короткой схватке десятеро из отряда погибли, а остальные разбежались. Все командиры погибли, и они не знали, что делать дальше. А потому пошли, куда глаза глядят. Они жили на подножном корму, подобно оленям и кроликам. Они были крестьянами, а не охотниками. Они пытались выследить какую-нибудь дичь, но у них ничего не получалось. Два дня назад, обезумев от голода, они напали на самурая, выглядевшего хрупким и изящным, словно девушка, и его спутницу-чужеземку, – а в результате Итиро и Сансиро пали под пулями.

Первый парень коснулся деревянных четок, висящих у него на шее.

– Наверное, мне следует вернуть эти четки его матери и попросить прощения за то, что он умер, а я жив.

– Да брось! Ты хочешь повидаться не с его матерью, а с его сестрой. Она такая красotka!

– Мы больше не увидим ничьих матерей и сестер. Вы что, забыли? Мы же дезертиры! Дурачье! Их казнят за наше преступление вместе с остальными нашими родичами или продадут в рабство. А то и уже продали или казнили.

– Ну, спасибо. Ты утетишь...

– Может, у этого самурая нет пистолета.

– Зато есть два меча. Тоже не порадуешься.

– Смотри! Он ранен.

И вправду, на одежде приближающегося путника темнели пятна крови. Лицо и волосы тоже были покрыты коркой засохшей крови. Внезапно он натянул поводья и заставил коня остановиться.

– Нет-нет, – сказал самурай. – Не сюда. Здесь их слишком много.

– Что он увидел?

– Что-то, чего нет. Он потерял много крови. Наверное, он умирает.

– В таком случае нам наконец-то повезло. Давайте нападём на него.

– Подожди. Он движется сюда. Мы захватим его врасплох.

– Вот сюда, за башни, – сказал самурай. – Мы прокрадемся за ними.

И заставил коня свернуть с тропы. Настороженно оглядываясь через плечо, он поехал к каменистому склону, на котором прятались семеро дезертиров.

– Я уже чувствую запах конины, – сказал один из дезертиров и облизнулся.

– Тише. Не шевелитесь. А теперь – все вместе. Давай!

* * *

Он был привязан к сиденью и не мог сбежать. Неведомая сила прижала его к спинке. Уши заполнил слабый непрерывный вой, какой бывает при очень сильном ветре, только этот ветер был не живым, а мертвым. Стены изгибались, образуя небольшую камеру высотой чуть больше человеческого роста. Узкую и очень длинную. Впереди, позади и справа стояли такие же сиденья, и в них тоже сидели привязанные пленники. Слева располагалось маленькое круглое окно. Сигеру не хотел смотреть в него, но чья-то воля, превосходящая его собственную, вынудила его повернуть голову.

Он увидел огромный город, сверкающий огнями. Город стремительно уходил куда-то вниз. То ли город проваливался в преисподнюю, то ли комната, в которой сидел Сигеру, отрывалась от земли. И то, и другое казалось равно невозможным.

Он пока еще не превратился в раба. Но вскоре превратится. Разум его находился в когтях у демонов, и эти когти сжимались.

* * *

Сигеру видел все вокруг через кровавую дымку. Он бросил поводья и выхватил мечи. Пусть конь делает, что хочет. А сам он будет убивать демонов, пока у него остаются силы. А потом умрет.

Сигеру больше не осознавал, где находится. Со всех сторон его окружали камень и сталь. Лишь изредка где-то виднелись деревья и кусты, чахлые, словно непрошенная поросль сорняков. В отдалении гигантские трубы извергали в небо дурно пахнущий

дым. Улицы бескрайнего города заполняли печальные люди, сломленные рабы незримых господ. Во все стороны убегали дороги, вымощенные необыкновенно ровным камнем. По ним двигались бесчисленные металлические повозки. Они еле ползли, выплевывая из торчащих сзади трубок клубы вонючего газа. Люди здесь не жили, а медленно умирали. Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь серый туман. Даже горящие трупы, и те так не воняют.

Казалось, будто никто ничего не замечает. Люди сидели в своих повозках или бродили по улицам, на каждом шагу вдыхая яд. Они выстраивались аккуратными рядами на помостах и терпеливо ожидали, пока их сожрут металлические черви.

* * *

Сигеру остановился. Он стоял по пояс в снегу. Рядом кто-то фыркнул. Сигеру стремительно развернулся, вскинув мечи и приготовившись отразить очередное нападение демонов. Но это был всего лишь его собственный конь. Он брел в снегу по проложенной Сигеру тропе. Сигеру огляделся по сторонам. Он выбирался из лощины. Вокруг были лишь сугробы и деревья. Неужто видения ушли? Он не смел надеяться на такое счастье.

Стоп!

Что-то свисало у него с плеча.

Человеческая голова. Нет, не одна. Восемь.

Сигеру с гневным возгласом отсек лишние головы, внезапно выросшие у него на теле. Одержимость демонами превратила его самого в чудовищную насмешку над человеческой жизнью. Оставался единственный путь к спасению – смерть. Сигеру бросил катана и повернул вакидзаси острием к себе, метя в сердце.

Последняя голова подкатилась к небольшой груде валежника, усыпанной снегом. Мертвое лицо смотрело прямо на Сигеру. Это был Кудо. Сигеру опустил меч. Он помнил, что, обезглавив Кудо, привязал голову к седлу. Когда же он успел перевесить ее на плечо?

Сигеру осмотрел себя. Несколько неглубоких ран, да и те он нанес сам, когда отсекал головы. Ничего серьезного. Значит, он не переродился. Сигеру поднял одну из голов за волосы. Узла волос на макушке не оказалось. Не самурай. Незнакомое истощенное лицо. Когда же он убил его? Прочие головы тоже ничего ему не подсказали.

Сигеру взглянул в небо. Оно сияло чистой голубизной. Такое небо бывает лишь зимой и только вдали от людских селений. Никаких чудовищных стрекоз. Он не слышал завывания демонов. Видения пропали. Впервые он самостоятельно пришел в себя после столь тяжкого приступа. Быть может, в последнее время он был вменяем вовсе не благодаря Гэндзи. Быть может, некий загадочный механизм временами избавляет его от мучений, если ему удастся пережить следующий приступ безумия. Видения, засосавшие его сейчас, были подобны тем, что привели к заточению в монастыре Мусиндо. Возможно, вскоре они прекратятся сами собою.

Сигеру спустился вниз по склону, туда, где валялась голова Кудо.

Снежный холмик, возле которого остановилась голова, показался ему каким-то странным. Ветви лежали слишком правильно. Они не попадали сами – их кто-то уложил.

Сигеру отложил голову в сторону, извлек меч и подошел к подозрительному

сугробу. Ветви образовывали треугольник. Такой шалаш мог бы соорудить стрелок, сидящий в засаде. Но почему именно здесь? Сигеру встал так, чтобы не оказаться на линии огня, и поскреб снег острием меча. Ком снега провалился внутрь.

Сугроб оказался полым.

Внутри лежали два тела.

Глава 12 «СУДЗУМЭ-НОКУМО»

Можешь ли ты держаться перед картиной подобно слепцу, среди музыки – подобно глухому, на пиру – подобно покойнику?

Если нет, то забудь свой катана и вакидзаси, свой лук и стрелы с перьями ястреба, своего боевого коня, свой доспех и свое имя. Ты недостаточно дисциплинирован, чтобы быть самураем. Стань крестьянином, священником или торговцем.

Избегай также красивых женщин. Они слишком опасны для тебя.

Судзумэ-нокумо (1777)

Эмилия все тщательно продумала. Она готова была сказать князю Гэндзи, что теперь они с Мэтью помолвлены. Что таков обычай ее единоверцев: если один умирает, другой занимает его место. Что ее грядущий брак с Цефанией основывался на вере, а не на любви, – так же, как и брак с Мэтью.

Все это, конечно, было притянато за уши, но Эмилия надеялась на разницу культур; авось ее объяснение все-таки покажется японцам правдоподобным! Ведь множество японских обычаев просто не укладывались у нее в голове. Должно быть справедливым и обратное. Тогда ее слова не вызовут подозрения.

Мэтью согласился подтвердить, что они и вправду жених и невеста. Это хорошо. А со временем она уж как-нибудь отыщет другую причину, которая позволила бы ей остаться в Японии, ведь на самом деле Мэтью не собирается жениться на ней, да и она не желает выходить за него замуж. Ничего. Настанет срок, и она что-нибудь придумает. Обязательно. Ведь у нее просто нет другого выхода. Она никогда не вернется в Америку. Никогда и ни за что.

К огромному облегчению Эмилии – она толком не умела врать, – ей не пришлось отстаивать свое право не покидать Японию. Когда князь Гэндзи объявил, что они переезжают из Эдо в Акаоку, его княжество, находящееся на острове Сикоку, он просто счел само собой разумеющимся, что Эмилия и Мэтью едут с ним.

И вот теперь она путешествовала вместе с утонченным молодым князем. Мэтью и госпожа Хэйко уехали в другую сторону. Дядя князя, Сигеру, вернулся по их следам. Хидё остался у перекрестья дорог. Хотя никто об этом не говорил, ясно было, что японцев беспокоит возможная погоня. А что означал обстрел с моря? Неужто кто-то из империй-преступников – Британия, или Франция, или даже Россия – напал на Японию, чтобы сделать ее своей колонией? Эмилия была уверена, что Соединенные Штаты не могут быть причастны к столь аморальным действиям. Америка сама некогда была колонией и ненавидела любые попытки подчинить независимые народы. Да, Америка

одобрила политику открытых дверей, позволяющую всем народам беспрепятственно общаться меж собой, и не признавала притязаний империй на якобы законно принадлежащие им сферы влияния. Эмилия хорошо помнила, как это объяснял Цефания. Наверно, теперь ей следует снова называть его не Цефанией, а мистером Кромвелем. Царствие ему Небесное.

В долине было не так холодно, как наверху, в горах. Утром они свернули на юго-запад. Эмилия определила это по солнцу. Они ехали по тропе вдоль мелкого ручья; течение было таким быстрым, что ручей не замерзал до конца. Снег местами слежался в плотную корку, и теперь эта корка похрустывала под копытами лошадей.

– А как по-вашему будет снег? – поинтересовалась Эмилия.

– Юки.

– Юки. Красивое слово.

– Если нам придется задержаться здесь, оно перестанет казаться вам красивым, – сказал князь Гэндзи. – Здесь неподалеку есть небольшая хижина. Скромный приют, но все лучше ночевки под открытым небом.

– Я выросла на ферме; я привычна к скромности и простоте.

Гэндзи весело улыбнулся:

– Представляю себе! А что вы выращивали? Думаю, не рис!

– Мы выращивали яблоки.

Эмилия ненадолго умолкла, вспоминая счастливые годы детства, своего красивого отца, красавицу-мать, милых младших братьев... А больше она ничего не стала вспоминать, чтобы не позволить недавнему прошлому отравить ее былое счастье.

– Рисовые плантации и сад ничуть не схожи между собою. Однако же мне кажется, что самая суть работы земледельца повсюду одинакова, что бы он ни выращивал. Он всегда зависит от времен года и превратностей погоды, и это главное.

– Превратностей?

– Превратности – неожиданные изменения. Единственное число – превратность.

– Ага. Превратность. Спасибо.

Он запомнит это слово. Он запоминает каждое новое слово, которое сообщает ему Эмилия. Его способности произвели на девушку глубокое впечатление.

– Вы быстро учитесь, князь Гэндзи. За эти три недели ваше произношение заметно улучшилось и словарь расширился.

– Это всецело ваша заслуга, Эмилия. Вы – необыкновенно терпеливый наставник.

– С хорошим учеником всякий учитель покажется хорошим, – сказала Эмилия. – И конечно же, если превозносить наставника за достижения ученика, то следует отдать должное и Мэтью.

– За успехи госпожи Хэйко – несомненно. А своими я обязан исключительно вам. Мэтью я понимаю гораздо хуже. Мне показалось, или ваше произношение действительно несколько отличается?

– Вы совершенно правы.

– Вы произносите слова четко, без растягивания – это чем-то напоминает речь японцев. А он говорит – будто напевает, вот так...

И Гэндзи столь похоже воспроизвел ленивый, тягучий выговор Мэтью, что Эмилия расхохоталась.

– Прошу прощения, князь. Вы так похоже его передразнили!..

– Вам не за что извиняться. Однако же ваш смех вызвал у меня некоторое

беспокойство.

– В самом деле?

– Да. В Японии мужчины и женщины говорят по-разному. Если какой-нибудь мужчина вдруг заговорит как женщина, то все станут насмехаться над ним. Надеюсь, я не совершил подобной ошибки с вашим языком.

– О нет, князь Гэндзи! Уверяю вас, вы говорите как настоящий мужчина! – выпалила Эмилия и покраснела. Она ведь совсем не то хотела сказать! – Мы с Мэтью выговариваем звуки по-разному вовсе не потому, что он – мужчина, а я – женщина. Просто он из Техаса – это на юге нашей страны. А я из Нью-Йорка. Это на севере. Английская речь в этих краях различается довольно сильно.

– Очень рад это слышать. В Японии насмешка – могущественное оружие. Многие умирали из-за нее, и многие убивали.

Да, Цефания упоминал о том, что японцы невысоко ценят жизнь. Они убивают и умирают по самым нелепым поводам. Если два самурая на улице вдруг случайно зацепятся друг за друга ножами, тут же последует поединок. И прекратится он лишь со смертью одного из участников.

«Это наверняка преувеличение».

«Ты когда-нибудь слышала, чтобы я что-нибудь приукрашивал?»

«Нет, сэр».

«Не сэр, а Цефания. Не забывай: я теперь твой нареченный жених».

«Да, Цефания».

«Их обостренное чувство чести приводит к неслыханным крайностям. Если заговорить с самураем недостаточно вежливо, он воспримет это как оскорбление и решит, что собеседник насмехается над ним. Если обратиться к нему слишком вежливо, результат будет тот же самый. „Погибели предшествует гордость, и падению надменность“».

«Аминь», – сказала Эмилия.

«Мы должны на собственном примере научить их смирению и тем самым привести к спасению».

«Да, Цефания».

– Значит, когда в Японии заговорят по-английски, я могу быть уверен, что у меня правильное произношение? – спросил князь Гэндзи.

– Несомненно.

– Спасибо, Эмилия.

– Не за что, князь Гэндзи. Можно, я исправлю построение фразы?

– Пожалуйста.

– Вы сказали: «Когда в Японии заговорят по-английски». Слово «когда» предполагает, что речь идет о чем-то неизбежном. Здесь же уместнее употребить слово «если».

– Я и говорил о неизбежном, – откликнулся Гэндзи. – Мой дед предсказал, что так будет.

– Предсказал? Простите, князь, но в это трудно поверить. С чего бы вдруг вашим соотечественникам вздумалось учить наш язык?

– Он не сказал, почему так произойдет. Он предвидел лишь результат – не причину.

Эмилия решила, что князь неправильно выбрал слово.

– Предвидеть – это значит знать что-то заранее.

– Да.

– Но ведь не мог же он знать о чем-то прежде, чем это произойдет?

– Он это знал.

Эмилию пробрал озноб. Гэндзи утверждает, будто его дед обладал силой, даруемой лишь избранникам Божиим. Это богохульство. Надо попытаться уговорить его не совершать столь ужасного греха.

– Князь Гэндзи, лишь Иисусу Христу и пророкам Ветхого Завета открывалось грядущее. Мы же должны теперь стараться понять их слова. Иных пророчеств быть не может. Христианам не полагается верить в такое.

– Вера тут ни при чем. Если б это был вопрос веры, я мог бы решать, верить или нет. И мне было бы намного проще жить.

– Иногда люди строят предположения, и если предположения по какой-то случайности оправдываются, их называют пророчествами. Но сходство здесь лишь внешнее. Одни лишь пророки могли милостью Божьей прозревать будущее.

– Я бы не назвал это милостью. Это куда больше похоже на фамильное проклятие. У нас нет выбора – мы рождаемся такими. Только и всего.

Эмилия ничего не ответила. Что тут можно сказать? Гэндзи говорил так, будто на самом деле был убежден в том, что обладает подобным даром. Если он будет упорствовать в своем мнении, то не просто окажется проклят за богохульство, – он рискует лишиться рассудка. Иллюзии заставят его во всем находить несуществующие знаки и предзнаменования, а воображение дополнит остальное. Ей нужно быть терпеливой. Терпеливой и старательной. Заблуждения, укоренявшиеся столетиями, не изживешь ни за день, ни за неделю, ни за месяц.

От осознания собственной праведности у Эмилии потеплело на душе. Господь недаром направил ее сюда. И теперь она поняла, в чем заключается ее миссия. Эмилия мысленно дала обет Богу. Она спасет душу князя Гэндзи, даже если это будет стоить ей жизни. Быть может, Господь явит им обоим свое безграничное милосердие.

Некоторое время они ехали в молчании.

Когда тень гор напозла на долину, князь Гэндзи сказал:

– Если мы поедем по тропе, то не успеем добраться к хижине до наступления ночи. Давайте попробуем пройти здесь. Правда, нам придется вести лошадей, а не ехать на них. Как вы полагаете, вам это под силу? Здесь гораздо ближе.

– Да, я справлюсь.

Они свернули и вместо того, чтоб двигаться вдоль ручья, направились вверх по пологому склону. Неподалеку от вершины им встретила небольшая заснеженная луговина. При ее виде Эмилию захлестнули воспоминания. У них в Яблонево долине была очень похожая. И даже снег лежал так же. Действительно ли она по чистой случайности набрела на пейзаж, столь живо воскрешающий в ее памяти давно минувшие дни? Или просто ее тоска придала чужеземному пейзажу сходство с тем, родным и знакомым?

– Какое чудное место для снежных ангелов, – невольно вырвалось у девушки.

– Что такое снежные ангелы?

– А вы никогда их не делали?

– Никогда.

– Тогда давайте я вам покажу. Это быстро, буквально одна минутка.

Эмилия присела на снег, стараясь двигаться так, как подобает леди. Она легла на спину и раскинула руки и ноги, следя за тем, чтобы подол юбки не поднялся выше

щиколоток, а потом энергично замахала конечностями. И рассмеялась, сообразив вдруг, как глупо она сейчас выглядит. Закончив, она поднялась, не смазав отпечатка на снегу.

– Вот, видите?

– Возможно, чтобы различить ангела в этом изображении, нужно сперва хорошенько представить его себе.

Эмилия искренне огорчилась. Ведь у нее и вправду получился замечательный снежный ангел!

– Возможно.

– Эмилия!

– Что?

– Могу я полюбопытствовать, сколько вам лет?

– Через месяц будет семнадцать.

– А! – произнес Гэндзи таким тоном, словно ему все стало ясно. Так говорят дети о взрослых.

– А вам сколько? – поинтересовалась Эмилия. Вообще-то она, конечно, поддавалась раздражению. Иначе она никогда не стала бы вести себя так грубо.

Но князь Гэндзи не успел ответить на ее вопрос.

Из-за деревьев выскочили несколько человек. Издавая громкие боевые кличи, они накинулись на Гэндзи, метя в него копьями и пиками. Гэндзи успел выхватить меч и отразить удар первого нападающего, но в тот же миг две пики ударили его в спину. Круг нападавших сомкнулся.

Потрясенная Эмилия застыла, не в силах даже шелохнуться.

Гэндзи упал, и нападающие разразились победными воплями. Снег окрасился кровью.

– Гэндзи! – вскрикнула Эмилия.

Это имя заставило их остановиться. Неизвестные – их было девять человек – отскочили, и на лицах их отразился страх. Эмилия слышала, как они несколько раз со страхом повторили имя Гэндзи. А потом до нее донеслось еще одно знакомое имя.

* * *

– О нет! Это же племянник Сигеру!

– Какой ужас! Нам посчастливилось застать врасплох самурая – и это оказался князь Гэндзи!

– Лошадь князя на вкус ничуть не хуже любой другой.

– Сигеру явится по наши души. И он не станет убивать нас быстро. Я слышал, он любит сперва помучить.

– Нам нужны эти лошади. Я не хочу больше голодать.

– Лучше я буду голодным, чем мертвым!

– Согласен. Давайте извинимся и уйдем.

– Смотрите!

Князь лежал неподвижно. Уродливая чужеземная женщина склонилась над ним и что-то бормотала на своем грубом наречии. Вокруг князя расплывалось алое пятно.

– Теперь мы не можем остановиться. Слишком поздно.

– Давайте сперва попользуемся женщиной, а потом убьем ее.

– Что ты такое говоришь? Мы же не преступники!

– Нет, преступники. Что нам мешает поступить так? Все равно больше одного раза нам головы не отрубят.

– Тебе что, не интересно посмотреть, какая она? Я слышал, будто у чужеземцев тело покрыто шерстью, как у дикого кабана.

– А я слышал, будто это больше похоже на мех норки, во всяком случае здесь, внизу.

Мужчины уставились на Эмилию.

– Погодите. Сперва надо убедиться, что князь вправду мертв. Самураи – странные существа. До тех пор, пока он дышит, он способен убивать.

– Да умер он! Видишь? Она разговаривает с ним, а он не отвечает.

– Не будем рисковать. Перережьте ему горло.

* * *

Эмилия не знала, что ей делать. Она чувствовала, как теплая кровь Гэндзи пропитывает его и ее одежду и мгновенно застывает. Князь был ранен в грудь и в спину. Нужно как можно быстрее остановить кровотечение, иначе он умрет. Сквозь одежду Эмилия не могла разобрать, куда именно он ранен и насколько серьезны эти раны. Прежде всего надо раздеть его. Но вдруг она потревожит раны и князь умрет еще быстрее? Положение было ужасное. Но если ничего не предпринять, он точно умрет!

Когда у нее вырвалось имя Гэндзи, бандиты на миг остановились и попятнулись.

Теперь они стояли и о чем-то спорили, время от времени поглядывая в сторону Гэндзи. Несколько раз в их речи проскользнуло имя Сигеру. Потом четверо вроде бы собрались уходить, но их главарь указал на Гэндзи и произнес несколько слов. Должно быть, он переубедил своих людей, поскольку все остались на месте.

– Быть может, они раскаялись в своих деяниях, – сказала Эмилия, – и теперь помогут нам, чтоб загладить свою вину.

Гэндзи дышал, но не отвечал.

– Все мы в воле Господней.

Тем временем разбойники прекратили спор и снова приблизились к ним. Эмилия подумала, что они хотят им помочь. В конце концов, они ведь остановились. И они упоминали имя Сигеру. Это внушало ей надежду. А потом Эмилия увидела у них в руках ножи.

Эмилия прижала Гэндзи к себе и закрыла его своим телом. Бандиты принялись громко кричать – то ли на нее, то ли друг на друга. Один из них схватил Эмилию за запястья. Остальные вырвали Гэндзи у нее из рук. Бандит, державший Эмилию, повалил ее на снег и попытался задрать ей юбку. Главарь прикрикнул на него. Тот обернулся и что-то проорал в ответ.

Тут Эмилия вспомнила о револьвере, который дал ей Мэтью.

Воспользовавшись тем, что державший ее насильник отвлекся, Эмилия достала револьвер из кармана, взвела курок, как показывал Мэтью, прижала дуло к груди бандита и спустила курок.

Гроыхнул выстрел, и на убийц брызнули кровь и ошметки плоти их незадачливого сотоварища, Эмилия взвела курок, приставила дуло к груди второго нападавшего и снова нажала на спусковой крючок. Потом она еще дважды выстрелила в удирающих, но оба раза промахнулась.

Но что же ей делать дальше?

У нее на руках тяжело раненный человек, а все, что у нее есть, – это револьвер с двумя патронами и две лошади. А где-то поблизости бродят бандиты, и они могут вернуться, чтобы завершить начатое. Эмилия не знала ничего. Где она находится? В какой стороне хижина, о которой говорил Гэндзи? Она не сможет вернуться к перекрестку, у которого остался Хидё, ей не добраться до Акаоки. В любом случае Гэндзи не выдержит дороги. Но если она что-нибудь не придумает, за ночь они тут замерзнут насмерть.

Эмилия поволокла Гэндзи под деревья. Рощица была редкой и не могла защитить их от поднимающегося ветра и снега, который как раз начал падать с неба. Требуется что-нибудь получше.

Девушка отыскала в соседней лощине подходящее углубление. Ей едва хватило сил, чтобы перетащить Гэндзи туда. Эмилия поняла, что больше не сдвинет его с места. Придется соорудить укрытие прямо над ним. В первый вечер после того, как они покинули Эдо, Хэйко и Хидё соорудили из ветвей шалаша. Нужно и ей сделать что-нибудь в этом роде.

Когда-то под Рождество, когда маленькая Эмилия пожаловалась на холод, мама рассказала ей про эскимосов, живущих далеко на севере, в стране вечной зимы. Их дома построены изо льда, но внутри там тепло. Холодные стены не пропускают внутрь холодный воздух и удерживают внутри тепло. Так сказала мама и даже нарисовала картинку: круглый домик, построенный из ледяных кирпичиков, а рядом с ним довольные круглолицые эскимосики лепят снеговика. Что это было, правда или выдумки? Скоро она узнает это на собственном опыте.

Эмилия составила ветви так, как это делал Хидё. Самурай просто нарубил тогда жерди нужной длины. Эмилия попыталась подражать ему, но у нее ничего не вышло. Чтобы так рубить, нужно уметь обращаться с мечом. Потому Эмилия просто подыскала более-менее подходящие ветви среди валежника. Потом девушка накрыла шалаш своей шалью и засыпала ее снегом; получилась крыша. Оставшиеся внизу щели она просто залепила снегом. Хижина получилась не круглой, как у мамы на картинке, а довольно корявой. Но зато это был настоящий ледяной домик.

Эмилия забралась внутрь и завалила снегом вход, оставив лишь небольшое отверстие – чтобы было чем дышать. Стало ли внутри теплее, чем снаружи? Эмилии казалось, что да. Если хижина и не отличалась особым уютом, она, по крайней мере, защищала от снегопада.

* * *

Эмилия совершенно не разбиралась в ранах. Но раны Гэндзи выглядели ужасно. Сквозь ту, что на груди, виднелись ребра. Две на спине были глубокими, и с каждым ударом сердца из них толчками выходила кровь. Эмилия сняла нижнюю юбку, порвала ее на полосы и перебинтовала князя, как сумела. Когда она взялась за платье Гэндзи, чтобы снова одеть его, одежда захрустела от заледеневшей крови. Эмилия вспомнила, что в тюках, притороченных к седлам, остались одеяла. Она укрыла Гэндзи своим жакетом и выбралась наружу.

Лошади пропали. Эмилия заметила на снегу следы, похожие на отпечатки копыт. Но она не была в этом точно уверена: падающий снег уже наполовину занес их. И все-таки Эмилия, вознеся безмолвную молитву, двинулась по этим следам. Да. Вот и

лошадь. Эмилия облегченно вздохнула, увидев, что это ее смиренная кобылка, а не бешеный жеребец, на котором ездил Гэндзи.

– Корица, иди сюда.

Корицей звали ее лошадку, оставшуюся в Яблонево́й долине. Она была рыжевато-коричневой, как и эта. Эмилия пощелкала языком и протянула ладонь. Лошадям это нравится.

Кобылка фыркнула и испуганно отскочила. Может, она чувствует кровь?

– Ну не бойся. Все хорошо. Все замечательно.

Ласково приговаривая, Эмилия медленно двинулась к лошади. Та продолжала пятиться. Но постепенно расстояние между ними стало сокращаться.

– Хорошая девочка... Корица – хорошая девочка...

Эмилия уже подошла к кобыле на расстояние вытянутой руки, когда сзади послышался какое-то странное рычание. Эмилия потянулась было за револьвером, но, увы, револьвер забыт в кармане жакета, а жакет – в хижине. Эмилия обернулась, думая, что сейчас увидит волка. Но это был жеребец Гэндзи. Он стоял, опустив голову, и бил копытом. Кобыла снова отскочила в сторону.

Эмилия медленно попятилась. Ей вовсе не хотелось, чтобы жеребец набросился на нее. Она даже не стала пытаться разговаривать с конем; ей не верилось, чтобы эта зверюга откликнулась на ласковое слово. Эмилия отошла на каких-нибудь десять ярдов, когда жеребец внезапно припустил с места в галоп – но, к счастью, не в ее сторону. Кобыла не спеша затрусила вниз по склону, а жеребец погнался за ней.

Эмилия облегченно вздохнула. Но радость ее была недолгой. Пока Эмилия шла за Корицей, она почти не глядела по сторонам. А теперь она огляделась и не увидела шалаша. Даже ложбина – и та скрылась. Эмилия заблудилась.

Снегопад делался все сильнее, как будто снежные тучи решили просто улечься на землю.

Снежинки опускались на Эмилию и таяли; ледяная вода текла под одежду. У девушки начали неметь руки и ноги. Скоро они с Гэндзи умрут. Слезы замерзли у нее на щеках. Нет, она не боялась смерти. Но у нее болело сердце за Гэндзи. Умереть вдали от дома, в глуши, в одиночестве, где некому его поддержать, некому сказать слова утешения... А душа его пойдет в чистилище – такова участь всех некрещеных. Она пообещала Богу, что спасет душу Гэндзи, и не исполнила обещания...

Эмилия села прямо в снег и расплакалась.

Нет, она этого не допустит!

Девушка подавила рыдания. Она поклялась Богу. Значит, пока она жива, она должна стараться сдержать слово. А то, что она сейчас чувствует, не скорбь, а жалость к себе – худшая сторона гордыни.

Думай!

Все вокруг скрывала пелена снегопада; видно не дальше, чем на несколько шагов. Но это и не важно, все равно она не помнит никаких примет. Надо сообразить, поднималась ли она, когда шла за кобылой, или спускалась, и тогда, быть может, ей удастся отыскать обратную дорогу.

Вниз.

Кажется, кобыла отступала вниз по склону. А значит, шалаш где-то выше. И близко. Она шла очень медленно и просто не успела бы уйти далеко. Эмилия осторожно ступила в глубокий снег. Потом сделала еще шаг. И еще. На четвертом шаге ее нога провалилась куда-то вниз. Под снегом оказался обрыв, и Эмилия туда

полетела. Она прокатилась по склону и остановилась, лишь врезавшись во что-то твердое.

Это оказался навес.

Она избрала ошибочное направление. Если б она не сорвалась с обрыва, то так и шла бы куда-то сквозь метель, пока не уснула бы вечным сном. Метель успела покрыть шалаш новым слоем снега и скруглить его силуэт. Теперь шалаш куда больше походил на эскимосскую хижину с маминого рисунка. Эмилия прокопалась сквозь снег и забралась внутрь.

Гэндзи был жив. Точнее, еле жив. Дыхание его сделалось прерывистым и неглубоким. Холодная кожа приобрела синеватый оттенок. А укрыть его нечем – лошадь ускакала вместе с одеялами. И огонь не развести. Мама рассказывала, что индейцы добывали огонь трением – терли два куска дерева друг о друга. Но для этого наверняка нужно знать какую-нибудь хитрость. Нет, единственный источник тепла, которым она располагает, – это ее собственное тело.

Что будет большим грехом: лечь с мужчиной, который ей не муж, или сидеть и смотреть, как он умирает? Первая заповедь гласит: «Не убий». Значит, надо на нее и опираться. И кроме того, она же возляжет с ним вовсе не в том смысле, который подразумевается в Библии. Она хочет спасти его, а не предаться с ним прелюбодеянию.

Эмилия зажмурилась и принялась молиться. Она просила Бога заглянуть в ее сердце и убедиться в чистоте ее побуждений. Она просила Господа простить ее, если она всетаки ошибается. Если Господь может спасти лишь одного из них, пусть это будет Гэндзи. Ведь она крещена, а он – нет.

Эмилия быстро стянула с себя всю одежду, кроме панталон. Потом раздела Гэндзи, оставив лишь набедренную повязку. Она изо всех сил старалась не смотреть куда не следует. Девушка постелила окровавленную одежду Гэндзи поверх слоя сосновых иголок, накрыла ее своим жакетом и уложила Гэндзи на эту импровизированную подстилку. Затем улеглась сама, так чтобы укрывать раненого своим телом, но не придавливать его слишком сильно. Кровотечение вроде бы остановилось, но, если потревожить раны, они могут вновь начать кровоточить. А из оставшейся одежды ей удалось соорудить для них вполне приличный кокон.

Кожа Гэндзи утратила тепло и мягкость. Он даже не дрожал. Обнимать его было все равно что обнимать ледяную статую. Казалось, что скорее уж он заморозит Эмилию, чем она его согреет. Но жар ее тела оказался сильнее холода.

Над губой Гэндзи выступила единственная капелька пота.

Постепенно князь стал дышать глубже.

Эмилия уснула со счастливой улыбкой на губах.

* * *

Очнувшись, Гэндзи обнаружил, что ничего не видит. Его лихорадило, спина и грудь болели. Он был связан каким-то таким образом, что не мог даже пошевеливаться. Кто-то лежал на нем, прижимая его к земле.

Гэндзи рванулся с громким воплем, извернулся и оказался сверху.

– Где мы?

Он – пленник. По крайней мере, это Гэндзи знал. Но чей?

В ответ послышался странный голос, бормочущий бессмысленные,

неразборчивые слова. Голос был женским. Он уже где-то слышал его. Наверное, во сне. Или в видении.

– Госпожа Сидзукэ?

Она что, тоже пленница?

Женщина заговорила снова. Она попыталась освободиться из захвата. Гэндзи покрепче сжал ее запястья, и она тут же прекратила вырываться. Голос ее звучал успокаивающе. Она пыталась что-то объяснить.

– Я вас не понимаю, – сказал Гэндзи.

Госпожа Сидзукэ, если, конечно, это и вправду была она, продолжала что-то бормотать на своем тайном языке.

Почему он ничего не видит? Его что, ослепили? Или держат в подземелье, куда не проникает ни лучика света? И кто эта женщина – орудие его мучений? Каваками. Въедливый Глаз сёгуна. Это в его духе – использовать женщину. Гэндзи подумал о Хэйко. Но эта женщина – не Хэйко. Или все-таки Хэйко? Нет. Хэйко он бы понял. Или нет?

– Хэйко!

Женщина заговорила опять, на этот раз более взволнованно, но все так же непонятно. В ее речи слышалось лишь два знакомых слова: «Гэндзи» и «Хэйко». Кто бы ни была эта женщина, она его знала. Голос ее был знакомым, а тело – нет. Оно крупнее, чем у Хэйко. Во всяком случае, так ему казалось. Сейчас Гэндзи ни в чем не был уверен.

Князь то терял сознание, то вновь приходил в себя. И с каждым разом видел чуть лучше. Стены начали источать мягкий рассеянный свет. Голову женщины вместо волос покрывали золотые нити. Глаза у нее были голубыми, словно небо. Что-то поблескивало у нее на шее. Эта вещь уже являлась ему прежде – в другом видении.

* * *

Юноша всадил меч в живот Гэндзи...

Гэндзи чувствовал, как кровь толчками вытекает у него из груди...

Невероятно прекрасная женщина сказала: «Ты всегда будешь моим Блистательным Принцем».

Ее красота была не вполне японской. Гэндзи не узнал ее, но в глубине сердца чувствовал, что она ему очень дорога. Он знает ее. Или будет знать. Эта женщина – госпожа Сидзукэ.

Женщина улыбнулась ему сквозь слезы. Она сказала:

– Сегодня утром я закончила перевод. Я только не знаю, что лучше: оставить японское название или все-таки перевести заголовок на английский. Как ты думаешь?

– Английский, – сказал Гэндзи.

Он хотел попросить, чтобы она все-таки перевела название на английский, но ему хватило сил лишь на одно слово. Но госпожа Сидзукэ поняла его.

– Хорошо, пусть будет английский... Она бы так нами гордилась!

Гэндзи хотелось спросить, кто будет ими гордиться и почему, но у него пропал голос. На изящной шее женщины что-то блеснуло.

* * *

И вот теперь он разглядел ту же самую вещь на шее чужой женщины.

Маленький серебряный медальон, размером не больше ногтя большого пальца, с изображением креста и стилизованного цветка, скорее всего лилии.

* * *

– Князь Гэндзи!

Но он снова провалился в забытье.

Эмилия осторожно спрятала его руку под покрывало и подоткнула кокон плотнее. Ничего, снизу она может согреть его не хуже, чем сверху. Из раны на его груди сочилась кровь и капала на грудь Эмилии. Повязки на спине тоже пропитались кровью. От напряжения раны открылись. Если она сейчас попытается переложить Гэндзи, он может очнуться и снова начать сражаться с кем-то в горячечном бреду и еще больше повредит себе.

Однако в новом их положении заключалось нечто порождающее неловкость и смущение. Пока князь спал, все было нормально. Когда же Гэндзи очнулся, Эмилию охватило смятение. Оно не имело под собой никаких разумных оснований. Ни она сама, ни Гэндзи не делали ничего дурного и не проявляли никаких грешных намерений. И все-таки сам тот факт, что сейчас Гэндзи лежал на ней, очень беспокоил Эмилию. Теперь ситуация приобрела двусмысленность – хотя, конечно, за ними никто не наблюдал, а значит, и не мог сделать ошибочный вывод.

Нет, трогать раненого слишком рискованно. Уж лучше выглядеть дурно, чем дурно поступать. А доводить горячечного больного до того, чтобы он причинил себе вред, – это, несомненно, дурно.

Сквозь снежный покров пробивался рассвет, а Эмилию постепенно охватила дремота. Вскоре девушка тоже уснула.

Снег продолжал идти весь день.

* * *

– Еще час – и они бы умерли, – сказал Сигеру. – Она проделала отверстие для воздуха, но его занесло снегом. Они медленно задохнулись.

Хидё взглянул в сторону костра, возле которого спали князь Гэндзи и Эмилия. Он уже перевязал князя и накормил их обоих. Они будут жить.

Сигеру показал Хидё маленький револьвер.

– В нем осталось всего две пули. Четыре выпущено. Думаю, она прогнала тех, кто напал на Гэндзи. Кто знает?

Возможно, где-нибудь там валялись трупы, но их занесло снегом.

Сигеру не стал рассказывать, в каком виде нашел их. Гэндзи и эта женщина были почти обнажены. Они лежали, прижимаясь друг к другу и укрываясь одеждой. Сигеру не знал, действительно ли женщина выстрелила в кого-то и тем самым спасла Гэндзи. Но он твердо знал, что она избавила князя от смерти теплом своего тела. С такими ранами, с такой потерей крови Гэндзи просто замерз бы насмерть.

– Господин Сигеру, – сказал Хидё. От удивления глаза его расширились. – Вы понимаете, что произошло?

– Да. Пророчество исполнилось. Чужеземец, встреченный под Новый год, спас князя Гэндзи от смерти.

Часть IV МОСТ МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Глава 13 ЯБЛОНЕВАЯ ДОЛИНА

Мудрецы говорят, что счастье и печаль суть одно. Не потому ли, находя первое, мы неизменно находим и второе?

Судзумэ-нокумо (1861)

– Так что неважный из меня самурай, – сказал Гэндзи.

Он лежал в главной княжеской спальне замка «Воробьиная туча». Гэндзи никак не мог привыкнуть, что теперь это его комната. Слишком уж сильно тут ощущалось присутствие его деда.

– Господин, как вы можете так говорить?! – воскликнул Сэйки. – Вы сумели выжить в чрезвычайно опасных обстоятельствах! Именно этого и ожидают от самурая!

Сэйки и Хидё сидели на коленях рядом с постелью князя. Гэндзи лежал на левом боку, а доктор Одзава тем временем обрабатывал его раны.

– Вы переплыли море в бурю, пережили нападение китов и попали в плен к предателям. Вот это я бы действительно назвал опасными обстоятельствами.

Гэндзи вздрогнул, когда врач снял с раны присохшую повязку. Оба самурая резко вдохнули и подались вперед, словно пытаясь чем-то помочь.

– Прошу прощения, господин, – сказал доктор Одзава. – Это все моя неуклюжесть.

Гэндзи отмахнулся от извинений.

– Я позволил банде оборванных дезертиров захватить себя врасплох. Меня защитила Эмилия и спас мой дядя. Вряд ли нам захотелось бы, чтобы эту историю торжественно поведали на очередном празднестве в честь моего дня рождения.

– Вы получили раны, которые просто убили бы более слабого человека, –

возразил Сэйки. – Но ваш боевой дух позволил вам выжить. Что для самурая важнее боевого духа?

– Возможно, капля обычной бдительности.

Хидё больше не в силах был сдерживаться. Он прижался лбом к полу и так застыл, считая, что недостойно смотреть на раненого князя. Хидё не позволил себе издать ни звука. Лишь вздрагивающие плечи свидетельствовали о глубине его горя.

– Что такое, Хидё? – удивился Гэндзи. – Сядь, пожалуйста.

– Это я виноват! – всхлипнул Хидё. – Вас едва не убили, и все из-за моей нерадивости!

– Тебя там не было. Почему же ты винишь себя в нерадивости?

– Потому что я должен был находиться там. Я – ваш главный телохранитель. Я допустил, чтобы вы встретились с опасностью. Это непростительно.

– Ты тогда очень убедительно высказал свою точку зрения, – сказал Гэндзи. – Но я приказал тебе остаться у перекрестка, невзирая на твои возражения и мнение Сигеру. Тебе не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться.

– Я мог последовать за вами втайне.

– Хидё, поднимись и прекрати нести чушь. В случившемся не виноват никто, кроме меня самого. Я слишком привык, что меня постоянно окружают надежные и преданные люди, и разучился защищаться самостоятельно. Если кто и должен сейчас плакать от стыда, так это я, а не ты.

– Я согласен с Хидё, – подал голос Сэйки. – То, что вы были ранены, – это и вправду его упущение. Ему следовало нарушить ваш приказ и втайне продолжать оберегать вас. Конечно, потом ему пришлось бы совершить самоубийство, чтобы искупить подобное неповиновение, но до того он мог бы охранять вас, как требует его долг.

– А если бы Кудо со своими людьми добрался до перекрестка? И там не оказалось бы никого, кто мог бы их остановить?

– Господин Сигеру перебил их всех, – сказал Сэйки. – А значит, Хидё вовсе не требовалось стеречь перекресток.

– Тогда мы этого не знали, – возразил Гэндзи. – Кто может сказать, что случилось бы, если б Хидё поступил так, как говоришь ты? Возможно, это помешало бы исполнению пророчества и сейчас ты смотрел бы на мой труп, а не учил меня мудрости неповиновения.

Хидё поднял голову. Сэйки потерял дар речи.

Гэндзи улыбнулся. Когда прочие средства отказывают, всегда можно воспользоваться даром предвидения. Какая, однако, удобная вещь – пророчество!

– Господин, у вас чистые раны, – сказал доктор Одзава. – Ни малейших признаков воспаления. Кроме того, я, как ни удивительно, не нахожу у вас сколько-нибудь серьезных обморожений. Я теряюсь в догадках. Как такое могло получиться? Господин Сигеру сказал, что нашел вас в сугробе.

– Я был не один, – отозвался Гэндзи. – Моя спутница знала эскимосскую мудрость и сумела хорошо воспользоваться своими знаниями.

– Что такое «эскимос»? – спросил доктор Одзава. – Какая-то часть лекарского искусства чужеземцев?

– Несомненно.

– Я бы хотел, с вашего позволения, побеседовать с ней об этом «эскимосе». Быть может, госпожа Хэйко согласилась бы переводить нашу беседу?

– Я уверен, что вы очень много почерпнете из этой беседы, – сказал Гэндзи.

Жаль, что ему не удастся полюбоваться на это. Презабавная выйдет картина. Эмилия, несомненно, скажет правду. Она всегда говорит правду. Ведь ложь, как она утверждает, – грех против Христа. Как же она будет краснеть и смущаться, стараясь объяснить, что именно она сделала, и при этом не наболтать лишнего! Гэндзи представил себе эту сцену и рассмеялся.

– Господин?

– Я просто радуюсь тому, что мое выздоровление идет так быстро. Спасибо вам за ваши старания, доктор Одзава.

– Только не перенапрягайтесь, пока не поправитесь окончательно, иначе вам может снова стать хуже.

Гэндзи поднялся с постели. Прежде он просто подождал бы, пока слуги оденут его. Теперь же, гневаясь на себя за свою беспомощность, проявленную в глуши, Гэндзи настоял на том, чтобы одеваться самостоятельно.

– Возможно, я не так уж хорошо владею мечом, – сказал Гэндзи, – но зато великолепно управляюсь с поясом.

– Это была ваша первая настоящая схватка, – возразил Сэйки. – В следующий раз вы справитесь лучше.

– Еще бы! Хуже все равно некуда.

– Вы слишком строги к себе, мой господин, – молвил Сэйки. – Я впервые увидел хлещущую кровь во время бунта в западной части княжества – это было еще до вашего рождения. И как ни печально мне об этом говорить, я все же вынужден признаться, что меня тогда вырвало и я испачкал свою набедренную повязку.

– Быть не может! – изумился Гэндзи. – Ты?

– К несчастью, да, – признал Сэйки.

Гэндзи рассмеялся, и Хидё присоединился к нему. Сэйки тоже засмеялся. Он не стал упоминать о том, что ему тогда было тринадцать лет и кровь хлестала из двух вооруженных крестьян, которых он убил своим первым взрослым катана. Сэйки был рад, что эта история подняла дух Гэндзи. Ради такого стоило пожертвовать толикой достоинства.

– Ой, простите. Я помешала вам совещаться?

На пороге стояла Эмилия. Ее платье было того же фасона, что и прежнее, однако не из ситца, а шелковое. И все прочее – нижняя юбка, панталоны, чулки – тоже было шелковым. Старая одежда не пережила путешествия в глуши. Швей в замке использовали ее как образец для изготовления новой. Эмилия предпочла бы ситец – все-таки он скромнее. Но отказаться от дара, преподнесенного от чистого сердца, некрасиво. И потому Эмилия впервые в жизни оказалась с головы до пят разодета в шелка. Даже стеганый жакет, такой же бесформенный и большой, как и тот, погибший, воссоздали из этой чудной ткани.

– Мы как раз заканчиваем, – сказал Гэндзи. – Еще пару слов, и все. Прошу вас, входите.

– Госпожа Эмилия, – подал голос Сэйки. Они с Хидё низко поклонились девушке. – Счастлив видеть вас в добром здравии.

Гэндзи отметил про себя, что Сэйки стал относиться к Эмилии куда почтительнее. Из «этой чужеземной женщины» она превратилась для него в «госпожу Эмилию». Исполнившееся пророчество в одночасье вознесло ее на совершенно другую ступень. Гэндзи был рад этому. Жизнь и так сурово обошлась с Эмилией; бедняжка осталась

почти совсем одна в чужой стране, овдовела прежде свадьбы. Если окружающие будут добры к ней, это хоть немного смягчит ее боль.

– Он говорит, что счастлив видеть вас в добром здравии, – перевел Гэндзи.

– Пожалуйста, поблагодарите мистера Сэйки от моего имени. Я тоже очень рада видеть его живым и здоровым.

– Она благодарит тебя за доброту, Сэйки, и говорит, что рада видеть тебя живым и здоровым. Нам нужно еще что-нибудь обсудить?

– Нет, мой господин, – сказал Сэйки. – Мятеж против вас подавлен. Осталось лишь определить наказание виновным. С самыми сложными случаями уже разобрался господин Сигеру. А я завтра поведу отряд из ста человек в Кагэсиму.

– Думаю, довольно будет просто казнить деревенских старейшин, – распорядился Гэндзи. – А прочим следует со всей строгостью напомнить, как важно хранить верность – и не только своему непосредственному господину, но и своему князю.

– Это не соответствует традиции, мой господин.

– Знаю.

– Мудро ли это, в нынешнее время проявлять такую доброту? Может сложиться впечатление, что вам не хватает решимости, чтобы поступить так, как должно.

– У меня достаточно решимости, чтобы поступать так, как должно, когда это действительно необходимо. Но грядущее принесет с собой еще множество убийств. И если уж мы должны убивать, лучше сосредоточиться на наших врагах, а не на наших собственных крестьянах.

– Да, мой господин.

Сэйки и Хидё вышли. Уже на пороге Хидё произнес:

– Я буду ждать с лошадьми.

Гэндзи чуть было не сказал, что его присутствие не требуется. Что они не собираются уезжать далеко. Но на лице Хидё написана была такая решимость, что Гэндзи промолчал. Видимо, некоторое время его никуда не будут отпускать одного.

– Хорошо, Хидё.

– Господин, вы уверены, что вам уже можно садиться на коня? – поинтересовалась Эмилия.

– Мы поедem медленно и осторожно, – обещал Гэндзи. – Все обойдется.

– Может, лучше прогуляться пешком? Я до сих пор почти не видела замка. Но то, что я успела увидеть, мне очень понравилось.

– И вы непременно его увидите. Но сегодня нам нужно проехаться. Я хочу вам кое-что показать.

– И что же?

– Увидите, когда доедем.

Эмилия рассмеялась.

– Сюрприз? В детстве я очень любила сюрпризы. Как вы думаете, может, пригласить с нами и Мэтью?

– Он занят, – сказал Гэндзи. – Тренируется. Слышите? Издалека донесся приглушенный звук выстрела.

– И кроме того, я хочу показать это вам, а не ему.

– Ваше приглашение выглядит все загадочнее, – сказала Эмилия.

– Ничего, это ненадолго, – отозвался Гэндзи.

Последняя голова принадлежала младенцу, которому еще не исполнилось и года. Сигеру насадил ее на копье, замыкающее длинный ряд, что протянулся перед главными воротами замка. Зимы в княжестве Акаока теплее, чем в горах Хонсю. Лицо Кудо уже успело разложиться до такой степени, что сделалось неузнаваемым. На прочих до сих пор читалось выражение последней муки. Здесь были Кудо, две наложницы, пятеро детей, вдовья мать, брат, тети, дяди, свояки, свояченицы, двоюродные братья и сестры, племянники и племянницы – всего пятьдесят девять голов.

Семейство Кудо перестало существовать.

Хэйко поклонилась и подошла поближе.

– Сколь печальная обязанность, господин Сигеру.

– Но необходимая.

– Несомненно, – кивнула Хэйко. – Колесо кармы не остановить.

– Могу ли я быть чем-нибудь вам полезным, госпожа Хэйко?

– Надеюсь, – сказала Хэйко. – Вскороستي князь Гэндзи предпримет короткую прогулку. Его будет сопровождать госпожа Эмилия. Они, конечно же, проедут здесь.

– Разумеется. Князь всегда выезжает через главные ворота замка, куда бы он ни направлялся.

– Это зрелище чрезмерно устроит госпожу Эмилию.

– Что, вправду? – Сигеру оглядел аккуратный ряд копий, протянувшийся вдоль южной стороны дороги. – Но почему? Оно лишь показывает, что все обстоит как должно.

– Госпожа Эмилия – тонко чувствующая особа, – пояснила Хэйко, тщательно подбирая слова. – И кроме того, она чужеземка и не понимает, как действует карма. Особенно ее опечалит присутствие детей. Боюсь, после этого она уже не сможет продолжать прогулку в обществе князя.

– И что же вы предлагаете?

– Убрать головы.

– Боюсь, это невозможно. Эта традиция берет свое начало из глубокой древности: останки предателей следует выставлять возле главных ворот замка и держать там, пока они не сгниют или пока их не пожрут стервятники.

– Эта традиция достойна того, чтобы существовать вечно, – согласилась Хэйко. – Но нельзя ли ее слегка изменить – исключительно ради данного случая? Почему бы временно не разместить головы у дома господина Кудо?

– Предатель не бывает господином, и у него нет имени.

– Прошу прощения, – с поклоном произнесла Хэйко. – Я хотела сказать – у бывшего дома предателя.

– Я как раз отправляюсь туда, чтобы сжечь его дотла. Хэйко побледнела:

– Вместе со слугами?

Сигеру мрачно усмехнулся:

– Именно так я и намеревался поступить. Но наш князь, с присущим ему небывалым состраданием и склонностью к всепрощению, приказал, чтобы слуг просто продали в рабство.

У Хэйко вырвался вздох облегчения.

– Не будет ли мне позволено высказать одно предложение?

– У меня сложилось впечатление, что именно это вы уже сделали.

– Исключительно с вашего разрешения, господин Сигеру. Может, вы бы пожелали сжечь дом, как вы и собирались, а потом разместить эти останки на развалинах? Не станет ли это подходящей заменой?

Сигеру вообразил себе картину: дымящиеся руины, а над ними возносятся на копьях пятьдесят девять голов.

– Прекрасно, госпожа Хэйко. Так я и поступлю.

– Благодарю вас, господин Сигеру.

Но она не осталась посмотреть, как Сигеру справится с задуманным.

* * *

Выехав из замка, Гэндзи, Эмилия и Хидё встретились со Старком и Таро, которые как раз возвращались обратно.

– А вы не израсходуете все свои пули, Мэтью? – спросила Эмилия.

Она ехала не в дамском седле, а по-мужски. Гэндзи уговорил ее надеть шаровары наподобие тех, которые носил сам, – широкие штаны, называющиеся «хакама». Эмилия вспомнила совет Цефании: применяться к японским обычаям во всем, что не противоречит христианской морали. В хакама она ничего страшного не усмотрела. Они были такими просторными, что походили скорее на юбку, чем на брюки европейского фасона.

– Я сделал литейную форму для новых пуль, – ответил Старк, – а пороха у наших хозяев достаточно. – Он показал пустые гильзы. – Их можно использовать по нескольку раз.

– Надеюсь, вы станете воином Христовым, – сказала Эмилия, – и будете сражаться лишь за правое дело.

– Мое дело правое, – отозвался Старк. – Можете не сомневаться.

– Ты куда? – поинтересовался Таро у Хидё.

– Недалеко. Если ты свободен, поехали с нами.

– Хорошо. Мистер Старк все равно отправляется на встречу с госпожой Хэйко. А она – куда лучший спутник для него, чем я. Она ведь может говорить на их языке.

Хидё и Таро ехали, держась чуть позади князя и госпожи Эмилии. Вряд ли кто-то осмелился бы напасть на князя в его собственном княжестве, да еще совсем рядом с замком, но Хидё на всякий случай внимательно следил за окрестностями.

– Как он стреляет?

– Потрясающе! – отозвался Таро. – Я даже не думал, что такое возможно. Он выхватывает свой пистолет и стреляет быстрее, чем мастер иайдо извлекает из ножен меч. Кажется, он даже быстрее Сигеру.

– Я же тебе говорил!

– Да, правда. Но я думал, ты шутишь. Теперь я знаю, что ты не шутил. И он очень меткий. С двадцати шагов он девять раз из десяти попадает в мишень с первого выстрела, а со второго – всегда. Интересно, почему он так упорно тренируется? В Японии ему не на ком испытать свое искусство.

– Он – воин, как и мы, – заметил Хидё, – а война близится. Разве этой причины не довольно?

Эмилия внимательно наблюдала за Гэндзи. Если б он выказал хоть каплю усталости, она бы непременно настояла на возвращении. Но пока что князь выглядел прекрасно. Несомненно, пребывание дома пошло ему на пользу. Да и климат в

здешних местах был куда мягче, чем в Эдо. В Эдо сейчас царила суровая зима. В этих краях она скорее напоминала раннюю весну.

– Здесь всегда такие теплые зимы?

– У нас редко бывает холоднее, чем сейчас, – сказал Гэндзи, – потому мы и не нуждались до сих пор в эскимосской мудрости.

– Господин!

– Будь наши зимы более снежными, возможно, рождаемость бы сильно увеличилась.

Эмилия отвернулась в замешательстве, чувствуя, как лицо заливают краской. Она, должно быть, сейчас красная, как «джонатан»!

Гэндзи рассмеялся.

– Извините, Эмилия. Я не удержался.

– Вы обещали, что никогда не будете упоминать об этом.

– Я обещал, что никогда никому об этом не расскажу. Но я не обещал, что не стану говорить об этом с вами.

– Князь Гэндзи, с вашей стороны это не по-джентльменски.

– Не по-джентльменски?

– «Не» – частица, обозначающая отрицание. Джентльмен – это человек, обладающий положительными качествами и высокими моральными принципами. «По-джентльменски» означает «свойственный джентльмену». – Она повернулась и смерила Гэндзи строгим взглядом. – Вы сейчас не проявляете ни положительных качеств, ни высоких моральных принципов.

– Непростительная оплошность. Смирно прошу вас принять мои глубочайшие извинения.

– Я бы приняла, если бы вы не улыбались так весело.

– Но вы тоже улыбаетесь.

– Я не улыбаюсь, а кривлюсь.

– Кривлюсь?

Этого Эмилия объяснять уже не стала.

Некоторое время они ехали молча. Время от времени Эмилия украдкой поглядывала на Гэндзи и всякий раз видела на его губах легкую улыбку. Эмилии хотелось обидеться на него, но у нее не получалось. Но нельзя же сделать вид, будто он ничего такого не сказал! Его шутки совершенно неуместны. Особенно если учесть, что она – миссионер, а он – князь, покровительствующий ее миссии. И последние события ничего в этом смысле не изменили.

Эмилия остановилась и оглянулась на «Воробьиную тучу». Когда она только-только прибыла сюда, ее охватило разочарование, острое до боли. Это и есть замок? А где же огромные каменные стены и башни, парапеты и бастионы, бойницы и амбразуры, ров и подъемный мост? Здесь лишь основание было каменным – из плотно подогнанных блоков, не скрепленных известковым раствором. А над ним возносились причудливые деревянные пагоды с черепичными крышами. Замок должен быть обиталищем рыцарей, таких, как Уилфред Айвенго. Но как Эмилия ни старалась, ей не удалось представить Айвенго во всем его великолепии – могучий боевой конь, сверкающий доспех, щит у седла, копьё в руке, – выезжающим из подобного сооружения. Здесь, в Японии, не только красота, но и замки были совсем другими. И если одно отличие стало для нее подлинным благословением, то второе принесло горькое разочарование.

Но за две прожитые здесь недели она начала относиться к этому строению иначе. «Воробьиная туча» казалась на взгляд невесомой; ее семиэтажная громада словно парила над скалистым береговым утесом. Каменное основание выдавалось вперед изящной вогнутой линией. Над ним поднимались оштукатуренные стены, белые, словно летние облака. А еще выше причудливо изгибались крыши, покрытые серой терракотовой черепицей. Отсюда, с расстояния в две мили, Эмилия без труда могла вообразить, будто серая черепица – это стая взлетающих воробьев. И по сравнению с воздушным, неземным изяществом «Воробьиной тучи» средневековые европейские замки, встававшие прежде в ее воображении, показались Эмилии почти жалкими в своей приземленности.

– Эмилия, вы очень сердитесь? – спросил Гэндзи.

Эмилия улыбнулась и покачала головой:

– Нет. Мне только кажется, что над некоторыми вещами шутить не стоит.

– Вы правы. Я больше не буду.

Они подъехали к небольшой возвышенности. И еще до того, как взобрались на гребень, Эмилии почудился знакомый запах. Наверно, это все оттого, что втайне она все-таки скучает по дому... Мгновение спустя взгляду Эмилии предстала маленькая долина, и девушка покачнулась в седле. Воздух внезапно показался ей разреженным, словно она очутилась высоко в горах.

– Яблоневого сада... – еле слышно прошептала Эмилия.

Сад был небольшой – около сотни деревьев. Но когда Эмилия с Гэндзи съехали вниз и яблони окружили их со всех сторон, уже не имело значения, сто их здесь или десять тысяч. Девушка привстала на стремянах и сорвала ярко-красный плод.

– Откуда здесь этот сорт, «макинтош»? – удивилась Эмилия. – Если это и не он, то что-то очень похожее. Мы тоже выращивали его у себя на ферме.

– Возможно, это и вправду тот самый сорт, – отозвался Гэндзи, – хотя здесь его называют иначе. А что, яблоки – исконно американское растение?

– Нет. Его завезли переселенцы из Европы. Один человек по имени Джон Яблочное Семечко всю жизнь рассаживал их по стране. Во всяком случае, так я слыхала. Может, это просто выдумка, а не подлинная история.

– Зачастую они мало чем отличаются друг от друга, – заметил Гэндзи. Он потянулся было к ветке, но задохнулся и опустил руки. Раны заставили его отказаться от своего намерения. – Я часто забирался на какое-нибудь из этих деревьев и вел воображаемые беседы. Мои собеседники были очень мудры.

– Я тоже любила лазать по деревьям, – призналась Эмилия, – и играть на них вместе с братьями.

– Воображаемыми братьями?

– Нет, настоящими. С Томом и Уолтом.

– Они тоже миссионеры?

– Нет. Они умерли в детстве.

– А ваши родители?

– Они тоже скончались.

– Так значит, мы с вами оба сироты. – Князь вновь взглянул на дерево. – Интересно, вы еще не разучились?

– Что?

– Лазить. Вы можете взобраться на дерево? Если б не раны, я бы сейчас вскарабкался до самой верхушки.

- Я тоже могу, – заявила Эмилия.
- Да, конечно.
- Почему у вас такой вид, будто вам не верится?
- Ну, честно говоря, вы не очень похожи на верхолаза.
- Это что, вызов?

Они с Томом и Уолтом постоянно подзадоривали друг друга. Однажды Эмилия на спор перепрыгнула с одного дерева на другое. А ветка, на которую она прыгнула, сломалась. Эмилия вцепилась в эту ветку, вместе с ней грохнулась на землю и лишь чудом ничего себе не сломала.

«Мне очень жаль, папа, что я сломала ту ветку».

«Лучше уж ветка, чем ты. Но больше никогда так не делай».

«Хорошо, папа».

«Ты очень красивая, Эмилия. А с кривой ногой или кривой спиной ты уже не будешь такой хорошенькой».

«Да, папа».

Отец всегда говорил Эмили, что она красивая. И ей было очень приятно это слышать. Но теперь это слово сделалось для нее совсем иным...

Эмилия сняла жакет и положила его поперек седла. Потом она дотянулась до ближайшей ветки, крепко ухватилась за нее и соскочила с седла. Несколько мгновений Эмилия раскачивалась, выбирая удобный момент, потом забросила ногу на ветку. Секунда – и девушка уже сидела, весело болтая ногами и улыбаясь.

Гэндзи почтительно поклонился:

– Прошу простить меня за то, что сомневался в вас. Вы и вправду великолепно лазаете по деревьям. Когда я выздоровею, мы непременно устроим состязание.

– А какая будет ставка?

– Ставка?

– Ну, приз, который проигравший отдает победителю.

– Если вы выиграете, – сказал Гэндзи, – я отдам вам этот сад.

– Ой, нет, это чересчур! Выйдет азартная игра, а не дружеский спор.

– Ну что ж, – сказал Гэндзи. – Я в любом случае отдам вам этот сад, выиграете вы или проиграете. А вы можете дать мне что-нибудь взамен. Тогда это уже не будет азартной игрой?

– Я не посмею принять такой ценный подарок, – возразила Эмилия. – Да и кроме того, я все равно не сумею ухаживать за ним, как полагается.

– Я помогу вам и в этом. В этой и в соседней долине расположены три деревни.

– Нет-нет, я не могу его принять. Моя задача – нести слово Божье, а не обогащаться.

Гэндзи широким жестом указал на склон холма.

– Ну так постройте здесь церковь. Разве вы не за этим сюда приехали?

– Я думала, что нашей миссии выделили землю в другой провинции.

– Вы можете возвести церковь и там тоже. Я обещаю, что она никогда не будет пустовать.

Несмотря на снедающее ее беспокойство, Эмилия не удержалась от смеха. Конечно, Гэндзи сдержал бы обещание. Ему достаточно лишь отдать приказ. В каждую деревню прискачет гонец. Крестьяне попадают на колени, уткнутся лицом в землю и покорно выслушают повеление князя. В следующее воскресенье они, как им велено, уже явятся в церковь. Они будут слушать переведенную проповедь, не

имеющую для них никакого смысла. Когда им предложат креститься, все от мала до велика послушно примут крещение.

– Нельзя заставить людей уверовать, князь. Они должны заглянуть в свое сердце и самостоятельно прийти к истине.

– Я обещаю вам, что лично явлюсь в вашу церковь и загляну в свое сердце.

– Князь Гэндзи... – только и смогла произнести Эмилия.

– Вы спасли мне жизнь. Позвольте мне в знак благодарности преподнести вам подарок.

– В равной степени я вправе утверждать то же самое. Вы спасли мне жизнь. Мы бы не выжили друг без друга.

– Значит, вы тоже должны мне что-нибудь подарить. Я даю вам Яблоневою долину. А что вы мне подарите?

Эмилиии пришлось прислониться к стволу, чтобы не свалиться с дерева.

– Яблоневою долину?

– Так ее назвала моя мать. Ринго-но-тани. По-английски – Яблоневая долина. – Улыбка исчезла с лица молодого князя, и в глазах промелькнуло странное выражение. – Она была родом с севера. Княжество ее отца славилось своими яблоками. Она была очень молода, когда вышла замуж, совсем еще девочка. Она очень тосковала по матери и сестрам. Скучала по товарищам детских игр. По деревьям, на которые любила лазать в детстве, по яблокам, которые срывала и ела прямо в саду. По детским веночкам из яблоневого цвета. Отец посадил этот сад для нее, в надежде, что он поможет ей утешиться и, быть может, когда-нибудь подарит радость.

– И что же?

– Она очень радовалась, глядя, как высаживают молодые деревца. Она даже сама посадила несколько. Но так никогда и не увидела ни цветов, ни плодов. Она умерла той зимой – родами. Ребенок – моя сестра – тоже скончался.

– Ох, простите...

– Мудрецы говорят, что счастье и печаль суть одно. В этом саду я начинаю понимать их.

Кроны скрадывали очертания окружающих гор, а аромат яблонь заглушал соленый запах океана. Сидя на ветке и болтая ногами в воздухе, Эмилия вдруг почувствовала, что ее сосредоточенность тает. Она посмотрела вниз и увидела Гэндзи, восседающего на своем боевом коне, – и это он казался здесь чужеродным, а не она. Самурай в яблоневом саду выглядел таким неуместным, что Эмилия расхохоталась.

И собственный смех вернул ее к реальности.

Она заплакала.

– Мой дом стоял в Яблоневой долине, – сказала Эмилия. – В другой Яблоневой долине.

– Значит, это место принадлежало вам еще до того, как вы его увидели, – помолчав, отозвался Гэндзи.

* * *

– Для своих габаритов госпожа Эмилия весьма проворна, – заметил Таро, наблюдая, как девушка вскарабкивается на дерево.

– На самом деле не такая уж она и крупная, – сказал Хидё. – Когда те два глупца покончили с собой, она сомлела и упала на руки нашему князю. И он с легкостью

удержал ее. У нее просто непривычные пропорции, вот нам и показалось, будто она такая большая.

– Теперь, когда ты это подметил, я вижу, что ты совершенно прав.

Таро прилагал все усилия, чтобы видеть происходящее в нужном свете. Госпожа Эмилия исполнила пророчество князя Киёри, потому он не мог больше считать ее здоровенной, нескладной или уродливой. Верность требовала от них отныне подмечать в этой девушке лишь хорошие стороны.

– На самом деле в ней есть некое изящество. На чужеземный манер.

– Верно, – согласился Хидё. – Я искренне раскаиваюсь в своих былых заблуждениях. Наверняка в своей стране, где все основано на других идеалах, она считалась образцом красоты, как у нас – госпожа Хэйко.

На этот раз Таро, как ни старался, не смог заставить себя согласиться с другом. Ценой некоторых усилий он еще мог представить, что Эмилия способна оказаться привлекательной для чужеземцев – ну, во всяком случае, для некоторых. Но назвать ее образцом красоты и сравнить с Хэйко? Что же ответить? Таро великолепно владел мечом и луком – но не искусством красноречия.

– Таким образом можно было бы говорить, если бы имелось какое-либо основание для подобного сравнения, – начал Таро. – Госпожа Хэйко – гейша первого ранга, а госпожа Эмилия... – Тут его посетила великолепная мысль. – А в стране госпожи Эмилии есть гейши?

– Насколько я понимаю, нет, – сказал Хидё.

Он и сам был не очень-то красноречив. И теперь от несвойственной задумчивости на лбу самурая прорезались морщины.

– Вот и мне так кажется, – сказал Таро. – Но насколько в таком случае уместно говорить о госпоже Эмилии и госпоже Хэйко в одинаковых выражениях?

– Совершенно неприемлемо! – с облегчением согласился просиявший Хидё. – Конечно же, я неверно подбирал слова. Восхищение госпожой Эмилией завело меня слишком далеко. Нам вовсе незачем преувеличивать ее достоинства.

– Конечно, – с прежним рвением поддержал его Таро. – Они и без того несомненны и не нуждаются в том, чтобы их приукрашивали.

– Да и в любом случае, много ли значит нечто столь мимолетное, как внешняя красота? – Хидё перевел разговор на более безопасную почву. – Важна красота внутренняя. А в этом с госпожой Эмилией никто не сравнится.

– Ты очень верно подметил главное, – отозвался Таро. От подобной постановки вопроса ему сразу полегчало на сердце. – Истинная красота – это красота души.

Два самурая радостно улыбнулись, продолжая наблюдать за своим князем и госпожой Эмилией. Они только что решили очень важный для них вопрос. Теперь они знали, как относиться к важной особе, не вполне укладывающейся в существующий порядок вещей.

* * *

– Вы не стали рассказывать князю Гэндзи о некоторых подробностях нашего путешествия, – сказала Хэйко.

– Он не спрашивал, – отозвался Старк.

Они сидели в комнате, выходящей во внутренний садик. Это была одна из нескольких комнат, специально приготовленных для Эмилии и Старка и обставленных

в соответствии с их потребностями. Например, здесь наличествовали четыре стола, шесть стульев, большой диван, письменный стол и два комода.

Чужеземцы – не такие, как японцы. То, что хорошо для них, плохо для японцев, и наоборот. Таков был ведущий принцип, которым руководствовались слуги Гэндзи. В ревностном стремлении добиться того, чтобы почетные гости чувствовали себя как дома, слуги устроили их как князя, только наоборот. В княжеских покоях – много места и мало мебели, а в покоях для гостей все так плотно заставлено мебелью, что свободного места почти не оставалось. Слуги приложили все усилия, дабы создать такую обстановку, в которой сами они чувствовали бы себя предельно неудобно, – и преуспели.

– Я собираюсь сама рассказать ему об этом, – сказала Хэйко. – Сегодня.

Старк пожал плечами.

– Ваши тайны – это ваши тайны. Я не собираюсь никому ничего сообщать.

– Спасибо вам за подобную сдержанность. Я высоко ценю ее. Но эту тайну не сохранить. Я знаю, вы ничего не станете говорить. Но до князя Гэндзи вскоре придет известие о стычке у завала на тропе. И он поймет правду.

– И это породит проблемы?

– Думаю, да.

– Он не знает о других ваших умениях.

– Нет, не знает.

– Почему же вы ими воспользовались? – поинтересовался Старк. – Мы могли бы вполне успешно пробраться там тайком, а если б даже нас и заметили, я бы расчистил нам дорогу. Мечи против шестизарядного револьвера бессильны.

– Я не могла допустить, чтобы вы рисковали жизнью. Дед князя Гэндзи перед смертью изрек пророчество. Он сказал, что чужеземец, которого князь Гэндзи встретит под Новый год, спасет князю жизнь. Я была уверена, что вы и есть этот чужеземец.

– Но тогда со мной в любом случае ничего бы не случилось. Я остался бы невредим, дабы исполнилось пророчество. А если б я умер, это бы означало, что я – не тот человек, которого вы ожидали. Значит, вы ничего не теряли.

– Пророчества не исполняются сами собою, – возразила Хэйко. – Если мы не будем прилагать все усилия к их исполнению, они могут сбыться совсем не так, как мы предполагали. Если б вы оказались тем самым чужеземцем, которому предназначено спасти князя Гэндзи, и погибли, ваше место занял бы другой. Но это было бы уже не то. Князь Гэндзи спасся бы, поскольку так предсказано. Но его могли бы искалечить. Или могло получиться так, что он оказался бы на много лет прикован к постели.

– Значит, вот как эта штука работает, – сказал Старк.

Он во всю эту чепуху не верил. Но раз Хэйко хочет поговорить, почему бы ее не выслушать?

– А как дед князя Гэндзи ввязался во все эти дела с пророчествами?

– Он родился с даром предвидения. Его неоднократно посещали видения.

– И он всегда оказывался прав?

– Всегда.

– Почему же он никому не сказал, что это будет Эмилия?

– Пророчества всегда неполны. Хоть жизнь и предопределена, ход ее зависит от поступков. Жизнь предопределена нашей прошлой кармой, а поступки создают нашу будущую карму.

– Что такое «карма»?

– Из ваших слов ближе всего по значению слово «судьба», но карма – непрерывно изменяющаяся судьба.

– Судьба есть судьба, – сказал Старк. – Она есть. Она не изменяется. Просто мы ее не замечаем, пока не столкнемся с ней.

* * *

Иногда, когда Старку случалось завернуть в Эль-Пасо, он останавливался в заведении Мануала Круза. Если верить хозяину заведения, тут обитала дюжина лучших шлюх Техаса. Правда, Старк никогда не видал больше восьми за раз. И насколько он мог судить, они ничем не отличались от прочих шлюх города.

– Поэтическая вольность, – пояснил как-то Круз. – Это цепляет человека. Настраивает его на оптимистический лад. И ему польза, и бизнесу.

– Что такое «поэтическая вольность»?

– Парень, ты пришел сюда за уроком изящной словесности или хочешь, чтоб тебя здесь напоили, накормили, обсюсюкали?

– Я пришел трахнуть шлюху, – сказал Старк. – Все.

– Похоже, ты, парень, лишен воображения, – заметил Итан, приемный сын Круза.

Он носил револьвер на бедре, точно так же, как и Старк, и точно так же держал плечи расслабленными. Когда-нибудь Итан догадается, что он и есть тот самый Мэтью Старк, прославленный стрелок, и бросит ему вызов. Или сообразит, что они со Старком промышляют одним ремеслом, и предложит сотрудничать. Не одно, так другое.

Круз расхохотался:

– Ладно, иди. Осмотрись и выбери, которая тебе по душе. Старк посещал заведение Круза не потому, что здесь как-то особенно обслуживали. Просто этот бордель располагался ближе всего к окраине. А Старк не любил городов. Ему всегда казалось, что там нечем дышать. И потому он старался как можно меньше в них находиться.

Но в расположении этого заведения имелись не только плюсы, но и минусы. Старк терпеть не мог вони, долетающей из расположенного по соседству свинарника. В этом он отличался от большинства посетителей. Дела у Круза шли успешнее всего именно в те дни, когда ветер дул с той стороны. Впрочем, в этом крылась своя хорошая сторона. С точки зрения Старка, если и было в этом борделе что-либо хуже вони свиней, так это толпа пьянчуг, явившихся позабавиться. Въезжая в Эль-Пасо, Старк всегда проверял ветер, и до сих пор ему благополучно удавалось не смешиваться с этой толпой.

Старк никогда не страдал сентиментальностью. У него не было излюбленной шлюхи. Ему было двадцать лет. После Джимми Верняка он убил еще трех человек и не знал, доживет ли до двадцати одного года. Вот уж целый год никто не пытался его прикончить, но Старк был не настолько наивен, чтобы надеяться, будто так будет всегда. Он дал Крузу четыре монеты и взял ближайшую из лучших шлюх.

Так уж случилось, что это оказалась Мэри Энн.

В ней не было ничего особенного, если не считать возраста: она была старше всех прочих в этом заведении, старшей из всех женщин, с которыми Старку когда-либо приходилось иметь дело. А еще она была доброй. Когда Старк кончил, не успев даже

войти в нее, она крепко обняла его и сказала, чтобы он отдохнул. Ничего, все будет хорошо, он может попробовать еще раз, и вовсе незачем платить Крузу четыре лишние монеты. Старк сказал, что с ним всегда так случается после долгой дороги; он слишком редко бывает с женщиной, вот в чем все дело. А Мэри Энн сказала «ничего, ничего» и обнимала его, пока он снова не пришел в боевую готовность.

А потом Старк и сам не заметил, как заснул. Когда он проснулся, на столе горела тусклая лампа. Мэри Энн спала рядом. Ветер дул в прежнем, то есть в неправильном, направлении, дела шли плохо, и ей вовсе не обязательно поскорее бежать вниз и сидеть в баре.

Старку захотелось облегчиться. Он повернулся, чтобы встать с кровати, и увидел, что на него таращатся две маленькие девочки. Они стояли совсем рядом с кроватью. Младшая – лет пяти, никак не больше – держала палец во рту. Вторая была на пару лет постарше. Она обнимала сестру за плечи. То, что они сестры, бросалось в глаза сразу – слишком уж малышки походили друг на друга. Штаны Старка свисали с ширмы, стоящей в дальнем конце комнаты, – он сам их туда зашвырнул, когда торопился побыстрее улечься в постель с Мэри Энн. Теперь ширму слегка отодвинули, и Старк увидел за ней маленькую кроватку.

– Привет, – сказал Старк.

Как бы уговорить мелюзгу отвернуться, чтобы он мог добраться до штанов?

– Мы не знали, что тут кто-то есть, – сказала старшая девочка. – : Тут так тихо.

– Я уйду сразу же после того, как смогу одеться, – обещал Старк.

Младшая девочка принесла ему штаны.

– Спасибо.

– Не за что, – откликнулась старшая.

Старк посмотрел на Мэри Энн. Он думал, что разговор разбудит ее, но нет. Женщина сладко спала.

– Мы заснули, – пояснила старшая девочка, – но потом Луиза захотела пить, и я пришла сюда за водой.

– Ты молодец, что так заботишься о сестренке, – похвалил ее Старк.

– Даже если мы не спим, – сказала старшая девочка, – никто никогда не догадывается, что за ширмой кто-то есть.

Мы сидим тихо, как мыши под веником, чтобы не мешать маме работать.

– Так вы постоянно там сидите?

– Конечно, нет, глупый. Мы каждый день ходим в дом миссис Креншоу, кроме субботы и воскресенья. По воскресеньям мы посещаем воскресную школу при церкви. – Она посмотрела на отгороженный уголок, потом снова взглянула на Старка и хихикнула. – Ну сам подумай: как бы мы могли постоянно сидеть в таком крошечном закутке?

– А почему вы сейчас не у миссис Креншоу?

– Потому что уже ночь, и потому что сегодня суббота. – На этот раз обе девочки захихикали. – Ты что, даже не знаешь, какой сегодня день недели?

Но тут Мэри Энн оторвала голову от подушки и сонно взглянула на детей.

– Бекки, Луиза! Вы что тут делаете?

– Луиза захотела пить, ма.

– Ну так напои ее, и возвращайтесь в постель.

– Хорошо, ма. Пока, мистер.

– Пока.

Едва лишь девочки вышли, как Старк тут же вскочил и поспешно натянул штаны.

– Надеюсь, они не в бар пошли?

– Конечно. Вода вон там.

– Лучше б ты держала кувшин в комнате. Ставила бы возле их кровати, да и все.

– Они не хотят.

Мэри Энн закуталась в простыню и теперь, повернувшись, наблюдала, как Старк собирается.

Старк не хотел ничего говорить. В конце концов, какое ему дело? Но все-таки он не выдержал и сказал:

– Здесь не место для детей.

– Здесь и для меня не место, – откликнулась Мэри Энн. – Но все-таки они здесь, и я тоже. Бывает и хуже. Круз разрешил мне оставить девочек при себе, и к ним тут никто не цепляется. Хоть за это ему спасибо. Круз говорит, что терпеть не может педофилов.

– Что такое «педофил»?

– Человек, которому нравится приставать к детям.

Старку вспомнился сиротский приют и удивленные мертвые глаза ночного надсмотрщика, которому он размозжил череп молотком.

– Я тоже терпеть не могу педофилов.

– Тебе не обязательно уходить. Они попьют и опять уснут.

– Я слышу голоса, – сказал Старк, прислушиваясь к шуму, доносящемуся из бара. – Посетители.

– Там вполне достаточно девиц. – Мэри Энн глубоко вздохнула. – Когда дует восточный ветер, я могу перевести дух. Воздух такой хороший, и клиентов немного.

Старк достал из кармана еще четыре монеты и положил на стол, рядом с лампой.

– Я же тебе сказала, что за второй раз платить не нужно. Ведь на самом-то деле он был первый, – сказала Мэри Энн и улыбнулась. Совсем не так, как улыбается шлюха, когда потешается над кем-то или когда хочет выдурить у клиента побольше денег. Это была хорошая улыбка.

– Я отправляюсь в Мексику, поработать на руднике, – сказал Старк.

На самом деле он направлялся в Миссури, чтобы ограбить там еще пару-тройку банков. Но он подумал, что лучше об этом не говорить, ведь он толком ничего о ней не знает.

– Я вернусь весной.

– Я буду на месте, – отозвалась Мэри Энн.

Так впервые в своей жизни Старк соврал шлюхе. Прежде ему просто незачем было им врать. С чего вдруг ему захотелось произвести хорошее впечатление на Мэри Энн? Потому, что у нее двое детей? Если это и причина, то очень уж дурацкая. Ничего святого в материнстве нет. Его собственная мать, имени которой он так никогда и не узнал, оставила его на ступенях церкви в Коламбусе. При нем тогда не было ничего, кроме одеяльца, – даже записки с именем. Его называли Мэтью, потому что по святцам шел день этого апостола. А откуда взялась фамилия Старк, он просто понятия не имел. Нет, Старк не питал особо теплых чувств к матерям. Возможно, он размяк оттого, что Мэри Энн добрая. И еще потому, что у нее хорошая улыбка. А может, потому, что Бекки и Луиза – очень милые девчушки и им и вправду не место в борделе. Но и эта причина была не менее дурацкой. Детей Старк тоже не любил.

Итак, Старк впервые соврал шлюхе – и впервые пообещал ей вернуться. Он

думал, что это тоже ложь. Он не собирался в Мексику и не собирался возвращаться к Мэри Энн. Но вышло так, что вторая ложь обернулась правдой. Всю дорогу до Миссури Мэри Энн, Бекки и Луиза не шли у него из головы. Он продолжал думать о них даже в совершенно неподходящее время – когда брал тот банк в Джоппине, – и какой-то фермер чуть не продырявил ему голову из дробовика. Но дробовик дал осечку, а Старк тем временем успел всадить фермеру пулю в ногу. Денег он не добыл, но зато сберег свою шкуру. Джоппинские полицейские продолжали висеть у него на хвосте до самых границ Техаса. Ну и упрямыцы они там, в Миссури. Он ведь даже не взял их денег, а они гнались за ним через два штата. За время этой долгой скачки Старк принял решение. Он решил, что отправится к Мэри Энн и постарается разобраться, почему все время думает о ней, Бекки и Луизе.

– Теперь понял, что я имел в виду? – поинтересовался Круз, когда Старк перешагнул порог. – Поэтическая вольность настраивает человека на оптимистический лад. Ветер дует не с той стороны, с какой ты предпочитаешь, но ты все-таки не падаешь духом. Я ведь не просто так говорю, что у меня здесь дюжина лучших шлюх Техаса.

– Где Мэри Энн? – спросил Старк.

– Так, давай по порядку. Ты хочешь конкретную девочку, так?

– Где она?

– Ты говорил про весну, – сказала Мэри Энн с верхней площадки лестницы. – Сейчас еще зима, а ты уже здесь. Что, рудник истощился?

Она мягко улыбнулась, и Старк понял, почему он вернулся. Он влюблен.

– Какой рудник? – переспросил Старк.

– Твой рудник в Мексике.

Вранье – штука сложная. Нужно постоянно помнить, кому и что ты сказал. Говорить правду гораздо легче. Старк решил, что откроет Мэри Энн всю правду, как только они останутся вдвоем.

– Ты занята?

– Я только что уложила детей. Они скоро уснут. Пойдем наверх.

– Только не на всю ночь! – вмешался Круз, подкрепляя слова бурной жестикуляцией. – Ничто так не помогает заполнить бордель до отказа, как запах свинарника! Сегодня лучшей дюжине предстоит хорошенечко попрыгать.

– Я заплачу за всю ночь, – сказал Старк. – Сколько? Круз сощурился, и в его подпорченной топором голове словно защелкали счеты.

– Сюда входит не только плата за приятное общество. Не забывай про прибыль, которую я получаю в баре от клиентов, которые ждут своей очереди. Ты-то туда спускаться не будешь.

– Сколько, черт подери?

– Десять американских долларов.

Старк достал из седельного выюка серебряные доллары и швырнул их на стол перед Крузом. Он припас эти деньги еще с предыдущей, более успешной вылазки в Миссури.

– Боже правый! – не удержался Круз. Он проверил монеты и убедился, что они настоящие. – Парень, ты что, банки грабишь?

– Ты видал меня на полицейских плакатах?

– Пока нет.

Старк поднялся к Мэри Энн. Девочки уже легли, но еще не уснули. Сквозь тонкие

стены отовсюду слышалась возня и возгласы совокупляющихся пар. Но дети словно бы ничего не замечали.

– Здравсьте, мистер, – сказала Бекки.

Луиза, как обычно, промолчала.

– Привет, Бекки. Привет, Луиза.

– Ух ты! Вы запомнили, как нас зовут!

– Конечно.

– А вас как зовут?

– Стив.

– Здравсьте, Стив.

– Бекки, – укоризненно заметила Мэри Энн. – Ты же знаешь, что это невежливо – звать взрослых по имени. Вам следует говорить: мистер... Как ваша фамилия?

– Мэтьюс.

– Говорите: мистер Мэтьюс.

– Здравсьте, мистер Мэтьюс.

– Привет.

– Спокойной ночи, мистер Мэтьюс.

– Спокойной ночи.

Мэри Энн сняла с кровати покрывало.

– Не надо, – остановил ее Старк.

Женщина озадаченно взглянула на него.

– Давай просто поговорим.

– Ты заплатил десять долларов за разговоры?

– Да. А что, ты возражаешь?

– Нет, если ты не задумал ничего странного.

– Например?

– Например, говорить всякие гадости, так чтобы дети слышали. Или чтобы они смотрели, пока ты что-нибудь делаешь.

– За кого ты меня принимаешь?

– Не знаю, – сказала Мэри Энн. – Ты в борделе. Я – шлюха. Ты заплатил десять долларов, а теперь говоришь, что хочешь просто поговорить. Вот я и удивляюсь, зачем это тебе.

– Я люблю тебя, – сказал Старк.

Он вовсе не собирался говорить этого так вот сразу, но слова вырвались сами собою. Он хотел сперва как-нибудь подготовить почву. Ему бы наверняка удалось.

– Да ну?

Старк думал, что Мэри Энн обрадуется его признанию или, по крайней мере, удивится. А вместо этого на лице ее вдруг проступили разочарование и усталость.

Старк почувствовал себя задетым:

– Ну да, ты же, наверно, постоянно это слышишь от своих поклонников.

– Куда чаще, чем ты думаешь, – отозвалась Мэри Энн. – Только я бы не стала называть их поклонниками. Просто у мужчин бывает такое, что они вдруг размякают и принимаются мечтать. Им нужна не я и не Бекки с Луизой. Они думают о самих себе, только по-другому. И это никогда не затягивается надолго. Они пугаются того, что сказали. Принимаются винить меня за то, что я не такая, какой они меня вообразили. Это я уже проходила. Так что брось ты эту затею.

Женщина вернулась к кровати и приподняла угол тюфяка. Она извлекла откуда-то

небольшую пачку купюр, отделила половину, а остальное снова спрятала. Мэри Энн взяла Старка за руку и вложила ему в ладонь десять долларов. Потом она раздвинула ширму и подтолкнула Старка к постели.

– Они через несколько минут уснут. Мы позабудемся, и ты с чистой душой вернешься в Мексику. – В глазах у Мэри Энн стояли слезы, но она все-таки улыбнулась. – Это очень мило с твоей стороны, Стив. Но это не настоящая любовь. Ты слишком молод для подобного чувства. Но ты с ним еще встретишься, вот увидишь.

– Не надо мне рассказывать о моих чувствах, – возразил Старк. – Я сам тебе о них расскажу.

И рассказал.

Он рассказал Мэри Энн про сиротский приют, про молоток и про Элиаса Эгана; про игру в карты и про «вулкан», который дал осечку, про Джимми Верняка и про трех задир, которых он застрелил. Он рассказал про банки в Миссури и про фабрики в Канзасе, которые были до того, и про лошадей и скот в Мексике, – это было еще до Канзаса. Он рассказал про деньги, которые копил, сам не зная зачем.

– Меня чуть не застрелили в Джоплине, потому что я стоял там с револьвером в руках и думал, что я собираюсь делать с деньгами. А потом я понял, что я собираюсь с ними делать, и так удивился, что даже не заметил того фермера, пока он не попытался пальнуть в меня из дробовика.

– Ты мечтал обо всех тех классных вещах, которые мог бы купить, если б у тебя была женщина, для которой стоило бы все это покупать, – устало произнесла Мэри Энн, словно продолжая многократно слышанную историю.

– Нет, – сказал Старк. – Я понял, что мне хочется обзавестись ранчо в Техасе. Разводить скот. Если знаешь, как обращаться с коровами, их не так уж трудно разводить. Хочется построить домик, чтобы в нем было тепло зимой и прохладно летом. Почаще бывать под открытым небом и заниматься только тем, что считаешь правильным.

– Да, на тебя это похоже, – сказала Мэри Энн.

– Мне вспомнилось одно местечко севернее Эшвилла – я проезжал мимо него позапрошлым летом, – и я понял, где надо построить этот домик. Я стал думать про дом и увидел в нем тебя. Ты готовила жаркое из бычка, которого мы сами вырастили. А Бекки с Луизой играли во дворе, под деревьями, и, когда им хотелось пить, они набирали чистой воды из источника.

Старк взял Мэри Энн за руки. Женщина печально улыбнулась и попыталась высвободиться.

Старк сказал:

– И на много миль вокруг ни единой треклятой свиньи! Мэри Энн перестала высвобождаться. Она взглянула Старку в глаза и долго в них смотрела, а потом приникла к его груди.

Наутро она сказала:

– Итан ловко обращается, с револьвером. Когда он вернется, он погонится за нами. Даже если Круз согласится меня отпустить, Итан будет против.

– Круз отпустит тебя, – сказал Старк. – А Итан не узнает, где нас искать.

– У него есть один дикарь откуда-то с тихоокеанских островов. Он умеет идти по следу не хуже индейца.

– Если они нас найдут, то быстро об этом пожалеют.

– Вправду? А почему? У тебя много друзей в Техасе?

– Ты слыхала про Мэтью Старка?

– Это кто? – Мэри Энн взглянула на него и задумалась. – А, припоминаю! Говорили, будто это он одолел Джимми Верняка. Он, а вовсе не ты. То-то твоя история показалась мне такой знакомой.

– Я и есть Мэтью Старк.

Мэри Энн знала, что Мэтью Старк – лучший стрелок во всем Техасе, что это здоровенный детина, весь разукрашенный шрамами, и что он избивает шлюх до полусмерти, прежде чем трахнуть их. Потому она рассмеялась, решив, что этот красивый, ласковый парень то ли врет, то ли спятил. А после расплакалась, потому что поняла, что никуда не поедет ни со лжецом, ни с чокнутым. И сама не поедет, и дочек не возьмет. Старку понадобился целый час, чтобы убедить Мэри Энн в том, что его репутация, мягко говоря, не соответствует действительности. Он ведь назвал ей свое настоящее имя лишь затем, чтобы она успокоилась и перестала беспокоиться из-за Итана. А вышло так, что он чуть ее не потерял.

Старк подождал, пока Мэри Энн, Бекки и Луиза уложат свои скудные пожитки в ветхий чемодан и перевяжут его веревкой. Потом проверил свои пистолеты и отправился вниз.

– Какой-то у тебя вид усталый, – заметил Круз. – Не похож ты на человека, который всю ночь провел в постели.

– Нам надо кой о чем поговорить.

Старк уселся за карточный стол напротив Круза. Хозяин борделя сидел на том же самом месте, что и вчера, только сегодня в руках у него вместо карт была тарелка со свиной отбивной, и вчерашние пьянчуги, составлявшие ему компанию в покер, давно разошлись по домам.

– Ветер не переменялся. Цена остается прежней: десять долларов за ночь.

– Для нее ночи закончились, – сказал Старк. – Она уходит.

– На здоровье, – неожиданно легко согласился Круз. – Если у тебя имеется пятьсот долларов. Она задолжала мне пять сотен. Если хочешь забрать ее с собой – расплатись. Только она все равно сюда вернется, когда ты вытащишь голову из задницы и очнешься.

У Старка имелось больше пяти сотен. Но ему нужны были деньги на ранчо.

– Я дам тебе сотню.

Он заметил, как взгляд Круза метнулся куда-то в сторону, проследил за ним и заметил бармена с двустволкой в руках. Старк нырнул вперед и влево; в тот же самый миг грохнул выстрел, и заряд дроби разнес карточный стол в щепки. Первая пуля Старка вошла бармену в правое плечо, вторая прошила правое бедро. Бармен выронил двустволку и рухнул на пол, пытаясь зажать обе раны. А когда Старк вновь взглянул на Круза, то увидел, что на него смотрит дуло короткоствольного крупнокалиберного пистолета. Старк выстрелил Крузу в лицо. Пуля сорок четвертого калибра завершила работу, которую когда-то не закончил топор.

Некоторые люди не чувствуют, когда настает пора остановиться. Старк такие вещи чувствовал. Он знал, что никогда больше не ограбит ни единого банка и не зайдет ни в один бордель. Он также думал, что никогда больше не будет убивать людей, и, наверно, так бы и поступил, если б это зависело от него.

* * *

Все то время, пока длилась ее исповедь, Хэйко просидела, положив ладони на циновку и склонив голову. Ей не хватало мужества взглянуть Гэндзи в лицо. Кем он теперь считает ее – двуличной негодяйкой, которая клялась ему в любви, а сама тем временем ожидала приказа убить его? Хэйко договорилась, и воцарилось молчание – почти невыносимое. Хэйко чувствовала, что вот-вот разрыдается, но гордость заставляла ее сдерживаться. Было бы полным бесстыдством взывать к его состраданию. Нет, она не станет плакать. Гэндзи убьет ее или, может, просто выгонит из замка – он ведь добр. Но что бы он ни решил, этот день станет последним в ее жизни. Она не сможет жить без него. Хэйко знала, что сделает, если ее выгонят.

Она отправится на мыс Мурото.

У этого мыса шестьсот лет назад Хиронобу, первый князь Акаоки, предок Гэндзи, выиграл битву, и эта победа положила начало княжеству. Теперь же на вершине утеса, обрывающегося в море, стоял небольшой буддийский храм малоизвестной дзэнской секты. От каменистого берега к храму вела лестница из девятисот девяноста девяти ступенек. Она будет останавливаться на каждой ступеньке и во всеуслышание объявлять о своей вечной любви к Гэндзи. Она будет молить Аматаэрасу-о-миками, богиню Солнца, омыть своим божественным светом ее долгую бесполезную жизнь. Она будет молить Каннон, богиню милосердия, чтобы та заглянула в ее сердце, убедилась в искренности ее намерений и позволила ей воссоединиться с Гэндзи в Чистой земле, избавленной от страданий.

А когда она доберется до вершины, то поблагодарит всех богов и будд за дарованные ей девятнадцать лет жизни, своих давно почивших родителей – за то, что привели ее в этот мир, Кумэ – за то, что растил и оберегал ее, и Гэндзи – за любовь, которой она не заслужила. А потом шагнет с утеса в Великую Пустоту – без страха, без сожаления и слез.

– Как ты собиралась это проделать? – спросил Гэндзи.

– Что, господин?

Хэйко по-прежнему не смела поднять глаза.

– Мое убийство. Каким способом ты бы воспользовалась?

– Господин, умоляю, поверьте мне! Я никогда не причинила бы вам ни малейшего вреда!

– Хидё! – позвал Гэндзи.

Дверь мгновенно скользнула в сторону.

– Да, господин.

По лицу Хидё нельзя было понять, слышал ли он хоть слово из их разговора. Однако рука его лежала на рукояти меча.

– Попроси Ханакэ принести сакэ.

– Слушаюсь, господин.

Хэйко знала, что Хидё никуда сейчас не пойдет. Он пошлет Таро, сидящего по другую сторону дверей. А Хидё останется на месте, чтобы в любой миг вломиться в комнату, если вдруг понадобится. Он ни за что не оставит своего князя наедине с изменницей-ниндзя.

Должно быть, Гэндзи хочет предложить ей очистительное возлияние, прежде чем вынести приговор. Его великодушные разрывало сердце Хэйко. Она чувствовала, что еще мгновение – и она, не выдержав, разрыдается.

– Думаю, ты бы сделала это ночью, пока я сплю. Это самый милосердный способ.

Хэйко промолчала. Произнеси она хоть слово, и чувства предали бы ее. Она

безмолвно смотрела на циновку, и ее била дрожь.

– Господин! – донесся из-за двери голос Ханako.

– Входи.

Глаза Ханako покраснели и припухли. Она поклонилась и вошла, держа поднос на вытянутых руках. На подносе стояли кувшинчик сакэ и одна чашечка. Ну конечно. Гэндзи ведь не станет пить с ней. Она выпьет одна. Она покаялась и готова встретить свою судьбу.

Ханako низко поклонилась Гэндзи. Потом повернулась к Хэйко и поклонилась ей – так же низко. А потом, не выдержав, всхлипнула, и плечи ее затряслись. Служанка расплакалась.

– Госпожа Хэйко! – только и смогла вымолвить она.

– Благодарю тебя за подаренную мне дружбу, – сказала Хэйко. – Мы обе с тобой сироты, а судьба сделала нас сестрами, хоть и ненадолго.

Не в силах больше сдерживаться, Ханako подхватила на ноги и с плачем выбежала из комнаты.

– Интересно, чужеземцы плачут так же часто, как и мы? – сказал Гэндзи. – Сомнительно. Если б они тоже любили поплакать, то вместо науки создали бы театр кабуки, как и мы.

Он взглянул на поднос.

– Интересно, чем она думала, когда несла всего одну чашку? Ну да ладно.

К изумлению Хэйко, Гэндзи взял чашечку с подноса и приподнял, ожидая, пока ее наполнят. Ошеломленная гейша уставилась на него в полном недоумении.

– Я предпочитаю пить сакэ, пока оно не остыло, – сказал Гэндзи. – А ты?

Хэйко окончательно перестала что-либо соображать. А потому прикоснулась к кувшинчику и налила Гэндзи сакэ. Гэндзи выпил и предложил чашечку ей.

Но Хэйко отказалась.

– Господин... – промолвила она.

– Да?

– Я не могу пить из одной чашки с вами.

– Почему вдруг?

– Приговоренный не может прикасаться к сосуду, которого касались губы господина.

– Приговоренный? О чем это ты?

Гэндзи взял Хэйко за руку и вложил чашечку ей в ладонь.

– Господин, я не могу, – стояла на своем Хэйко. – Это лишь добавит гнусности моим преступлениям.

– Каким еще преступлениям? – поинтересовался Гэндзи. – Я что, мертв? Или искалечен? Или самые сокровенные мои тайны стали известны врагам?

– Господин, я скрыла от вас свою истинную природу. Гэндзи тяжело вздохнул.

– Ты что, считаешь меня полным идиотом?

– Господин?

– Самая красивая гейша Эдо выбирает в любовники самого незначительного из князей. Исключительно из-за моей красоты, обаяния и остроумия. Разумеется. Как же иначе? Ты не находишь, что я был бы редким дурнем, если б не задумался, что за этим кроется?

Гэндзи поднял кувшинчик. Хэйко пришлось подставить чашечку, иначе сакэ пролилось бы на циновку.

– Я знал, что ты работаешь на Въедливого Глаза, – сказал Гэндзи. – Этот человек терпеть меня не может. Я знал, что ты на него работаешь, и был уверен, что ты знаешь, что я об этом знаю. И знаешь, что я знаю, что ты знаешь. В конце-то концов, мы не дети и не чужеземцы. Для нас плести интриги так же привычно, как дышать. Мы, наверное, уже не можем без них.

Он жестом велел Хэйко пить. Гейша была так потрясена, что повиновалась. Князь забрал у нее чашку, и Хэйко налила ему еще.

– Вы не можете закрыть глаза на мое предательство, – сказала Хэйко, – и не можете оставить его безнаказанным. Ваши вассалы перестанут уважать вас.

– Разве я заслужил наказание?

– Вы, мой господин? Конечно же, нет! Вы не сделали ничего дурного.

– Тогда почему я должен карать сам себя?

– Вы и не должны. Наказания заслуживаю я одна.

– В самом деле? Ладно. Предлагай.

– Не мне это решать.

– Я приказываю. Хэйко поклонилась:

– Мой господин, есть лишь два выхода: казнь или изгнание.

– С одной стороны, ты – гейша и моя возлюбленная. С другой, ты – ниндзя и агент тайной полиции сёгуна. Как отделить одно от другого? Мы живем в мире, где разные виды верности постоянно сталкиваются друг с другом. И не непорочность, а природа равновесия обнажает нашу истинную суть. Я не нахожу никакой вины ни на тебе, ни на мне. Следовательно, мы оба оправданы.

– Господин, вам не следует прощать меня так легко.

Гэндзи взял Хэйко за руки. Хэйко попыталась высвободиться, но он не отпустил.

– Хэйко, посмотри на меня.

Но Хэйко не могла заставить себя поднять взгляд.

– Наказание, которое ты предлагаешь, причинит мне неизбывную боль. Разве это справедливо?

Гейша не ответила. Гэндзи отпустил ее.

– Так значит, любовь, о которой ты говорила, настолько слаба, что ты предпочитаешь умереть, – сказал он.

– Мы с Кумэ были последними из нашего клана, – произнесла Хэйко. – Как я могу позабыть о своей клятве и остаться жить? Я опозорю этим и его, и себя.

– Если ты умрешь, моя жизнь превратится в жалкое, безрадостное существование. Как я могу вынести такой приговор сам себе?

– У нас нет иного выхода. Такова наша карма.

– А такова ли она? Кто еще в замке, кроме Старка, знает об этом?

– Думаю, теперь уже все. Скверные новости разносятся быстро.

– Я имел в виду – официально.

– Кроме вас – никто, господин.

– Значит, наилучшим выходом будет ложь, – произнес Гэндзи и ненадолго задумался. – Ты только делала вид, будто работаешь на Въедливого Глаза. А сама все это время сообщала обо всем мне. Даже сейчас мы разрабатываем планы, как с твоей помощью продолжать поставлять Каваками ложные сведения, чтоб убаюкать его мнимым ощущением всеведения. А когда мы будем готовы, захлопнем капкан и заставим Каваками совершить роковую ошибку.

– Но это же смешно! Никто в это не поверит.

– А им не обязательно верить. Достаточно будет, если они притворятся, что верят. И мы тоже притворимся. Хидё, Таро!

Обе половинки двери мгновенно разъехались.

– Господин.

– Пришло время рассказать вам о самой тайной моей стратегии, – сказал Гэндзи. – Входите и закройте дверь.

Когда Гэндзи завершил свое повествование, самураи низко поклонились Хэйко.

– Госпожа Хэйко, – сказал Таро, – позвольте поблагодарить вас за то, что вы так отважно рисковали жизнью. Одержанной победой мы во многом обязаны именно вашему мужеству.

– Я молю богов и будд, чтобы они ниспослали мне хотя бы малую часть ваших добродетелей, – добавил Хидё.

Голоса их были ясны и тверды, но по щекам текли слезы. Правда, оба самурая как бы не замечали этого.

– Интересно, сколько просуществовали бы самураи или гейши, не будь на свете кабуки? – поинтересовался Гэндзи. – Мы так любим мелодрамы...

Хэйко взглянула на него и увидела, что в глазах у князя тоже стоят слезы. И это зрелище подорвало ее решимость.

– Гэндзи! – воскликнула она – и ничего больше не смогла добавить, поскольку давно сдерживаемые рыдания наконец-то хлынули наружу.

Глава 14 СЭКИГАХАРА

Когда атакуешь, дождись нужного момента.

Когда ждешь, будь наготове, словно валун, замерший на краю скалы высотой десять тысяч футов.

Когда нужный момент наступит, вложи всего себя в атаку, словно валун, рушащийся в пустоту.

Судзумэ-нокумо (1344)

Когда Кудо не вернулся из гор, Сохаку не удивился. Он надеялся, что его союзники уничтожат Сигеру. Надеялся, но не рассчитывал на это. А вот что его действительно удивило, так это то, что на стороне Гэндзи сражались ниндзя. Сохаку был одним из трех главных военачальников княжества. Среди тех, кто следовал за знаменем с изображением воробья и стрел, никогда не было ниндзя. Во всяком случае, насколько знал Сохаку. Мыслимо ли, чтобы это хранилось в столь строгой тайне? Подобное казалось невозможным. Кудо проведал бы об этом и рассказал бы ему. Секретное обстоятельство сделалось бы известно Сэйки, и тот непременно выдал бы это, так или иначе. А обмануть всех троих не смог бы даже столь хитроумный человек, как князь Киёри. Но даже если бы такое ему и удалось, соглашение распалось бы с его смертью. Договор с ниндзя держится лишь на личных клятвах.

И не может быть, чтобы Гэндзи нанял их самостоятельно. Он даже не сумел бы их отыскать. Его царство – сакэ и гейши, а не лазутчики и убийцы. Да и какой ниндзя положился бы на слово столь изнеженного слабака? Разве что они тоже купились бы на сказочку об его пророческом даре... Нет, ниндзя всегда трезво смотрят на мир. Их вокруг пальца не обведешь.

Значит, оставался еще один кандидат – и он внушал серьезное беспокойство. Каваками. Известно, что среди сотрудников тайной полиции сёгуна ниндзя имеются. Неужели все это спланировал Вьедливый Глаз, чтобы устранить их с Кудо и тем самым ослабить Гэндзи? Возможно, на самом деле он вовсе и не собирался включать их в число своих сторонников. Тогда, вероятно, Кудо мог погибнуть в ловушке, которую подстроил Каваками. Но это тоже маловероятно. Слишком уж просто и неразумно. Если б Каваками и вправду намеревался их предать, разумно было бы позволить Кудо убить Сигеру, подождать, пока Сохаку поможет схватить Гэндзи, а потом уже уничтожить всех троих сразу.

Все это не имело смысла. Нужно разобраться в происходящем, и поскорее, иначе его действия не принесут хороших результатов, – а ему придется действовать, причем скоро. У него меньше восьмидесяти человек. Его вассалы в Акаоке либо мертвы, либо они больше не его вассалы. Пока он не поймет, каковы истинные намерения Каваками, он не может рисковать и возвращаться в Эдо. Возможно, вместо защиты его там ждут арест и следствие.

По крайней мере, его семья в безопасности. Когда он ушел в монахи, жена с детьми вернулась к отцу – а его поместье находится на Кюсю, самом южном из четырех главных островов Японии. Там Сигеру до них не дотянется.

Нужно отринуть все надежды и страхи, дабы на душу снизошел покой. И тогда решение сложится само собою.

В этих условиях осталось лишь одно место, куда он мог отправиться.

Монастырь Мусиндо.

* * *

Каваками мрачно глядел в свой телескоп на британские и французские военные корабли, вставшие на якорь в заливе Эдо. Немыслимая самонадеянность! Две недели назад они обстреляли город. И вот они снова тут, как будто ничего и не случилось. Нет, хуже! Чужеземцы ведут себя так, словно это они – пострадавшая сторона.

Некоторые из южных князей обстреляли в проливе Куросима торговые суда чужеземцев. В ответ англичане и французы разнесли их форты по камешку, а потом явились в Эдо, чтобы уничтожить дворцы этих князей. А поскольку их меткость ничуть не лучше их разума, чужеземцы разгромили весь район Цукидзи, без разбора. И что же, разве они раскаиваются? Как бы не так! Они требуют, чтобы им выплатили компенсацию за ущерб, нанесенный их торговым судам, чтобы князья, допустившие этот обстрел, принесли официальные извинения, и чтобы сёгун пообещал, что такое никогда больше не повторится.

Все это внушало глубокое беспокойство. Но самыми оскорбительными были вести, полученные с переднего края. Когда британские моряки высадились на берег, мужество самураев, охранявших форты в проливе Куросима, испарилось бесследно. Увидев перед собой дисциплинированные отряды, вооруженные ружьями, – а их к тому же поддерживала корабельная артиллерия, – самураи обратились в позорное бегство. Шестьсот лет назад их предки без страха встретили и разгромили монгольские орды хана Хубилая.

А они бежали, даже не попытавшись принять бой. Воистину, в истории их народа, народа воинов, еще не было столь постыдного дня!

Сёгун оказался не в состоянии дать достойный ответ. Некоторые горячие головы

выступали за объявление войны чужеземцам, причем всем сразу. Другие, более перепуганные, но не ставшие от этого более разумными, твердили, что нужно немедленно выполнить все требования чужеземцев. Необходимо прийти к согласию, и как можно быстрее, пока правительство не расколосось. И чтобы добиться единства, сёгун отважился на беспрецедентный шаг. Вместо того чтобы самостоятельно принять решение и издать по этому случаю соответствующий указ, сёгун пригласил всех князей – даже тех, которые не являлись его союзниками, – приехать в Эдо, встретиться на заседании Совета и общими силами выработать итоговый документ. По сути дела, он предложил своим исконным врагам, опальным кланам, еще со времен Сэкигахары мечтающим отомстить сёгунам Токугава, поделиться с ними властью. Тем самым готовилась почва для исторического примирения.

При одной лишь мысли о том, что это и вправду может произойти, Каваками делалось дурно. Тогда всем его тщательно разработанным планам по уничтожению клана Окумити придет конец. Хуже того, в нынешние смутные времена может оказаться так, что репутация провидцев поднимет Окумити на невиданную высоту: ведь толпа и без того мнит о них неоправданно много. Каваками представилось, как это произойдет.

Гэндзи прибудет на совещание. По ходу дела он бросит какое-нибудь замечание, а сёгун воспримет его как ценный совет. Последуют некие действия. В результате случайности, часто происходящей с князьями Акаоки, результат окажется лучше самых смелых мечтаний. Сёгун, который в силу шаткости своего положения готов хвататься за соломинку, введет Гэндзи в число своих ближайших советников. Мстительный Гэндзи изобретет какой-нибудь повод, чтобы вынудить сёгуна велеть Каваками совершить ритуальное самоубийство. Каваками всю свою жизнь верно служил сёгуну. Однако же если его господину придется выбирать, он, конечно же, выберет Гэндзи. Каваками и сам поступил бы точно так же, будь он на месте сёгуна, если б поверил в то, во что поверит он. Главе тайной полиции замену найти нетрудно. А вот другого пророка еще попробуй найди.

Что за ужасный конец!

Хотя... Ничего ведь еще не случилось. И не случится никогда, если Гэндзи не доберется до Эдо. У Каваками оставался один, последний шанс. На этот раз ему придется действовать неофициальным образом. Ведь Гэндзи больше не преступник, и все обвинения с него сняты, коль скоро действие Закона о смене места пребывания временно приостановлено. Однако же страна охвачена беспорядками, а в такое время мало ли что может произойти...

Сохаку сообщил, что временно отводит свой отряд в монастырь Мусиндо. Сперва это известие взбесило Каваками. Теперь же он видел, что все складывается как нельзя удачнее. По дороге в Эдо Гэндзи придется проехать между Мусиндо и деревней Яманака. Решено: к нужному часу Каваками явится в эту деревню в сопровождении своих личных вассалов. Их у него около шести сотен, все они вооружены мушкетами и все умеют обращаться с огнестрельным оружием. Что ж, если хорошенько все обдумать, вполне возможно, что ему удастся добиться благоприятного исхода.

Но был у Каваками и еще один повод для беспокойства, правда незначительный, – загадочное исчезновение его помощника, Мукай. Каваками отправил уже трех гонцов в крохотное северное поместье этого тупицы. Ни один не вернулся. Все это было очень, очень странно. Неужели у Мукай стряслось нечто столь серьезное, что он даже не имеет возможности ответить? Каваками вспомнил жену Мукай – он видел ее

несколько раз во время празднеств. Она была почти такой же невыразительной и некрасивой, как и ее супруг. То же самое можно было сказать и о двух его наложницах. Кажется, Мукаи держал их исключительно потому, что знатному человеку его ранга полагалось иметь не менее двух наложниц. Ни о какой всепоглощающей страсти тут не могло быть и речи.

Ладно. Рано или поздно Мукаи вернется, и окажется, что ему по какой-то очень важной и очень скучной причине понадобилось срочно съездить домой. Возможно, он по глупости воспринял разрешение сёгуна покинуть Эдо как приказ удалиться. С него станется. Он совершал бы подобные промахи постоянно, если б не наставления Каваками.

Так что Каваками выбросил помощника из головы. И без того множество неотложных дел требовало его внимания. Его шпионы продолжали следить за тем, что происходит в Акаоке. Хэйко по-прежнему делит постель с Гэндзи. Значит, вскоре он дождет своего счастливого случая.

* * *

– Во-первых, я категорически не советую вам отправляться в эту поездку, – сказал Сэйки. – Во-вторых, если все-таки ехать, то непременно в сопровождении значительного отряда. Не менее тысячи человек. В-третьих, я настойчиво рекомендую пригласить в спутники еще хотя бы одного князя – предпочтительно такого, который сохраняет нейтралитет. Тогда вероятность того, что по дороге мы попадем в засаду, уменьшится.

– Благодарю тебя за искреннюю заботу, – сказал Гэндзи. – При других обстоятельствах опасность и вправду была бы настолько велика, как ты опасешься. Но я еду в Эдо по приглашению сёгуна. А значит, нам обеспечен безопасный проход.

– Десять лет назад это было бы правдой, – возразил Сигеру. – Однако нынешний сёгун теряет власть над страной. Чужеземные корабли безнаказанно обстреливают его столицу. Его союзные князья, равно как и опальные, все чаще нарушают его повеления. А во многих провинциях ослабела даже княжеская власть. Сэйки прав. Вам не следует ехать.

Гэндзи повернулся к Хидё:

– А ты как думаешь?

– Господин, ехать вам или нет – решать не мне. Но если вы решитесь, то я согласен с господином Сэйки. Вам следует взять с собой большой отряд. Тысячи хватит, если вы отберете лучших.

Гэндзи покачал головой.

– Если я двинусь к Эдо с тысячным отрядом, сёгун расценит это как проявление враждебности, и у него будут на то некоторые основания.

– Поставьте его в известность, причем заблаговременно, – сказал Сэйки. – Скажите, что оставите своих людей за пределами города, но неподалеку от равнины Канто – на тот случай, если сёгун пожелает, чтобы они вместе с его войсками выступили против чужеземцев. Мы можем разместить их в монастыре Мусиндо.

•– Нам в любом случае придется заглянуть туда, – сказал Гэндзи. – Эмилия хочет посмотреть, в каком состоянии здание их миссии. Ты не знаешь, его хоть начинали строить?

– Не знаю, мой господин.

Сэйки с трудом подавил раздражение. Он был безмерно признателен госпоже Эмилии за то, что она спасла князю жизнь. И все же он находил исключительно неуместным проявлять заботу о ее малозначительной миссионерской деятельности, когда обсуждаются столь важные вопросы.

– Вы намерены позволить госпоже Эмилии сопровождать вас в Эдо?

– Да.

– Тогда я должен добавить четвертое замечание, – сказал Сэйки. – Я настойчиво советую не брать ее в эту поездку.

– «Тихий журавль» сейчас отстраивают заново, – сказал Гэндзи. – Эмилии нужно присмотреть за некоторыми деталями. Она не сможет этого сделать, если останется здесь.

Сэйки скрипнул зубами.

– Неужели в число ее талантов входит и дар архитектора?

– Нет. Но нашим архитекторам потребуются ее советы касательно постройки церкви.

– Церкви?

– Я приказал, чтобы на территории дворца возвели небольшую христианскую церковь.

– Что?! – ошеломленно переспросил Сэйки.

Сигеру рассмеялся – ко всеобщему удивлению. Он нечасто смеялся.

– А почему это тебя так беспокоит, Сэйки? Тысячу лет назад буддизм был чужеземной религией. Ее занесли к нам миссионеры из Китая и Кореи. А теперь буддизм – такая же часть Японии, как и мы сами. Возможно, тысячу лет спустя то же самое скажут и о христианстве, которое сейчас привезли нам эти новые миссионеры.

– Я не знал, господин, что вам присущ столь оптимистический взгляд на вещи, – только и смог выговорить Сэйки.

– Я научился этому у моего племянника.

– И вы считаете благоразумным взять женщину в путешествие, которое может оказаться столь опасным?

– Не женщину, а женщин, – поправил его Сигеру. – Госпожа Хэйко и Ханako тоже поедут с нами.

Это еще больше ужаснуло Сэйки, но он сдержался и лишь сказал:

– В-пятых, я предлагаю отнестись к этому путешествию со всей серьезностью, какой оно заслуживает.

– Хэйко скучает по Эдо, – ответил Гэндзи. – И не следует лишать Хидэ возможности поскорее обзавестись наследником.

– Наибольшая опасность не миновала, – сказал Сэйки, не позволив себе высказаться по поводу столь легкомысленных доводов. – Она все еще впереди.

– И когда она настанет, мы встретим ее достойно, – сказал Гэндзи. – А до тех пор давайте не будем изводить себя ненужным беспокойством.

Сэйки поклонился. Какая, однако, насмешка судьбы: пережить такие трудности, и лишь затем, чтоб умереть во время обычной поездки в Эдо. Такова природа кармы. И Сэйки кланялся сейчас не только своему князю, но и карме.

– Слышу и повинуюсь, мой господин.

– Благодарю тебя, Сэйки.

– Сколько человек мне следует взять?

– Думаю, двадцати—тридцати вполне хватит. Мы не станем задерживаться в Эдо

надолго.

– Наши разведчики донесли, что Сохаку сейчас в Мусиндо, – подал голос Хидё. – Если он по-прежнему согласует свои действия с Каваками, даже тысяча человек не окажется лишней.

– Мусиндо будет свободно задолго до того, как Гэндзи доедет туда, – сказал Сигеру. – А лишившийся имени предатель вскоре не сможет согласовывать свои действия ни с кем, кроме голодных призраков.

* * *

– Глазам не верю! – воскликнула Эмилия. – Сперва яблоневый сад, а теперь вот это!..

Они со Старком стояли посреди цветущего розария. Здесь были и белоснежные розы, и огненно-красные, и всех оттенков розового.

– Недаром этот сад пользуется такой славой, – заметил Старк.

Эмилия вопросительно взглянула на него.

– Хэйко сказала, что этот замок еще называют «Хранителем розового сада».

– «Хранитель розового сада», – повторила Эмилия. – «Воробьиная туча». Такие поэтические имена – а даны они крепости, предназначенной для войны.

– Для самураев война и есть поэзия, – сказал Старк.

– Похоже, Мэтью, после вашего путешествия с Хэйко вы стали намного лучше их понимать.

– Ну, у нас была возможность побеседовать, – отозвался Старк. И сжал зубы, решив, что не стоит больше говорить об этом. Хэйко обещала все рассказать Гэндзи. Может, она и расскажет, а может, и нет. В любом случае, это ее дела, и его они не касаются.

В розовый сад их привела Ханako, после того как Эмилия кое-как умудрилась объяснить, что ей хочется побыть на свежем воздухе. Ее комната была так забита всяческими столами, стульями и прочей мебелью, что там попросту нечем дышать. Да и гостиная, которую она делила со Старком, ничуть не лучше. А теперь слуги специально для них притащили в сад два кошмарных кресла, обтянутых плюшем. Надо не забыть рассказать Гэндзи про садовую мебель. Ему очень хочется не только получше выучить язык, но и вообще узнать об Америке как можно больше.

– Она такая хрупкая... – сказала Эмилия. – Должно быть, ей очень трудно было переносить лишения пути.

– Ничего, с ней все в порядке. – Старк попытался увести разговор в сторону. – У вас с князем Гэндзи было куда больше приключений, чем у нас. Если верить слухам, вы – ангел, сотворивший чудо, чтобы спасти жизнь князя.

Эмилия отвернулась – якобы желая получше рассмотреть один дальний куст, а на самом деле для того, чтобы скрыть вспыхнувший на ее щеках румянец.

– Ой, ну вы же понимаете, что такое слухи! Кто-нибудь что-нибудь расскажет такое, чего и сам толком не знает, а дальше они разрастаются и вовсе до неузнаваемости.

– Хэйко не похожа на сплетницу. Она утверждает, что господин Сигеру нашел вас с Гэндзи в снежной хижине, которую вы соорудили. Вы и вправду соорудили снежную хижину?

– Это был просто шалаш из ветвей, который занесло снегом.

– Она говорит, что князь Гэндзи сказал, будто вы согрели его и себя при помощи неких знаний, которым научились у эскимосов.

– Никогда в жизни не встречала ни единого эскимоса, – отрезала Эмилия.

– Да я и не предполагал, чтобы вы их встречали, – согласился Старк. – Должно быть, Хэйко что-то неправильно поняла. Или я ее неправильно понял. Так как же это у вас получилось?

– Что получилось?

– Остаться в живых. Вы продержались почти двое суток во время метели. Что-то же вы сделали, чтоб не замерзнуть!

– Шалаш защищал нас от ветра, – произнесла Эмилия. Она не могла заставить себя солгать. Но и выдать всю правду она тоже не решалась – видит Бог, такой неловкости она не вынесет!

– А потом образовались стены. Снежные, конечно, но все-таки стены. И внутри было значительно теплее, чем снаружи.

– Я просто подумал, что хорошо бы знать, как действовать в такой ситуации, – пояснил Старк. – Мало ли что еще случится.

– Я уверена, что ничего такого больше не случится, – сказала Эмилия. Она прикоснулась к ярко-красной розе. – Интересно, что это за сорт?

– «Американская красавица», – ответил вместо Старка Гэндзи.

Эмилия обернулась и обнаружила, что князь стоит рядом с ними. На лице его было написано столь откровенное веселье, что Эмилия ни капельки не сомневалась: он успел услышать по меньшей мере часть их разговора. Увидев ее возмущение, князь немедленно изобразил более серьезную мину. Он подошел к цветку, заинтересовавшему Эмилию, извлек из ножен свой короткий меч и едва коснулся им стебля. Роза упала ему в ладонь. Гэндзи счистил шипы несколькими столь же легкими касаниями меча и с поклоном преподнес укрощенную розу Эмили.

– Благодарю вас, господин..

– Странное название для японского цветка, – заметил Старк.

– Его называют так только здесь, – ответил Гэндзи. – Одному из моих предков было... – Он хотел сказать «было видение», но вспомнил, что Эмилия очень беспокоится, когда он так говорит, и поправился: – Был сон. На следующее утро он издал указ и повелел, чтобы отныне самые прекрасные розы, цветущие в замке, носили имя «Американская красавица».

Эмили показалось, что объяснение Гэндзи подозрительно смахивает на очередную историю о пророчестве, но в ней проснулось любопытство.

– И что же ему приснилось?

– Он так никогда этого толком и не рассказал. В тот самый день он вместе со своим воинством присоединился к клану Такэда. И был с ними, когда они напали на укрепления Нагасино. Пожалуй, это самая прославленная кавалерийская атака в нашей истории. Он погиб от огня вражеских мушкетов, как и тысячи других конных воинов. С тех пор никто больше не ходил в такую атаку.

– Так это сон толкнул его на подобное безрассудство?

– Да. Перед атакой он сказал своим вассалам, чтобы они отринули всякий страх. Появление «Американской красавицы» в стенах «Воробьиной тучи» возвещает окончательную победу нашего клана. Порокой тому его сон – так он сказал.

– Но это же полнейшее безумие! – выпалила Эмилия и тут же прикусила язык. – Простите, господин. Я неверно выразилась.

Гэндзи рассмеялся:

– Он попытался подстроить реальность под свои видения. С безумцами это случается. К несчастью, у нас в роду подобные ошибки – не редкость. Равно как и склонность неверно истолковывать сны. Преемник этого моего предка издал специальный указ – в качестве напоминания и предупреждения.

– Очень мудро с его стороны, – одобрила Эмилия, пытаясь загладить свое неуместное замечание.

– И было бы еще мудрее, если б он и сам не забывал руководствоваться этим принципом, – заметил Гэндзи. – Ведь он, поверив своим снам, выступил при Сэкигахаре против клана Токугава. Он погиб в той битве, наш клан едва не уничтожили подчистую, и сёгун до сих пор не доверяет нам, хотя официально мы и входим в число его советников.

Эмилия нахмурилась; в душе ее боролись сострадание и неодобрение.

– Вот верное доказательство того, что эти сны и вправду не более чем сны. Библия говорит: «Пророчество же не для неверующих, а для верующих».

– Возможно. Впрочем, меня это не очень беспокоит. Я вижу сны гораздо реже, чем мои предки.

И в тот же самый миг, едва эти слова сорвались с его губ, мир вокруг померк и Гэндзи обнаружил, что находится в другом месте.

* * *

Легкий ветерок овеивал разгоряченное лицо.

Ветви были усыпаны белоснежными цветами, и воздух был напоен их сладким ароматом.

Яблонева долина в цвету.

Должно быть, сейчас весна.

От царящей вокруг красоты у Гэндзи сжалось сердце, и на глаза навернулись слезы. Он был счастлив, и все же... Что за чувство наполняло его душу? Он не мог понять этого. Возможно, будущий Гэндзи это знал, а вот он нынешний – нет. Как и в прошлый раз, он очутился внутри личности, которой еще не стал. Его руки – одна сжимала поводья, вторая лежала на рукояти меча – не очень отличались от тех, которыми он только что поднес розу Эмилии. Значит, это не слишком отдаленное будущее – он не успел постареть.

Гэндзи дал волю коню, позволив животному идти, куда оно пожелает. Он отправился в путь без конкретной цели. Он ждал. Но чего? Нетерпение заставило его соскочить с седла, и он принялся расхаживать взад-вперед. Потом поднял голову и увидел ту самую ветку, на которой сидела Эмилия, когда он подарил ей эту долину. В тот же самый день Хэйко явилась к нему с исповедью. При мысли об этих двух женщинах Гэндзи улыбнулся.

Прекрасная гейша, знающая куда больше, чем ей следовало бы.

Наивная чужестранка, знающая лишь то, что ей хотелось знать.

Он подумал о них, и это снова напомнило ему о жестоких ограничениях пророческого дара.

Сперва Гэндзи почувствовал, как дрожит земля, и лишь после этого услышал стук копыт – кто-то гнал лошадь галопом. Он взглянул в сторону выхода из долины и увидел на склоне здание с островерхой крышей и примыкающей к нему колокольней.

Колокольню венчал христианский крест. Мимо церкви Эмилии стремительно проскакал Хидё. Гэндзи не стал ждать, пока тот подъедет и сообщит ему новости; он вскочил на коня и помчался в сторону «Воробьиной тучи».

Во дворе было полно слуг. Завидев Гэндзи, они принялись кланяться. Не обращая на них внимания, он бросился в замок. И еще с дальнего конца коридора услышал вопли новорожденного, долетающие из его собственной спальни. Ноги сами понесли князя туда.

Служанка поднесла ему младенца – показать. Но Гэндзи сейчас интересовала мать, а не ребенок. Он лишь скользнул беглым взглядом по пищащему комку и собрался войти во внутренние покои. Но тут оттуда вышел доктор Одзава и закрыл за собою дверь.

– Как она?

– Роды были очень тяжелые, – сказал доктор Одзава. Лицо у него было мрачное.

– Но ей ничего не грозит?

Доктор Одзава покачал головой и согнулся в поклоне.

– Мне очень жаль, мой господин...

И при этих словах Гэндзи затопило одно-единственное, ни с чем не смешанное чувство. Горе. Он рухнул на колени.

Доктор Одзава опустился рядом с ним.

– Князь Гэндзи, вы – отец.

Гэндзи был сломлен скорбью и даже не возражал, когда ему в руки вложили младенца. У ребенка на шее что-то поблескивало. И хотя слезы застилали глаза Гэндзи, он мгновенно узнал эту вещь. Он уже видел ее. Даже дважды.

В первый раз – в другом видении.

И во второй – в снежной норе.

Небольшой серебряный медальон, украшенный изображением креста и стилизованного цветка, скорее всего лилии.

* * *

– Я же предупреждал вас, господин, что вам не следует перенапрягаться, – строго сказал доктор Одзава.

Гэндзи лежал на постели, в комнате, выходящей в розовый сад. Он не помнил, как здесь очутился. Но помнил, как терял сознание.

– Я всего лишь беседовал с гостями.

– Значит, вы беседовали слишком долго. Пожалуйста, господин, разговаривайте поменьше.

Гэндзи уселся.

– Со мной все в порядке.

– Люди, с которыми все в порядке, не падают без сознания.

– Это было видение.

– А! – понимающе протянул доктор Одзава и взглянул в сторону двери. – Ханako!

Дверь отъехала в сторону, и в комнату заглянула Ханako.

– Да, доктор.

На лице ее было написано живейшее беспокойство, но она улыбнулась князю и поклонилась.

– Принеси чай, – велел доктор Одзава.

- Лучше сакэ, – возразил Гэндзи.
- Чай, – твердо повторил доктор.
- Да, доктор, – отозвалась Ханакэ и исчезла.
- Рассказать?
- Как пожелаете, – сказал доктор Одзава.

Он оставался главным врачом клана вот уж сорок лет. До Гэндзи его пациентами были Киёри и Сигеру. Одзава знал о видениях все.

– Но, боюсь, я не смогу его истолковать. Мне никогда еще этого не удавалось, – добавил врач.

- Все когда-нибудь бывает в первый раз.
- Не обязательно, мой господин. Некоторые вещи так и не происходят.

Гэндзи постарался пересказать свое видение как можно подробнее. Он ждал, что доктор Одзава что-нибудь скажет, но тот молча потягивал чай.

– Это видение подобно первому, – сказал Гэндзи. – Оно ничего не проясняет, а лишь запутывает еще больше. Кто мать ребенка? Должно быть, это госпожа Сидзукэ из первого видения. На ребенка надели медальон матери. Но в первом видении госпожа Сидзукэ была жива, а я умирал, а здесь, похоже, все случилось наоборот. Неразрешимое противоречие.

- Да, на то похоже.
- Как по-твоему: я видел то, что произойдет, или то, что может произойти?

– Все, чем делился со мной ваш дедушка, свершилось, – сказал доктор Одзава и сделал еще глоток. – Однако же я знаю, что делился он не всем. Ничего из того, о чем говорил ваш дядя, не воплотилось. Пока что. Но с вами дела обстоят совсем иначе. У вас было два видения и будет еще одно. И все. На мой взгляд, вам повезло куда больше, чем Киёри или Сигеру. Вам не грозит обрести слишком много ясности или слишком мало. Ее будет ровно столько, сколько потребуется для того, чтобы усилить вашу бдительность.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Как я могу на него ответить? Разве я знаю будущее? Я не пророк, я всего лишь лекарь.

– Ответ, достойный философа, – сказал Гэндзи. – Но бесполезный. А мне нужен совет.

– Единственное, что я могу высказать, – это мое скромное мнение. Я не решился бы назвать его советом.

- И тем не менее я с радостью его выслушаю.
- Тогда поговорите с женщиной.
- Но с которой? – спросил Гэндзи.
- Это должно быть очевидно.
- В самом деле? Тогда скажи мне!

Доктор Одзава поклонился.

– Я имел в виду, что это должно быть очевидно вам, мой господин. Ведь видение явилось вам.

* * *

Хэйко выслушала князя, не перебивая. Гэндзи закончил свое повествование, но она все молчала. Гэндзи понял. Хэйко нелегко было услышать, что другая женщина

родит ему ребенка. Но с кем еще он мог бы поделиться этим? Он никому не доверял так, как Хэйко.

– Мне ясно лишь одно, – сказал Гэндзи. – Прежде чем все это произойдет, Сидзукэ встретится с Эмилией, поскольку тот медальон, который она носила и который отдала нашему ребенку, сейчас принадлежит Эмили. Что же касается всего прочего – тут я в полнейшем замешательстве.

– Помните, вы когда-то рассказывали мне о чужеземном мастере и его клинке? – сказала Хэйко. – Я не могу сейчас вспомнить его имени.

– Ты имеешь в виду историю Дамокла? Меч, который висел над ним?

– Нет, другую. – Хэйко задумалась. – Его имя немного походило на имя дзэнского мастера Хокуина Дзэндзи. Хокуо. Окуо. Оккао. Лезвие Оккао. Что-то вроде этого.

– Бритва Оккама?

– Да, именно.

– И при чем тут она?

– Когда вы сказали, что вам ясно лишь одно, то не воспользовались бритвой Оккама.

– В самом деле? Ты овладела искусством мыслить, как чужеземцы?

– Здесь особенно нечем овладевать. Насколько я помню, принцип бритвы Оккама гласит: если вы видите множество возможностей, скорее всего, самая простая окажется и самой правильной. А вы прошли мимо наиболее простого объяснения.

– Я ограничил себя той частью видения, которую можно объяснить. И где же я не использовал бритву Оккама?

– Вы предположили, что матерью ребенка будет Сидзукэ, которую вы пока еще не встретили. Что Эмилия каким-то образом передаст ей медальон, а уже от нее эта вещь попадет к ребенку. Но существует и более простое решение загадки.

– Я не вижу его.

– Ребенок получит медальон непосредственно от Эмили, – сказала Хэйко.

– Почему вдруг Эмилия станет отдавать медальон моему ребенку?

– Потому что это будет ее ребенок.

Слова Хэйко потрясли Гэндзи до глубины души.

– Что за нелепое предположение! И оскорбительное к тому же! Его никоим образом нельзя счесть самым простым. Для того чтоб Эмилия родила мне ребенка, мы должны спать вместе. Я не вижу никакого пути, который мог бы привести к этому.

– Любовь часто упрощает то, что кажется нам сложным и запутанным, – сказала Хэйко.

– Я не люблю Эмилию, и уж конечно она не любит меня.

– Возможно, это лишь пока, мой господин.

– Никаких «пока»! – отрезал Гэндзи.

– А какие чувства вы к ней испытываете?

– Да никаких – во всяком случае, в том смысле, какой имеешь в виду ты.

– Я видела, как вы смеялись, разговаривая с ней, – заметила Хэйко. – И она часто улыбается, когда вы рядом.

– Мы вместе спаслись от смерти, – сказал Гэндзи. – И это действительно объединило нас. Но эти узы – узы дружбы, а не любви.

– Вы по-прежнему находите ее отталкивающей и нескладной?

– Нет, отталкивающей не нахожу. Но лишь потому, что я постепенно привык к ее внешности. «Нескладной» – тоже чересчур резко сказано.

Гэндзи вдруг вспомнилось, как Эмилия взмахивала руками и ногами, чтобы изобразить снежного ангела. А еще – как Эмилия без малейшего смущения вскарабкалась на дерево.

– Думаю, в ней есть некая невинная грация, – на чужеземный манер.

– Так говорят о человеке, к которому испытывают теплые чувства.

– Я готов признать, что Эмилия мне нравится. Но от теплых чувств до любви далеко.

– Месяц назад вам требовалось все ваше самообладание, чтобы только взглянуть на нее. Теперь она вам нравится. После этого любовь уже не кажется такой невообразимой.

– Для любви нужна еще одна весьма существенная вещь. Плотское влечение.

– И она его не вызывает?

– Пожалуйста, перестань.

– Конечно, существует и еще более простое объяснение, – сказала Хэйко.

– Надеюсь, оно окажется менее неприятным, – пробормотал Гэндзи.

– О том судить не мне, мой господин, а вам. – Хэйко потупилась и уставилась на собственные руки, сложенные на коленях. – Нет нужды придумывать, какие обстоятельства могли бы привести вас с Эмилией в одну постель, если вы уже делили общее ложе.

– Хэйко, я не делил постель с Эмилией.

– Вы уверены?

– Я не стал бы тебе лгать.

– Знаю.

– О чем же тогда ты говоришь?

– Когда Сигеру нашел вас, вы были в бреду.

– Я был без сознания. Бредил я раньше.

– Вы с Эмилией провели в засыпанном снегом шалаше целые сутки, прежде чем вас нашли. – Она подняла голову и внимательно взглянула в глаза Гэндзи. – Мой господин, вы хорошо помните, что помогло вам не замерзнуть?

* * *

– Я очень рада, что вам стало лучше, – сказала Эмилия. – Мы очень о вас беспокоились. Пожалуйста, присаживайтесь.

– Спасибо.

В душе у Гэндзи царило мучительное смятение. И казалось совершенно естественным, что и тело его страдало. Уродливый стул лишь усиливал эти ощущения. Едва лишь он уселся, как спина его искривилась и внутренние органы оказались неестественным образом прижаты друг к другу, препятствуя правильному течению внутренней энергии, ци, – а от этого, в свою очередь, в теле скапливались ядовитые вещества. Великолепно. Теперь он точно разболеется.

– Госпожа Хэйко сказала, что вы хотите со мной поговорить.

– А она не сказала почему?

– Она лишь упомянула, что речь идет о каком-то очень деликатном деле. – Эмилия взглянула на князя. – Может, лучше бы мне явиться к вам в покои? Вы, кажется, еще не вполне пришли в себя после недавнего происшествия.

– Не стоит обо мне беспокоиться, – откликнулся Гэндзи. – Меня просто

подкосила усталость. Теперь я уже отдохнул.

– Я как раз пила чай. – Эмилия подошла к столу, на котором стоял чужеземный чайный сервиз. – Не желаете ли присоединиться? Хэйко так добра: она специально купила мне английского чаю.

– Спасибо.

Сейчас Гэндзи рад был любому поводу оттянуть начало разговора. Он не представлял, как задать Эмилии тот вопрос, ради которого он пришел. Спрашивать у женщины, спал ли он с ней, – у женщины, с которой он никогда не находился в близких отношениях, и к тому же у чужестранки, – потому что сам он, видите ли, этого не помнит! Такого позора Гэндзи и представить себе не мог.

Эмилия взяла со стола небольшой кувшинчик и разлила по чашкам какую-то густую белую жидкость, а потом долила туда черный чай. Даже сквозь запах ароматических масел слышно было, что заваренные чайные листья бродили. В завершение Эмилия положила в чашки сахар и размешала.

Она сделала глоток, и на губах ее заиграла счастливая улыбка.

– Я так давно не пила такой чай, что уже и позабыла, до чего же это вкусно!

Гэндзи попробовал странную смесь. И едва не подавился. Первым его побуждением было выплюнуть, но, увы, этому помешала вежливость. Приторная сладость, сильный запах бергамота и совершенно неожиданная примесь животного жира оказались нестерпимым оскорблением для чувств. Гэндзи лишь теперь сообразил, что это за белая жидкость – коровье молоко, – но было поздно.

– Что-то не так, господин?

Ответить Гэндзи не мог – мешала жидкость во рту. Тогда он собрал волю в кулак и заставил себя проглотить чудовищный напиток.

– О, меня просто удивил необычный вкус. У нас не принято так сильно ароматизировать чай.

– Да, наши и ваши сорта чая сильно отличаются. Даже удивительно, что их делают из одного и того же растения.

Они поговорили о сходстве и различии сортов чая, и в конце концов Гэндзи удалось отставить чашку в сторону так, что Эмилия и не заметила, что он не сделал больше ни единого глотка.

Впрочем, Гэндзи до сих пор не нашел в себе сил задать вопрос. И потому решил попробовать подобраться к цели кружным путем.

– Когда мы лежали в снегу, я кое-что заметил, – сказал Гэндзи.

Эмилия мгновенно покраснела и опустила взгляд.

– Князь Гэндзи, я была бы чрезвычайно вам признательна, если бы вы никогда более не затрагивали эту тему.

– Я понимаю, какое неудобство причиняют вам эти воспоминания, госпожа Эмилия. Поверьте, я и вправду прекрасно это понимаю.

– Позвольте мне в этом усомниться, сэр. – Эмилия на миг подняла взгляд, и Гэндзи успел прочесть в ее странных, головокружительно голубых глазах обиду и неодобрение. – Вам, кажется, доставляет удовольствие постоянно упоминать о них, причем в присутствии других.

– И я приношу вам свои самые искренние извинения, – поклонившись, сказал Гэндзи. Теперь, когда его самого терзало столь же глубокое смятение, он понял, что должна была чувствовать Эмилия. – Я не отнесся к вашим замечаниям с тем вниманием, какого они заслуживали.

– Если ваши извинения действительно идут из глубины сердца, то вы немедленно оставите эту тему, раз и навсегда.

– Я обещаю, что именно так и поступлю. Но нам необходимо поговорить об этом – в последний раз.

– Тогда не удивляйтесь, если я не поверю вашим извинениям.

Гэндзи понял, что у него остался единственный способ доказать свою искренность. Надлежало продемонстрировать смирение – так, как он выказывал его каждый день перед алтарем предков. Он никогда не кланялся так ни единому живому существу, кроме самого сёгуна, – и уж конечно, ему и в голову прийти не могло, что когда-нибудь он окажет такие почести кому-то из чужеземцев. Он соскользнул со стула, опустился на колени и прижался лбом к полу.

– Я прошу об этом лишь потому, что у меня нет иного выхода.

Эмилия знала, как важна для самурая его гордость. И вот теперь владетель княжества так унижается из-за нее! Эмилия расплакалась от стыда. И кто же из них после этого высокомерен и заносчив? Ведь сказано же в книге Иова: «Ты хочешь обвинить Меня, чтоб оправдать себя?» Эмилия рухнула на колени рядом с Гэндзи и взяла его за руки.

– Простите меня за мое своекорыстное тщеславие. Пожалуйста, спрашивайте, раз вам нужно.

Но Гэндзи был слишком потрясен, чтобы говорить. Он совершенно не привык, чтобы с ним обращались подобным образом. На самом деле, если б в комнате сейчас присутствовал кто-нибудь из его телохранителей, голова Эмилии уже катилась бы по полу. Прикоснуться к князю без его дозволения считалось несмываемым оскорблением, и кара за него одна – смерть.

– Во всем виноват лишь я, – сказал Гэндзи. – Не вините себя.

– Как же мне себя не винить? Какая же это ужасная вещь – гордыня, и как незаметно она закрадывается в душу...

Лишь через несколько минут они вновь уселись на стулья и Эмилия пришла в себя настолько, чтобы продолжать разговор.

– Возможно, это просто померещилось мне в бреду, – сказал Гэндзи. – Но там, в снегу, мне показалось, что я вижу у вас на шее некое украшение.

Эмилия извлекла из-под блузы тонкую серебряную цепочку. На цепочке висел медальон с изображением креста и цветка.

– Вот это?

– Да, – сказал Гэндзи. – А что это за цветок?

– Это так называемая геральдическая лилия – эмблема французских королей. Семейство моей матери происходило из Франции. Эта лилия – память о Франции.

Девушка нажала на какую-то пружинку, и медальон отворился. В нем обнаружился миниатюрный портрет молодой женщины, очень похожей на саму Эмилию.

– Это мать моей матери. Здесь ей семнадцать лет.

– Столько же, сколько вскорости исполнится вам.

– Верно. А откуда вы знаете?

– Вы сами мне об этом сказали, когда делали снежного ангела.

– Ах да! – При этом воспоминании Эмилия улыбнулась. – Вам не очень-то понравился мой ангел.

– Виной тому скорее мое восприятие, чем ваше искусство.

Эмилия откинулась на спинку стула и облегченно вздохнула.

– Что ж, все не так уж страшно. Я ожидала... Даже не знаю, чего я ожидала. Но мне казалось, что вопросы будут гораздо хуже.

Гэндзи понял, что не может больше тянуть.

– Я еще не закончил, – сказал он.

– Пожалуйста, спрашивайте. Я готова ответить.

На взгляд Гэндзи, Эмилия была готова точно так же, как и он сам. То есть никак. Но деваться некуда.

– Мои воспоминания о том, что произошло после того, как меня ранили, туманны и расплывчаты. Я помню, что лежал рядом с вами. И мы были обнажены. Это было?

– Было.

– Делали ли мы что-либо еще?

– Что вы имеете в виду?

– Мы занимались любовью?

Потрясенная Эмилия отвернулась и покраснела еще сильнее, хотя мгновение назад казалось, что сильнее уже некуда.

– Это очень важно для меня, – добавил Гэндзи.

Но Эмилия так и не смогла ни взглянуть на него, ни сказать хоть слово.

Секунды складывались в минуты, а молчание все длилось, и в конце концов Гэндзи встал со стула.

– Я забуду об этом разговоре и никогда больше к нему не вернусь.

Он отворил дверь и шагнул за порог. Гэндзи уже закрывал дверь, когда Эмилия заговорила.

– Мы делились друг с другом теплом, чтобы спастись, – сказала она. – И все. Мы не... – Ей было мучительно больно изъясняться так прямолинейно, но Эмилия все-таки договорила: – Мы не занимались любовью.

Гэндзи низко поклонился:

– Я глубоко признателен вам за вашу откровенность. И он ушел. Но, вопреки чаяньям, так и не обрел покоя.

Эмилия не беременна. И госпожу Сидзукэ он еще не встретил. Это хорошо. Но надежда Гэндзи стремительно таяла. Другая возможность, о которой упомянула Хэйко, – что он влюбится в Эмилию, – больше не казалась ему столь немислимой. Произошло нечто воистину неожиданное за время этой беседы – пока он говорил об их пребывании в снежном укрытии и вспоминал все, что тогда видел и переживал, наблюдая за тем, как на ее лице отражаются невинные чувства.

Гэндзи поймал себя на том, что волнуется.

* * *

– Я по-прежнему уверен, что князь Гэндзи и господин Сигеру влекут наш клан к гибели, – сказал Сохаку. – А потому не раскаиваюсь в принятом решении.

Он привел в монастырь Мусиндо семьдесят девять самураев. Сейчас в зале для медитаций их сидело шестьдесят. Остальные поспешили незаметно скрыться. Сохаку не сомневался, что вскорости их примеру последуют и другие. Обстоятельства складывались не в его пользу.

Ему не удалось убить последних двух наследников клана Окумити.

Голова Кудо уже гнила на копье перед воротами «Воробьиной тучи». А после

того, как сёгун временно отменил действие Закона о смене места пребывания, вместо Гэндзи преступником оказался сам Сохаку.

Каваками утверждал, что они еще могут осуществить свои планы. Конечно, ему легко так говорить. Он – начальник тайной полиции и князь Хино. Ему есть куда отступить, и он это знает. А Сохаку отступить некуда. Ему не оставалось ничего, кроме последнего смелого удара. И неважно, что это ничего не изменит. Неважно, победит он или потерпит поражение. Важно лишь, как он умрет, каким его запомнят родственники и враги. Когда-то он командовал лучшей во всей Японии кавалерией. И теперь он предпочел ритуальному самоубийству отважное нападение.

Согласно донесениям разведчиков, Гэндзи покинул Акаоку и направился в Эдо. И его сопровождают всего тридцать самураев. У Сохаку вдвое больше воинов. Но неизвестно, как долго еще будет сохраняться такое соотношение сил. Возможно, к тому времени, как он покинет монастырь, их останется не более десятка.

– Завтра утром я встречу с князем Гэндзи в бою, – сказал Сохаку. – Я освобождаю вас от клятвы, которую вы мне давали. И настаиваю, чтобы вы попытались примириться с Гэндзи или нашли себе другого господина.

– Пустая болтовня! – выкрикнул самурай, сидящий в четвертом ряду. – Мы все равно теперь связаны с вами. Мы не сможем примириться с Гэндзи. И какой господин примет на службу предателей вроде нас?

– Замолчи! – одернул его другой. – Ты знал, на что идешь. Прими теперь свою судьбу, как подобает мужчине.

– Сам прими! – выкрикнул первый.

Сверкнул меч, и тот, кто пытался пристыдить разъяренного самурая, рухнул, обливаясь кровью. А сам он рванулся вперед, к Сохаку.

Сохаку не притронулся к мечу. Он даже не шевельнулся.

Нападающий уже почти добрался до него, когда еще один самурай зарубил его со спины.

– Простите его, преподобный настоятель. Его семье не удалось вовремя бежать из Акаоки.

– Здесь нечего прощать, – сказал Сохаку. – Каждый должен принимать решение самостоятельно. Я оставлю оружие здесь и на час удалюсь в хижину для медитаций. А затем вернусь. Если кто-то из вас хочет идти вместе со мной в бой, дождитесь меня.

Никто так и не воспользовался приглашением прийти и убить его. Когда час спустя Сохаку вернулся в главный зал, оказалось, что оба трупа уже исчезли. Все прочие остались на своих местах. Итак, у него пятьдесят восемь человек – против тридцати у Гэндзи.

Сохаку низко поклонился своим верным вассалам:

– У меня нет слов, чтобы должным образом выразить вам мою благодарность.

Обреченные хабрецы поклонились в ответ.

– Это нам следует благодарить вас, – сказал самурай, сидевший в первом ряду. – Мы не могли бы избрать себе господина лучше вас.

* * *

– Преподобный настоятель не желает координировать действия, – сказал гонец. – Он намерен на рассвете выступить из монастыря.

Каваками все понял. Итак, Сохаку догадался, что его ждет смерть – вне

зависимости от того, что случится с Гэндзи, – и решил умереть с мечом в руках. Он не беспокоился больше, чем закончится вся их затея. Теперь это не имело для него никакого значения.

– Поблагодарите от моего имени преподобного настоятеля за то, что он известил меня о своих намерениях. И скажите, что я буду молиться за его успех.

– Господин...

Каваками привел к деревне Яманака шесть сотен человек. Из них лишь сотня мечников. Они нужны, чтобы защищать стрелков, если кто-нибудь вдруг попытается навязать им ближний бой. Впрочем, Каваками не думал, что до этого дойдет. У Сохаку вдвое больше воинов, чем у Гэндзи, если, конечно, его люди не разбежались (а в этом Каваками сомневался), но Сохаку будет разбит. Он будет разбит потому, что желает сейчас не победить, а лишь продемонстрировать свое мужество. Сохаку – старый кавалерист. Скорее всего, он встретит Гэндзи в ущелье Миё. Там очень удобно идти в атаку вниз по склону. Попытайся Сохаку атаковать так отряд Каваками – и всех его людей перестреляли бы прежде, чем они успели бы нанести хоть один удар. Но у Окумити мало стрелков. Они, как и сам Сохаку, – устаревшие осколки минувшей эпохи. Они бросятся друг на дружку и примутся крошить друг друга катана, вакидзаси, юми, яри, нагината, танто – оружием своих далеких предков, выказывая бешеную доблесть.

Все они обречены. Сохаку умрет в ущелье Миё. Гэндзи и Сигеру умрут у монастыря Мусиндо – они непременно явятся туда, разбив Сохаку. Каваками, конечно же, подождет, пока они с ним расправятся. А потом отвезет головы последних князей Окумити в княжество Хино, к гробнице своих предков.

И через двести шестьдесят лет сражение при Сэкигахаре наконец-то завершится.

* * *

Гэндзи подолгу сидел с Сигеру и слушал рассказы о его видениях. Дядя вел речь о столь странных явлениях, что становилось ясно: все они могут произойти лишь в отдаленном будущем. Приспособления, позволяющие разговаривать через огромные расстояния. Летающие суда. Воздух, которым нельзя дышать. Вода, которую нельзя пить. Изобильное Внутреннее море, заполненное умирающей рыбой; его берега, населенные калеками. Население, столь многочисленное, что на многие мили дороги забиты стоящими вплотную повозками и люди не видят в этом ничего особенного. Чужеземцы, во множестве шныряющие повсюду, а не только в отведенных им районах в Эдо и Нагасаки. Войны, столь жестокие и столь грандиозные, что целые города исчезают в пламени за одну-единственную ночь.

Гэндзи решил, что нужно занести рассказы Сигеру в семейные хроники и сохранить для потомков. Пока от них никакой пользы. Он надеялся было, что видения Сигеру помогут ему разобраться с собственными, но теперь эта надежда растаяла. Осталась лишь одна – весьма неприятная – подробность.

В видении о собственной смерти Гэндзи заметил кое-что из того, о чем упоминал и Сигеру. Они оба не видели людей в кимоно, с мечами и характерными хвостами на макушке. Самураи перестали существовать. Это казалось невыносимым, но это должно будет произойти еще при жизни Гэндзи.

Гэндзи посмотрел на своих воинов. Неужто такое возможно? Неужто всего лишь несколько лет – и они исчезнут, смытые волной чужеземного завоевания, как полагает

Сигеру?

Хидё и Таро ехали бок о бок.

– Мой господин, мы приближаемся к ущелью Миё, – сказал Хидё.

– Ты вправду уверен, что нас там подстерегает опасность?

– Да, господин, – ответил вместо Хидё Таро. – Я пять лет служил под началом настоятеля Сохаку. Это ущелье идеально соответствует его привычкам. Там его люди могут броситься на нас с обоих склонов.

– Отлично, – отозвался Гэндзи. – Велите Хэйко и Ханako перебраться назад, к Эмилии и Мэтью.

– Слушаюсь, господин, – поклонился Хидё. – Сколько человек дать им для охраны?

– Ни одного. Даже если Сохаку и вправду нас подкарауливает, ему не будет дела до женщин и чужеземцев. Ему нужны лишь я и мой дядя.

– Господин.

Гэндзи повернулся к Сэйки:

– Ты желаешь что-нибудь добавить?

– Ваши указания совершенно верны, мой господин, и исчерпывающи. Мне нечего к ним добавить.

Душа Сэйки была исполнена покоя. Чему суждено, то произойдет. Он не ведал, останется он в живых или умрет. Но знал, что будет действовать, как надлежит верному вассалу. И этого достаточно.

Хэйко отнюдь не обрадовалась, услышав распоряжения князя. Однако же она подчинилась. Она уже дала обещание – именно на этом условии Гэндзи простил ее.

«До тех пор, пока я не скажу обратного, ты – просто гейша. Ты не станешь использовать прочие свои умения против Сохаку или Каваками. Согласна?»

«Я могу согласиться не применять их против Сохаку, но не против Въедливого Глаза. Его следует уничтожить при первом удобном случае».

«Я не спрашиваю твоего мнения. Ты либо соглашаешься, либо не соглашаешься». На лице Гэндзи не было ни тени улыбки.

«Да, мой господин. Я согласна».

И потому она была одета в изысканное, пышное дорожное кимоно – очень красивое и совершенно непригодное для боя. Она сидела на такой же смиренной кобылке, как и та, которую дали Эмилии, и у нее не было при себе никакого оружия – не считая собственных рук.

– Госпожа Хэйко, – позвала ее Ханako.

– Да?

– Если вдруг вам понадобится, у меня в правой седельной сумке метательные ножи, а в левой – короткий меч.

– Князь Гэндзи запретил мне брать оружие.

– Так вы его и не брали, моя госпожа. Его взяла я.

Хэйко с благодарностью поклонилась:

– Будем надеяться, что оно нам не понадобится.

– А что, если того человека, которого вы ищете, в монастыре нет? – поинтересовалась Эмилия у Старка.

– Тогда я продолжу поиски.

– А если он умер во время эпидемии?

– Не умер.

Воспользовавшись помощью Хэйко, Старк расспросил Таро о чужеземце, ставшем монахом в Мусиндо. Японцы называли его Дзимбо, сокращая так его имя – Джим Боханнон (для японцев – «Дзим»). Поскольку по-японски монах – «бодзу», выходил забавный каламбур. Но как бы себя ни называл этот человек, он, судя по описанию, выглядел в точности как Итан Круз.

«Что такое каламбур?» – спросил Старк.

«Игра слов, – объяснила Хэйко. – Когда одни и те же звуки имеют несколько значений».

«А, ясно».

Хэйко и Старк переглянулись и рассмеялись.

«Пожалуй, так вы раньше выучите меня английскому, чем японскому», – сказал Старк.

– Не знаю, чем он оскорбил вас, – сказала Эмилия, – но месть – горький плод. «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный».

– Аминь, – отозвался Старк.

* * *

– Сигеру среди них нет, – доложил разведчик.

– Естественно, – отозвался Сохаку. – Он сейчас описывает круг, чтобы устроить нам засаду на том месте, где, по его представлениям, хотим устроим засаду мы.

Он рассмеялся, и заместитель подхватил этот смех. Как и у всех мертвецов, у них слегка шла кругом голова, оттого что они до сих пор пребывают на земле. Они ничего не боялись. Один из самураев извлек мушкет из чехла, посмотрел на него так, словно видел впервые в жизни, и бросил на землю. Вскоре его примеру последовали все.

Сохаку обернулся к кавалеристам, выстроившимся у него за спиной в пять шеренг.

– Вы готовы?

Какой-то самурай привстал на стременах, вскинул копьё и закричал во весь голос:

– Десять тысяч лет!

Остальные подхватили клич. Всего мгновение назад эти воины смеялись – и вот теперь они со слезами на глазах выкрикивали хором:

– Десять тысяч лет!

– Десять тысяч лет!

– Десять тысяч лет!

Сохаку выхватил меч и пришпорил коня.

* * *

Эмилия услышала внезапно раздавшиеся впереди громкие крики:

– Банзай! Банзай! Банзай!

– Кто-то явился, чтоб поприветствовать князя Гэндзи? – спросила она.

– Да, – кивнула Хэйко.

– А что означает «банзай»?

– На древнем наречии это означает «десять тысяч лет». Но истинное значение объяснить трудно. Думаю, можно назвать его выражением глубочайшей искренности

и решимости. Говорящий выражает свое намерение отдать вечность за один этот миг.

– А, так значит, это союзники князя Гэндзи, – сказала Эмилия.

– Нет, – отозвалась Хэйко. – Это его смертельные враги. Старк выхватил пистолеты, ударил коня пятками в бока и поскакал к Гэндзи.

* * *

Когда люди Сохаку вошли в ущелье, их встретила не ответная кавалерийская атака, как они ожидали, а залп из мушкетов – стрелки укрылись в рощице. Четверть отряда погибла сразу же. Многие лошади были ранены. Но остальные воины, следуя за командиром, развернули коней и поскакали к роще. Еще два залпа проредили их ряды. И лишь после этого люди Гэндзи вновь превратились в кавалеристов и тоже бросились в атаку.

Сохаку двинулся к Гэндзи. Первых двух воинов, встретившихся ему на пути, он зарубил. Третьим оказался самурай по имени Масахиро. Некогда Сохаку сам учил его, и выучил хорошо. Масахиро отразил нацеленный в него удар и бросил своего коня на Сохаку. Колено Сохаку хрустнуло. Теперь, когда Сохаку мог опираться лишь на одну ногу, ему трудно было встать на стремянах, и это помешало ему нанести Масахиро смертельный удар. Это промедление спасло ему жизнь.

Старк подскакал к Гэндзи – в каждой руке у него было по револьверу – и принялся стрелять. Он выстрелил одиннадцать раз, и девять воинов Сохаку упали мертвыми. А отчаянные усилия Масахиро помешали Сохаку подъехать ближе. И лишь поэтому двенадцатая пуля не попала ему в сердце. Сохаку увидел, как Старк прицелился в него и как над дулом поднялась струйка дыма. Но грохота он почему-то не услышал. Что-то с силой ударило его в левую сторону груди. Тело сделалось невесомым, и Сохаку почудилось, что он сейчас поднимется с седла и уползет в небо. Он прижался к шее коня, изо всех сил стараясь не потерять сознание и все-таки удержаться в седле.

– Преподобный настоятель!

Кто-то ухватил поводья. Сохаку уже не смог разглядеть, кто же это был.

– Держитесь!

И его конь поперел галопом. Какой позор! Он умирает от пули, так и не скрестив клинки с князем Окумити!

* * *

Услышав клич людей Сохаку, Сигеру понял, что ошибся. Они не стали устраивать засаду. Он выехал на гребень холма в тот самый миг, когда противники ринулись друг на друга. К тому моменту, как Сигеру подъехал к месту боя, все уже завершилось.

– Мы потеряли всего шестерых, – сообщил Сэйки. – Сохаку выскочил прямо под наш огонь.

– Это было повторением Нагасино, – сказал Гэндзи. – Он использовал тактику, которая вот уж триста лет как себя изжила.

– Она вполне соответствовала его целям, – отозвался Сигеру.

Он спешил и принялся осматривать убитых противников.

– Его нет среди мертвых, – сказал Сэйки. – После того как мистер Старк попал в него, один из его людей увез Сохаку прочь.

– И вы это допустили?

– Я не стоял, сложа руки, – возмутился Сэйки. – Но мое внимание было приковано к более неотложным делам.

Сигеру не потрудился ответить. Он снова вскочил на коня и поскакал в сторону монастыря Мусиндо.

– Этот способ ведения боя очень эффективен, мой господин, – произнес Сэйки.

– Что-то я не слышу в твоём голосе радости, – заметил Гэндзи.

– Я уже стар, – отозвался Сэйки. – И привычки мои тоже стары. Когда исход сражения решают пули, меня это не радует.

– Даже если ты оказываешься на стороне победителей? Наконец-то Сэйки улыбнулся:

– Да, лучше оказаться на стороне победителей. Хотя бы этому я могу порадоваться.

На то, чтобы добить раненых врагов, много времени не потребовалось. Из уважения к Эмилии Гэндзи запретил рубить противникам головы; более того, он распорядился спрятать тела, чтобы она могла проехать спокойно.

Гэндзи думал, что Сигеру быстро отыщет Сохаку, а потом будет ждать его в монастыре Мусиндо. Похоже, Старк смертельно ранил бывшего командира кавалерии. Сохаку не мог уйти далеко. Но когда Гэндзи приблизился к монастырским стенам, то не увидел своего дяди. Очевидно, Сохаку прожил достаточно долго, чтобы погоня затянулась.

– Мой господин, – сказал Сэйки, – пожалуйста, подождите здесь, пока мы не проверим, нет ли здесь ловушки.

И они с Масахиро ускакали вперед.

– Ваше искусство стрельбы произвело на меня глубочайшее впечатление, – сказал Гэндзи Старку. – Должно быть, мало кто в Америке сравнится с вами.

Старк хотел что-то ответить, но ему помешал мощный взрыв.

Зал для медитаций взлетел на воздух. Обломки расшвыряло в разные стороны, убив на месте несколько человек из отряда Гэндзи. Кусок тяжелой балки перебил лошади Гэндзи передние ноги, и животное вместе со всадником рухнуло на землю. И почти в тот же миг из леса ударили мушкеты.

Хэйко сдернула Эмилию с седла и накрыла своим телом. Раз этой женщине суждено стать матерью наследника Гэндзи, нельзя допустить, чтобы она пострадала. Вокруг валялись мертвые и умирающие люди и лошади. Трупы защищали женщин от пуль. Хэйко не могла даже поднять голову, чтобы взглянуть, что случилось с Гэндзи и Старком. Она мысленно вознесла молитву будде Амида, прося будду укрыть их своим благосклонным сиянием.

И словно бы в ответ на ее молитвы, из леса донеслось:

– Прекратить огонь!

Стрельба стихла. Другой голос выкрикнул:

– Князь Гэндзи! Князь Каваками приглашает вас явиться и обсудить условия вашей сдачи!

Хэйко увидела, как Таро и Хидё вытаскивают Гэндзи из-под убитой лошади. Он что-то сказал Хидё. Главный телохранитель рассмеялся и поклонился своему князю. А потом крикнул:

– Князь Гэндзи приглашает князя Каваками явиться и обсудить условия вашей сдачи!

При этих словах все оставшиеся в живых спутники Гэндзи прижались к земле, ожидая нового залпа. Но после нескольких мгновений тишины из леса донесся ответ:

– Князь Гэндзи! Вы окружены! Нас здесь шестьсот человек! С вами женщины и чужеземцы. Князь Каваками обещает им безопасность, если вы встретитесь с ним.

– Здесь какая-то хитрость, – сказал Хидё.

– Может, и нет, – отозвался Гэндзи. – Он не нуждается в хитростях. Мы не можем бежать. Ему нужно лишь сжать кольцо стрелков, и после этого все мы умрем.

– Мой господин, но ведь вы же не примете его приглашение, правда? – промолвил Хидё.

– Приму. Очевидно, он желает сообщить мне нечто настолько скверное, что ради этого даже готов на время отложить удовольствие, которое ему доставит моя смерть.

– Господин, – подал голос Таро, – если только вы окажетесь у него в руках, он вас уже не отпустит.

– В самом деле? Ты это предвидишь?

Все возражения мгновенно смолкли. Гэндзи и не сомневался, что упоминание о предвидении окажет свое обычное действие.

* * *

Каваками хотелось затянуть удовольствие. Он указал на разнообразные кушанья и напитки, которые его адъютант расставил перед Гэндзи.

– Не желаете ли чего-нибудь отведать, князь Гэндзи?

– Благодарю за гостеприимство, князь Каваками, но я не голоден.

Каваками поклонился, показывая, что не воспринял отказ гостя как оскорбление.

– Должен признаться, – сказал Гэндзи, – что смысл этой встречи ускользает от меня. Наше положение безвыходно. Мои помощники полагают, что вы вознамерились схватить меня.

– Я дал слово, что не стану этого желать, – отозвался Каваками, – и намерен сдержать его. Я хотел увидеть вас, пока вы еще живы, – а мы оба прекрасно понимаем, что жить вам осталось недолго, – и окончательно прояснить наши отношения.

– Вы говорите так, словно мы – чужеземцы. Это они стремятся к завершенности и ясности, а потому и обретают их. Мы же отличаемся куда большей утонченностью. – Гэндзи улыбнулся. – Бесконечная неопределенность – вот суть нашего мышления. А потому мы никогда не проясним наши отношения до конца, вне зависимости от того, кто сегодня умрет, а кто останется жив.

– Вы так говорите, словно это еще не ясно.

Гэндзи поклонился:

– Я стараюсь быть вежливым. Конечно же, это абсолютно ясно.

Каваками, вопреки обыкновению, не стал злиться на возмутительные намеки Гэндзи или эту его постоянную улыбочку. Он улыбнулся в ответ и произнес самым дружелюбным образом:

– Само собой, я не претендую на неизменность. Я не ребенок, не глупец и не чужеземец, чтобы верить в подобную нелепость. Я желаю прояснить лишь то, что требует ясности, и завершить лишь то, что необходимо завершить. Не стану скрывать: я делаю это главным образом ради удовольствия окончательно показать лживость ваших провидческих способностей.

– К прискорбию своему должен заметить, что эти способности настолько

неоднозначны, что и в этом отношении вашему предполагаемому триумфу не суждено осуществиться.

– Пожалуйста, поберегите свое сострадание для тех, кто его заслуживает, – пока у вас еще осталась возможность его выказывать.

Каваками, не оборачиваясь, взмахнул рукой. Адъютант тут же поднес сосновый ящик, обернутый в белый шелк, и поставил между Гэндзи и Каваками.

– Пожалуйста, примите от меня этот подарок.

– Поскольку мне нечего подарить вам в ответ, я вынужден отклонить ваше любезное предложение.

– Уже одно то, что вы его примете, станет для меня драгоценным подарком, – сказал Каваками.

Гэндзи знал, что в этом ящике, – не благодаря видению, а благодаря выражению лица Каваками. Поклонившись скорее неизбежности, чем хозяину шатра, Гэндзи принял предложенный дар, развернул шелк и открыл ящик.

* * *

Сигеру неспешно ехал в сторону монастыря Мусиндо. Тело его было расслаблено, а на лице читалась полнейшая безмятежность. Однако же он был начеку. Сигеру знал, что найдет Сохаку, и знал, что без труда убьет его. Вот Каваками – это уже серьезнее. Нападение Сохаку – атака кавалерии, не поддержанная пехотой, – явно не было частью замыслов Каваками. А это означало, что где-то впереди их поджидает еще одна ловушка, более хитрая и смертоносная. Въедливый Глаз никогда не станет атаковать в открытую, невзирая ни на какое превосходство в людях и вооружении. Он предпочтет действовать из засады. Скорее всего это будут снайперы, чтоб стрелять издалека, с безопасного расстояния.

Он въехал в долину, над которой возвышался монастырь, нырнул в молодой лесок – и исчез.

* * *

– Где он? – спросил первый снайпер.

– Тише, ты! – прошипел второй. – У Сигеру слух, как у ведьмы!

– Но куда же он делся?

– Успокойтесь, – сказал третий снайпер. – Помните, какое вознаграждение мы получим за его голову.

– О, вон что-то движется среди деревьев.

– Где?

– Да вон!

– А, вижу! – взволнованно выдохнул первый снайпер.

– Погодите. Это только его конь.

– Что?

Все три снайпера подались вперед.

– Я не вижу никакого коня.

– Да вон же он! Нет, это просто тень...

– Пошел-ка я отсюда, – сказал первый снайпер. – Покойнику золото ни к чему.

– Стой, глупец! Где бы он ни был, он слишком далеко, чтобы причинить нам хоть

какой-то вред. Ему придется пересечь вон ту поляну. А там его легко подстрелить.

– Раз это так легко, ты это и делай.

И второй снайпер припустил следом за первым.

– Дураки!

Но все-таки и третий снайпер последовал примеру своих товарищей.

* * *

– Что-то случилось. Смотрите.

Один из тройки снайперов на втором посту указал на соседний холмик. Те, кто сидели там, стремительно покинули позицию.

– Заткнись, – прошипел командир, – и смотри вниз!

Снайпер подчинился. Но вместо того чтобы смотреть в указанном направлении, стал беспокойно зыркать во все стороны.

* * *

Три снайперских поста. Из них два уже покинуты. Сигеру продолжал ждать. Несколько минут спустя последние снайперы тоже обратились в бегство.

Сигеру нахмурился. Подобное отсутствие дисциплины – даже со стороны врагов – внушало ему глубокое отвращение.

Он снова послал коня вперед.

* * *

– Отец!

Это был детский голос. Голос его сына.

– Нобуёси?

Никто не ответил.

Сигеру огляделся, но ничего не увидел. Впервые он готов был благословить видение, если только оно вернет ему Нобуёси – пускай это будет длиться всего лишь миг, пускай сын предстанет перед ним в виде окровавленного призрака. Пусть он будет держать собственную голову в руках и осыпать отца проклятиями – Сигеру и на это был согласен.

– Нобуёси!

Он отчаянно желал узреть то, чего здесь не было. Ведь сколько раз видения являлись ему против его воли! Неужто он не может один-единственный раз вызвать видение по собственному желанию?

Но Сигеру так и не разглядел ничего, кроме деревьев и зимнего неба. Никаких наваждений, никаких встреч с умершими. Может, и голос сына просто померещился ему?

– Господин Сигеру! Какая честь для меня!

Впереди на тропе стоял Сохаку, рядом с ним – какой-то самурай. Погрузившись в мысли о сыне, Сигеру едва не наехал на них. По Сохаку незаметно было, чтоб его и вправду серьезно подстрелили. Доспех его был в безупречном состоянии, да и сам настоятель хорошо держался в седле и говорил твердо и отчетливо.

– Никакой чести. Я приехал забрать ваши головы. Только и всего.

Сохаку рассмеялся:

– Вы будете разочарованы. Их сильно переоценили. Мне от моей головы точно было мало пользы. А тебе от твоей, Ёси?

– Боюсь, преподобный настоятель, и мне тоже.

Сигеру пришпорил коня и ринулся вперед. Мгновение спустя Сохаку и Ёси тоже принялись действовать. За миг до столкновения Сохаку припал к шее своего скакуна и ударил, метя одновременно и в Сигеру, и в его коня. Ёси нанес удар с другой стороны. Сигеру это предвидел. Он отразил удар Сохаку и уклонился от удара Ёси, мимоходом смахнув второму полбедром. Из рассеченной бедренной артерии ударила кровь. Ёси упал. Сигеру тем временем развернул коня. Сохаку, которому мешало сломанное колено, за ним не поспевал. Прежде чем он успел развернуться, Сигеру уже атаковал его слева. Сохаку извернулся и отбил падающий сверху удар катана. Но тем временем вакидзаси Сигеру вошел Сохаку в правое плечо, точно в сустав.

* * *

Все, что происходило далее, Сохаку воспринимал с необычайной ясностью и полнотой.

Из обрубка плеча хлестала кровь. Он никогда еще не видел настолько яркого алого цвета.

Его рука по-прежнему сжимала меч, но теперь и меч и рука оказались непривычно далеко от него: они лежали на земле, у копыт его коня.

Сохаку почувствовал, как тело его становится невесомым. Он парил над землей.

Перед ним возникло лицо Сигеру – яростное, забрызганное кровью. Сохаку ощутил глубочайшее сочувствие, но не смог выразить его словами.

Солнце сверкнуло на клинке, описывающем круг в воздухе. Сохаку узнал этот изящный изгиб, этот узор на клинке, этот необычный, почти белый оттенок стали. Второго такого меча не было во всей стране. Эту пару мечей, катана и вакидзаси, называли «Воробьиными когтями».

Обезглавленное тело упало на землю. У тела не было правой руки. На теле был доспех, который некогда принадлежал ему, Сохаку. Но все это оказалось неважно.

Сохаку растворился в бесконечно ярком свете сострадания будды Амида.

* * *

Сигеру поднял голову Сохаку и взглянул ему в лицо. И если у него и промелькнула мысль о том, что в последнее время он что-то часто убивает друзей и родственников, надолго она не задержалась.

– Огонь!

Тринадцать пуль из сорока, прошивших воздух, нашли свою цель. Они сбили Сигеру с ног, но ни одна так и не нанесла ему смертельной раны. Сигеру сумел подняться. Катана выпал из непослушной правой руки. Пули раздробили ему предплечье и локоть. Сигеру бросился бежать. Когда он уже почти достиг кромки леса, из-за деревьев выступили двадцать стрелков с мушкетами и выстрелили в беглеца, почти в упор.

Сигеру снова упал. Он попытался встать, однако тело отказалось подчиняться. Когда он увидел над собою Каваками, то даже не удивился.

– Отрубите ему голову, – распорядился Каваками.

– Господин, он еще жив.

– Тогда погодите. Принесите их. Пусть он видит.

Адъютант принес «Воробьиные когти» и показал их Сигеру.

– Господин Сигеру, взгляните.

Двое подняли Сигеру. Третий принялся бить тяжелым топором по катана и вакидзаси и бил, пока не сломал.

– Прекрасно, – сказал Каваками. – А теперь отрубите ему голову.

Каваками постарался встать так, чтобы Сигеру смотрел ему в лицо. Как, однако, приятно: последним, что этот великий воин увидит в жизни, будет торжествующее лицо врага.

Но Сигеру его не видел.

– Папа! – закричал Нобуёси и помчался навстречу отцу. Не было ни крови, ни ран, ни проклятий. Мальчик смеялся, и над ним реял маленький яркий воздушный змей. – Смотри, что дядя Гэндзи смастерил для меня!

– Нобуёси! – сказал Сигеру и улыбнулся.

* * *

Каваками обошелся с головой Сигеру в точном соответствии со всеми тонкостями этикета. Глаза покойника были закрыты; на лице не отражалось ни боли, ни страдания; волосы аккуратно причесаны, и аромат сандала почти заглушал запах крови и начинающегося разложения.

– Благодарю вас, князь Каваками, – сказал Гэндзи. – Я искренне поражен вашей щедростью. Я думал, вы захотите преподнести этот подарок вашим предкам.

– Именно это я и сделаю, князь Гэндзи. Пожалуйста, не волнуйтесь. Когда вы умрете, я преподнесу предкам обе головы – и его, и вашу.

– Позвольте поинтересоваться, а где вы оставили тело? Я хотел бы по возвращении в «Воробьиную тучу» сжечь его, как надлежит.

Каваками расхохотался, хотя смеяться ему вовсе не хотелось. Вопреки его чаяниям, гость не выказывал ни малейшего страха. Если у Гэндзи и оставалась хоть какая-то надежда на спасение, то она воплощалась в его дяде. И при виде отрубленной головы Сигеру эта надежда должна была рухнуть. Каваками подал знак адъютанту. Тот закрыл ящик и вновь завернул его в шелк.

– К несчастью, его тело, как и тело настоятеля Сохаку, находилось в зале для медитаций. Можно считать, что кремация уже состоялась.

– И еще раз благодарю вас за гостеприимство, – сказал Гэндзи, поклонился и вознамерился уйти.

– Пожалуйста, не торопитесь. Мы не все обсудили.

Гэндзи уселся обратно. На губах молодого князя продолжала играть эта его вечная улыбочка. Ничего, недолго ему осталось улыбаться. Каваками заставил себя сдерживать гнев. Он не хотел, чтобы этот момент оказался отравлен неприятными эмоциями. Ведь ему предстоит долгие годы наслаждаться этими драгоценными воспоминаниями.

– Насколько я понимаю, – сказал Каваками, – вам посчастливилось удостоиться благосклонного внимания прекраснейшей из гейш, госпожи Майонако-но Хэйко.

– Мне так кажется.

– Да, – кивнул Каваками. – Насколько же часто то, что нам кажется, не совпадает с истинным положением вещей! То, что кажется любовью, оказывается ненавистью. То, что представляется красотой, оборачивается уродством, столь кошмарным, что его и вообразить невозможно.

Он сделал паузу, ожидая ответной остроумной реплики, но Гэндзи промолчал. Тогда Каваками продолжил:

– Иногда случается так, что видимое не совпадает с сутью, но все же и то, и другое реально. Например, Хэйко выглядит как красавица-гейша – и это и вправду так. Но, кроме этого, она еще и ниндзя. – Каваками снова сделал паузу. Гэндзи снова ничего не сказал. – Вы мне не верите?

– Почему же? Я совершенно уверен в том, что вы говорите чистую правду, князь Каваками.

– Вы не удивлены.

– Как вы только что совершенно верно заметили, нам не следует уделять слишком много внимания внешней стороне дела.

– Князь Гэндзи, окажите мне любезность, не делайте вид, что вы отказываете мне даже в капле ума. Очевидно, вы знали об этой ее двойственности.

– Простоты ради предположим, что знал. – На этот раз уже Гэндзи сделал паузу, и в глазах его, как почудилось Каваками, мелькнуло разгорающееся раздражение. – Конечно же, за этим кроется что-то еще.

– Конечно. Раз вы знали, что она – ниндзя, вы должны были также знать, что она работает на меня.

– Да, я пришел к такому выводу.

– А я, конечно же, понимал, что вы давным-давно об этом догадались, – с нескрываемым удовольствием произнес Каваками. – Как всем умным людям – а никто не станет отрицать, что вы очень умны, – вам свойственно недооценивать ум прочих. Неужто вы и вправду полагали, будто я настолько глуп, что надеюсь надолго сохранить секреты Хэйко в тайне от вас?

– Вынужден признать, что у меня и вправду мелькали подобные мысли, – сказал Гэндзи. – Но, как я вижу, это было ошибкой.

– И куда большей, чем вы думаете. Вы считаете, что я послал Хэйко к вам, дабы она имела возможность предать вас или даже убить, когда я сочту, что настал подходящий момент? Несомненно, у вас имелись некоторые основания так считать, поскольку сама Хэйко не сомневалась, что именно в этом заключается ее задание. Возможно, вы с ней уже успели обсудить данный вопрос?

Каваками умолк, давая Гэндзи возможность ответить, но тот промолчал.

– Ну разве мог я составить подобный план? Для того чтобы исполнить это задание, Хэйко следовало бы обладать небывалым вероломством. Никакая неземная красота не скрыла бы подобного уродства души от столь проницательного человека, как вы. Напротив, для истинной моей цели требовалась совершенно иная женщина. Женщина, которая обладала бы глубиной чувств, страстностью, искренностью. Одним словом, мне нужна была Хэйко. Я, подобно любящему отцу, желал для нее лишь одного – чтобы она обрела истинную любовь.

Каваками снова сделал паузу, нарочно затягивая время и наслаждаясь моментом. На лице Гэндзи начало постепенно проступать смутение, и Каваками пьянел от удовольствия.

– Могу ли я надеяться на то, что она и вправду ее обрела?

* * *

Еще до того, как Каваками унаследовал от своего дяди титул князя Хино, он считал, что Ёримаса, сын и наследник Киёри, князя Акаоки, относится к нему с пренебрежением. И неважно, насколько это соответствовало истине. Оскорбление, истинное или мнимое, лишь добавлялось к ненависти, в основе которой лежала Сэкигахара. И тем оскорбительнее для Каваками было видеть, что это ничтожество, этого пьянчугу, этого курильщика опиума почитают как провидца, за его якобы унаследованный дар. Каваками знал, что истинное провидение основано на сведениях, которые тебе известны, а остальным – нет. И чтобы добиться этого, требовались усердие, искусность и тщательно взлелеянные природные способности. И передающийся по наследству волшебный дар тут совершенно ни при чем.

Некоторое время Каваками размышлял, какие карательные меры ему доступны. О поединке не могло быть и речи. Даже в подпитии Ёримаса обращался с мечом куда искуснее, чем Каваками в лучшие свои дни. А даже если вдруг ему и удалось бы каким-то чудом одолеть Ёримасу, ему пришлось бы тогда иметь дело с его младшим братом, Сигеру, чья репутация уже начала соперничать со славой легендарного Мусаси. Победить Сигеру было совершенно невозможно.

Убийство представлялось более разумным. Благодаря некоей давней случайности, подробности коей терялись во мгле времен, у клана Каваками существовали связи с небольшим кланом ниндзя. Но когда Каваками представил себе, что Ёримасу убьют исподтишка, эта мысль не доставила ему ни малейшей радости. Конечно, все сообразят, кто это подстроил. И что с того? Нужно, чтобы сам Ёримаса понял это перед смертью, иначе какое в том удовольствие?

Он обрел ответ, отправившись однажды вместе со сводником Рёдзи в поездку по отдаленным районам княжества Хино. Каваками втайне вкладывал деньги в крупнейшие веселые дома, ибо питал интерес к гейшам. Но интересовали его не удовольствия, а сведения. Гейши зачастую знали такое, чего не знал никто.

– Некоторые люди, воображающие себя знатоками, утверждают, что манеры – это все, – сказал Рёдзи. – Таково общепринятое мнение старой школы Киото. Но это – точка зрения слепца, – добавил он со смехом. – На самом деле, мой господин, внешность куда важнее. Манеры можно приобрести. А красивая внешность либо есть, либо ее нет. Невозможно заставить женщину сделаться красавицей.

Каваками не был с ним согласен, но предпочел рассеянно кивнуть, чтобы не тратить лишних слов. Он не для того находился в обществе Рёдзи, чтобы с ним беседовать. Старый сводник был невежливым, грубым, глупым типом; он был подвержен всем дурным наклонностям, сколько их ни есть на свете, и внушал окружающим редкостное омерзение – не в последнюю очередь из-за своей нечистоплотности. Однако имелось у него одно полезное свойство – редкостная способность угадывать в совсем еще маленьких девочках будущих красавиц. Поскольку окружающие держались о нем невысокого мнения, находки Рёдзи не попадали в лучшие дома, а значит, и не получали надлежащей подготовки. И расцветающая красота пропадала впустую в каком-нибудь веселом доме низкого пошиба, в закоулках Плавучего мира. Именно так он и привлек внимание Каваками. Каваками случилось несколько раз заметить в наихудших борделях Эдо необыкновенно красивых женщин. Он навел справки и выяснил две вещи. Во-первых,

что эти женщины, молодые, но преждевременно увядшие от скверного обхождения, совершенно не годились для его целей. И во-вторых, что всех этих женщин продал в веселые дома один и тот же человек.

Каваками отправился в поездку с Рёдзи, потому что надеялся перенять у него это искусство. Но, увы, не преуспел. Они осмотрели несколько деревень и отобрали трех девочек. Девочки были довольно хорошенькие, но Каваками так и не смог понять, что же за черты объединяют их и с точностью, как уверял Рёдзи, указывают на несомненную будущую красоту.

– Благодарю за урок, – сказал Каваками и жестом велел слуге вручить Рёдзи обещанную плату.

Рёдзи принял золото и угодливо поклонился.

– А разве в последней долине нет деревни? Я вижу дым. И, кажется, слышу какой-то запах.

– Эта, – отрезал Каваками.

Так называлась наследственная каста изгоев, выполнявших самую нечистую работу. Даже крестьяне самого низшего ранга, и те стояли выше их. Эта презирали все.

– Мясники? – спросил Рёдзи, нюхая воздух подобно дворняге.

– Кожемяки, – ответил Каваками.

Он развернул коня, собравшись уже двинуться обратно к замку, подальше от этого зловония; сейчас оно было особенно сильным, поскольку ветер дул в их сторону.

– Я бы все-таки заглянул туда, – сказал Рёдзи. – Никогда наперед неизвестно, где найдешь красоту.

Каваками уже готов был распрощаться с ним, но потом передумал. Чтобы знать больше всех, нужно заглядывать повсюду – даже туда, куда остальные заглядывать отказываются.

– Тогда я проеду с вами.

– Мой господин! – не выдержал старший телохранитель Каваками. – Не следовало бы вам осквернять себя зрелищем селения изгоев! Зачем? Какая может быть красота среди тех, кто сдирает шкуры с убитых животных?

– А если вдруг там и найдется красавица, – добавил другой телохранитель, – какой мужчина сможет преодолеть отвращение и приблизиться к ней?

– И тем не менее мы едем с нашим проводником.

При первом же взгляде на ту малышку, которой едва сравнялось три года, Каваками уже все понял. Для этого ему не понадобился Рёдзи. Но все же и Рёдзи не преминул высказаться.

– За время своего расцвета она разорит множество мужчин, – сказал он. – Кто ее родители? Есть ли у нее братья или сестры?

Сбившиеся в кучу эта застыли, прижавшись лбами к земле. Явление Каваками ошеломило и напугало их. Никогда прежде нога самурая не ступала на улицу их деревни. А тут сам наследник князя!

– Отвечайте, – велел Каваками.

– Господин...

Мужчина и женщина выползли вперед, не смея поднять взгляда. За ними последовали двое мальчиков и девочка; детям было от пяти до восьми лет.

– Эй ты, женщина! Подними голову.

Эта нерешительно повиновалась. Она была весьма красива, хоть и миновала уже пору расцвета, и фигура ее не лишена была изящества.

– Неплохо, – заметил Рёдзи. – Но матери далеко до дочери.

По знаку Каваками один из телохранителей бросил на землю несколько монет. Девочку усадили на одну из трех хорошо выезженных низкорослых лошадок, которых Рёдзи вел в поводу. И отряд уехал.

Когда они прибыли в замок Хино, Каваками выплатил Рёдзи дополнительное вознаграждение за прекрасно преподанные наставления. На следующее утро сводник уехал в Эдо, увозя с собой новоприобретенный живой товар. Он остановился на ночь на постоялом дворе. Когда наутро он не вышел к завтраку, хозяин постоялого двора отправился проверить, в чем дело. И обнаружил, что Рёдзи валяется с перерезанным горлом. То же самое произошло и с тремя девочками. Четвертая исчезла.

Как ему и было велено, Кумэ по прозвищу Медведь привез девочку-эту в свою родную деревню, служившую домом небольшому клану ниндзя, к которому Кумэ принадлежал.

– Как тебя зовут?

– Мицуко.

– Я – твой дядя Кумэ.

– Вовсе нет. Нету у меня никакого дяди Кумэ.

– Нет, есть. Просто раньше ты обо мне не знала.

– Где моя мама?

– Мне очень жаль, Мицуко. Произошел ужасный несчастный случай. Твои мама, папа, братики и сестричка умерли.

– Не-ет!

* * *

– С Кумэ вы уже встречались, – сказал Каваками, – хоть и не были представлены друг другу должным образом. Ваш чужеземный друг, Старк, застрелил его во время обстрела Эдо. Может, припоминаете?

– Да.

– Не приходится и говорить, что Мицуко – вы, конечно, знаете ее только под профессиональным именем, – не сирота.

По знаку Каваками адъютант налил ему сакэ. Хоть Каваками и не любил пить в одиночестве, по такому случаю надлежало выпить чего-нибудь покрепче чая.

– Ее родители по-прежнему живы, равно как ее братья и старшая сестра. Все они очень друг на друга похожи, особенно Мицуко, ее мать и сестра. Сходство стало особенно заметным, когда девочка выросла. Естественно, трудная жизнь эта наложила на них неизбежный отпечаток – на всех, кроме Мицуко. Может, вы все-таки отведаете сакэ, князь Гэндзи? Оно воистину наилучшего качества.

Каваками был уверен, что Гэндзи обратил внимание на это нарочито подчеркнутое «воистину».

– Нет, спасибо.

– Не хотите ли вы сказать что-нибудь мудрое или остроумное, мой господин?

– Нет.

– Какая жалость, что вам не удалось этого предвидеть.

– Не стоит сожалеть, – сказал Гэндзи. – Мои чувства не пострадали от вашего злословия.

– Ваши чувства? – расхохотался Каваками. – Оскорбленные чувства –

наименьшая из ваших неприятностей! Князь делит постель с эта, с грязным отпрыском вонючих пожирателей падали! Жаль, что вы не доживете и не увидите сами, какой фурор поднимет эта новость, когда выплывет на свет. Она станет несмываемым пятном на репутации вашего уничтоженного клана. Лучше – или хуже, это уж как посмотреть, – могло бы быть лишь одно: если бы вы с Хэйко поженились или у вас родился бы ребенок. К сожалению, появление чужеземцев ускорило события. Иногда кажется, будто вокруг чужеземцев само время ускоряет ход, не правда ли?

– Никто не поверит в столь нелепую историю, – сказал Гэндзи.

– Вы так думаете? – поинтересовался Каваками. – Достаточно просто поставить рядом с ней портреты сестры и матери. И ни у кого не останется ни малейших сомнений.

– Этого не произойдет, – сказал Гэндзи.

– Да ну? Вы это предвидите?

Гэндзи улыбнулся. Улыбка была мимолетной, и ей недоставало былой уверенности, но и она взбесила Каваками.

– Я предвидел все, что необходимо. И услышал все, что было нужно. С вашего позволения, я не стану более докучать вам своим присутствием.

Адъютант и телохранители Каваками смотрели на своего господина, ожидая лишь знака. Они готовы были зарубить Гэндзи на месте. Но Каваками так и не подал знака. Пускай Гэндзи вернется к Хэйко. Пускай взглянет на нее и ощутит то, что неизбежно должен будет ощутить. Подобная мука куда ценнее мгновенной смерти.

В терпении тоже скрывается свое удовольствие.

* * *

Никогда еще Гэндзи с такой болью не ощущал ограниченность пророчеств. Он знал, что, какой бы безнадежной ни казалась нынешняя ситуация, сейчас он не умрет. Он останется в живых, и будет убит позднее, в другом месте, и встретится до этого с госпожой Сидзукэ, которая заплачет о нем, и узрит свое третье, и последнее, видение. Однако какая ему польза оттого, что он это знает? Он слепо вступил в наихудшую из ловушек.

Эта.

Он мог притворяться перед Каваками, но не перед самим собой. Истина о происхождении Хэйко раздавила его.

Эта.

За всю свою жизнь Гэндзи не видел ни единого эта – им просто не позволили бы попасться ему на глаза. Эта. Мясники, кожемяки, золотари, гробокопатели, носильщики трупов.

И Хэйко была одной из них.

Эта.

Гэндзи стоило больших усилий подавить подступающую к горлу тошноту.

– Господин, вам нехорошо?

После возвращения Гэндзи Хидё терпеливо дождался, пока князь изволит что-нибудь сказать. И лишь подозрение – уж не отравили ли его у вероломного Каваками? – заставило Хидё заговорить первым.

– Я получил скверные известия, – сказал Гэндзи.

Пока он отсутствовал, оставшиеся в живых окружили их крохотный редут валом

из лошадиных туш. Гэндзи оценил бы их изобретательность куда выше, не напоминая она о той новости, которая свалилась ему на голову. Он старался не смотреть на тех, кто собрался вокруг. Ведь если бы он это сделал, ему пришлось бы взглянуть и на Хэйко.

Иначе она заметила бы, что он ее избегает. Ведь, скорее всего, он так и не смог бы сейчас заставить себя бросить на нее взгляд. А потому Гэндзи не отрывал глаз от обернутого в шелк ящика, который он принес с собой.

– Господин Сигеру мертв.

Все потрясенно ахнули, и Гэндзи понял, что его люди надеялись на то же, на что надеялся и он сам. Что в последнюю минуту появится Сигеру и каким-то чудом повергнет окружившие их сотни врагов. Если кому такое и было под силу, так это Сигеру, и только Сигеру.

– А это точно, господин? – спросил Хидё. – Каваками – известный ловкач. Может, это все-таки неправда?

Гэндзи поклонился ящику и снял с него шелк. При этом он заметил, как Хэйко что-то негромко сказала Эмилии, и та послушно уставилась в землю. Гэндзи был благодарен Хэйко за ее доброту, и в то же время ему стало стыдно, что он не способен сейчас воспринимать ее иначе как в самом прискорбном свете.

Он открыл ящик, и все снова ахнули. Кто-то разрыдался, и вскоре плакали уже все. После атаки Сохаку и засады Каваками в живых осталось одиннадцать самураев – некоторые были тяжело ранены, – и все они в свое время учились у Сигеру. Суровый, взыскательный, неутомимый и безжалостный, он был последним из мастеров старой школы. Его боялись, ненавидели и почитали так, как никакого другого члена клана. Гибель Сигеру нанесла удар по самой сути воинского духа, который он помогал возвращать в сердцах.

Эмилия, не в силах совладать со своими чувствами, сдавленным голосом спросила у Хэйко:

– Неужто война непременно должна быть такой жестокой? Разве смерть сама по себе не достаточно ужасна?

– Смерть вообще не ужасна, – сказала Хэйко. – Ужасно лишь бесчестье. Князь Каваками, поднеся голову господина Сигеру его собственному клану, нанес Окумити страшное оскорбление. Потому все эти люди и горюют. Потому, что не смогли спасти господина Сигеру от такого позора. Им сейчас больно от своего бесчестья.

За время затишья Старк успел покопаться в седельных сумках. У него было два заряженных револьвера, сорок пуль к револьверу сорок четвертого калибра и восемнадцать – тридцать второго калибра. Когда стемнеет, он рванет к монастырской стене. Если ему повезет, он доберется туда, отыщет там Итана Круза и убьет его. Старк очень надеялся, что взрыв не проделал эту работу за него.

– Хидё, скажи госпоже Хэйко и госпоже Эмилии, что они должны покинуть нас, – распорядился Гэндзи. – Князь Каваками обещал, что их не тронут. Мистер Старк тоже может уйти, если пожелает.

– Слушаюсь, господин.

И Хидё отправился к Хэйко.

Хэйко прекрасно слышала, что сказал Гэндзи, ведь их укрытие было совсем крохотным и она сидела в каких-нибудь десяти шагах от князя. Почему же он не обратился к ней сам? После возвращения Гэндзи ни разу не взглянул на нее. Неужели Каваками сообщил нечто такое, что это поколебало доверие Гэндзи к ней? Нет, не

может быть. Гэндзи не поверил бы Каваками, что бы тот ни говорил. Если в этом изменчивом мире и есть что-то неколебимое, так это ее любовь к Гэндзи, и он должен это знать.

Прежде чем Хидё успел сказать хоть слово, Хэйко твердо произнесла:

– Я не желаю уходить.

– Госпожа, вы не можете выбирать, – ответил Хидё. – Это приказ князя.

Хэйко выхватила кинжал и прижала лезвие к горлу. Одно стремительное движение – и она распорет себе яремную вену.

– Я не желаю уходить, – повторила она.

– Хэйко! – в ужасе воскликнула Эмилия, но Хэйко не обратила на нее ни малейшего внимания.

Старк – он стоял прямо за спиной у Хэйко – прикинул, как бы половчее схватить ее за руку. Но тут гейша слегка повернула голову, и Старк отказался от этой затеи. Хэйко знала, что он может предпринять, и была к этому готова.

Хидё беспомощно перевел глаза на Гэндзи.

– Мой господин...

Гэндзи знал, что Каваками постарается не убивать Хэйко. Она нужна ему живой, чтобы поставить ее рядом с родственниками и тем окончательно подтвердить свой величайший триумф. Ее унижение будет куда мучительнее, чем гибель Гэндзи. И он мог избавить ее от этой муки, просто повторив свой приказ. Гэндзи знал, что тогда Хэйко без малейших колебаний перережет себе горло. Но он не мог этого сделать. Как бы там ни было, он все еще любил ее. Он не хотел стать орудием ее смерти. У него все еще оставалась надежда. Ведь его видение обещало жизнь. Возможно, ему удастся защитить и Хэйко.

В конце концов Гэндзи взглянул на Хэйко и низко поклонился ей:

– Надеюсь, я сумею доказать, что заслуживаю подобной верности.

Хэйко опустила кинжал и поклонилась в ответ:

– Эта верность не нуждается ни в заслугах, ни в доказательстве, мой господин.

Невзирая ни на что, Гэндзи не смог удержаться от смеха.

– Она столь безоговорочна? Тогда я воистину в долгу перед вами.

– Да, – кивнула Хэйко и добавила, как истинная гейша: – И сможете ли вы хоть когда-нибудь его выплатить?

На этот раз рассмеялись все. Господин и госпожа вели себя совершенно непринужденно, словно ничего и не произошло. И разве могли бы они вести себя иначе? Слезы были забыты.

– Хэйко, что вы делали? – спросила Эмилия.

– Предъявила наглядные доводы, – ответила Хэйко. – Слов иногда не хватает, если имеешь дело с самураями.

– Эмилия, Мэтью, вы можете уйти, – повторил Гэндзи. – Мой враг вас не тронет.

– Уйти куда? – поинтересовался Старк.

– Каваками доставит вас целыми и невредимыми в резиденцию американского консула в Эдо. И вы сможете на первом же корабле отплыть в Америку.

– Мне нечего делать в Америке, – отрезал Старк и указал дулом револьвера на монастырь Мусиндо. – Мне нужно сюда.

– Мне кажется, князь Гэндзи, я уже говорила вам, что долг требует от меня остаться в Японии, – промолвила Эмилия.

– Мы окружены, – сказал Гэндзи. – Через каких-нибудь несколько минут сотни

человек пустят в ход мушкеты и мечи и приложат все усилия, чтобы убить нас. Вы действительно хотите находиться здесь, когда это произойдет?

– На все воля Божья, – отозвалась Эмилия.

Старк лишь усмехнулся и взвел курки обоих револьверов.

Гэндзи поклонился и вновь повернулся к своим людям:

– Князь Каваками намерен вновь завладеть головой моего дяди, когда явится сюда за моей. Но я не намерен отдавать ему ни того, ни другого.

– Мы сами возьмем его голову, – заявил Хидё. – И оставим ее гнить под стенами его горящего замка!

– Правильно! – в один голос поддержали его самураи.

– Зачем же ждать? Давайте возьмем ее прямо сейчас!

– Стойте! – выкрикнул Гэндзи – и вовремя. Иначе его люди тут же ринулись бы в самоубийственную атаку на отряд Каваками, прямо под выстрелы. – Недавно мне было видение, проливающее свет на нынешнюю ситуацию. Это – еще не конец.

Гэндзи не стал уточнять, что видение обещало жизнь лишь ему, а о прочих ему ничего не ведомо. Главного он добился: его слова произвели нужное впечатление. К людям вновь вернулась уверенность в своих силах.

– Конечно, если кому-то просто не терпится покончить с собой, я разрешаю ему напасть на врага.

То ли это было случайным совпадением, то ли веселье обреченных переполнило чашу терпения Каваками, но в этот самый миг ударили мушкеты. Залп следовал за залпом. Пули рвали лошадиные туши с такой яростью, что в отдельных местах их просто разнесло в клочья, и со свистом пронеслись над головами людей.

А действительно ли то, что ему являлось, было истинными видениями? Гэндзи начал в этом сомневаться. Похоже, будто его голова и вправду скоро повиснет на луке седла Каваками, наряду с головой Сигеру. Впрочем, если вспомнить об утонченности Каваками, с него вполне станется передать головы своим адъютантам.

Но потом Гэндзи вспомнил одно правило, о котором ему когда-то сказал дед.

Предвиденное может исполниться совершенно непредвиденным образом.

Хидё увидел улыбку, играющую на губах Гэндзи, и уверенность его окрепла – несмотря на то, что дела их, казалось, шли все хуже и хуже. Лошадиные туши, разорванные пулями, начали распадаться на куски. Оторванная передняя нога ударила Хидё по плечу, отскочила и хлопнулась в кровавую грязь. Все вокруг были забрызганы лошадиной кровью. Казалось, будто сама преисподняя вырвалась на волю. Однако же Гэндзи улыбался. Хидё крепче сжал рукоять меча. Теперь он окончательно убедился, что их ждет победа. Но как это произойдет, пока что оставалось полнейшей загадкой.

* * *

– Постарайтесь, если получится, захватить Гэндзи и Хэйко живыми, – велел Каваками своему адъютанту. – И в любом случае лицо госпожи должно остаться невредимым.

– Слушаюсь, господин. Но они уже могли погибнуть, и лица их, возможно, изуродованы. Мы выпустили в них несколько сотен пуль.

– Пока что мы всего лишь раз за разом убиваем их лошадей, – возразил Каваками. – А люди ждут, пока мы сами явимся за ними. Тогда они будут сражаться.

Отложите мушкеты и беритесь за мечи.

– Слушаюсь, господин.

– погоди. Пусть десяток твоих лучших стрелков все-таки прихватит мушкеты. Вели им, чтобы застрелили Старка, как только увидят его.

– Слушаюсь, господин.

Каваками, как всегда, наблюдал за происходящим с безопасного расстояния. Его люди составили мушкеты в козлы и извлекли мечи из ножен. Прежде они рвались бы это сделать. Прежде – да, но не теперь. Теперь они верят в превосходство стволов и пуль. Не потому, что их шестьсот мушкетов взяли верх над десятком мечей, оставшихся на стороне Гэндзи. Нет. Это ничего не доказывало. Они поверили потому, что их мушкеты с легкостью прикончили непобедимого Сигеру. Такое было бы под силу даже простому крестьянину. Две недели обучения – и крестьянин с мушкетом сможет одолеть самурая, всю жизнь совершенствовавшегося в искусстве фехтования. И спорить с этим мог лишь тот, кто заостенел в излишней приверженности традициям.

Правда, требовалось еще выработать новую тактику для нового оружия. Или позаимствовать ее у чужеземцев. Чтобы использовать огнестрельное оружие для обороны укрепленных позиций или для засады, особого ума не требуется. Вот с атакой до сих пор остается много неясного, особенно если аналогичное оружие имеется и у противника. Ведь для того, чтобы перезарядить мушкет, необходимо остановиться, и это тормозит наступление. Пока что это препятствие казалось непреодолимым. Интересно, как поступают чужеземцы? Непременно нужно будет выяснить. Когда Каваками покончит с Гэндзи, то полностью сосредоточится на огнестрельном оружии и новой стратегии. Возможно, среди чужеземцев тоже найдется какой-нибудь свой Сунь Цзы. Тогда он, Каваками, непременно изучит его «Искусство войны». Власть Токугава над сёгунатом слабеет. И вскоре их свергнут – но не по старинке, не при помощи самураев с мечами. Новый сёгун придет к власти, опираясь на мощь пуль и пороха. И этим сёгуном вполне может стать он сам. Почему бы и нет, собственно? Если древние правила более не применимы к войне, значит, они не применимы и к традициям наследования. Вскоре огневая мощь будет куда важнее знатности рода.

Ему необходимо огнестрельное оружие. Новое и мощное. И как можно больше. И пушки. И военные корабли.

Стоп. Не стоит забегать вперед. Сперва нужно разобраться с Гэндзи.

Каваками двинулся вперед, осторожничая. У людей Гэндзи, как бы мало их ни осталось, тоже имеются мушкеты. Это было бы слишком прискорбно – умереть в миг величайшего своего торжества. И потому Каваками благоразумно прятался за деревья.

* * *

– Почему они перестали стрелять? – спросил Хидё.

– Моя голова, – пояснил Гэндзи. – Чтобы забрать ее, им придется пустить в ход мечи.

Таро осторожно выглянул из-за искромсанной лошадиной туши.

– А вот и они.

Гэндзи оглядел своих людей. Все уже взялись за мечи. Брошенные мушкеты валялись в грязи. Куда эффективнее было бы встретить врага залпом, прежде чем доставать мечи из ножен. Но люди Гэндзи думали сейчас не об эффективности. Они

самураи. Когда речь идет о жизни и смерти, все должен решать меч.

Гэндзи извлек свой катана. Возможно, он – последний Окумити, и потому все его видения ложны. Не будет никакого убийства, поджидающего его в будущем. Не будет ни госпожи Сидзукэ, ни рождения ребенка, ни третьего видения. Все это было обманом, заблуждением, иллюзией. Гэндзи взглянул на Хэйко и поймал ее взгляд. Они улыбнулись одновременно. Нет, не все было иллюзией, не все.

– Приготовьтесь! – велел Гэндзи своим людям. – Мы атакуем их.

Именно так надлежало умирать самураю в атаке, лицом к врагу. Подобно камню, рушащемуся с бесконечной высоты в бездну.

– Вперед...

Залп, ударивший из-за стен монастыря Мусиндо, заглушил его слова. Половина самураев Каваками, шедших в первом ряду, рухнули замертво. Наступление мгновенно превратилось в беспорядочное отступление; перепуганные люди разбежались в разные стороны, прочь от монастыря. Мушкеты ударили снова, продолжая косить соратников Каваками.

Гэндзи увидел над стеной дула – их было около четырех десятков. Но откуда они взялись? Впрочем, размышлять некогда. В тылу у отряда Каваками что-то произошло, и земля задрожала от топота копыт.

– Кавалерия! – вскрикнул Хидё. – Кто-то атакует Каваками!

– Подкрепление! – радостно воскликнул Таро.

– Откуда? До нашего княжества отсюда три дня пути, да и то если скакать во весь опор.

– Смотри! Они возвращаются!

И вправду, перепуганные люди Каваками, пытаясь спастись от кавалерийской атаки, кинулись бежать обратно, к Мусиндо. Многие попадали от очередного залпа. Но пока стрелки перезаряжали мушкеты, поток отступающих захлестнул крохотное укрепление. Гэндзи и его воинам пришлось биться изо всех сил, чтобы их не затоптали. Клинки так и сверкали. Кровь умирающих смешалась в грязи. Гэндзи слышал, как револьверы Старка выстрелили двенадцать раз и смолкли.

У Старка просто не было времени их перезаряжать. Он подобрал чей-то меч, ухватил его обеими руками и принялся работать им, как топором, кроша тела, дробя черепа и отсекая руки.

Хэйко и Ханako стояли в середине, прикрывая Эмилию с двух сторон, и рубили всякого, кто подбирался слишком близко.

Один из подчиненных Каваками подскочил сзади к Хидё, занятому сражением сразу с несколькими противниками, и занес меч.

– Хидё! – выкрикнула Ханako, пытаясь предупредить мужа, и кинулась к нему.

Опускающийся клинок отсек ей руку выше локтя.

Из-за леса вылетели всадники. Над ними реяли самодельные флажки с изображением воробья и стрел. Они врзались в убегающую толпу и принялись прорубать себе дорогу к Гэндзи, выкрикивая его имя как боевой клич:

– Гэндзи!

– Гэндзи!

– Гэндзи!

– Мой господин, вы видите, кто это? – потрясенно спросила Хэйко.

– Вижу, – отозвался Гэндзи. – Но не верю своим глазам.

* * *

– Я приказал больше не стрелять! – гневно произнес Каваками.

– Это не мы, господин. Кто-то стреляет из-за монастырской стены.

– Невозможно. Всякий, кто находился там, должен был погибнуть во время взрыва.

– Может, подоспел кто-то из людей Гэндзи? – Адъютант боязливо оглянулся через плечо. – Это сразу казалось странным, что он едет со столь малочисленным сопровождением. Господин, а вдруг это ловушка?

– Тоже невозможно, – отозвался Каваками. – Будь это ловушкой, Гэндзи никогда бы не согласился встретиться со мной. Он не пошел бы на такой риск, не будь у него иного выбора.

Каваками видел, как его люди отступают от монастыря, стремительно превращаясь из отряда в беспорядочную толпу.

– Похоже, наши воины движутся не в ту сторону.

– Неожиданный обстрел несколько сбил их с толку, – признал адъютант.

– Значит, иди и наведи там порядок.

– Слушаюсь, господин, – отозвался адъютант, но не сдвинулся с места.

Каваками уже готов был разразиться потоком брани, но тут сзади раздались крики:

– Гэндзи!

– Гэндзи!

– Гэндзи!

Выкрикивая боевой клич Окумити, конные самураи ударили в незащищенный тыл отряда Каваками. Кавалеристы Каваками, оказавшиеся вдалеке от собственных лошадей и мушкетов и зажатые между отрядом стрелков и атакующей конницей, окончательно утратили дисциплину. Многие побросали мечи и помчались по единственному еще не перекрытому направлению – к дороге на Эдо. А пули, клинки и лошадиные копыта тем временем косили бегущих. Каваками с его адъютантом тоже далеко не ушли – их окружили и схватили, несмотря на сопротивление. Впрочем, они особо и не сопротивлялись.

– Стойте! – воскликнул Каваками. – Живой я для вас ценнее мертвого! Я – князь Каваками.

Несмотря на пленение, его ощущение собственной значимости несколько не умалилось. В конце концов, это не поражение, а всего лишь временная неудача.

– Хоть вы и сражаетесь под знаменем Окумити, вы не принадлежите к этому клану, верно? Кто ваш господин? Отведите меня к нему!

* * *

На протяжении пятнадцати лет Мукай оставался верным, подобострастным помощником главы тайной полиции сёгуна. Он делал то, что велел ему его господин, Каваками, и не задумывался о частых страданиях и немногочисленных радостях, которые доставляла ему работа. В конце концов, цель жизни не в поиске радости, а в том, чтобы чтить вышестоящих, повиноваться им и повелевать нижестоящими. То есть так он думал.

Он слишком поздно узнал, что это существование – не жизнь, а всего лишь

смерть заживо.

Жизнь – вот она.

Грубая животная сила скакуна, несущего его в бой, была лишь слабой тенью жизненной энергии, переполняющей сейчас все существо Мукаи.

– Гэндзи!

– Гэндзи!

– Гэндзи!

Мукаи был охвачен экстазом. Сейчас, ведя свой отряд в атаку ради спасения Гэндзи, он чувствовал себя живым воплощением божества – повелителя молний. Любовь указала ему возможности, о которых он не смел и мечтать. И деяния, свершенные во имя этой любви, навеки освободили его. Мукаи переполняло счастье – эгоистичное, личное, чистейшее счастье. Он позабыл о долге, семействе, положении в обществе, истории, традициях, обязательствах, репутации и стыде. Все это было полнейшей чепухой по сравнению с любовью. Сейчас имело значение лишь одно – поскорее соединиться с Гэндзи.

Сто восемьдесят верных вассалов покинули его небольшое имение и отправились вместе с Мукаи в этот отчаянный поход. Их подвигло на это пророчество Гэндзи о полной и окончательной победе. Насколько было известно Мукаи, подобного пророчества Гэндзи не изрекал никогда. Мукаи просто солгал, и солгал необычайно искусно. Любовь загадочным образом наделила его необходимым красноречием. Вассалы Мукаи, привыкшие видеть своего господина неуклюжим, незаметным, косноязычным, были так изумлены, что поверили всему.

И теперь, летя под знаменем с воробьем и стрелами – как тогда, во сне, – Мукаи пребывал выше страха и надежды, жизни и смерти, прошлого и будущего. Все это не имело сейчас ни малейшего значения. И Мукаи радостно и самозабвенно прорубал себе путь.

– Гэндзи!

Он выкрикивал это имя, словно объяснение в любви, словно боевой клич, словно священную мантру.

Обезумев от страха перед пулями и лошадиными копытами, многие из подчиненных Каваками попытались спрятаться в укрытии, устроенном воинами Гэндзи. И поток охваченных паникой вооруженных людей грозил вот-вот завершить то, чего не удалось организованной атаке. Над Гэндзи и его спутниками нависла смерть.

Неужто он зашел так далеко лишь затем, чтобы опоздать на считанные мгновения? Мукаи проклинал себя за глупость: он не угадал, где именно Каваками устроит засаду. Будь он наделен талантом военачальника, он давно бы понял, куда нужно двигаться, и добрался бы сюда еще несколько дней назад. Он ненавидел себя за неумение ориентироваться: как он мог свернуть не на ту тропу в горах! Если бы он лучше разбирался в движении звезд, в ветрах, в перелетах птиц, он ни за что не потерял бы несколько драгоценных часов, двигаясь вместо запада на восток. Он горько раскаивался в том, что пятнадцать лет безвылазно просидел в камерах для допросов, не видя белого света. Если бы он вел более подвижный образ жизни, то лучше знал бы здешние края, и это возместило бы ему недостаток стратегического мышления.

Нет! Если они с Гэндзи умрут, то вместе! Иначе и быть не может, раз любовь и судьба позволили им оказаться рядом! Мукаи оторвался от своих телохранителей и

очертя голову ринулся в бушующее море людей и мечей.

– Гэндзи!

Бешено рубя налево и направо, Мукай пробивался к укрытию Гэндзи. Врагов было так много, что вскоре его конь рухнул. Мукай почти не замечал сыпавшихся на него ударов копий и мечей. Гэндзи. Он должен добраться к Гэндзи. Он продолжал сражаться, шаг за шагом продвигаясь вперед.

– Господин Мукай! Подождите!

Вассалы Мукай пытались прорваться за ним следом.

– Гэндзи!

– Мукай!

Мукай перепрыгнул через вал из лошадиных туш и оказался перед Гэндзи.

– Мой господин, – с поклоном произнес он. – Я прибыл, как и обещал.

– Берегитесь! – Гэндзи отбил чей-то удар, нацеленный в спину Мукай. – Нам придется сейчас обойтись без обмена любезностями. Должен сказать, что я чрезвычайно удивлен – и очень рад вас видеть, Мукай.

– Мой господин, – повторил Мукай. Любовь, прежде наделившая его красноречием, теперь лишила его дара речи. – Мой господин...

И это было все, что он мог сказать.

Гэндзи был весь в крови, с головы до пят. Мукай не мог бы сказать, чья эта кровь – самого Гэндзи, вражеская или лошадиная. Да и какое это имело значение? В этот драгоценный миг обреченности, когда он плечом к плечу с Гэндзи сражался против великого множества врагов, всякая разница между понятиями «я» и «не я» исчезла. Не существовало больше ни субъекта, ни объекта, ни отсутствия субъекта и объекта. Время не шло, но и не стояло. Что происходило сейчас в нем, а что – вовне? Мукай не мог бы ответить на этот вопрос. Этот вопрос просто не имел смысла.

– Мой господин...

Несколько отчаянных мгновений казалось, что их конец настал. Людей Каваками было слишком много, а людей Гэндзи – слишком мало. На место каждого зарубленного врага вставало трое. А потом, в тот самый миг, когда круг вражеских мечей уже готов был сомкнуться, со стен монастыря ударил очередной залп, и бой прекратился. Сподвижники Каваками, словно услышав некую безмолвную команду, принялись бросать оружие и падать ниц.

Все было кончено.

– Вы победили, мой господин, – сказал Мукай.

– Нет, – возразил Гэндзи. – Это вы победили, Мукай. Победа принадлежит вам, и только вам.

Мукай улыбнулся – улыбка была столь сияющей, что ему самому показалось, будто от его тела исходит свет, – и рухнул.

Гэндзи едва успел подхватить его.

– Мукай!

Тут подоспели вассалы Мукай.

– Господин!

Мукай взмахом руки велел им отойти. Он неотрывно смотрел в лицо Гэндзи.

– Куда вы ранены? – спросил Гэндзи.

Но Мукай ни капли не волновали его раны. Он хотел сказать Гэндзи, что пророческие сны приходят не только к провидцам, но и к простым людям, таким, как он, Мукай, если ими движет искреннее чувство. Он хотел сказать, что уже видел эту

сцену – совершенно отчетливо, в малейших подробностях: кровь, объятия, смерть, бесстрашие, и самое главное – вечное экстатическое единение, превосходящее всякие пределы восприятия, ощущения и понимания.

А потом даже это желание ушло, и осталась лишь улыбка.

– Господин!

Вассалы Мукаи потрясенно смотрели, как Гэндзи опускает тело их господина на землю. Мукаи сказал им, что Гэндзи предрек победу. Но ни словом не упомянул, что сам он при этом погибнет.

– Господин Мукаи умер, – сказал Гэндзи.

– Князь Гэндзи, но что же нам теперь делать? Раз господин Мукаи умер, мы остались без хозяина. У него нет наследников. Наверное, сёгун конфискует его владение.

– Вы – верные вассалы вернейшего и самоотверженнейшего из друзей, – сказал Гэндзи. – Всякий из вас, кто пожелает, может поступить ко мне на службу.

– Тогда отныне мы – ваши вассалы, князь Гэндзи. – Бывшие военачальники Мукаи низко поклонились новому господину. – Ждем ваших распоряжений.

– Превосходно! – подал голос Каваками. – Как это трогательно, как драматично! Возможно, когда-нибудь это превратится в эпизод из пьесы кабуки, посвященной вам, князь Гэндзи.

Он восседал на коне и смотрел на них сверху вниз, с обычным своим самоуверенным видом. Его окружали люди Мукаи, но из трепета перед его высоким рангом обращались с Каваками скорее как с гостем, чем как с пленником. На фоне всех окружающих, только что вышедших из горнила боя, одежды Каваками и его адъютанта казались просто-таки вызывающе чистыми.

– Сойди с коня, – велел Гэндзи.

Каваками нахмурился:

– Я бы посоветовал вам не увлекаться сверх меры. Ничего ведь не изменилось, за исключением ваших шансов выжить.

Каваками никогда не был особенно искусным фехтовальщиком. Его искусство заключалось в другом. Это было знание, которым Окумити якобы владели лучше, чем кто-либо другой. Какая, однако, ирония судьбы!

– Если вы поведете торг разумно, то можете на самом деле получить значительную выгоду. Я бы предложил...

Гэндзи схватил Каваками за руку, сдернул с седла и швырнул на землю.

Каваками, кашляя и отплевываясь, поднял голову. Теперь его лицо было измазано в кровавой грязи.

– Вы!..

Меч Гэндзи взлетел над его головой и опустился, перерубив шею почти у самых плеч. Голова хлопнулась на землю. В воздух мгновенно ударил алый фонтан – и быстро иссяк, когда давление крови в жилах упало. Труп распластался в грязи; голова, удерживаемая хрящом, валялась между плечами; на лице, обращенном к небу, застыло ошеломленное выражение.

Гэндзи взглянул на адъютанта. Когда Каваками говорил о происхождении Хэйко, тот находился в шатре.

– Князь Гэндзи!.. – взмолился адъютант.

– Убейте его, – приказал Гэндзи.

Двое воинов, стоявших по бокам от адъютанта, ударили одновременно. Труп

рухнул на землю тремя кусками: голова, правое плечо и все прочее.

Гэндзи перевел взгляд на сбившихся в груды пленников. Их было около трех сотен. Рядовые самураи. Вряд ли они знали что-нибудь важное. Каваками всегда стремился быть самым осведомленным и терпеть не мог делиться сведениями. Так что мало кто мог быть посвящен в эту тайну. Адъютант ее знал. Возможно, Мукаи тоже. Кто еще? Жена Каваками? Его наложницы? Другие гейши? Даже если он примется убивать направо и налево, всегда останется возможность упустить кого-то. Но теперь, когда Каваками мертв, это уже не так страшно. Кто посмеет выступить с таким вопиющим утверждением, не имея надлежащих доказательств? Вот он, ключ ко всему! Надлежащие доказательства!

– Проверьте монастырь, не заложена ли еще где-нибудь взрывчатка, – распорядился Гэндзи. – Если все чисто, приготовьте купальню.

– А как быть с пленными, господин?

– Отпустите их. Но без оружия.

– Да, господин.

С доказательствами он разберется – сразу же, как только сможет. А пока надо подумать о предстоящей встрече с сёгуном.

* * *

Каким-то чудом Сэйки уцелел во время мощного взрыва в монастыре. Когда стрелки Мукаи извлекли его из-под изуродованных трупов Масахиро и его коня, Сэйки был жив. Он с трудом держался на ногах, и когда отряд двинулся к Эдо, Сэйки понесли на носилках. В ушах у него до сих пор звенело, и за этим звоном он почти ничего не слышал. Но сильнее всего Сэйки печалило то, что он не видел, как Каваками лишился головы. Вот на что он с удовольствием бы полюбовался. Сэйки решил, что попросит Хидё рассказать об этом во всех подробностях, как только его слух восстановится хоть отчасти.

* * *

Итана Круза в монастыре не оказалось. Но где-то он да был, и он был жив. Старк оглянулся на монастырь. Он проезжал здесь уже во второй раз и запомнил дорогу. Теперь он сможет добраться сюда из Эдо.

И он найдет Итана Круза.

* * *

Эмилия не ощущала под собою седла. Она почти не чувствовала собственного тела. Глаза ее были открыты, но окружающие картины не доходили до сознания девушки.

Она была в шоке.

Столько крови!

Столько смертей!

Эмилия пыталась припомнить что-нибудь утешающее из Библии. Но ей ничего не приходило на ум.

* * *

В тот миг, когда казалось, что все они вот-вот умрут, Гэндзи встретился с ней взглядом и улыбнулся прежней, знакомой улыбкой. Но теперь он снова принялся избегать ее. Он старался этого не показывать, но от Хэйко это не скрылось. Она вообще очень хорошо улавливала всяческие нюансы и оттенки.

Что же такого Каваками сказал Гэндзи во время их встречи?

* * *

Лежавшая на носилках Ханako смотрела на Хидё. Она очень гордилась им. С каждым критическим моментом он совершенствовался и становился все храбрее и сосредоточеннее. Он даже на коне теперь сидел по-иному. Хидё постепенно становился прекрасным самураем. Ему теперь не хватало лишь одного – подходящей жены.

– Я освобождаю тебя от супружеской клятвы, – сказала Ханako и отвернула голову.

Ни единой слезинки не скатилось по ее щеке. Ханako старалась дышать ровно, чтобы не выдать своей боли.

Хидё повернулся к едущему рядом Таро:

– Она бредит.

– Я больше не гоюсь тебе в жены, – повторила Ханako.

– Да, совершенно явственный бред, – согласился Таро. – Но ведь даже самые могучие воины, страдая от ран, в бреду часто бормочут какую-то нелепицу. Наверное, причиной тому потеря крови и сильное потрясение.

– Тебе нужна здоровая спутница жизни, – добавила Ханako, – а не калека, вызывающая насмешки или жалость.

Хидё и Таро продолжали игнорировать ее слова.

– Ты видел, как она бросилась под меч? – спросил Хидё.

– Это было потрясающе! – отозвался Таро. – Я видел такое только в пьесах кабуки, а в жизни – ни разу!

– Всякий раз, увидев ее пустой рукав, я с благодарностью буду вспоминать, как она спасла мне жизнь, – сказал Хидё.

– Я не смогу ни удержать поднос, ни правильно взять чайничек или кувшинчик с сакэ, – сказала Ханako. – Кто захочет, чтобы ему прислуживала однорукая калека?

– К счастью, ее правая рука цела, и она может держать оружие, – заметил Таро. – Мало ли, вдруг опять случится такое, что ей придется встать рядом с тобой.

– Да, верно, – согласился Хидё. – И одной руки вполне хватит, чтобы поднести к груди младенца и чтобы поддержать малыша, который учится ходить.

Ханako не могла больше сдерживаться. Она дрожала от переполнявших ее чувств. Из глаз ее хлынули горячие слезы. Ей хотелось поблагодарить Хидё за постоянство, но рыдания мешали ей говорить.

Таро поклонился, извиняясь, и перебрался в хвост отряда. И там, среди бывших вассалов Мукаи, тоже дал волю чувствам.

И лишь Хидё не плакал. Со стальным самообладанием, приобретенным в бою, он не позволил себе лить слезы. Увечье Ханako глубоко печалило его, но эта печаль была ничтожна по сравнению с почтением к ее истинно самурайскому мужеству и

всевозрастающей любовью.

Безжалостность войны и радость любви. Воистину, они едины.

Покачиваясь в седле, Хидё двигался к Эдо.

Глава 15 ЭЛЬ-ПАСО

Слова могут ранить. Молчание может исцелять. Понимать, когда следует говорить, а когда молчать, – вот мудрость мудрецов.

Знание может возводить препятствия. Неведение может освободить. Понимать, когда следует знать, а когда не знать, – вот мудрость пророков.

Стремительно скользящий к цели меч свободен от слов, молчания, знания и незнания. В этом мудрость воинов.

Судзумэ-нокумо (1434)

Дзимбо выискивал морозостойкие зимние растения, годные в пищу. Уже самый этот поиск, если производить его с уважением и почтительностью, приводит к насыщению. Старый настоятель Дзэндэн рассказывал когда-то о посвященных, так далеко ушедших по Пути, что они уже не нуждались в пище. Им хватало воздуха, которым они дышали, картин, которые они видели вокруг, и безупречных медитаций, которые они совершали. Тогда Дзимбо не поверил настоятелю. Теперь же это не казалось ему невероятным.

Время от времени Дзимбо останавливался и думал об Старке. Он знал, что его бывший враг вскоре объявится здесь. Когда именно – Дзимбо не знал. Уж не было ли его в том небольшом отряде, состоявшем из самураев и чужеземцев, что проехал мимо монастыря Мусиндо три недели назад? Возможно. Это не имело особого значения.

Несомненными оставались две вещи. Старк придет сюда, и Старк попытается его убить. Дзимбо не боялся за свою жизнь. Она давно перестала его интересовать. Или, может, не так уж давно. Может, ему просто так казалось. Его волновала жизнь Старка. Если он убьет Дзимбо, его боль не станет слабее. Жажда мести вела его от убийства к убийству. Смерть Дзимбо лишь усугубит страдания Старка и ухудшит его карму. Как же быть? Может, если он сумеет показать Старку того нового человека, в которого он превратился, человека, исполненного внутреннего покоя, избавленного от страданий, сопряженных с ненавистью, – может, тогда Старк тоже узрит этот путь? Дзимбо решил, что предстанет перед ним без страха и попросит прощения. Если Старк не согласится его простить, он умрет.

Он не будет сражаться.

Он не будет убивать.

Никогда больше он не прибегнет к насилию.

Краем глаза Дзимбо заметил какое-то движение на листике горчицы. Он осторожно снял крохотного жучка с листика и опустил на землю. Жучок припустил прочь, поспешно перебирая лапками и поводя усиками. Он не видел Дзимбо. Его жизнь, такая же насыщенная и хрупкая, как бытие самого Дзимбо, протекала в мире других масштабов. Дзимбо почтительно поклонился живому существу и вновь принялся собирать свой ужин.

Позади зашуршали кусты. Дзимбо узнал быстрые шажки. Это была Кими, сообразительная девчушка из соседней деревни.

– Ой, Дзимбо! – воскликнула Кими. – Ты сидишь так тихо! Я и не знала, что ты здесь. Я чуть на тебя не наступила.

– Спасибо, что ты на меня не наступила.

Кими хихикнула.

– Ты такой смешной... Ты не видел Горо? Он примерно с час назад отправился искать тебя. Я боюсь, как бы он снова не заблудился.

Дзимбо и Кими застыли, прислушиваясь.

– Он бы стал выкрикивать твое имя, но я что-то ничего не слышу, – сказала Кими. – Может, он пошел в соседнюю долину?

– Пожалуйста, отыщи его. Когда Горо теряется, он начинает волноваться. А когда он волнуется, он становится неосторожным.

– И может обо что-нибудь пораниться, – кивнула Кими. – Если я его найду до твоей вечерней медитации, то приведу к тебе.

– Это было бы неплохо.

– Счастливо, Дзимбо.

Кими поклонилась, сложив руки в гассё – жесте, который у буддистов символизировал покой и уважение. Она первой из деревенских детишек переняла этот жест у Дзимбо, и теперь все остальные тоже начали ей подражать. Кими вообще была у них заводилой.

Дзимбо поклонился в ответ:

– Счастливо, Кими.

Он вернулся к воротам Мусиндо как раз вовремя, чтобы увидеть, как к ним галопом подлетели два всадника. В первом Дзимбо узнал бывшего монаха, Ёси. Второй всадник едва держался в седле. Это был преподобный настоятель Сохаку.

* * *

Оба они были тяжело ранены, причем Сохаку – более серьезно, чем Ёси.

– Помоги мне перевязать его, – попросил Ёси. – Скорее, пока он не истек кровью!

– Я сам его перевяжу, – сказал Дзимбо. – А ты позаботься о себе. В тебя не только стреляли, тебя еще кололи и рубили.

– Где? – Ёси коснулся своих ран и рассмеялся: – Чепуха!

Крупнокалиберная пуля вошла Сохаку в грудь с левой стороны, пробила легкое и вышла из спины, оставив рваную рану величиной с кулак. Он не умер лишь чудом.

– Ну что, Дзимбо, – поинтересовался Сохаку, – что мудрого ты скажешь умирающему?

– Да ничего. Все мы – умирающие.

Сохаку рассмеялся и тут же осекся. Из угла рта у него протянулась струйка крови.

– Ты все больше становишься похож на старика Дзэн-гэна.

– Преподобный настоятель, вам нужно лечь.

– Некогда. Перевяжи меня. – Сохаку повернулся к Ёси. – Иди в оружейную. Принеси мне другой доспех.

– Слушаюсь, преподобный настоятель.

– Там, куда вы отправляетесь, вам не понадобится доспех, – сказал Дзимбо.

– Ошибаешься. Я отправляюсь в битву. И мне нужен доспех, чтобы не

рассыпаться по дороге, иначе я так туда и не доберусь.

– Настоятель Сохаку, ваши битвы окончены.

Сохаку улыбнулся:

– Я отказываюсь умирать от пули.

Дзимбо осторожно наложил на рану мазь из целебных трав, а потом плотно перетянул торс Сохаку шелковым бинтом. Внешнее кровотечение остановилось. А внутреннее теперь остановит лишь смерть.

Ёси помог Сохаку надеть новый доспех и осторожно зашнуровал его. Теперь торс, живот и бедра настоятеля были закрыты пластинами из железа, лакированного дерева и кожи. Сохаку взял шлем, но отказался от стального воротника, закрывающего шею, и лакированной маски для лица.

– Преподобный настоятель, – сказал Ёси, – так вам могут отрубить голову.

– Как по-твоему, кто идет по нашему следу?

– Несомненно, господин Сигеру, – ответил Ёси.

– Если б я пребывал в наилучшей форме, если бы ветер и освещение были выгодны для меня, а все боги – благосклонны, мог бы я его одолеть?

– При всех этих условиях – не исключено.

– Ас нынешними моими ранами какие у меня шансы?

– Никаких, преподобный настоятель.

– Вот именно. Потому я лучше предоставлю Сигеру возможность нанести чистый удар.

– Стой или иди, исход один – смерть, – сказал Дзимбо. – Лучше останьтесь и умрите спокойно.

– В конце все мои долги слились в один. Долг перед князем Гэндзи. Долг перед моими предками. Долг перед самим собой. Ответ один – смерть в бою.

Сохаку согнул ногу под тем углом, который понадобился бы для верховой езды, и Ёси перебинтовал ее кожаными полосами. Потом он подвел лошадь Сохаку и помог настоятелю взобраться в седло.

– Как же вышло, что вы выступили против князя Гэндзи? – поинтересовался Дзимбо.

– Его мнимые пророчества погибельны для клана. Я хотел проверить его и тем самым спасти клан. Я потерпел неудачу. Теперь я должен извиниться.

Дзимбо промолчал.

Сохаку улыбнулся:

– Ты думаешь о том, что в таких случаях обычно совершают ритуальное самоубийство? Это верно. Но данный случай требует схватки. Куда приятнее убить мятежника, чем обнаружить, что он убил себя сам. Искренность извинения требует, дабы я поступил наилучшим образом для тех, перед кем я извиняюсь.

– Понимаю, – сказал Дзимбо, – но согласиться с этим не могу. Если уж вам надлежит умереть, лучше сделать это, не прибегая к насилию. Тогда вы не добавите лишнего груза к вашей карме.

– Ты ошибаешься, Дзимбо. Именно моя карма требует боя. – Сохаку поклонился и скривился – видимо, даже такое незначительное движение причиняло ему боль. – Помяни меня перед своим Богом или Буддой, когда придешь к нему. Если, конечно, он существует.

– А почему ты уходишь для медитации в горы? – спросила Кими. – Я думала, у тебя для этого есть специальная хижина.

– Дзимбо! – улыбаясь во весь рот, заявил Горо.

– Иногда мне нужно побыть вдали от всех и от всего, – объяснил Дзимбо.

– Ты уходишь надолго?

– Дзимбо, Дзимбо, Дзимбо!

– Нет, ненадолго.

– Тогда мы подождем тебя здесь.

– Твои родители будут скучать по тебе.

Кими рассмеялась.

– Глупый! У моих родителей одиннадцать детей!

– Тогда я увижу тебя, когда вернусь, – сказал Дзимбо. Он поклонился, сложив руки в гассё. Кими повторила его движение.

– Дзимбо, Дзимбо, Дзимбо! – сказал Горо.

* * *

Горная хижина, в которой Дзимбо предавался одиноким медитациям, была скорее намеком на строение, чем настоящим домом. Она была сооружена из связанных вместе ветвей. Крыша над головой почти не закрывала неба, стены не мешали видеть окружающие деревья, и от ветра с непогодой хижина практически не защищала. Ее соорудил старый настоятель Дзэндэн. Она очень походила на его изображения гор, животных и людей, исполненные одним движением кисти. Недосказанное говорило о предмете куда больше, чем высказанное.

Слова Сохаку тяжким грузом легли на душу Дзимбо.

«Именно моя карма требует боя», – сказал настоятель.

Не такой ли была и карма самого Дзимбо?

Он стал совсем другим человеком. В этом не могло быть ни малейших сомнений. Но действительно ли он полностью освободился от прошлого? Действительно ли он, как полагал, избавился от всякого себялюбия? Неужто им двигало лишь стремление привести Старка к освобождению от страданий? А вдруг это коварный, едва уловимый самообман, который еще крепче привязывает его к иллюзиям?

Дыхание Дзимбо становилось все более глубоким. Вскоре вдохи и выдохи сделались незаметны, а содержание разума и содержание окружающего мира перестали различаться. Он вошел в безбрежную пустоту в тот самый миг, когда она вошла в него.

* * *

Мэри Энн вышла из хижины, радостно улыбаясь, – наверно, думала, что сейчас встретит Старка. Увидев вместо него Круза, женщина развернулась и бросилась в дом.

Круз успел схватить ее прежде, чем она прицелилась в него из дробовика, и ударил в висок рукоятью пистолета. Две маленькие девочки закричали и вцепились друг в дружку.

К тому моменту, как Том, Пек и Хэйлоу вошли в дом, Круз уже успел содрать с Мэри Энн всю одежду.

– А что делать с мелкими сучками? – поинтересовался Том.

– Лучше выведи их отсюда. – сказал Хэйлоу. – Незачем им на это глядеть.

– Разденьте и их тоже, – приказал Круз.

Мэри Энн почти потеряла сознание. Круз прислонил ее к стене, поднял ей руки над головой и всадил нож в сложенные ладони, прищипив их к стенке. Женщина пришла в себя и закричала.

– Иисус, Мария, Иосиф и все святые! – вырвалось у Пека. – Матерь Божья и Святая Троица!

– Итан... – сказал Том.

Хэйлоу заслонил девочек своей солидной тушей.

– Я сказал, разденьте их, – повторил Круз.

– Их-то за что? – спросил Том. – Они же ничего не сделали.

– Они родились, – отрезал Круз. – Будете вы делать, что я сказал, или нет?

Том и Пек переглянулись. Потом посмотрели на Круза. Плечи его были расслаблены, а рука находилась в опасной близости от револьвера.

– Мы всегда тебя слушаемся, Итан, – сказал Пек. – Ты же сам это знаешь.

– Что-то я не вижу, чтоб вы меня слушались.

Лицо Хэйлоу было мокрым от слез. Он ничего не сказал и вообще не произнес ни единого звука. Он просто с силой ударил старшую девочку в челюсть, а потом проделал это же с младшей. От этих ударов девочки грохнулись на пол. Они лежали неподвижно, словно мертвые. Хэйлоу очень осторожно раздел младшую. Тем временем Том и Пек, следуя его примеру, сняли одежду со старшей.

– Нет, нет, нет! – отчаянно закричала Мэри Энн.

Круз схватил старшую девочку за волосы и поднес ее лицо к лицу Мэри Энн.

– Как ее зовут?

Мэри Энн кричала и плакала.

– Дай мне нож, – велел Итан Пеку. Пек повиновался. Итан поднес нож к горлу девочки. – Я спрашиваю, как ее зовут?

– Бекки, – выдавила Мэри Энн. – Бекки. Пожалуйста, пожалуйста...

Круз всадил нож девочке в живот и вспорол его до самой грудины. А потом швырнул маленький труп к ногам вопящей женщины и подошел к младшей.

Том опрометью бросился вон из хижины.

Пек рухнул на пол и сидя пополз куда-то назад. Когда он уткнулся в стену и отползать стало некуда, он отвернулся, и его вырвало и продолжало рвать, пока в желудке еще что-то оставалось.

А Хэйлоу просто стоял, не шевелясь, и плакал.

– Как ее зовут? – спросил Круз.

– Боже, Боже, Боже! – билась и кричала Мэри Энн.

Круз положил девочку на стол и взял у печи топор.

– Луиза! – выкрикнула Мэри Энн так, словно имя могло спасти девочку. – Луиза!

Круз ударил с такой силой, что стол под девочкой раскололся надвое. Отрубленная голова упала на пол и откатилась к изножью кровати. Круз посмотрел на Мэри Энн и очень тихо произнес:

– А теперь твоя очередь.

Но она кричала так, что даже не услышала его слов.

Дзимбо не знал, сколько он просидел в медитации. Когда он открыл глаза, вокруг было все так же светло. Быть может, прошло одно мгновение. А быть может, несколько дней. Он пошевелился, и его оледеневшая одежда захрустела. Дзимбо распрямил ноги, сложенные в позу лотоса; колени заныли от напряжения. Нет, никак не мгновение. Скорее два-три дня.

Дзимбо вышел из хижины и направился к находившейся неподалеку груде камней. Их принесло сюда наводнением, случавшимся примерно раз в десятилетие, но сейчас до воды было далеко. Дзимбо разобрал камни и вынул из-под них сверток. Где же его распаковать? Здесь, под открытым небом? В монастыре? Нет. Есть более подходящее место.

В постройке, которая скорее не была хижинкой, нежели была ею, человек, который скорее не был Итаном Крузом, чем был им, приобрел тот вид, что некогда был ему свойствен.

В свертке обнаружилась шляпа, помятая и потерявшая прежнюю форму. Дзимбо расправил ее и немного смочил, растопив снег в руках. К завтрашнему утру она будет выглядеть вполне прилично. Во всяком случае, для его целей.

Там же находились его рубашка, брюки, куртка и сапоги. От них пахло застарелым потом и землей. Дзимбо надел это все.

В том свертке лежал и разобранный двуствольный дробовик. Дзимбо собрал его. Шесть патронов были отдельно завернуты в промасленную тряпицу. Дзимбо зарядил дробовик, а оставшиеся патроны выбросил. Они ему уже не понадобятся.

С дробовиком хранилась и кобура, а в ней – кольт тридцать шестого калибра, который целую вечность назад подарил ему Мануал Круз.

«Ты же мне сказал, что перегоняешь скот».

«Да, сэр. Сказал. Этим я и занимаюсь».

«Гм. Так я и понял. И еще кой-чего понял. Ты точно уверен, что не забыл одну важную подробность?»

«Боюсь, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, сэр».

«Брось тыкать мне в нос этим „сэром“, Итан. Я имею в виду ту подробность – и ты сам это прекрасно понимаешь, – что за такой перегон скота тебя могут и вздернуть».

«Больше одного раза не повесят. За грабеж на большой дороге тоже могут повесить, и если они захотят, то довольно быстро до меня доберутся. А еще были те два дурня, которых я пристрелил. За это тоже вешают».

«Так значит, из тебя вырос угонщик скота, грабитель с большой дороги и стрелок-задира».

Итан ждал, что сейчас ему начнут читать нравоучения.

«Я горжусь тобой, – сказал Круз. – Благодаря тебе я чувствую, что моя жизнь все-таки имела смысл. Ведь в торговле шляхами смысла немного, это я тебе точно говорю».

И он протянул Итану руку.

«Я – отец Итана Круза. Ну, приемный отец. Это почти одно и то же. Черт подери. Бывает, оказывается, на этом свете и что-то правильное».

В тот вечер Круз снял с себя свой кольт тридцать шестого калибра и отдал Итану.

«Многие предпочитают армейскую модель, сорок четвертый калибр. Пули у него увесистей и убивают более верно – вот в чем причина. Но у тридцать шестого калибра

есть одно достоинство, особенно важное для человека, способного научиться стрелять метко. Он на полфунта легче. И его можно выхватить куда быстрее. И однажды, когда какой-нибудь тип будет валяться у твоих ног, ты меня еще вспомнишь и скажешь спасибо».

«А вдруг он вам понадобится? Я же не всегда буду рядом».

«На кой он мне понадобится? Я в перестрелки лезть не собираюсь».

И Круз продемонстрировал ему свой короткоствольный крупнокалиберный пистолет.

«Для старого торговца шляхами вроде меня этого за глаза хватит. Если дело и доходит до стрельбы, тут все равно приходится стрелять почти в упор».

* * *

Когда Дзимбо вернулся в монастырь, оттуда уже почти все ушли. На месте зала для медитаций зияла огромная яма, а вокруг громоздились обугленные руины. Повсюду виднелся пепел погребальных костров. Уцелели лишь внешние стены, купальня, комната, где предавался медитации настоятель, и хижина-тюрьма, которую в свое время возвели для Сигеру люди Сохаку.

Зато в монастыре собрались почти все деревенские детишки. Они играли обломками.

– Смотри! Вот чья-то кость!

– Никакая это не кость. Обычный кусок дерева.

– Нет, кость. Видишь, какая тут шишка на конце?

– Ужас! Брось сейчас же!

– Осторожно! Сюда идет чужеземец!

– Это тот, который был с князем Гэндзи. Ну, тот, с двумя пистолетами.

– Это не он. Это какой-то другой.

– Бежим! Он пришел нас убить!

– Дзимбо! – улыбнувшись, заявил Горо и заковылял к нему. – Дзимбо! Дзимбо!

– Нет, Горо, нет. Это не Дзимбо. Пойдем отсюда поскорее!

– Это Дзимбо! – воскликнула Кими и помчалась к нему. Глаза ее сделались круглыми от изумления. – А зачем ты так оделся?

– Мне нужно сделать кое-что такое, чего в другой одежде не сделаешь. – Он взглянул на яму. Похоже, будто сюда перетащили весь порох из близлежащей оружейной да и взорвали одним махом. – Что случилось?

И на Дзимбо обрушился целый поток новостей.

– Тут, когда ты ушел, было большое сражение...

– Погибли сотни самураев...

– Князь Гэндзи попал в ловушку...

– Дзимбо, Дзимбо, Дзимбо...

– ...голова Сигеру в ящике...

– ...мушкеты на стенах...

– ...конные самураи пошли в атаку...

– ...все в крови, с головы до ног...

Кое-что оставалось неясным. Но Дзимбо услышал достаточно, чтобы понять: при князе Гэндзи был чужеземец по имени Сута-ку, и он уцелел в обеих битвах. Когда битва окончилась, он шарил в развалинах Мусиндо – искал Дзимбо. Женщина

невероятной красоты, наверняка знаменитая гейша, спросила у Кими, не знает ли она, где Дзимбо, и Кими сказала госпоже, что он ушел в горы, медитировать. Тогда госпожа заговорила с Сута-ку на его языке. Кими не поняла, что она сказала.

А потом дети принялись настойчиво сыпать вопросами, и Дзимбо рассказал им, как погрузился в медитацию и перестал замечать ход времени, и его посетили три ангела, посланцы Майтрейи, будды грядущего, и возвестили, что всем детям из этой деревни суждено вечное счастье – все они возродятся в Сухавати, Чистой земле Амиды, будды Сострадательного света.

Поздно вечером, когда дети ушли, Дзимбо прошелся по монастырю, изменившемуся почти до неузнаваемости. Старк был здесь. Он вернется. Может ли Дзимбо превзойти Старка в искусстве стрельбы? Возможно, когда-то и мог бы. Но не теперь. Старк наверняка все это время тренировался, а он – нет. Старк уложит его прежде, чем он успеет достать револьвер из кобуры.

Нет, это будет слишком просто. Надо устроить засаду. Старк охвачен горем и гневом. Он позабудет об осторожности. Да, засада сработает.

* * *

Лишь через несколько дней, проведенных в Эдо, Эмилия достаточно пришла в себя и смогла отпустить Старка. Гэндзи делал все, чтобы Эмилия живейшим образом участвовала в создании маленькой церкви для вновь отстроенного «Тихого журавля», и это пошло ей на пользу. Однако под глазами у нее залегли тени, и бывшая жизнерадостность еще не вернулась к девушке. Слишком уж мало времени прошло. Эмилии нелегко было позабыть чудовищную бойню, произошедшую у нее на глазах. И все-таки она уже начала изредка улыбаться.

– Вам непременно нужно возвращаться в монастырь так скоро?

– Да, Эмилия. Непременно.

Девушка посмотрела на револьвер сорок четвертого калибра, прицепленный к бедру, и второй, поменьше, засунутый за пояс, и не стала вдаваться в расспросы.

– Вы вернетесь?

– Вообще-то собираюсь.

Неожиданно Эмилия обняла Старка и крепко прижала к себе. Слеза упала ему на шею.

– Берегите себя, Мэтью. Пообещайте мне, что вы будете осторожны.

– Обещаю.

Гэндзи отправил со Старком Таро и еще пятерых самураев. Они знали, что им следует довести чужеземца до деревни, а оттуда он уже в одиночку пойдет в Мусиндо. Старк не говорил по-японски, они не говорили по-английски. Потому они ехали молча.

Старк думал, что молчание окажется ему в самый раз, но вышло иначе. Его начали одолевать воспоминания. И он не мог от них избавиться. Его любовь к Мэри Энн оказалась сильнее ненависти к Крузу.

«Это счастливейший день в моей жизни, Мэтью. Клянусь», – сказала Мэри Энн.

«Ив моей тоже», – отозвался Старк.

Они с Мэри Энн, Бекки и Луизой стояли в тени рощицы, на земле, которая теперь принадлежала ему на совершенно законных основаниях.

«Думаю, здесь мы построим наш домик. Вот тут будет сад. Цветы и всякие овощи. А тут – загон для коров».

«А где будут свиньи?» – любопытствовала Бекки.

«Никаких свиней», – сказал Старк.

Бекки моргнула, недоверчиво и удивленно.

«Никаких свиней», – сказала она Луизе.

«Никаких свиней», – согласилась Луиза.

Мэри Энн посмотрела на Старка.

«Это ее первые слова. Она прежде не разговаривала».

«Никаких свиней?» – переспросил Старк.

«Никаких свиней», – кивнув, ответила Мэри Энн.

«Никаких свиней», – повторила Луиза.

«Никаких свиней!» – заливаясь смехом, воскликнула Бекки.

И вскоре все они смеялись. Они хохотали и никак не могли остановиться. А потом, все еще продолжая улыбаться, присели в тенечке.

Луиза так и не стала болтушкой. Это уж скорее было по части Бекки. Но теперь младшая начала время от времени вставлять словечко в разговор. Иногда ее побуждала разговориться тень от облака, иногда – порыв ветра, а иногда – наоборот, безветрие. Бывало, что она останавливалась пообщаться с каким-нибудь деревом или пробегающим мимо оленем. А когда Луиза была счастлива, что с недавних пор случалось частенько, она бормотала себе под нос: «Никаких свиней!»

Если он и дальше будет об этом думать, от мыслей плечи его закаменеют, а руки сделаются неловкими, и Круз застрелит его на раз плюнуть. Старк это знал, но ничего не мог с собой поделать. Мэри Энн и девочки стояли у него перед глазами – улыбались, смеялись, что-то говорили.

* * *

Старк привязал коня к дереву и зашагал в сторону монастыря; в правой руке у него был револьвер сорок четвертого калибра, в левой – тридцать второго. Он не собирался состязаться в скорости выхватывания револьвера. Это вам не иайдо. Он отыщет Итана Круза и убьет его. И все. Надо быть осторожным. Круз может оказаться где угодно. Старк пожалел, что у него нет с собой дробовика.

* * *

Кучка детишек следом за Кими перебралась через заднюю стену Мусиндо.

– Тише! – прошептала она. – Нас накажут, если заметят. Другая девочка прижала ладошку к губам Горо:

– Тихо!

Горо кивнул и, когда девочка убрала руку, сам закрыл рот ладонью.

Они спрятались за грудой балок – остатками зала для медитаций – и принялись наблюдать за хижинкой настоятеля. Новый чужеземец шел сюда из деревни. Дзимбо, наверное, сидел в хижине. Когда чужеземец подойдет поближе, Дзимбо наверняка выйдет встретить его. Они очень похоже одеты. Интересно, что они собираются делать? Непонятно. Ясно только, что они что-то будут делать вместе.

* * *

Дзимбо стоял, не шевелясь, в тени дерева, и наблюдал, как Старк приближается к монастырю. Он уже прошел мимо Дзимбо и был теперь в двадцати ярдах от него. В каждой руке Старк держал по револьверу. Когда Старк вошел в ворота, Дзимбо тихо опустил свой дробовик. Он уже вынул из него патроны и спрятал в карман. И теперь он крался следом за Старком.

* * *

Едва зайдя в ворота, Старк двинулся вбок, стараясь держаться спиной к стене. Ему почудилось какое-то шевеление среди развалин. Возможно, Круз там. А может, он в хижине. Или в купальне. Или в келье. Или за ними. Или под ними. Или прячется в каком-нибудь темном углу. Старк еще раз проверил револьверы. Оба курка взведены. Он оторвался от стены и медленно направился к руинам. Там определенно кто-то был. Наверняка Круз. Старк надеялся, что у Круза, если там и вправду он, из оружия только револьверы, как и у него самого. Если же у него карабин или, хуже того, дробовик, он срежет Старка прежде, чем Старк подберется к нему на расстояние выстрела.

Но Старк продолжал идти вперед. У него не было выбора.

– Стоять, Старк.

И Старк почувствовал, как его шеи коснулся холодный металл дула.

– Брось оружие, или умрешь.

* * *

Дзимбо знал, что Старк не бросит револьверы. Только не сейчас. Слишком долго он шел по следу и вот наконец отыскал врага. Ну и что с того, что револьвер Круза – он ведь уверен, что отыскал Круза – упирается ему в затылок? Ну и что с того, если ему придется сейчас умереть? Он пришел сюда в поисках смерти. Либо она достанется Крузу – либо ему.

– Не будь дураком, бросай оружие, – сказал Дзимбо. Он говорил то, что произнес бы сейчас Круз. – Я ж тебе сейчас башку продырявлю.

Старк поступил именно так, как и ожидал Дзимбо. Он нырнул вбок, развернулся в падении и выстрелил, даже не успев толком прицелиться. Дзимбо ни на миг не упустил его из виду. Сердце его билось ровно, рука была тверда, и чувства не мешали целиться. Он немного переместил дуло, чтобы не зацепить Старка, и выстрелил за полсекунды до того, как пуля сорок четвертого калибра вошла ему в грудь.

– Дзимбо!

На сей раз этот возглас вырвался не у Горо, а у Кими. Она в ужасе подхватила и бросилась к Дзимбо. Остальные дети помчались следом; Горо по-прежнему зажимал рот ладонью. Но когда Старк встал, дети остановились и попадали на колени, почтительно кланяясь. Самураи князя Гэндзи сказали в деревне, что этот чужеземец – знатный господин и к нему нужно относиться с почтением. И потому дети, плача и цепляясь друг за дружку, припали к земле.

Дзимбо не видел ничего, кроме неба, и ничего не чувствовал. Он даже подумал было, что уже покинул свою телесную оболочку, что еще миг, и его сознание растворится в пустоте. Но тут он увидел Старка.

Старк стоял над Крузом. У него было такое чувство, словно он всю свою жизнь разыскивал этого человека. И вот теперь нашел. И застрелил. Взгляд, устремленный на

Старка, был ясен и чист. На лице лежащего не отражалось ни малейшей боли.

Дзимбо хотел было сказать Старку, что его семья не страдала, что он застрелил их сразу, как увидел, и они умерли мгновенно. Так он хотел сказать, но пуля пробила ему сердце и правое легкое, и у него не было сил говорить. Что ж, оно и к лучшему. Эта ложь была бы милостью для него, а не для Старка. Старк не желал слушать его. Он хотел отомстить и добился своего. Дзимбо пожелал Старку, чтобы с ним была милость Господня, и сострадание Будды, и благоволение десяти тысяч богов. Дзимбо улыбнулся бы, но он знал, что Старк неправильно его поймет, и потому улыбнулся лишь в душе.

Старк прицелился в глаза Крузу и выстрелил – три раза из одного револьвера и четыре из другого. Он стрелял бы и дальше, будь у него патроны. Но после четвертого выстрела раздался лишь сухой щелчок. Когда Старк наконец перестал жать на спусковые крючки, перед ним лежал труп с кровавой мешаниной на месте лица. Старк спрятал револьвер сорок четвертого калибра в кобуру, револьвер поменьше сунул за пояс и ушел.

Пока он не скрылся из глаз, дети так и лежали, уткнувшись лбами в землю. А потом вскочили и метнулись к Дзимбо. И застыли, увидев, что от него осталось.

Не остановился лишь Горо. Он рухнул на колени рядом с Дзимбо и принялся, крича и стеля, обнимать труп, словно стараясь удержать то, чего не было более.

Кими опустилась рядом с Горо и обняла его за плечи. Девочка с упрямой решимостью смотрела на изуродованное лицо – и видела Дзимбо таким, каким он был прежде.

– Не плачь, Горо, – сказала Кими, хотя и по ее лицу струились слезы. – Это уже не Дзимбо. Дзимбо ушел в Сухавати, Чистую землю. А когда мы отправимся туда, он нас встретит и нам не будет страшно. Там, в Сухавати, все будет замечательно.

Кими искренне в это верила, потому что так сказал Дзимбо, а он всегда говорил правду. Она верила – но пока что она находилась не в Чистой земле, а здесь, в этом мире, полном печали и страха, и здесь все было совсем не замечательно.

Дзимбо умер.

Кими и Горо сидели обнявшись и плакали.

* * *

Старк вскочил на коня. Он слышал доносящийся из-за монастырских стен детский плач. Слышал, но ничего не ощущал.

Ему не стало лучше.

Ему не стало хуже.

Все было так же, как и прежде. То есть никак.

Он ударил коня пятками в бока, и тот стронулся с места.

Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною...

Часть V НОВЫЙ ГОД

(Первое новолуние после зимнего солнцестояния, шестнадцатый год правления императора Комэй)

Глава 16 «ТИХИЙ ЖУРАВЛЬ»

Когда князь Якуо лежал на смертном ложе, к нему явился отец Виерра. Отец Виерра спросил князя, о чем он сожалеет больше всего. Князь Якуо улыбнулся.

Отец Виерра был настойчив – всякий христианский священник настойчив в подобных вопросах. Он спросил, о чем князь сожалеет больше: о чем-то сделанном или о чем-то несделанном.

Князь Якуо ответил на это, что сожаление – эликсир для поэтов. Он же всю жизнь был суровым, лишенным утонченности воином, и таким уж и умрет.

Отец Виерра, видя, что князь Якуо улыбается, спросил: уж не сожалеет ли он, что стал воином, а не поэтом?

Князь Якуо по-прежнему улыбался, но ничего не ответил. Пока отец Виерра задавал вопросы, князь Якуо вступил на Чистую землю.

Судзумэ-нокумо (1615)

– Подумать только, целый год прошел! – сказала Эмилия. – Даже не верится.

– Больше года, – поправил ее Гэндзи. – Вы прибыли на ваш Новый год, то есть тремя неделями раньше.

– А ведь и правда, – согласилась Эмилия, улыбнувшись собственной забывчивости. – Как-то я и не обратила на это внимания.

– Неудивительно, – заметила Хэйко. – Вы ведь отдали столько сил и внимания рождественскому представлению для детей.

– Если б Цефания мог это видеть, он бы поразился, – сказал Старк. – Столько многообещающих юных христиан...

Они сидели в большой комнате, выходящей во внутренний дворик «Тихого журавля». Дворец был восстановлен со скрупулезной точностью; казалось, будто

каждое дерево, каждый куст, каждый камень в саду выглядит в точности так же, как и прежде. Изменился лишь северный угол – там теперь высилась островерхая крыша, увенчанная небольшим белым крестом. Архитекторы Гэндзи блестяще справились со своей задачей. Они выполнили все пожелания Эмилии и одновременно с этим не стали выставлять церковь на обозрение любопытствующих. Во дворце крест был виден почти отовсюду – и совершенно не был замечен за его пределами. Этому помогло умелое расположение стен и деревьев с особенно густыми кронами.

Церковь не использовалась ни для богослужений, ни для проповедей в обычном смысле этого слова. Из Эмилии вышел неважный проповедник. Слишком уж застенчивой она была – а проповедник, несущий единственно истинную веру, должен быть уверен в себе. Эмилия же за последний год повидала слишком много милосердия, сострадания, самоотверженности, верности и прочих христианских добродетелей со стороны язычников, чтобы и дальше верить, будто чья-то исключительность и вправду соответствовала Божьему замыслу. «Пути Господни неисповедимы, – сказала себе Эмилия и мысленно добавила: —Аминь».

Так что вместо того, чтобы проповедовать, Эмилия устроила воскресную школу для детей. Их родители, зачастую исповедовавшие и буддизм, и синтоизм, явно не имели ничего против наставлений еще одной религии. Как один человек может исповедовать три религии одновременно, Эмилия не понимала; на ее взгляд, это было еще одной неизъяснимой загадкой Японии.

Всяческие истории и притчи, которые Эмилия рассказывала, а Хэйко переводила, очень нравились маленьким слушателям, и их постепенно становилось все больше. Со временем кое-кто из матерей тоже стали задерживаться и слушать. Мужчины, правда, пока не приходили. Гэндзи предлагал помочь, но Эмилия ему не разрешила. Если он явится в воскресную школу, то его вассалы, руководствуясь долгом, последуют примеру князя. А за ними потянутся их жены, наложницы и дети – тоже из долга перед Гэндзи, а вовсе не из стремления побольше узнать о Боге.

Все самураи, которых знала Эмилия, принадлежали к секте дзэн, религии без молитв да и вообще без каких-либо догм, насколько она могла судить, – серьезные, суровые и немногословные. А может, это даже и не было религией? Когда Эмилия обратилась за разъяснениями к Гэндзи, тот просто рассмеялся:

«Здесь особенно и нечего объяснять. Я просто играю в это. Я слишком ленив, чтобы заниматься этим всерьез».

«Чем?»

Гэндзи, как заправский акробат, уселся в позу лотоса и закрыл глаза.

«И что же вы делаете? Мне кажется, будто ничего».

«Я позволяю уйти», – сказал Гэндзи.

«Позволяете уйти? Чему?»

«Сперва – напряжению тела. Потом – мыслям. А потом – всему остальному».

«И что же в конце? Каков результат?»

«Сразу видно, что вы – человек Запада, – сказал Гэндзи. – Вы всегда думаете о результате. В конце – середина. Ты сидишь. Ты позволяешь уйти».

«А когда все ушло, что дальше?»

«Ты позволяешь уйти ощущению, что все ушло».

«Ничего не понимаю».

Гэндзи улыбнулся и выпрямил ноги. «Старый Дзэнгэн сказал бы, что это хорошее начало. Из меня пример неважный. Я, в лучшем случае, избавляюсь от напряжения

тела, да и то далеко не всегда. Когда преподобный настоятель Токукэн спустится с гор, он все вам объяснит, куда лучше, чем я. Он был лучшим учеником старого Дзэнгэна. Хотя на него лучше особенно не рассчитывать. Вдруг он достиг такой ясности, что уже не может вступать в беседу?»

«Вы иногда говорите такие глупости... – заметила Эмилия. – Чем больше ясность, тем точнее объяснение и тем проще слушателю его понять. Для этого Господь и наделил нас даром речи».

«Дзэнгэн однажды сказал мне: „Величайшая ясность в глубоком молчании“. На самом деле именно из-за этих слов Токукэн и ушел в горы. Услышал их и на следующий день ушел».

«А когда это случилось?»

«Не то пять, не то шесть лет назад. Может, семь».

Эмилия улыбнулась собственным мыслям. Наверное, она никогда не поймет японцев, даже если проживет в Японии всю оставшуюся жизнь. Девушка подняла голову и увидела, что Гэндзи улыбается ей. А может, понимать вовсе и не обязательно. Возможно, любить – гораздо важнее.

– Доброе утро, господин, – произнес с порога Хидё и поклонился.

За ним, поклонившись, вошла Ханako, прижимая к груди новорожденного младенца.

– Ну как, вы уже придумали ему имя? – поинтересовался Гэндзи.

– Да, господин. Мы решили назвать его Иваo.

– Хорошее имя, – кивнул Гэндзи. – «Твердый как кэ.~мень». Возможно, таким он и вырастет – в точности как его отец.

Смущенный похвалой, Хидё снова поклонился.

– Его отец, увы, туп как камень. Я надеюсь, что сын окажется умнее.

– Можно мне его подержать? – спросила Хэйко.

– Пожалуйста, – отозвалась Ханako.

Она двигалась с такой легкостью и изяществом, что отсутствие левой руки вовсе не бросалось в глаза. Наблюдатель скорее отметил бы, что в каждом ее движении чувствуется необыкновенная мягкость. Хэйко решила, что Ханako стала теперь еще женственнее. Вслух же она произнесла:

– Какой красивый мальчик. Наверняка он разобьет множество сердец, когда придет его время.

– О нет! – возразила Ханako. – Я этого не допущу. Он влюбится лишь однажды и будет верен в любви. Он не разобьет ни единого сердца.

– Хидё, позови нашего летописца, – распорядился Гэндзи. – Похоже, твоему сыну суждено стать неповторимым во всех отношениях.

– Вы, конечно, можете надо мной смеяться, – сказала Ханako и сама первая рассмеялась, – но, по-моему, чистое сердце стоит всех прочих достоинств.

– Ты так говоришь, потому что тебе повезло, – заметила Хэйко. – Ты завоевала именно такое сердце.

– Я вовсе не таков, – ответил Хидё. – Мои склонности и привычки толкают меня к лени, неискренности и разгульному образу жизни. Если я и веду себя лучше, то лишь потому, что больше не имею свободы поступать дурно.

– Это нетрудно исправить, – заверил его Гэндзи. – Одно твое слово, и я немедленно расторгну этот исключительно неудобный брак.

Хидё и Ханako обменялись нежным взглядом.

– Боюсь, уже поздно, – сказал Хидё. – Я чересчур привык к своей неволе.

– Эмилия, раз уж мне не удастся сделать это своевременно, мне хотелось бы поздравить вас с днем рождения прямо сейчас, – обратился к Эмилиии Старк.

– Спасибо, Мэтью. – Эмилия была искренне удивлена. Надо же, он запомнил... – Большое спасибо. Время летит так быстро. Скоро я стану старой девой.

Она сказала это легко и искренне – не набиваясь на комплимент, а так, как говорят о чем-то долгожданном. Чем красивее женщина, тем больше она теряет с каждым годом. Но здесь, в Японии, у нее вовсе нет красоты, а значит, ей не придется жалеть об ее утрате.

– Вам еще очень далеко до старой девы, – возразила Хэйко. – Восемнадцать лет – это лишь начало женской зрелости, время первого расцвета.

– У нас есть поговорка: «При первом заваривании даже дешевый чай приятен. В восемнадцать лет даже дочь ведьмы хороша собою», – сказал Гэндзи.

Эмилия рассмеялась:

– Право, князь Гэндзи, вряд ли эта поговорка меня утешит!

– В самом деле, мой господин, неужто это лучший ваш комплимент? – укоризненно произнесла Хэйко.

– Э-э... Кажется, в данном случае эта поговорка и вправду не подходит.

Хэйко взглянула на Эмилию. Судя по тому, как девушка глядела на Гэндзи – в глазах ее плясали смешинки, а на щеках играл румянец, – она не обиделась.

– Можно? – спросила Ханako, протягивая руки к своему ребенку.

– Да, конечно, – отозвалась Хэйко, возвращая ей сына.

– И куда же вы отправитесь? – поинтересовалась Ханako.

– Пока еще не решено, – ответила Хэйко. – Вероятно, для начала в Сан-Франциско. По крайней мере, на первое время – пока в Америке не закончится междоусобная война.

– Какое волнующее путешествие! И какое пугающее! Я просто вообразить не могу, как бы это я жила за пределами Японии.

– Я тоже, – признала Хэйко. – К счастью, поскольку я буду это переживать въяве, мне не придется ничего воображать.

– Какая, однако, честь: князь Гэндзи выбрал вас, чтобы вы были его глазами и ушами за океаном! – сказала Ханako.

– Да, – согласилась Хэйко. – Это воистину великая честь.

«Америка? Почему я должна ехать в Америку?»

«Потому что я никому не доверяю так, как тебе».

«Прошу прощения за подобные слова, мой господин, но раз наградой за доверие становится изгнание, лучше бы вы доверяли мне чуть меньше».

«Тебя никто не изгоняет».

«Меня отсылают из родной земли за океан, в варварскую страну, о которой я ничего не знаю. Что же это, если не изгнание?»

«Подготовка к будущему. Мне было видение. В ближайшее время все переменится. Мятеж и беззаконие уничтожат путь, по которому мы шли две тысячи лет. Нам необходимо безопасное убежище. Это и есть твоя задача – отыскать такое убежище».

«Гэндзи, если ты больше не любишь меня, то лучше так и скажи. И не нужно прибегать к столь вычурной хитрости».

«Я люблю тебя. И всегда буду любить».

«Твои слова расходятся с твоими деяниями. Никакой мужчина не станет отсылать любимую женщину на другой край света».

«Станет, если он намеревается к ней присоединиться».

«Чтобы ты покинул Японию? Это невозможно. Ты – князь. Ты можешь даже стать сёгуном. Тебе нельзя уезжать».

«Невозможное уже случалось, – сказал Гэндзи, – и не раз. И Окумити, один за другим, предсказывали это невозможное. Да, это кажется невероятным, но можем ли мы усомниться? Ты отправишься в Америку, и в свой час я последую за тобой».

«Когда же настанет этот час?»

«Этого я точно не знаю. Быть может, это мне подскажет следующее видение».

«Я тебе не верю».

«Как ты можешь сомневаться во мне – после всего, что мы пережили вместе? Зачем бы я просил тебя уехать, если бы это не было правдой? Зачем бы поручал Старку сопровождать и охранять тебя? Зачем я отсылал бы с тобой целое состояние? Хэйко, как бы странно все это ни выглядело, но объяснение тут одно, и я уже все тебе рассказал. Это – доказательство моей любви, а не ее отсутствия».

И Хэйко согласилась. А что еще ей оставалось? Она верила, что Гэндзи до сих пор любит ее. Она видела это по его взглядам, чувствовала по прикосновениям. И все-таки он лгал ей. Но в чем? И зачем?

Все изменилось после того момента, как он принял приглашение Каваками и побеседовал с ним. Что ему сказал Каваками? Гэндзи утверждал, что ничего особенного, просто зазвал к себе, чтобы поиздеваться вволю. Но он говорил неправду. Каваками что-то ему открыл. Что?

– Мэтью, вы, кажется, из Техаса? – спросила Эмилия.

– Да.

– Так значит, вы пойдете воевать, когда вернетесь домой?

– Он не может пойти воевать, – вмешался Гэндзи. – По крайней мере, так вот сразу. Ему предстоит основать торговую компанию и стать нашим представителем.

– Да я бы в любом случае не ввязался в эту войну, – сказал Старк. – Детство мое прошло в Огайо, а юность – в Техасе. Я не могу поднять оружие ни на тех, ни на других.

– Я рада, что вы не станете сражаться за рабовладельцев, – сказала Эмилия.

– Господин. – В дверях возник коленопреклоненный самурай. – Прибыл посланец из порта. Начинается утренний прилив. Корабль скоро отплывет.

– Он все еще привязан к приливу, – заметил Гэндзи.

– Это ненадолго, – заверил его Старк. – Капитан Маккейн сказал, что на этот раз, как только «Звезда» вернется в Сан-Франциско, на нее поставят паровой двигатель.

– Пар может освободить корабли, – сказал Гэндзи, – но не наши сердца. Мы, подобно солнцу и луне, навеки привязаны к морю.

– А разве не наоборот? – поинтересовалась Эмилия. – Разве это не море откликается на движение солнца и луны?

– Для нас верно обратное, – ответил Гэндзи. – И так будет всегда.

Хэйко, Ханako и Эмилия налили сакэ мужчинам. Потом Гэндзи, Хидё и Старк налили сакэ женщинам. И они в последний раз выпили вместе.

– Пусть волна храбрости несет тебя вперед, – сказал Гэндзи, глядя прямо в глаза Хэйко, – и пусть волна памяти вернет тебя домой.

Глава 17 ЧУЖЕЗЕМЦЫ

Ни боги, ни будды, ни предки, ни призраки, ни ангелы, ни демоны не смогут прожить за тебя твою жизнь и умереть твоей смертью. Ни предвидение, ни чтение мыслей не помогут тебе понять, какой же из путей воистину твой.

Вот что узнал я.

Все прочее вам придется постигать самим.

Судзумэ-нокумо (1860)

Эмилия стояла рядом с Гэндзи у окна, выходящего на залив Эдо. «Вифлеемская звезда» все еще виднелась на горизонте, хотя и превратилась в едва различимую точку.

– Вам будет очень ее не хватать, – сказала Эмилия.

– Я знаю, что она найдет там счастье, – отозвался Гэндзи, – и потому я рад за нее.

* * *

Тридцать человек были облачены в черную одежду без гербов – безымянные, словно ниндзя. Гэндзи узнал Хидё и Таро, поскольку неплохо их знал, и еще нескольких угадал по их лошадям. Он улыбнулся, но никто этой улыбки не увидел: лицо Гэндзи, как и лица всех прочих, было завязано черным шарфом. Да, хорош предводитель, который в своих лошадях разбирается лучше, чем в своих людях. Впрочем, если этот предводитель – кавалерист, возможно, подобная привычка как раз выставляет его в наилучшем свете. Возможно.

– Из деревни ведет всего одна удобная дорога, – сказал Гэндзи. – Не перекрывайте ее. Пусть они выйдут на вас. Следите за всеми, кто попытается пробраться через окрестные холмы. Мужчины и мальчики – сорок один человек, и шестьдесят восемь женщин и девочек. Пересчитайте всех. Все ясно?

– Да, господин.

Самураи поклонились. Никто не поинтересовался, зачем им понадобилось маскироваться. Никто не высказал вслух удивления, с чего вдруг их господин проявляет такой интерес к жалкому селению эта в провинции Хино. Никто не спросил, зачем ему понадобилось самому возглавить нападение. Они поняли все, что им требовалось понять: им надлежит войти в деревню и перебить там всех жителей. А потому они просто сказали «да, господин» и поклонились.

– Тогда приступаем.

Выхватив мечи, Хидё и с ним еще пятнадцать человек поскакали к деревне. Топот копыт должен был поднять с постели всех эта, кого еще не разбудил восход солнца. Некоторые уже выбрались из хибар, поглощенные первыми утренними хлопотами. Их зарубили сразу. Многих – несколько мгновений спустя, как только они переступили порог домишек. Добравшись до противоположного конца деревни, люди Хидё спешили и двинулись обратно, убивая всех, кто попадался им на пути. Прочие самураи пешими вступили в деревню с ближнего края либо рассеялись по окрестностям, дабы перехватить тех, кто попытается сбежать.

Гэндзи не колебался. Он шел вместе со своими людьми и убивал. Он убивал мужчин, которые пытались обороняться чем под руку попадалось, и мужчин, которые

убегали. Он входил в хижины и лишал жизни спящих детей, и матерей, закрывавших собою младенцев, и самих младенцев. Он смотрел в лица мертвецов и не видел того, что искал.

Возможно, Каваками солгал. И Гэндзи было больно оттого, что это повлекло за собою столько смертей; но он знал, что боль была бы куда сильнее, если бы Каваками сказал правду. Он уже начал надеяться на то, что обойдется меньшей болью, когда вошел в последнюю хижину.

В хижине находился Хидё. Он смотрел на женщину, в страхе цеплявшуюся за дочь. Сидевший между ними младенец радостно лепетал, не понимая, что творится вокруг. Перед женщинами, заслоняя их, стоял молодой мужчина с цепом в руках. Мужчина постарше, судя по всему отец семейства, уже лежал мертвым.

– Господин, – только и смог в ужасе произнести Хидё, глядя то на женщин, то на Гэндзи.

Гэндзи не смог заставить себя посмотреть на них. По взгляду Хидё он уже понял, что именно увидит. Он глянул на убитого. Действительно ли в очертаниях его рта чувствовалась решимость, столь присущая Хэйко? Во всяком случае, Гэндзи показалось, что так оно и было.

Он услышал, как еще кто-то вошел в хижину и резко остановился.

– Господин! – выдохнул Таро. В голосе его звучало потрясение.

Гэндзи не мог больше уклоняться от неизбежного. Он поднял глаза и взглянул на свое проклятие.

И тотчас рассмотрел в старшей женщине Хэйко – какой ее сделали бы годы и тяжкая жизнь изгоев; сходство было смутным, но несомненным. Молодая женщина явно приходилась ей дочерью. Ее юное миловидное лицо казалось грубым подобием той утонченной красоты, к которой так привык Гэндзи. Храбрый молодой мужчина с цепом, должно быть, являлся ее мужем, а младенец – их ребенком. Мать, сестра, племянник и зять Хэйко. И отец – на полу. Гэндзи уже знал, что где-то среди этой бойни обнаружатся еще и два ее брата.

– Господин... – снова повторил Таро.

– Не впускай больше никого в эту хижину, – распорядился Гэндзи.

– Слушаюсь, господин, – отозвался Таро.

Гэндзи услышал, как он вышел наружу.

– Можешь присоединиться к нему, – сказал Гэндзи.

– Я не оставлю вас одного, – ответил Хидё.

– Иди, – повторил Гэндзи.

Он не желал, чтобы Хидё стал свидетелем его преступления. Он предпочитал нести свой вечный позор в одиночку.

– Я не могу, господин, – сказал Хидё и одним внезапным движением зарубил юношу.

Прежде чем Гэндзи успел хотя бы шелохнуться, клинок Хидё молниеносным ударом обрушился на женщин и затем, задержавшись лишь на миг, перерезал горло малышу.

– Таро! – позвал Хидё.

Таро шагнул через порог.

– Да?

– Приведи князю Гэндзи его коня и поезжай вместе с ним к месту сбора. А я закончу тут все и приведу остальных.

– Будет исполнено, – поклонился Гаро.

– Нет.

Гэндзи стоял и смотрел, как Хидё рыщет среди трупов, вглядываясь в лица. Он указал на двух убитых мужчин. Гэндзи понял, что это, должно быть, братья Хэйко. Их тела оттащили в хижину, которую только что покинул Гэндзи, и подожгли. И лишь после того, как все убитые были пересчитаны, а деревня – предана огню, они уселись на коней и уехали.

Стала ли вина Гэндзи меньше оттого, что Хидё помешал ему собственноручно совершить убийство? Нет. Меч принадлежал Хидё, а намерения – Гэндзи. И чего же он добился? Живые доказательства уничтожены. Правда, это еще не гарантирует того, что тайна Хэйко навеки останется тайной. Ее могли знать другие люди, в других деревнях. Обойтись без убийства семьи было невозможно, но он не может перерезать столько народу, сколько нужно, чтобы навеки похоронить правду, – даже если под его мечом падет половина страны. До тех пор, пока Хэйко остается в Японии, ей угрожает опасность. Значит, она должна уехать. Правда не настигнет ее на другом берегу океана, а если и настигнет, это не будет иметь ни малейшего значения.

В Америке даже о самой Японии мало кто слышал – и уж вряд ли там хоть кто-нибудь знает об эта.

* * *

Гэндзи не отрицал, что ему будет не хватать Хэйко. Эмилия не могла понять, что выражает его лицо. Князь, конечно же, улыбался обычной своей небрежной улыбкой. Но что отражалось в его глазах? Печаль? Кажется, да.

Эмилия ощутила укол... чего? Неужто ревности? Здесь, в Японии, Хэйко была ее лучшим другом. Настоящим другом. И Эмилия знала, что тоже будет очень скучать по Хэйко. Но она понимала: останься Хэйко здесь, это еще больше усложнило бы ее и без того запутанные чувства. Даже простая, незамысловатая любовь – такая, как у Хидё с Ханako, – нелегка. А насколько же тяжелее все становится, если две женщины любят одного мужчину и при этом их самих связывает крепкая дружба... Нет, в их отношениях не было ни капли соперничества. Да и вряд ли Гэндзи или Хэйко знали о чувствах Эмилии. Здесь это никому бы и в голову не пришло. Ведь она – чужеземка, уродина, на которую и взглянуть-то без содрогания трудно. В нее никто не влюбится. Но сама она вольна отдать свое сердце, даже если об этом никто и не узнает. И этого довольно. Довольно ли? Или ей все-таки хочется, чтобы ее снова стали считать красавицей, как это было в Америке? Иногда Эмилии казалось, что она и вправду согласилась бы на это, несмотря на всю боль, сопряженную с проклятием красоты, – лишь бы только Гэндзи тоже думал, что она хороша собой.

– Ну откуда вы можете знать? – спросила Эмилия. – Счастье выпадает далеко не каждому.

– Просто мне так кажется.

– Кажется... Надеюсь, вы не станете утверждать, будто вам был сон касательно ее счастья?

– Нет. Я не буду больше видеть снов, во всяком случае тех, которые вы имеете в виду.

– В самом деле? – нетерпеливо спросила Эмилия.

Если Гэндзи и вправду отказался от претензий на пророческий дар, значит, он

сделал шаг навстречу спасению!

– Ну, разве что еще один, – сказал Гэндзи. – Можно? Вы разрешите?

Эмилия нахмурилась и отвела взгляд.

– Это совершенно никак не зависит от моего разрешения, князь Гэндзи, и вы сами прекрасно это понимаете. И пожалуйста, прекратите улыбаться. Я не нахожу в богохульстве ничего смешного.

Улыбаться Гэндзи не перестал. Но зато умолк, и через минуту Эмилия пожалела, что говорила с ним столь резко. Да, он до боли несерьезно относился к вопросам религии. Если все покровители христианства в Японии будут таким, как он, Истинное слово в самом ближайшем времени превратится в еще одну секту наподобие буддийских или синтоистских и не будет отличаться от них ничем, кроме внешних ритуалов. Это беспокоило Эмилию, но уже не настолько сильно, как следовало бы. Когда она думала о Гэндзи, религия отступала на второй план.

– Вы еще можете ее разглядеть? – спросил Гэндзи.

– Кажется, да, – ответила Эмилия. – Вон она.

Белая искорка на краю окоема. Парус на мачте «Вифлеемской звезды». А может, пенный гребень далекой волны.

Когда она влюбилась в него и почему? Неужто она не понимает, до чего это глупо и безнадежно? Ведь ничем хорошим это для нее не закончится!

– Мой господин. – Таро переступил порог комнаты и поклонился.

– Да?

– Вынужден с прискорбием сообщить вам о происшествии, случившемся сегодня в Иокогаме.

– Что за происшествие?

– Некоторые из людей князя Гэйхо позволили себе неучтивые замечания. Наши люди вынуждены были ответить.

– Замечаниями?

– Нет, господин. Мечами. Пятеро наших пострадали, но обошлось без серьезных ран.

– Так много? Неужто наше воинское искусство так истаяло за столь краткий срок?

– Нет, господин. – В первый раз за все время доклада на лице Таро промелькнуло довольное выражение. – Семеро вассалов князя Гэйхо вернулись к истоку, и еще столько же вскоре последуют за ними, по причине полученных ранений.

– Кто расследовал обстоятельства происшествия?

– Я, господин. Сразу же, по горячим следам.

– Так значит, – произнес Гэндзи, – ты был в Иокогаме, но прибыл слишком поздно и не успел предотвратить схватку.

– Нет, мой господин. – Таро низко поклонился. – Я уже находился там к моменту начала ссоры. Я лично нанес первый удар.

Гэндзи нахмурился:

– Мне неприятно это слышать. Ты знаешь, что сёгун не любит, когда беспорядки происходят на глазах у чужеземцев.

– Да, господин.

– Ты знаешь, что в Иокогаме много чужеземцев, и проживающих там, и приезжих.

– Да, господин.

– Ну так что?

– Прозвучали нестерпимые оскорбления. – Взгляд Таро метнулся к Эмилии. – Я полагаю, что действовал надлежащим образом.

– Ясно, – кивнул Гэндзи. – Да, я думаю, ты действовал правильно. Подробный отчет можешь предоставить попозже. А пока что поставь в известность господина Сэйки. Мы наверняка получим предостережение от сёгуна. Сэйки необходимо подготовить официальный письменный ответ.

– Слушаюсь, господин.

– Не забывай говорить громко и отчетливо. После взрыва в монастыре Мусиндо слух господина Сэйки уже не столь хорош, как прежде.

– Слушаюсь, господин. – Таро улыбнулся. – Хидё предлагает, чтобы мы поучились наряду с устными отчетами составлять еще и письменные.

– Прекрасно. Передай Хидё, что я поддерживаю его предложение. И спасибо за то, что ты вступился за честь госпожи.

– Не стоит благодарности, господин. – Таро поклонился Эмилии. – Ведь она исполнила пророчество.

Когда он ушел, Эмилия поинтересовалась:

– Почему он мне поклонился?

– А он кланялся?

– Да. Я видела.

– Наверное, он был рад вас видеть.

– Сомневаюсь, – сказала Эмилия. Интуиция подсказывала девушке, что речь шла о ней. Своего имени – Э-ме-ри – она не расслышала, но Таро во время разговора смотрел на нее, а Гэндзи, наоборот, чересчур старательно не смотрел. – Опять из-за меня произошли какие-то неприятности?

– Ну что вы. – Гэндзи обезоруживающе улыбнулся. – Вы ведь ничего не делали, верно?

– Уже само мое присутствие постоянно порождает неприятности.

– Не говорите глупостей, Эмилия. Это неправда, и вы сами это знаете.

– Пожалуйста, перестаньте. Я давно уже не маленькая, хоть вы, похоже, и считаете меня ребенком.

– Я вовсе не считаю вас ребенком.

– Я знаю, у вас не любят иностранцев, и эти настроения усиливаются. Я боюсь, что становлюсь для вас тяжелой обузой. Пожалуйста, скажите, что произошло?

Гэндзи взглянул на открытое, бесхитростное лицо девушки и вздохнул. Он давно уже обнаружил, что Эмилии очень трудно лгать – даже для ее же блага.

– Какие-то невежественные вассалы враждебно настроенного князя позволили себе грубые высказывания. Вспыхнула ссора. Некоторые из моих людей получили раны, но никто серьезно не пострадал, как сказал Таро.

– А что с вассалами другого князя?

– К вечеру их у него будет меньше, чем было утром.

– О нет! – Эмилия спрятала лицо в ладонях. – Я все равно что убила их собственноручно!

Гэндзи уселся на стул рядом с ней – на самый краешек, как он уже успел научиться. Он больше не откидывался на спинку, и его внутренние органы чувствовали себя гораздо лучше, оставаясь в естественном, предписанном природой положении. Гэндзи осторожно обнял девушку за плечи.

– Эмилия, вы слишком много на себя взваливаете.

Почувствовав его прикосновение, Эмилия расплакалась.

– Разве? Если б меня здесь не было, обо мне бы не говорили и вашим людям не пришлось бы вступать в поединки. Как же я могу поверить, что я ни в чем не виновата?

– Если бы вас здесь не было, мы нашли бы другие причины убивать друг друга. В точности как и всегда.

– Нет. Я не могу утешиться столь несерьезной отговоркой. – Сделав над собой усилие, Эмилия перестала плакать, хотя все еще продолжала вздрагивать. Она повернулась к Гэндзи. – Мне не следует оставаться рядом с вами.

Она знала, что это правда. Но до чего же ей не хотелось произносить эти слова!

Несколько мгновений Гэндзи задумчиво смотрел на нее. В конце концов он кивнул:

– Вы правы. Просто поразительно, до чего же я был слеп! Ведь выход настолько прост и очевиден! Чтобы избавить нас от кровопролития, вам нужно немедленно уехать. Не просто из дворца, не просто из Эдо – вообще из Японии. Если бы только я уразумел истину раньше, вы могли бы отплыть сегодня утром, на «Звезде», вместе с Хэйко и Мэтью. Ну да ладно. Я приготовлю все необходимое, чтобы вы могли отправиться с ближайшим же пароходом. Вы окажетесь в Гонолулу раньше их, подождете немного и уже вместе с ними поплывете в Сан-Франциско. И как только вы исчезнете, мы наконец-то обретем мир.

Он поднялся и стремительно двинулся к двери. И лишь на пороге развернулся и посмотрел на Эмилию. Она ошеломленно таращилась на князя. Гэндзи рассмеялся:

– Теперь вы видите, насколько несерьезны ваши доводы? Мы убивали друг друга еще за тысячу лет до вашего прибытия. За то, что кто-то наступил на чужую тень. За то, что кто-то сманил у другого гейшу. За то, что чей-то предок десять поколений назад предал другого предка. Не ссорься мы из-за цвета ваших глаз, мы бы с легкостью нашли другой повод для убийства. Уж вы мне поверьте.

Гэндзи надеялся успокоить Эмилию, но эти слова подействовали на девушку совершенно непредвиденным образом. Она растерянно заморгала, а потом вдруг разрыдалась – столь жалобно, что прежние слезы и в сравнение с нынешними не шли.

– Эмилия...

Гэндзи снова уселся рядом с девушкой, осторожно взял ее за подбородок и попытался повернуть лицом к себе. Эмилия, всхлипывая, отвернулась.

– Эмилия, простите меня, если я сказал что-то не то. Я просто хотел при помощи преувеличения показать вам, что ваш отъезд ровно ничего не решит и ничем нам не поможет.

– Я была так счастлива здесь... – сквозь плач произнесла Эмилия.

– Странно. А по вашему виду я бы и не сказал...

– Господин, – донесся от двери голос Ханako.

– А, Ханako! Входи. Я, право, в замешательстве.

Услышав имя Ханako, Эмилия подняла голову, а потом подбежала к служанке и со слезами уцепилась за нее. Гэндзи шагнул было к ним, но Ханako покачала головой.

– Я о ней позабочусь, – сказала Ханako и вывела плачущую девушку.

А Гэндзи остался стоять, ничего не соображая. Понять все это было не просто трудно, а невозможно. Гэндзи уселся на стул, тут же вскочил, прошел к окну, выглянул, не осознавая, на что смотрит, и уселся на подушку на полу. Быть может, медитация поможет ему обрести ясность? Но как он ни старался, ему не удавалось

избавиться от одолевавшей его мешанины мыслей. У него не получилось даже как следует расслабить мышцы. Где уж тут надеяться прояснить сознание, если он даже собственное тело толком не контролирует? Так что от этой надежды Гэндзи пришлось отказаться. Но что же ему делать дальше?

Когда Хэйко впервые предположила – каким нелепым тогда казалось это предположение! – что Эмилия может стать матерью его ребенка, Гэндзи подумал, что его чувства станут непреодолимым препятствием. Точнее, отсутствие этих самых чувств. Мужчине вовсе не обязательно любить женщину, чтобы зачать с нею ребенка. Однако плотское влечение необходимо. А вот его-то и не было.

А потом вдруг оно появилось, совершенно неизъяснимым образом.

Нет, он не начал воспринимать ее внешний облик иначе. Да и как? В ней было слишком много несуразного: чересчур большая для правильного эстетического баланса грудь, ненормально узкая талия – как только потоки ци вообще проходят через среднюю часть тела? – неестественно короткое туловище и длинные ноги, несоразмерно широкие бедра и круглые, выступающие соски. Он просто представить не мог это тело с причудливо искаженными пропорциями облаченным в кимоно. Но даже если бы и удалось как-нибудь смягчить и сгладить все излишние округлости – какой цвет, какой узор способен хотя бы чуть-чуть отвлечь внимание от ее кошмарных золотистых волос? Нет, ни о каком изяществе тут не может быть и речи.

А если продолжать перечислять недостатки Эмилии, придется вспомнить еще и о ее росте. Хэйко была ему по плечо – подобное соотношение считалось идеальным для женщины. А Эмилия ростом почти не уступала самому Гэндзи. И когда она смотрела на него, то не снизу вверх. Ее голубые глаза, от которых голова шла кругом, были на уровне его глаз.

И все же с каждым днем Гэндзи желал ее все сильнее и сильнее. Не благодаря ее телесным достоинствам – в конце концов, он еще не выжил из ума, – но вопреки им. Ее душа была столь открыта, столь радостно видела хорошее в окружающих, не замечая дурного, столь невинна, беззащитна и бесхитростна, что сердце Гэндзи невольно распахнулось ей навстречу. С Эмилией он мог позабыть обо всех условностях и не держаться постоянно настороже. Он мог быть самим собой и говорить, как и Эмилия, все, что придет на ум. Он желал Эмилию, потому что любил ее суть, невзирая на ее внешность. Он любил ее за то, что и сам становился иным рядом с ней.

Он любил ее.

Когда он осознал это, то был потрясен. Как такое могло произойти? Пророчество должно было предупредить его. Он должен был почувствовать приближение этого чувства – но не сумел. И даже теперь, оглядываясь назад, он не смог бы сказать, где и в какой миг оно зародилось и что послужило толчком.

Но даже после того, как Гэндзи признал невозможное свершившимся, он продолжал надеяться на то, что Хэйко неверно истолковала видение. Как бы он ни относился к Эмилии, она-то явно его не желает. Она – христианка и всецело предана намерению нести свет своей веры. Одно препятствие исчезло, но сохранилось другое, не менее существенное.

То есть так он считал. А потом перестал. Эмилия не могла долго скрывать свои чувства – просто не умела. Трехлетний ребенок, и тот притворялся бы лучше ее. Последней надеждой Гэндзи оставался Старк. После кончины прежнего жениха Эмилии, преподобного Кромвеля, вроде бы предполагалось, что теперь ее мужем

станет Старк. Но и эта надежда улетучилась. Старк не женился на Эмили. Он помог построить дом миссии и вознамерился вернуться в Америку. Дзимбо, которого он знал под именем Итана Круза, был мертв. И Старка ничто более не привлекало в Японии. На самом деле он и так задержался здесь на несколько лишних месяцев, ведь особенных причин торопиться обратно в Америку тоже не имелось. Однако он все-таки решил уехать. И вот сегодня утром наконец отбыл.

Теперь Эмилию и Гэндзи отделяло друг от друга лишь его самообладание и то, что она не знала о его чувствах. И на Эмилию вполне можно было полагаться и дальше. Она чересчур скромна, чтобы заподозрить, как он к ней относится на самом деле. В себе Гэндзи тоже не сомневался, но совершенно в другом смысле. Он знал, что его решимость в конечном счете ослабеет, а после этого и Эмилия долго не продержится. Он знал это, поскольку наконец уразумел смысл первого видения.

До того он еще мог рассчитывать на то, что между ним и Эмилией ничего не произойдет. Ведь в противном случае придется признать, что второе видение сулит ей смерть в родах. Если их любовь станет взаимной, этот исход сделается неизбежным. Но не может ведь жизнь быть настолько жестокой!

Однако теперь Гэндзи знал: может. Он понял, кто такая госпожа Сидзукэ, и понял не благодаря видению, но благодаря озарению: все обрывки вдруг сложились в одну предельно ясную картину. И Гэндзи понял: трагический конец неминуем.

На пороге появилась Ханako.

– Мой господин...

– Как там она?

– Ей уже намного лучше.

– Она присоединится ко мне?

– Я думаю, мой господин, было бы лучше, если бы вы пришли к ней.

– Хорошо.

Ханako провела Гэндзи к комнате Эмили. Ей явно хотелось что-то сказать, но она* ждала дозволения князя. Гэндзи решил предоставить ей такую возможность.

– Что ты посоветуешь? – спросил он.

– Я не смею давать вам советы, господин.

– Само собой. Женщины никогда не смели давать мне советы.

Увидев, что Гэндзи улыбается, Ханako улыбнулась в ответ и поклонилась:

– Она принимает этот свой замысел очень близко к сердцу. Хорошо бы было, если б вы похвалили ее старания, пусть даже результат еще далек от совершенства.

– Я уверен, что результаты достойны всяческих похвал.

– Перевод – чрезвычайно сложное искусство, – сказала Ханako. – Я не понимала, насколько это трудно, пока не начала помогать Хэйко в воскресной школе госпожи Эмили. Наши языки так сильно отличаются друг от друга! И даже не словами, а самими мыслями...

– Всякое общение требует перевода, даже если люди говорят на одном языке, – заметил Гэндзи. – В конечном счете, нужно, чтоб сердца наши слышали то, чего не выразить словами.

* * *

– Я записала даты по европейскому летоисчислению, – сказала Эмилия. Глаза ее оставались припухшими и покрасневшими, но она снова улыбалась, и в голосе

девушки звучало свойственное ей воодушевление. – Если западный читатель прочтет: «Седьмой год правления императора Готобэ», он попросту не поймет, когда же это было. Если же мы вместо этого напишем «1291 год», наш читатель сразу сообразит, что это происходило в те времена, когда последние государства крестоносцев в Святой земле пали под натиском сарацинов. Как вы думаете, это правильно?

– Да, мне кажется, это неплохое решение.

– Здесь столько материала! – пожаловалась Эмилия. – Надеюсь, я отнимаю у вас не слишком много времени, когда прошу сделать мне начальный перевод с японского?

– Я с удовольствием буду вам помогать.

Гэндзи сел рядом с девушкой и, дождавшись, пока Эмилия наконец взглянет на него, улыбнулся. Эмилия застенчиво улыбнулась в ответ и тут же вернулась к разложенным на столе листам бумаги. Гэндзи очень хотелось ее обнять, но он сдержался.

– Единственное, в чем я не уверена, так это в заглавии.

– Эмилия.

– Что?

– Мне очень жаль, что я вас огорчил.

– Ничего, пустое. – Эмилия успокаивающе коснулась его руки. – Я сама во всем виновата. Нельзя быть такой чувствительной. Ведь вы на самом деле ничего такого не сказали. Одну лишь правду.

– Я иногда шучу не вовремя. Есть вещи, над которыми не следует смеяться.

– Да, – произнесла Эмилия, потупившись. – Есть.

Она попыталась забрать руку, но Гэндзи ее не отпустил.

– Мы с вами друзья, – сказал он. – Мы иногда не понимаем друг друга, как это бывает со всеми. Но мы не допустим, чтобы эти недоразумения встали между нами. Согласны?

Эмилия посмотрела на их соединенные руки и лишь после этого подняла взгляд.

– Согласна.

– Ну тогда покажите мне, что вы успели сделать.

Эмилия подвинула к нему исписанные листы.

– Я пока что оставила японский заголовок. А потом, если мы вдруг передумаем, можно будет заменить его английским.

– Хорошо, – кивнул Гэндзи.

Он знал, что много лет спустя, когда перевод будет завершен, заголовок книги и вправду будет изменен на английский – поскольку это будет последним его словом: «английский».

* * *

Меч вошел в живот Гэндзи, и все вокруг затянуло белой пеленой. Когда он открыл глаза, на него с тревогой смотрели какие-то люди.

А потом появилась госпожа Сидзукэ. Не обращая внимания на кровь, она обняла Гэндзи и прижала к груди. Слезы струились по ее щекам и капали на лицо Гэндзи. Несколько мгновений их сердца бились в унисон.

– Ты всегда будешь моим Блистательным Принцем, – сказала она и улыбнулась ему сквозь слезы. – Сегодня утром я закончила перевод. Я только не знаю, что лучше: оставить японское название или все-таки перевести заголовок на английский. Как ты

думаешь?

Гэндзи видел, что ее красота не вполне японская. Глаза у нее были светло-карими, а не черными, а волосы – каштановыми. И черты лица более резкие. Но и не совсем такие, как у чужеземцев. В ней было больше от матери, чем от отца, но все-таки и отцовская кровь тоже чувствовалась – особенно в этой легкой улыбке, не покидающей губ.

– Английский, – сказал Гэндзи.

– Хорошо, пусть будет английский, – согласилась госпожа Сидзукэ. И снова улыбнулась сквозь слезы. – Это вызовет еще один скандал. Люди будут говорить: «Опять этот Гэндзи и эта его ужасная Сидзукэ!» Но нам до этого нет никакого дела, ведь правда?

Губы ее дрожали, но она продолжала улыбаться. На миг ей даже удалось сдержать слезы.

– Она так гордилась бы нами! – сказала госпожа Сидзукэ.

«Да, – хотел сказать Гэндзи. – Она гордилась бы тобой, так же, как горжусь я». Но у него пропал голос.

Что-то блестело у нее на шее. Серебряный медальон Эмилии, с изображением креста и французской королевской лилии.

Гэндзи перевел взгляд с медальона на Сидзукэ. И прекрасное лицо его дочери стало последним, что он видел в жизни.

* * *

– Вы сделаете прекрасный перевод, – сказал Гэндзи.

– Вы так считаете? – Эмилия зарделась от радости. – Но это будет не мой перевод, а наш общий. Вы тоже должны поставить под ним свое имя.

– Вы можете написать, что я вас консультировал. Этого будет довольно. Истинный переводчик – вы.

– Но, Гэндзи...

– Я настаиваю.

Эмилия вздохнула. Она уже знала, что, когда Гэндзи уперся, спорить с ним бесполезно. Ну, может, она еще уговорит его – потом, попозже.

– Я хочу взяться за следующую часть.

– Довольно на сегодня, – возразил Гэндзи. – Вы все равно не сможете единым махом перевести запечатленную на бумаге мудрость и безумие шести столетий. Нынче чудесный день. Давайте оставим все это и поедем любоваться на журавлей в зимнем оперении.

Эмилия рассмеялась – по-детски радостно.

Гэндзи понял, что навеки сохранит в душе этот смех – хрупкое, недолговечное сокровище.

– Замечательная идея, – сказала Эмилия, встала из-за стола и взяла Гэндзи за руку.

– Возможно, пойдет снег, – заметил Гэндзи.

– Гэндзи! – предостерегающе воскликнула Эмилия.

Но вместе с его именем на губах ее появилась улыбка.

Глава 18 «ВИФЛЕЕМСКАЯ ЗВЕЗДА»

Вот твой катана.

Чтоб сделать его, сталь погружали в огонь и проковывали раз за разом, пока двадцать тысяч слоев очищенного металла не слились в один. Лишь одна из шести заготовок, вошедших в пламя, становится клинком.

Обдумай это со всем тщанием. Постигни разницу между определением и метафорой и пойми их пределы. Лишь после этого ты достоин будешь пустить это оружие в ход, когда пойдет речь о жизни и смерти.

Судзумэ-нокумо (1434)

Эдо скрылся за горизонтом, а затем исчезли и горные вершины, и сама Япония. «Вифлеемская звезда» плыла на восток, к далеким берегам Америки.

Старк стоял у перил, неподалеку от кормы. Он неспешно вынул свой «смит-и-вессон» из-за пояса и бросил его за борт. Затем, двигаясь еще медленнее, извлек из кобуры кольт армейской модели, взял в руки и долго на него смотрел. Потом открыл барабан, извлек патроны, на миг зажал в кулаке. Разжал ладонь – патроны посыпались в воду. Они были такими маленькими, что всплеск оказался почти неслышным. За патронами последовал барабан; за ним – все остальное. Последней полетела отстегнутая кобура.

Старк остался стоять у перил – неподвижно и очень тихо.

Он невольно прошептал: «Мэри Энн...»

И заплакал, сам того не замечая.

* * *

Хэйко смотрела на бескрайний морской простор. Как она будет жить в этой варварской стране, что ждет ее впереди? Она богата – Гэндзи доверил ей целое состояние в золотых слитках. Ее опекает Мэтью Старк, на которого Хэйко вполне полагалась – и как на друга, и как на опытного воина. Но она потеряла Гэндзи. Потеряла навсегда. Она знала это.

Его прощальные слова были ложью. Гэндзи сказал, что узрел в видении, будто ему суждено стать последним князем Акаоки. У него не будет наследника. Через каких-нибудь несколько лет не станет ни самураев, ни сёгуна, ни князей, ни самостоятельных княжеств. Цивилизация, насчитывающая два тысячелетия, исчезнет буквально за ночь. Так сказал Гэндзи. Возможно, все это тоже было ложью. По крайней мере, на то было похоже. Но Хэйко это не волновало. Для нее важна была одна-единственная ложь. Гэндзи солгал, когда сказал, что присоединится к ней.

Хэйко знала это, ибо в двух своих видениях Гэндзи видел иное.

В первом он встретил загадочную госпожу Сидзукэ. Кто бы она ни была, она явно происходила не из Америки. Значит, Гэндзи встретит ее в Японии. Во втором его жена, наложница или любовница – Гэндзи не видел ее, так что это может оказаться Эмилия, Сидзукэ или еще какая-то женщина – умерла родами, едва лишь успев произвести на свет его наследника. Гэндзи ни за что не допустит, чтобы его ребенок провел детские годы вдали от родного княжества.

Он солгал, и Хэйко до сих пор не понимала – почему?

Гэндзи обрек Хэйко на жизнь в стране, в которой Эмилия считалась красавицей. И если что-то можно было сказать о такой стране наверняка, то лишь одно: она, Хэйко, будет считаться там уродливой и отвратительной. Ее прославленная красота более ей не пригодится. Люди будут отворачиваться от нее. Ее станут презирать. Насмехаться над нею.

Ей не придется ждать, пока время уничтожит ее красоту. Она уже распростилась с ней в двадцать лет, оставив ее в стране, что ныне скрылась за горизонтом.

Но Хэйко не плакала.

Она не поддастся страху, отчаянию или слабости.

Как бы там ни было, она – ниндзя из славного рода Кумэ Медведя, ее дяди, величайшего ниндзя последнего столетия. И если когда-нибудь она вдруг усомнится в себе, ей нужно лишь ощутить кровь, текущую в ее жилах, – и к ней снова вернется уверенность в собственных силах. Нет, она не станет рыдать, словно обычная гейша, которую покинул возлюбленный! У нее есть задание, полученное от ее господина, Окумити-но-ками Гэндзи, КНЯЗЯ Акаоки, прекрасного лжеца, который наверняка в один прекрасный день станет сёгуном.

Она не будет размышлять о своем несчастье.

Хэйко огляделась, выискивая Старка. Им многое нужно обсудить. Прежде всего, следует обеспечить сохранность золота. Маловероятно, конечно, чтобы на миссионерском корабле кто-либо попытался его похитить, но им нужно быть предельно бдительными.

Старк стоял у кормы, у самых поручней. Он был недвижим. Когда Хэйко приблизилась к нему, его плечи вдруг задрожали; Старк упал на колени и завыл, словно смертельно раненный зверь.

Хэйко опустилась на палубу рядом с ним. Если она притронется к нему, не попытается ли он ее ударить? А если попытается, что ей тогда делать? Нет, она не будет бояться. Она плывет в неведомую страну, не зная собственного пути. Должно быть, он начался в этот самый миг.

Хэйко извлекла из-за пазухи белый шарф из лучшего шелка, ненадушенный, но впитавший запах ее тела, и протянула руку, чтобы вытереть слезы Старка.

Старк не стал драться. Когда шелк коснулся его лица и осушил слезы, Старк всхлипнул в последний раз, прикоснулся к руке Хэйко – так мягко, что она едва ощутила это прикосновение, – и сказал:

– Спасибо.

Хэйко поклонилась и хотела было сказать что-нибудь вежливое. Но подходящие слова не шли ей на ум. Вместо этого, когда она взглянула на его беззащитное, открытое лицо, из глаз ее тоже потекли слезы, хоть губы и сложились в успокаивающую улыбку.

Теперь уже Старк потянулся к ней. И первая слезинка, сорвавшаяся со щеки Хэйко, упала ему на руку.

И заблестела у него на ладони, словно маленький бриллиант.

* * *

А «Вифлеемская звезда» плыла, и Старк сказал: «Спасибо», и шелковый шарф в шелковистой руке Хэйко осушил его слезы, пока ее слезы катились по улыбающемуся лицу. И «Вифлеемская звезда» плыла.

Часть VI ВОРОБЬИНАЯ ТУЧА

«СУДЗУМЭ-НОКУМО»

Свиток первый

Переведено с японского Эмилией Гибсон при помощи Гэндзи Окумити, даймё Акаоки, в год 1861-й от Рождества Христова.

В конце лета 1291 года мой дед, отец и старшие братья погибли в битве у мыса Мурото вместе с самыми доблестными нашими вассалами. Так я, Хиронобу, стал правителем Акаоки в возрасте шести лет и одиннадцати дней.

Когда победоносная армия Ходзё приблизилась, моя мать, госпожа Киёми, помогла мне подготовиться к ритуальному самоубийству. Для этого избрали берег ручья, что тек мимо нашего замка, но сильно обмелел по случаю зимы. Я облачился с ног до головы в белое. На голубом небе не было ни облачка.

Мой телохранитель Го стоял рядом со мной с воздетым мечом. Он должен был отрубить мне голову, как только я всажу нож себе в живот. Но в тот миг, когда я уже готов был проделать это, над сухим руслом вдруг взлетели воробьи – сотни сотен воробьев. Их оказалось столь много, что они накрыли нас тенью, словно туча.

Десятилетний конюх Синити, товарищ моих детских игр, вскричал:

– Остановитесь! Это знамение! Господин Хиронобу не должен умирать!

Го, плача, упал на колени рядом со мной и произнес:

– Мой господин, вы должны вести нас в битву! Этого требуют боги!

Он не объяснил, почему истолковал это знамение именно так. Но мои вассалы – они тоже прослезились – поддержали Го:

– Ведите нас в бой! Мы умрем лицом к врагу, как и подобает истинным воинам!

– Никто не сравнится с конниками клана Окумити! Мы разобьем их!

Вот так и случилось, что в тот самый день я повел оставшихся самураев нашего клана – а было их сто двадцать один – против пятитысячной армии Ходзё.

Моя мать, улыбаясь сквозь слезы, пожелала мне счастливого пути и сказала:

– Когда ты вернешься, пусть на мече твоём будет кровь наших самонадеянных врагов.

Старшим из моих вассалов был Рёдзи. Он хотел, чтобы завтра утром, на рассвете, мы атаковали боевой строй наших врагов. Нам предстояло пересечь открытое поле под

градом стрел, схватиться с конниками, вдесятеро превышающими нас численностью, а потом встретиться с копьями и пиками трех тысяч пехотинцев. И лишь пробившись через их ряды, мы получили бы возможность атаковать и убить трусливых командиров Ходзё.

Я сказал:

– Сегодня враги заночуют в лесу Мурото. Это место, полное призраков, всегда пугало меня. Возможно, оно напугает и их.

Го потрясенно уставился на меня.

– Молодой господин дал нам ключ к победе! – сказал он.

Мы спрятались в тени. Враги были уверены в себе; они уже считали себя победителями, а потому пили и пировали всю ночь напролет. А в самый темный час перед рассветом, когда врагов наших сморил пьяный сон, мы тайком пробрались в их лагерь, вошли в шатры военачальников и быстро обезглавили их.

А потом мы выпустили в середину пьяной толпы горящие стрелы, стена и завывая при этом, словно призраки, явившиеся из страны мертвых.

Враги помчались за приказами – и увидели, что головы их командиров насажены на окровавленные рукояти их собственных мечей; мы воткнули мечи в землю, предварительно сломав клинки.

Тогда вражеская армия впала в панику и, превратившись в толпу, бросилась наутек. Но на берегу их сотнями били наши лучники. А в лесах, которые мы столь хорошо знали, наши мечи тысячами снимали вражеские головы с плеч. По милости судьбы в то утро с океана пришел густой туман и навел на врагов еще большее смятение и страх. На следующий вечер, покидая лес Мурото, мы оставили позади три тысячи сто шестьдесят вражеских голов; они свисали с копий, словно перезревшие плоды, или болтались на хвостах и гривах обезумевших от запаха крови лошадей. В тот день на побережье обрушился шторм, и на волнах покачивались мертвые тела.

Следующей весной господин Бэндэн и господин Хикари, правители двух ближайших владений, согласились выступить вместе с нами против наших общих врагов. Наше войско состояло из трех тысяч самураев и семи тысяч пехотинцев. На нашем знамени изображен был воробей, уворачивающийся от стрел, что летели в него с четырех сторон.

Когда наше войско проходило мимо леса Мурото, над местом прошлогодней бойни взметнулась туча воробьев. Господин Бэндэн и господин Хикари тут же спешили и преклонили колени у копыт моего коня. Это второе знамение побудило их признать меня своим господином и повелителем. Вот так я, Окумити-но-ками Хиронобу, был возведен в княжеское достоинство. Мне тогда еще не успело исполниться семи лет.

Так началось возвышение нашего клана, Окумити, и нашего родового владения, Акаоки.

Те, кто придет за мною следом, – внимательно изучайте тайные свитки нашего клана, слова мудрости, истории и пророчеств, записанные кровью ваших предков. С должным радением продолжайте начатое мною.

Пусть все боги и будды десяти тысяч небес улыбаются тем, кто укрепляет наше княжество!

Пусть все призраки и демоны десяти тысяч преисподен вечно преследуют тех, кто не сумеет поддерживать нашу честь на должной высоте!